Н. А. ЛАППО - ДАНИЛЕВСКАЯ.

РАЗВАЛЪ

1916 - 17 г.

съ портретомъ автора

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГЛАГОЛЪ»

1921.

Н. А. ЛАППО - ДАНИЛЕВСКАЯ.

РАЗВАЛЪ

1916 - 17 г.

съ портретомъ автора

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГЛАГОЛЪ»
1921.

Н. А. Лаппо-Данилевская

Предисловіе.

Трудъ этотъ начатъ мною въ 1917 году.

Послѣднія главы III части дописываются сейчасъ за границей. Все остальное создавалось изо дня въ день въ Совѣтской Россіи вплоть до декабря 1920 года.

Этотъ романъ-хроника изображаетъ подлинныя переживанія Россіи. Кромѣ романтической фабулы въ ней нѣтъ ни слова вымысла.

Я была свидѣтельницей или участницей всего изложеннаго, включая и событій на фронтѣ, гдѣ я провела три мѣсяца въ 1917 году.

Воля Провидѣнія оберегала мой трудъ и въ тюрьмѣ, и во время обысковъ, и въ ночь, когда я перебиралась черезъ границу.

Судъ исторіи произнесетъ свое послѣднее слово о пережитомъ за эти годы Россіей, я же стремлюсь лишь къ тому, чтобы безпристрастно, какъ въ зеркалѣ, отразить событія и переживанія послѣднихъ четырехъ лѣтъ.

Берлинъ, 3-го Апрѣля 1921 г.

Тебѣ — обливаемая кровью и слезами Россія, я благоговѣйно посвѣщаю этотъ трудъ.

РАЗВАЛЪ.

...Non l'avenir n'est à personne sire,
l'avenir est à Dieu...

Victor Hugo.

I.

— Отгадай, мой другъ, съ кѣмъ я вчера завтракалъ?

— Право не знаю. Изъ нашего министерства?

— О, нѣтъ. Ничего общаго... Я завтракалъ съ женщиной.

— Съ Зиной Мансуровой?

— Нѣтъ. Ты не отгадаешь, хотя бы три дня думалъ. Закажемъ бутылку хорошаго краснаго et je te promets une histoire très rigolo, — потирая выхоленныя, какъ у женщины, руки и привычнымъ взглядомъ каждодневнаго посѣтителя осматривая залъ ресторана — обычное мѣсто, гдѣ собиралась къ завтраку холостая компанія служащихъ министерства иностранныхъ дѣлъ, — говорилъ высокій, стройный, съ сѣдѣющими висками, извѣстный своей блестящей дипломатической карьерой и красотой, влюбленный въ себя, въ каждый свой жестъ, — Сандро Валинскій.

Въ его темныхъ, влажныхъ глазахъ, окаймленныхъ правильной дугой черныхъ бровей, играли искорки веселаго сарказма и въ то же время взглядъ ихъ, по всегдашней привычкѣ, ласкалъ всякаго, на кого бы онъ ни падалъ. Въ манерѣ говорить, двигаться, улы-

баться, жестикулировать, даже спорить чувствовалась привычка ласково доминировать, влюблять въ себя, привычка избалованнаго жизнью и любовью человѣка.

— Ты меня интригуешь.

— Да, да. И при томъ мы говорили о тебѣ. Валинскій засмѣялся, еще разъ потеръ руки, посмотрѣлъ на розовые отполированные ногти, придвинулъ ближе приборъ съ туго накрахмаленной салфеткой, бросилъ взглядъ на меню завтрака и опять тихо разсмѣялся:

— Mon vieux, tu fais des ravages!

— Ничего не понимаю! — князь Сергѣй Владимировичъ Суровъ удивленно пожалъ плечами. Онъ былъ средняго роста, худощавъ, съ очень блестящими черными глазами на сильно загорѣвшемъ выразительномъ лицѣ монгольскаго типа. Насколько его пріятель былъ аффектированъ въ строго выдержанномъ стилѣ блестящаго красавца — дипломата, настолько князь Суровъ былъ искрененъ, съ пріятной располагающей простотой врожденнаго барства. Его нельзя было назвать красивымъ, онъ могъ быть незамѣтнымъ въ толпѣ, но съ первыхъ же звуковъ его картавящаго, съ природнымъ пафосомъ, голоса онъ заинтересовывалъ и притягивалъ къ себѣ вниманіе.

Валинскій, старше его лѣтъ на десять, былъ его товарищемъ не только по дипломатическому корпусу, но друженъ съ давнихъ поръ, когда юнымъ лицеистомъ бывалъ въ ихъ домѣ и считалъ себя влюбленнымъ въ старшую сестру князя Сергѣя. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, развернувшихъ пестрый клубокъ политическихъ и любовныхъ событій въ жизни красиваго

дипломата, умѣвшаго использовать и то, и другое. Къ князю Сурову онъ относился съ хорошимъ чувствомъ добраго друга, хотя въ его отношеніяхъ проскальзывалъ нѣкоторый оттѣнокъ снисходительнаго покровительства. Насколько вся жизнь Валинскаго съ юныхъ лѣтъ была пропитана любовнымъ угаромъ, настолько въ этой атмосферѣ князь Сергѣй могъ считать себя обойденнымъ судьбой: женщинамъ онъ нравился мало до тѣхъ поръ, пока, послѣ одного крайне неудачнаго увлеченія, въ которое онъ вложилъ всю душу, израненный и оскорбленный, съ холодомъ въ сердцѣ, онъ, наконецъ, рѣшилъ навсегда отдалиться отъ женщинъ, замкнувшись въ себѣ и посвятивъ всего себя исключительно карьерѣ. Прошло немного лѣтъ, и остатокъ холодной сдержанности и отчужденности въ отношеніяхъ къ женщинамъ сдѣлали князя интереснымъ настолько, что женщины первыя дѣлали къ нему шагъ. Внутренно князь съеживался, дѣлался еще болѣе замкнутымъ и холоднымъ и мысленно высмѣивалъ тѣ чувства, передъ которыми падалъ ницъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Валинскій, привыкшій къ беззаботной откровенности съ княземъ Суровымъ, посвящалъ его во всѣ подробности своихъ неисчерпаемо-разнообразныхъ романовъ. Князь, охотно слушая эти пестрыя повѣствованія, иногда въ глубинѣ души ощущалъ что-то похожее на горечь, что жизнь его сердца была, въ противоположность жизни друга, такъ скудна радостями любви.

Валинскій настолько привыкъ чувствовать свое превосходство надъ княземъ, что ему казалось недопустимымъ со стороны женщинъ никакое очень серьезное увлеченіе его другомъ,

— Итакъ, женщина, съ которой я вчера завтракалъ все время говорила только о тебѣ... Ты еще не догадался?

— Нѣтъ...

— У нея прекрасныя волосы цвѣта коричневой бронзы...

— Какъ?!... Спутница въ вагонѣ?!... Какимъ образомъ вы познакомились?

— Самымъ оригинальнымъ, чтобы не сказать эксцентричнымъ. Долженъ тебѣ сказать, qu'elle est très emballée. Какъ это могло случиться въ такой короткій срокъ? Un coup de foudre, quoi? Я пораженъ. Ты упомянулъ о ней вскользь; или ты хранишь въ тайнѣ свои побѣды?—Валинскій улыбнулся, и въ прищуренныхъ глазахъ, устремленныхъ на князя, мелькнула ласковая, покровительственная насмѣшка.

— Все это пустяки. Какое тамъ coup de foudre! Проще—coup de sang.

— Не похоже. Чтобы рѣшиться на такіе разговоры съ незнакомымъ человѣкомъ —надо потерять равновѣсіе... Ты пьешь это вино? Ну прекрасно,—прервалъ себя Валинскій, наполняя оба стакана краснымъ виномъ.— Недурное. A propos: ты привезъ оттуда хорошаго кахетинскаго?

— Мнѣ пришлютъ. Обѣщали непремѣнно.

— Итакъ, представь себѣ, что вчера въ одиннадцать часовъ утра раздается телефонъ, и я слышу незнакомый женскій голосъ, выражающій настойчивую просьбу поговорить со мною на нейтральной почвѣ. Какъ тебѣ извѣстно, я терпѣть не могу мистификацій и потому рѣшительно уклонялся до тѣхъ поръ, пока

она ми назвала мнѣ тебя, прибавивъ, что отъ тебя знаетъ о нашей давнишней дружбѣ. Въ концѣ концовъ было рѣшено, что мы сойдемся въ ресторанѣ Европейской гостинницы. Я былъ слегка заинтригованъ. Ровно въ часъ по ступенямъ ресторана нерѣшительнымъ шагомъ поднималась дама въ собольей, какъ было условлено, пелеринкѣ. Я подошелъ къ ней, и мы сѣли за столикъ. Проговорили мы съ ней цѣлый часъ. Она умна, экспансивна, быть можетъ даже слишкомъ, оригинальна, влюблена въ тебя; какъ я понялъ, влюблена безнадежно, не хочетъ помириться съ этой участью и обращается ко мнѣ, какъ къ твоему другу, хорошо знающему того, кого она, увы, знаетъ такъ мало, съ просьбой, чтобы я объяснилъ ей, что ты за типъ и помогъ бы ей разлюбить тебя или...

Князь Суровъ разразился звонкимъ, захлебывающимся смѣхомъ:

— Этого я не ожидалъ... Что за комедія! Нашла къ кому обращаться! И пришла же въ голову такая штука!... Честное слово, только женщина способна на такую ерунду...

— Какой ты, однако, жестокій...—запивая виномъ послѣдній кусокъ ростбифа, шутливо произнесъ Валинскій.—У нея пылали глаза, она кусала губы отъ волненья, а ты смѣешься...

— Что-жъ ты ей посовѣтовалъ?

— Я посовѣтовалъ ей, во-первыхъ, не придавать серьезнаго значенія мимолетной встрѣчѣ въ поѣздѣ и тѣмъ легкомысленнымъ словамъ, что ты могъ случайно обронить, а во-вторыхъ, для полнаго излѣченія, посовѣтовалъ ей пригласить тебя къ себѣ вечеромъ, по-

позже, при чемъ обѣщалъ по мѣрѣ силъ повліять на тебя въ томъ смыслѣ, чтобы ея приглашеніе было принято... вполнѣ. — Насмѣшливо-циничная улыбка скользнула по еще свѣжимъ губамъ дипломата.

— И она на это согласилась?

— Что за вопросъ?!... Я старался говорить такъ, чтобы не ставить ее въ роль просительницы. Я только угадывалъ то, что она не рѣшалась высказать. ...Словомъ, роль свою я кажется выполнилъ и теперь умываю руки. Однако позволь мнѣ, какъ старому испытанному въ подобныхъ исторіяхъ...

— Дипломату... — подсказалъ улыбаясь князь Сергѣй.

— Именно—дипломату,—сдѣлать тебѣ маленькое замѣчаніе.

— Пожалуйста.

— Ты былъ въ пути съ ней трое сутокъ?

— Да.

— Такъ надо было послѣднюю главу закончить въ пути же. Ты видѣлъ, что она не равнодушна къ тебѣ?

— Я предполагалъ...

— Кто же не пожелалъ: ты или она?

— Она.

— А-а-а! А теперь она желаетъ?

— Очевидно.

— Въ такомъ случаѣ картина мѣняется, и я былъ бы на сторожѣ. Что взбрело ей въ голову, мы не знаемъ, тѣмъ болѣе, что я склоненъ думать, что она дѣйствительно умна. Легкіе желѣзнодорожные эпизоды— это очень мило, очень интимно и пріятно, какъ воспоминаніе, но вулканическія страсти, рожденныя въ ва-

гонѣ — это абсолютно неумѣстно и нежелательно. Ты со мной согласенъ?

— Вполнѣ... Я увѣренъ, что вся эта исторія — мыльный пузырь.

— Однако, она чего-то добивается отъ тебя.

Князь съ легкимъ пренебреженіемъ пожалъ плечами:

— Артистическая взбалмошность или кокетство.

— Она что же: пѣвица? Актриса?

— Художница—Вероника Кампіони.

— Эта извѣстная Кампіони?

— Да.

— Что жъ она—замужемъ?

— Ея мужъ военный агентъ гдѣ-то въ Америкѣ. Она живетъ одна въ Петроградѣ.

— За ея талантливость будемъ снисходительны къ ея сумасбродству, но все же осторожнымъ быть не мѣшаетъ. Холодный душъ былъ бы полезенъ для пониженія слишкомъ пылкой температуры ея чувствъ.

— Все это чепуха! Никакихъ пылкостей и никакихъ чувствъ...

— Однако, я и не предполагалъ въ тебѣ такого скептицизма. — Валинскій засмѣялся, и опять въ глазахъ его мелькнуло выраженіе снисходительной насмѣшки.—А она все-таки недурна. Эти волосы рыже-бронзовые и зеленые глаза... экзотическая страсть... талантъ... Ты одержалъ побѣду и даже крупную. Mes hommages. Браво!.. Какъ вижу, съ годами ты становишься опаснымъ для женщины...

— Которая завтракаетъ все-таки съ тобой... Это прелестно! Это смѣшно, глупо, и все что хочешь.—

Князь неожиданно опять разразился заразительно-звонкимъ смѣхомъ.

— Теперь о другомъ,—прервалъ его веселость Валинскій.—Ты знаешь, что Кузнецовъ получилъ командировку въ Лондонъ?

— Это ты ему устроилъ?

— Немного и я помогъ.

— Очень радъ за него: ему давно этого хотѣлось. А какъ прошелъ вчерашній раутъ?

— Très bien. Сервировано было безупречно. Великолѣпный художественной работы севръ. Англичане обратили вниманіе. Нарочно весь этотъ севръ и хрусталь былъ привезенъ изъ собственнаго дома съ Фурштадской, pour épater les anglais. Tout était trés bien et très fis. Ловокъ онъ, очень ловокъ... Хоть и штукарь, но charmeur удивительный. Ты еще не былъ у нихъ?

— Нѣтъ. На дняхъ заѣду навѣстить.

Разговоръ перешелъ на интересующія темы по дѣламъ министерства, а затѣмъ на политику. Около трехъ часовъ Валинскій и князь Сергѣй поднялись и, пройдя площадь, вошли въ подъѣздъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

День былъ солнечный, очень мягкій, и князь, отдохнувшій за шесть недѣль въ тихомъ уголкѣ на берегу моря отъ столичной суеты и непрерывной изо-дня въ день министерской работы, съ удовольствіемъ воспринималъ привычныя впечатлѣнія служебной обстановки; съ удовольствіемъ пожималъ сослуживцамъ руки, перекидываясь съ ними короткими привѣтственными фразами, съ удовольствіемъ вошелъ въ свой кабинетъ и сѣлъ за столъ, гдѣ его ожидали приготовлен-

ныя для просмотра дѣла и справки. Къ тому же его бодрила и пріятно настраивала перспектива завтрашней поѣздки на охоту. Князь былъ ярый охотникъ и предавался этому спорту всей душой. Уложивъ съ нѣкоторыхъ поръ свою жизнь въ строго опредѣленныя рамки исключительно служебной карьеры, онъ позволялъ себѣ отвлекаться отъ занимавшей мозгъ дипломатіи только для охоты и иногда для картъ; но впечатлѣнія того и другого онъ стряхивалъ съ себя мгновенно, какъ только отходилъ отъ карточнаго стола или сбрасывалъ охотничью куртку. Свой мозгъ онъ упорно подчинялъ дисциплинѣ и былъ увѣренъ, что достигнетъ высшихъ ступеней карьеры, не иначе, какъ подчинивъ свое «я» исключительно мозговой работѣ.

Разговоръ съ Валинскимъ въ залѣ ресторана былъ ему почти пріятенъ. Сумасбродная выходка женщины, съ которой онъ провелъ трое сутокъ въ поѣздѣ, была только забавна и ни съ какой стороны его не задѣвала, но въ то же время его мужское самолюбіе испытывало нѣкоторое удовлетвореніе при мысли, что и безъизвѣстная художница и интересная женщина случайно сдѣлала повѣреннымъ своего увлеченія именно Валинскаго, этого избалованнаго, самоувѣреннаго красавца, не допускавшаго въ своихъ мысляхъ предположенія, что его другъ можетъ внушать внезапныя и пылкія чувства.

Усидчиво проработавъ до семи часовъ вечера, князь передалъ бумаги курьеру, всталъ, встряхнулъ плечами, вынулъ изъ бокового кармана жилета маленькую, оправленную въ слоновую кость, щеточку, провелъ

ею по усамъ и гладко расчесаннымъ на проборъ иззиня-чернымъ блестящимъ волосамъ, вытянулъ, захвативъ за края, крѣпкія манжеты, застегнутыя прекрасными сапфировыми кабошонами, вышелъ изъ кабинета, оживленно поздоровался и перебросился нѣсколькими фразами, спускаясь по лѣстницѣ, съ то арищами по службѣ и карточной игрѣ, быстро одѣлся и пѣшкомъ отправился домой. Слегка отвыкнувъ за время отпуска отъ сидячей жизни, онъ съ удовольствіемъ шелъ по темнѣющимъ улицамъ, гдѣ сновала пришлая разношерстная толпа, измѣнившая обычный обликъ столицы.

Встрѣчались дамы въ богатѣйшихъ мѣхахъ съ баснословными «эспри» на шляпахъ, дамы, неизвѣстныя ни въ столичномъ высшемъ свѣтѣ, ни въ полу-свѣтѣ. Изъ подъ короткихъ юбокъ мелькали обутыя въ прекрасную дорогую обувь неизящныя, тяжелыя линіи ногъ. Сновали щегольскіе автомобили съ неизвѣстными досель Петрограду денежными воротилами.

— Que de „parvenants“—подумалъ князь, оглядывая съ веселымъ любопытствомъ всю эту нервно-взвинченную новую толпу, создаваемую разорительной для Россіи войной.

Дома, наскоро вымывъ руки и перемѣнивъ служебный сюртукъ на тужурку, князь направился на половину матери.

Высокая полная старуха, съ пышными, какъ серебро, бѣлыми волосами, сидѣла въ креслѣ и, медленно водя увеличительнымъ стекломъ по строчкамъ, читала англійскую книгу. Свѣжее пухлое лицо, съ карими глазами, оплывшимъ двойнымъ подбородкомъ и пол-

ными губами, напоминало старинные портреты Екатерининскихъ временъ.

— Здравствуй, мой другъ, — княгиня опустила на колѣни книгу и увеличительное стекло. Мягкая улыбка расплылась по лицу, украсила его и уничтожила надменную складку въ очертаніяхъ рта. Въ ея манерѣ говорить, какъ бы слушая себя, было много родственнаго сходства съ сыномъ.

— Здравствуйте, мама. Что ваши ноги?

— Сегодня лучше немного. Опухоль меньше, и я двигаюсь безъ палки. Старость, мой другъ... надо смириться, ничего не подѣлаешь...

— Что-жъ, мама, будемте вмѣстѣ старѣть,—улыбнулся князь.

— Тебѣ старѣть? Что за вздоръ!..

— А это что? — Князь нагнулся и указалъ на чуть замѣтную сѣдину въ вискахъ.

Княгиня молча взяла пухлыми руками аккуратную голову сына и крѣпко прижала губы къ обоимъ вискамъ.

Они обѣдали вдвоемъ. Изъ всей мужской прислуги, взятой на войну, прислуживалъ единственный оставшійся дворецкій, принявшій теперь на себя всѣ обязанности на половинѣ княгини и князя. Бѣжавшій изъ захваченнаго нѣмцами родового имѣнія князя, гдѣ онъ жилъ круглый годъ въ должности дворецкаго, Илья былъ вѣрнымъ, хорошимъ слугой. Проживъ всю жизнь съ юныхъ лѣтъ въ деревнѣ, онъ не могъ привыкнуть къ столичной жизни, къ отсутствію воздуха и солнца. Онъ казался сразу состарившимся и еще больше молчаливымъ. Нѣсколько мѣсяцевъ плѣна, гдѣ

онъ былъ свидѣтелемъ разграбленія и уничтоженія сокровищъ любимаго имъ барскаго дома, наложили на него печать унынія. Онъ не разъ удивлялся смиренію, съ которымъ князь и княгиня принимали совершившееся событіе.

— Домъ разграбили, мраморныя статуи перебили, картины и портреты пожгли, паркъ вырубили; одно слово: раззорили гнѣздо прадѣдовское, а имъ ни почто... Старуха книжки аглицкія читаетъ и съ ногами возится, а князь на службу бѣгаетъ, да на охоту ѣздитъ. Словно никакой бѣды и не было... — не разъ повторялъ Илья, съ недоумѣніемъ пожимая плечами.

За обѣдомъ князь разсказывалъ матери о томъ, какъ онъ наслаждался тишиной и красотой уединеннаго уголка на берегу моря, о томъ, какъ онъ съ ружьемъ въ рукахъ бродилъ по ущельямъ горъ, какъ забирался на кручи и съ восходомъ солнца, затаивъ дыханье, смотрѣлъ съ края стремнины на безконечный, въ даль расширяющійся горизонтъ голубой выпуклой поверхности морской пустыни.

— Какая тамъ царственная могучая красота, вы себѣ, мама, и представить не можете, говорилъ князь, мысленно погружаясь въ недавно пережитые восторги. — Тамъ, увѣряю васъ, тамъ я понялъ впервые силу красоты, вдохновлявшей творчество Лермонтова. Однажды, уйдя съ вечера на охоту въ горы, я проснулся на уступахъ дикихъ, поросшихъ кустарникомъ, скалъ. Синее свѣтлое небо, свѣжій, чистый ароматный горный воздухъ, первые еще не горячіе лучи солнца— эти алые персты авроры... легкій нѣжный вѣтерокъ... впереди безконечная даль еще спящаго неподвижнаго

моря, внизу подо мной безумная круча скалы... и вдругъ, плавно разсѣкая могучими крыльями свѣтлое воздушное пространство, надо мной взвился орелъ... я вспомнилъ мощными красками нарисованную картину:

...одинъ въ вышинѣ стою очарованъ у края стремнины.

Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины, паритъ неподвижно со мной наравнѣ...

Все ярче и звучнѣе наросталъ природный пафосъ князя, и на послѣднихъ слозахъ, достигнувъ высшаго предѣла, прозвучалъ, какъ яркая, низкая струна.

— Да, я тебя понимаю и радуюсь, что ты, какъ и я, любишь и чувствуешь красоту природы.

Къ концу обѣда разговоръ перешелъ на дѣловую почву. Князь говорилъ матери, что, по всей вѣроятности, ему не скоро удастся проѣхать на фронтъ, чтобы побывать въ перешедшемъ на днахъ въ наши руки раззоренномъ имѣніи.

— Могу себѣ представить, что отъ него осталось! вздохнула княгиня.—Камня на камнѣ нѣтъ. Поля были засѣяны нѣмцами. Необходимо выхлопотать извѣстную долю съ посѣва. Надѣюсь, что это будетъ возможно.

Послѣ обѣда князь, поцѣловавъ руку матери и проводивъ ее на ея половину, прошелъ въ кабинетъ, перенесъ на письменный столъ телефонъ, удобно усѣлся въ кресло и, глядя на пылающій огонь камина, позвонилъ.

— Allo, кто говоритъ?—услышалъ онъ пѣвучій голосъ.

— Здравствуйте, Вероника Антоновна Узнаете?

— Конечно... это очень мило, что вы позвонили.

— Я звоню, чтобы поблагодарить васъ за достав-

ленный мнѣ случай много и весело смѣяться... О, я такъ смѣялся!... — Князь разразился неудержимымъ, мальчишескимъ, звонкимъ смѣхомъ, который онъ, не смотря на свои тридцать пять лѣтъ, сохранилъ такимъ же беззаботно-звучащимъ, какъ и въ юные годы. Когда онъ смѣялся, можно было думать, что смѣется рѣзвый школьникъ.

— Я не понимаю. Что такое?

— Сегодня я завт'гакалъ съ Валинскимъ, и онъ г'азсказалъ мнѣ...

— Ахъ вотъ что... Однако, что же тутъ смѣшного? Увѣряю васъ, что я совсѣмъ не задавалась мыслью веселить васъ. Отлично знала, что мой поступокъ будетъ оцѣненъ, какъ безтактность или сумасбродство. Вашъ послѣдній разговоръ по телефону совершенно сбилъ меня съ толку... Я не знала, что думать о васъ, а не думать—я не могла и не могу.

— И что же, Валинскій помогъ вамъ?—Въ звукѣ голоса звучала насмѣшка.

— Не знаю... Не будемъ объ этомъ говорить. Теперь я сожалѣю, что поддалась искушенію и звонила ему... Я представляла себѣ, что онъ иначе отнесется къ моей «исповѣди».

— Какъ же онъ отнесся?

— Въ душѣ онъ смѣялся надо мной также, какъ сейчасъ смѣялись вы.

— Повѣ'гте мнѣ, въ моемъ смѣхѣ нѣтъ ничего обиднаго для васъ. Вѣдь я знаю, я не сомнѣваюсь, что ваши чувства—плодъ фантазіи. Вы окунетесь въ вашу обычную жизнь, возьметесь за кисти и к'гаски и будете надъ собой смѣяться также, какъ сейчасъ смѣюсь я.

— Вы такъ думаете?

— Увѣ'генъ.

— Скажите, Сергѣй Владиміровичъ, отчего вы такъ упрямо не хотите допустить возможности, что въ моемъ сердцѣ случилось нѣчто большое, серьезное?

— Потому что для этого не было данныхъ. Меня вы знаете слишкомъ мало, и я, сознайтесь, не дѣлалъ ничего, чтобы возбудить ваши чувства, въ кото'гыя, повто'гяю, я не вѣ'гю. Это мыльный пузырь, очень я'гкій, но лопнетъ онъ ско'го и отъ него ничего не останется.

— Оставимъ это... Скажите мнѣ, когда я васъ увижу? Когда вы придете ко мнѣ?

— Не знаю... Во всякомъ случаѣ не тепе'гъ. Я п'гійду, когда услышу по телефону, что вашъ голосъ звучитъ бод'го, какъ онъ звучалъ въ вагонѣ, и когда вы скажите мнѣ, что ваши фантазіи потухли и то, что вамъ тепе'гъ кажется, того больше нѣтъ.

Значитъ вы не хотите придти?—прозвучалъ вопросъ упавшимъ голосомъ.

— Тепе'гъ—не хочу.

— Вашъ блистательный другъ сказалъ вамъ, какой совѣтъ онъ далъ мнѣ въ видѣ лекарства?

— Да, гово'гилъ...

— Какъ могъ онъ посовѣтовать мнѣ это?

— Вы обратились къ нему за совѣтомъ, какъ къ докто'гу, и онъ п'гедложилъ вамъ то лека'гство, кото'гое считалъ наилучшимъ.—Князь опять разразился смѣхомъ.

— Я не думала, что вашъ другъ можетъ давать такіе циничные совѣты. Это совѣтъ не доктора, а ве-

теринара. Мужчины всегда въ красивыхъ и тонкихъ чувствахъ видятъ низкіе инстинкты.

— А 'газвѣ вы, Ве'гоника Антоновна, считаете себя абсолютно свободной отъ нихъ? Газвѣ вы живете исключительно духовными зап'госами? Газвѣ ваша плоть ме'гтва?

— Я не стремилась доказывать что-либо подобное, но зачѣмъ пр'дполагать во мнѣ плотскія чувства тамъ, гдѣ горитъ огонь иныхъ, болѣе идеальныхъ чувствъ.

— А я увѣ'генъ, что вы обманываете сами себя, п'гинимая un coup de sang за нѣчто возвышенное.

— Какъ вы безпощадны!

— Конечно. Я п'гедуп'геждалъ васъ, что давно ушелъ изъ мі'га иллюзій и чувствъ въ мі'гъ 'геальной мысли. Тепе'гь я п'изнаю только мозгъ. Могу быть совѣтчикомъ, доб'гымъ това'гищемъ, но не па'гтнеромъ. Я живу только мозгомъ; иной жизни для себя не ищу и не хочу.

Очевидно эти послѣднія слова произвели на собесѣдницу князя желаемое дѣйствіе. На нѣсколько секундъ она умолкла, потомъ потухшимъ голосомъ пожелала добраго вечера и повѣсила телефонную трубку.

Князь отошелъ отъ стола, опустился въ стоявшее передъ горящимъ каминомъ кресло, протянулъ на рѣшетку ноги, закурилъ папиросу и задумался. Въ выраженіи лица еще оставались слѣды жесткой насмѣшливости, но въ глазахъ уже потухъ черствый огонекъ, и они смотрѣли на перебѣгающее пламя мягко и грустно:

— Какъ я измѣнился...—думалъ онъ,—п'гежде я могъ бы повѣ'гить, тепе'гь я от'гицаю и не вижу въ

этомъ эпизодѣ ничего к'гомѣ злого кокетства и уп'гямой настойчивости... Пусть забавляются д'гугіе, кому есть охота и в'гемя, а я подальше...

II.

Въ бѣлой комнатѣ съ золочеными карнизами, пусто и холодно обставленной мебелью изъ карельской березы въ стилѣ „empire“, обитой бѣлымъ шелкомъ, съ желтыми занавѣсями, на кольцахъ спускавшимися прямыми складками съ золоченыхъ палокъ, съ нѣсколькими старинными гравюрами, выдѣлявшимися холодно на фонѣ бѣлыхъ глянцевитыхъ съ золотыми разводами обой, передъ горящимъ каминомъ сидѣла на низенькомъ табуретѣ темная шатенка, съ очень бѣлымъ, свѣжимъ лицомъ, правильно-очерченными тонкими бровями, слегка выдающимся впередъ подбородкомъ и красиво обрамлявшими гладкій низкій лобъ волнообразными, едва замѣтно начинающими преждевременно сѣдѣть волосами, небрежно заколотыми на темени.

Согнувъ спину и положивъ подбородокъ на ладонь руки, облокоченной о колѣни, она, въ другой рукѣ держа кочергу, медленно перебирала ею пылающую ярко-алымъ прозрачнымъ цвѣтомъ кучу углей. На плечахъ, поверхъ просторнаго, гладкаго, темно-фіолетоваго платья, была накинута черная мѣховая пелерина, съ бѣлымъ горностаевымъ воротникомъ. Отъ горящаго камина несло жаромъ. Лицо разрумянилось, глаза блестѣли и продрогшему въ холодной комнатѣ тѣлу было тепло и томно.

Чуткимъ прислушивающимся ухомъ она разслышала отдаленный звонокъ въ передней. Быстрымъ движеніемъ отложивъ кочергу, она пропустила пальцы обѣихъ рукъ въ расчесанные назадъ волоса, слегка приподняла и взбила ихъ, обтянула на колѣняхъ складки платья, достала изъ маленькаго серебрянаго porte-cigar'а длинную папироску, закурила ее и держа въ слегка отставленной рукѣ, выпуская дымъ изъ полуоткрытаго рта, повернула голову къ двери, откуда слышны были мягкіе приближающіеся шаги.

Наконецъ то!.. я думала, вы и сегодня надуете.

— Здравствуйте, Мэри, и пожалуйста не браните меня: je suis un homme fini, complètement fini. Я до того усталъ, что у меня зеленые круги передъ глазами.

Говоря это, вошедшій подошелъ къ Мэри, поцѣловалъ пальцы протянутой ему руки, опустился въ стоящее подлѣ камина кресло и въ мягкой, изысканно красивой позѣ, вытянулъ ноги въ лакированыхъ ботинкахъ и откинулъ на спинку кресла голову. Красивый, съ сѣдѣющими на вискахъ темными волосами и матовымъ цвѣтомъ лица, онъ былъ одѣтъ съ утонченной заботливостью; говорилъ негромко, съ нѣкоторой аффектаціей, раздѣльно выговаривая каждое слово. Не особенно гармонировали съ продуманнымъ желаньемъ быть чарующимъ его свѣтло-сѣрые глаза, съ холоднымъ, настойчивымъ взглядомъ, который онъ зачастую прягалъ полуопущенными выпуклыми вѣками.

— Вы такъ устали? Отчего? Хотите рюмочку коньяку или чернаго кофе?

— И чернаго кофе, и коньяку. Легъ спать въ четыре часа утра и все-таки не успѣлъ одолѣть всѣхъ

дѣлъ. Въ половинѣ одиннадцатаго сѣлъ въ поѣздъ, чтобы ѣхать съ докладомъ. Вернулся домой поздно. Доклады, доклады и доклады... бумаги, бумаги и бумаги... Je les ai en horreur. А тутъ еще тренія съ министерствомъ юстиціи. Пренепріятный господинъ нашъ министръ юстиціи... Слишкомъ независимъ въ своихъ поступкахъ. Онъ начинаетъ меня нервировать.

— Н-да, но съ нимъ вамъ необходимо, мой другъ, считаться. Я знаю, что его шансы стоятъ очень высоко. Онъ пересиживаетъ всѣхъ смѣняющихся министровъ.

— Но я то никого не боюсь. Кто стоитъ у меня на дорогѣ,—долженъ посторониться или я самъ его отстраню.

— Пожалуйста, Мишель, будьте осторожны. Вѣрьте, что я говорю только на основаніи вѣскихъ данныхъ.

— Я вамъ вѣрю, милая Мэри, но все же больше всѣхъ я вѣрю самому себѣ. Никогда моя звѣзда такъ ярко не горѣла какъ сейчасъ...

Вошла горничная, неся на серебряномъ подносѣ зажженный спиртовый кофейникъ и хрустальный графинчикъ съ коньякомъ.

— Поставьте здѣсь... Подвиньте столикъ... больше ничего; можете идти.

Мэри приблизила небольшой круглый столикъ къ самому креслу своего друга, налила въ китайскую чашку крѣпкаго кофе и протянула ему:

— Пейте, отдыхайте и разсказывайте о всѣхъ вашихъ похожденіяхъ въ области политики.

— Никакихъ больше похожденій нѣтъ: я, passez moi le mot, плюю на всю эту разъяренную свору.

— Мишель, меня слегка безпокоитъ вашъ инцидентъ съ думскимъ грузовикомъ. О немъ очень много говорятъ... слишкомъ много. Вы не находите возможности ликвидировать его?

— Кого: инцидентъ или грузовика?

— Конечно, инцидентъ,—улыбнулась Мэри и на секунду умолкла, сильно затягиваясь дымомъ папиросы.—Увы! онъ слишкомъ прочно стоитъ на своихъ грузныхъ ногахъ, чтобы его можно было ликвидировать.

— Однако, я добился того, что доступъ во дворецъ ему становится все болѣе и болѣе труднымъ. Его тамъ начинаютъ противъ шерсти гладить. Я не нахожу возможнымъ вступать съ нимъ въ какіе бы то ни было переговоры: буду дѣйствовать самостоятельно, не считаясь со всѣмъ его дворянскимъ синклитомъ.

— Я вижу, Мишель, что сегодня вы въ боевомъ настроеніи, а потому всѣ мои аргументы быть осторожнѣе я откладываю до другого раза.—Мэри затянулась въ послѣдній разъ, бросила окурокъ въ каминъ и, обхвативъ руками плотно сжатыя колѣни, повернулась на табуретѣ всѣмъ корпусомъ въ сторону Михаила Илларіоновича Быстрова.

— У меня къ вамъ дѣло, cher ami.

— Господи, какая вы дѣловая женщина!—слегка въ носъ мягко протянулъ Быстровъ, глядя на нее сверху полузакрытыми, смѣющимися глазами.

— Ну, конечно. Иначе вы не пріѣзжали бы ко мнѣ такъ охотно и такъ часто.

— Вы такъ думаете, Мэри?

— Я увѣрена. Любовь на время уступила мѣсто сознанію, что въ вашемъ головокружительномъ полетѣ

вверхъ я могу быть вамъ нужна и полезна. Вы не ошиблись. Подъ маской свѣтской женщины я неустанно выслѣживаю вашихъ враговъ и вербую вамъ друзей. Понимая сложность и рискъ намѣченной вами цѣли, я, какъ видите, перестала ревновать васъ.

— О какомъ рискѣ вы говорите, милая Мэри, и о какой цѣли?—Быстровъ приподнялъ брови и насторожился, дѣлая видъ, что всецѣло занятъ срѣзываньемъ конца сигары.

— Мой другъ, есть вещи, о которыхъ можно думать, но нельзя говорить.

— И потому вы молчите?

— Такъ же, какъ и вы Мишель,—чуть слышно произнесла Мэри.

— Пожалуй, съ вами можно будетъ пойти и въ открытую, — совсѣмъ сощуривъ глаза и глядя на синій дымокъ сигары, медленно проговорилъ Быстровъ.

— Да, можно... я, надѣюсь, это будетъ скоро. Болѣе преданнаго друга, чѣмъ я, у васъ нѣтъ и не будетъ.— Мэри принялась опять мѣшать кочергой въ каминѣ.

— А какое же дѣло?—спустя нѣсколько минутъ спросилъ Быстровъ.

— Нужно провести громадную поставку каменнаго угля на заводы, работающіе для арміи.

— Кому это нужно: вамъ?

— Да, мнѣ,—коротко отвѣтила Мэри, глядя прямо въ глаза Быстрова.

— Хорошо. Приготовьте мнѣ краткую замѣтку и пришлите завтра. Эго все?

— Нѣтъ. Еще есть одно дѣло, и впередъ прошу васъ отнестись къ нему съ полнымъ вниманіемъ.

— Ну-съ, я слушаю.

— На предстоящемъ сегодня вечеромъ совѣщаніи вамъ готовятъ ловушку.

— То-есть?—тяжелыя вѣки поднялись, и глаза круглые, сѣро-прозрачные, засвѣтились холоднымъ блескомъ.

— Вамъ будетъ брошено обвиненіе въ превышеніи власти.

— Опять со стороны этого думскаго грузовика?

— Да. Имѣйте въ виду, что ваша персона начинаетъ многимъ не нравиться.

— Еще немного, и я заставлю ихъ всѣхъ замолчать, всѣхъ зажму въ кулакъ... кровью залью хоть полъ Россіи, а добьюсь полной, всецѣлой власти...

Мэри стремительно вскочила и ладонью зажала Быстрову ротъ:

— Молчите... развѣ вы не знаете, что и у стѣнъ бываютъ уши?!

Придержавъ рукой ладонь Мэри, Быстровъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— Je m'en fiche,—произнесъ онъ, съ небрежнымъ движеніемъ плечъ.

— Совсѣмъ напрасно... Вы начинаете зарываться, Мишель; это опасно.

— Ну вотъ: я отдохнулъ у васъ полчаса, а теперь долженъ спѣшить домой,—меня ждетъ очень срочный докладъ. До свиданія, моя милая. Pensez un petit peu à moi.

— Mais, je ne fais que ça. А какъ же съ сегодняшнимъ совѣщаніемъ?

— Очень просто: я не поѣду... Дайте поцѣловать вашу другую лапку.—Быстровъ всталъ, оправляя галстукъ.

— Ахъ, я и забыла —Мэри положила руку на плечо Быстрова.— Скажите, вы знаете князя Сурова?

— Котораго? Средняго роста, брюнетъ, картавящій?

— Сергѣя.

— Знаю, да.

— Скажите, онъ очень интересенъ?

— Женщинамъ онъ нравится.

— Вы не можете привести его ко мнѣ?

— Не знаю. Я не настолько близокъ съ нимъ. Однакó, если это очень важно и нужно...

— Мнѣ этого очень хочется...

— Мэри?—Быстровъ снялъ ея руку со своего плеча и вопросительно посмотрѣлъ въ глаза. Она звонко расхохоталась:

— Я тутъ не при чемъ. Мнѣ хочется быть пріятной одной интересной женщинѣ.

— Господи, до чего вы многосторонни! За вами не угоняешься. Хорошо, я постараюсь, подумаю. А теперь я долженъ мчаться: у меня больше нѣтъ ни секунды времени.

Быстровъ еще разъ поцѣловалъ обѣ руки Мэри и эластичными, мягкими шагами вышелъ изъ комнаты.

Мэри остановилась у окна, проводила глазами отъѣхавшій отъ ея подъѣзда черный лакированный автомобиль и, зябко передергивая плечами, опять подошла къ камину и опустилась въ кресло, въ которомъ только что сидѣлъ Быстровъ. Темнѣло. Въ комнатѣ стояли сумерки. Каминъ догоралъ. Она думала о томъ,

что у нея, какъ и у Быстрова, есть своя головокружительная цѣль. Она шла къ ней настойчиво и упрямо, расчитывая, какъ осторожный шахматный игрокъ, каждый шагъ, каждое слово. Честолюбивая и холодно расчетливая, она, оберегая путь Быстрова, больше всего думала о себѣ и о своемъ недалекомъ будущемъ, которое наконецъ должно было поднять ее на высшую, намѣченную ею ступень.

Каминъ догорѣлъ. Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло. Мэри видѣла себя окруженною блескомъ дворцовой роскоши и власти.

III.

Въ большой, очень свѣтлой комнатѣ, съ обоями и мебелью цвѣта голубой пастели, подлѣ самаго окна стоялъ мольбертъ съ большимъ незаконченнымъ полотномъ. На табуретѣ былъ раскрытъ ящикъ съ разложенными цинковыми трубочками масляной краски, наполовину выжатыми, смятыми, вымазанными или же блестящими, только что купленными. Тутъ же лежали кисти разной толщины и большая, пестрая отъ красочныхъ пятенъ, палитра. Голубые, ярко-красные, желтые, зеленые, бѣлые, лиловые мазки пестрѣли на ней жирными и сочными тонами подъ лучомъ падавшаго на нихъ солнца. На стулѣ противъ мольберта, свѣсившись однимъ угломъ, была брошена испачканная масляными красками тряпка.

У стѣны, противоположной мольберту, на низкомъ, уютномъ голубомъ диванчикѣ, закинувъ руки подъ откинутую на спинку голову, сидѣла Вероника Кам-

піони и, заложивъ ногу на ногу, не отрывая глазъ, смотрѣла на свою недоконченную картину. По выраженію лица трудно было отгадать, сосредоточено ли было ея вниманіе и мысли на картинѣ, или же взглядъ, устремленный на полотно, блуждалъ въ ей одной видимыхъ пространствахъ. Слегка покачивая носкомъ лакированной туфли, Вероника давно уже такъ сидѣла, глядя въ упоръ на любимое дѣтище своей фантазіи.

Передъ ней на полотнѣ часть желѣзнодорожной платформы. Безучастная, суетливо-бѣгущая, толкающаяся публика. Подлѣ бѣлой стѣны вокзала опущенныя на асфальтовый полъ низкія носилки. На нихъ въ неловкой позѣ раскинувшійся человѣкъ въ темно-синемъ балахонѣ, съ блѣднымъ исхудалымъ лицомъ. На носилкахъ въ ногахъ сморщенная и темная, какъ древесная кора, старушка съ повязанной на головѣ черной косынкой, въ ветхомъ платьишкѣ, въ смазныхъ сапогахъ, съ небольшой котомкой, брошенной у ногъ. Подперевъ щеку закорузлой, грубой рукой, она невидящимъ толпу взглядомъ, смотритъ куда-то впередъ потухшими, пролившими на своемъ вѣку потоки горючихъ слезъ, глазами. Въ позѣ, въ глазахъ— бездонная, покорная скорбь.

Эти двѣ центральныя фигуры, выдѣляясь на полотнѣ, казались вырванными изъ жизни, говорили о живой правдѣ горя и слезъ, залившихъ мутнымъ потокомъ почти всю Европу.

— Прекрасное занятіе!.. Ника, дитя мое, я слѣжу за вами изъ сосѣдней комнаты по крайней мѣрѣ минутъ пять. Вы давно такъ сидите?

Вероника, вздрогнувъ отъ неожиданности, повернула

голову къ дверямъ. Лицо ея оживилось, она протянула руку къ стоявшей у порога подругѣ и, слегка потягиваясь, разсмѣялась:

— Давно, моя хорошая. Отлично, что вы пришли, а то бы я сидѣла такъ хоть до обѣда.

— Это вы такъ пишите вашу картину?

— Я ее не пишу. Кисти и краски готовы, а тутъ,— она указала на грудь,—тутъ пусто...

— Это что за новость? Почему пусто?

— Потому что... «такъ скучно, такъ грустно живется»... пропѣла Вероника, и въ глазахъ ея сѣрозеленыхъ, какъ будто мало красочныхъ, но бездонныхъ и загадочныхъ, отразилась на мгновенье тоска, которая звучала въ напѣтыхъ ею звукахъ.— Садитесь поближе, Анэточка. Я васъ давно не видѣла и страшно рада вашему приходу.

Тотъ же лучъ, что игралъ на жирныхъ красочныхъ пятнахъ палитры, скользнулъ по головѣ Вероники и, потонувъ въ бронзово-рыжихъ, пышныхъ волосахъ, зажегъ въ нихъ яркія, алыя искры раскаленнаго металла.

Гостья въ черномъ траурномъ платьи, въ круглой фетровой безъ отдѣлки шляпкѣ, худая, средняго роста, похожая на силуетъ модернистовъ, вырисованный изъ прямыхъ линій, оригинальная въ очертаніяхъ сухого профиля, въ строгихъ, не плавныхъ, какихъ то прямыхъ, мало гнущихся движеніяхъ, съ низкимъ, горловымъ звукомъ голоса, вся строгая, сразу ясная внутреннимъ такимъ же прямолинейнымъ содержаніемъ, съ черными, высоко надъ глазами очерченными, точно вопросительными бровями,—опустилась

на диванъ рядомъ съ Вероникой и, положивъ ладонь на ея плечо, спросила безъ улыбки:

— Вы не шутите, милочка?

— Да нѣтъ же, Анэточка, я совсѣмъ не шучу Самое скверное, что я не могу писать моей картины... Я такъ рвалась къ ней, такъ ясно чувствовала каждый штрихъ, каждую полоску свѣта и тѣни, каждое движеніе, а вотъ пріѣхала и все оборвалось...

— Однако мнѣ кажется, что картина окончена... что вы еще хотите? Очень, очень хорошо... Старушка, застывшая въ безъисходномъ горѣ, живая... Положительно, милочка, это вашъ chef d'oeuvre.

— Долженъ имъ быть, я сама такъ чувствую. Но нѣтъ, еще не все закончено. Посмотрите на фигуру въ носилкахъ: въ позѣ, нарочно неловкой отъ перевязокъ и ранъ, мало чувствуется хоть и страдающее, но живое тѣло. Нѣтъ мягкости... эластичности... А рожа этого ругающагося солдата? Развѣ вы слышите его охрипшую, грубую брань? А молочный дымокъ паровоза? Онъ тяжелъ въ легкомъ солнечномъ свѣтѣ утра... Словомъ, я знаю, что надо дать, но мои экстазы потухли, и я безсильна творить, а накладывать краски мертвой рукой я не могу.

Вероника опять закинула руки подъ голову и умолкла. Несмотря на тоскливую нотку, звучавшую въ голосѣ и на легкую складку грусти въ уголкахъ рта, Вероника была выпукло-яркой, жизненной, обращающей на себя всеобщее вниманіе, фигурой. Ея особенностью была нѣжная, мягкая женственность, проявляющая себя въ каждомъ движеніи изящной, статной фигуры, въ каждомъ поворотѣ головы, въ

каждомъ словѣ, въ интонаціяхъ голоса. Это притягивало къ ней и плѣняло. Небольшая голова, ловко посаженная на гибкой шеѣ, довольно широкія округлыя плечи, чистыя линіи бюста, боковъ и ногъ, матовый цвѣтъ лица, большіе круглые цвѣта морской волны глаза, нервная линія рта и мѣдно-рыжеватые «Тиціановскіе» волосы, которые она умѣла подкалывать свободно и живописно, дѣлали Веронику лучше красавицы. Смѣняющаяся игра подвижного лица, хранящаго выраженіе внутренней гармоніи и покоя, составляли его очарованіе, которымъ не всегда обладаютъ даже самыя красивыя лица.

— Ахъ, Анэточка, я не хочу такъ больше... мнѣ самой невыносимо!—слегка сдвинувъ темныя брови, воскликнула Вероника, нетерпѣливо ударивъ носкомъ о коверъ.

— Я васъ понимаю. Вамъ необходимо такъ или иначе отвлечь себя.—Анэта Рязанцева достала изъ сумочки портъ-сигаръ и закурила очень длинную папироску.—Это вамъ не мѣшаетъ, Вероника?

— Ну, что же дѣлать, если иначе вы не можете!—разсмѣялась Вероника, подавая ей пепельницу.

— Да, ужъ что хотите, а безъ этого не могу.

— Ужасная привычка. Скоро всѣ мои знакомыя дамы будутъ меня обкуривать. Анэточка, вѣдь, вы курите теперь безъ перерывовъ, — точно фабричная труба.

— Что-жъ подѣлаешь! Послѣ потери брата это единственное, хоть слегка успокаивающее меня средство. Да вотъ еще, когда съ вами посижу и мирно побесѣдую... Но только, другъ мой, мнѣ ужасно не

нравится ваше настроеніе. Вы должны встряхнуть себя. Все равно, это ни къ чему не приведетъ...

— Почемъ знать?! — подавила вздохъ Вероника.

— Ужъ я знаю,—безпощадно затягиваясь и щурясь отъ дыма, вполголоса бросила Рязанцева.

— Кабалистикой занимались, значитъ... ну, и чтоже?

— Я же говорю вамъ, милая: ничего не будетъ... По крайней мѣрѣ теперь я ровно ничего не вижу, кромѣ безполезныхъ съ вашей стороны стремленій.

— И это вѣрно? — Вероника опустила руки на колѣни, и лицо ея выразило готовность на что то рѣшительное и трудное.

— До сихъ поръ я не ошибалась... — почти въ басовомъ регистрѣ отвѣтила Анэта. — Что будетъ въ будущемъ, я не умѣю сказать, потому что въ хрусталикѣ отражается только настоящее и самое близкое будущее.

— Ну отлично. Больше я не дѣлаю ни шагу, не говорю ни слова. Я и безъ того слишкомъ много говорила. Если бы вы знали, Анэточка, какія вдохновенныя письма я ему писала! Какія чудесныя слова я для него находила!

— Напрасно, совершенно напрасно! Удивительная вы все-таки женщина, Ника! — пожала плечами Анэта, встала, тщательно затушила о пепельницу папиросу и, вернувшись обратно, сѣла вся вытянувшись, опершись прямо о спинку дивана и сложивъ руки на колѣняхъ.— Все въ васъ уравновѣшено и гармонично и вдругъ какая-то сила завладѣваетъ вами, вы теряете всякое равновѣсіе и рветесь къ чему то несуществующему, вашей фантазіей созданному. Я не видала вашего Су-

рова и потому не могу судить, что онъ изъ себя представляетъ; но, будь онъ хоть само совершенство, онъ не стоитъ того, чтобы вы дарили ему всю вашу творческую фантазію въ ущербъ искусству, которое владѣетъ вами и которымъ вы живете и дышете. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ вы здѣсь и сами сознаетесь, что не можете взяться за кисти, которыхъ у васъ обыкновенно силой не вырвешь. Это преступленіе, Ника, это распущенность воли. Плюньте вы на него. Я давно послала бы его ко всѣмъ чертямъ. Что за цаца такая?!

— Вы правы, Анэтэ. Я сама себѣ говорю тоже самое, а вотъ не могу отдѣлаться отъ навязчивой мысли.

— Это одно упрямство и ничего больше. Вы слишкомъ избалованы быстрыми и вѣрными успѣхами у мужчинъ. А вотъ нашелся какой-то неподатливый, и вы лѣзите на стѣну. Съ другой стороны я его понимаю съ точки зрѣнія мелкаго мужского самолюбія. Кокетничали всю дорогу, подавали кой-какія надежды, а потомъ и на попятный. Очевидно, онъ ожидалъ отъ васъ гармоничнаго разрѣшенія аккордовъ. Вы его надули, вотъ онъ и мститъ вамъ. Что-жъ, по своему онъ правъ!

— Ну да, конечно,—протянула Вероника глухимъ голосомъ: — если смотрѣть на яркія и чистыя чувства съ такой точки зрѣнія, то онъ правъ.

— А вы все еще, дитя мое, вѣрите въ выспренныя, рыцарски-великолѣпныя и хрустальныя чувства нашихъ мужчинъ?!. — Рязанцева разсмѣялась саркастичнымъ короткимъ смѣхомъ. — Это и смѣшно и наивно. Вы поддразнили его чувственность, и ему было нужно ваше тѣло, которое онъ отгадывалъ красивымъ,

а до вашихъ какихъ-то тамъ утонченностей ему, да и никому изъ нихъ, нѣтъ ровно никакого дѣла. Да онъ и не вѣритъ въ эти ваши утонченности. Считаетъ ихъ ломаньемъ и кривляньемъ злой кокетки. И подѣломъ вамъ: сами мучили многихъ и не разъ, ну вотъ теперь попробуйте каково это.

— Да вы не думайте, Анэточка, что я ужъ и въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ умираю... — Вероника улыбнулась, и лукавыя искорки зажглись въ ея зрачкахъ.

— Не думаю, конечно, а только вижу, что вы взвинтили себя, носитесь съ этимъ и не работаете, несмотря на то, что картину рѣшили докончить къ зимѣ.

— Это вѣрно. Ахъ, глупо, глупо, какъ это все глупо! Вѣдь я и сама чувствую, что такъ это продолжаться не можетъ... Ну, довольно объ этомъ. Поговоримте теперь о васъ, Анэточка. Какъ вы и что вы?

— Все то же: не живу, а какъ-то брожу по бѣлу свѣту. Все противно, не вижу ни въ чемъ утѣшенія. Кругомъ какая-то безпросвѣтность. Если бы ни мама, которой я теперь нужна больше, чѣмъ когда-либо, я ушла бы на фронтъ сестрой милосердія. Не доставало еще, чтобы Женьку ухлопали...

— Онъ въ безопасности, въ штабѣ...

— Не сегодня—завтра можетъ получить полкъ. Мама все плачетъ. Ни она, ни я—мы никогда не примиримся со смертью Саши. Безсмысленная смерть. Будь онъ во время эвакуированъ, — мы его не потеряли бы. Проклинаю войну, весь этотъ дикій хаосъ эвакуацій, госпиталей и черствости докторовъ. Для нихъ смерть потеряла свой страшный смыслъ; они

забыли, что за спиной каждаго умирающаго выростаютъ страданіе и отчаяніе тѣхъ, кому онъ былъ дорогъ. — Рязанцева смахнула угломъ носового платка накипѣвшую слезу. Линія изогнутаго рта опустилась въ углахъ, блѣдное лицо стало еще болѣе безкровнымъ.

— Бѣдняжка... — ласково проговорила Вероника, гладя опущенныя руки Рязанцевой.

— Ахъ, милочка моя, я вамъ завидую,—подавляя тяжелый вздохъ, продолжала Анэта. — У васъ есть силы и энергія, васъ занимаетъ жизнь, вы даже расточаетесь на какія-то неожиданныя, съ неба валящіяся, увлеченія. Я не старше васъ, а вотъ во мнѣ жизнь кончена. Я тащу ее, какъ грузъ, ради матери и мужа. Да и то: Женька въ концѣ концовъ не такъ ужъ и нуждается во мнѣ...

Изъ отдаленной комнаты послышался звонокъ телефона. Вероника вышла. Рязанцева продолжала сидѣть на томъ же мѣстѣ, съ поникшей головой и опущенными на колѣняхъ руками. Рѣзкая складка между бровей дѣлала ея лицо, съ остро выточенными чертами, почти суровымъ.

Прошло довольно много времени, пока Вероника вернулась. Она вошла быстрыми и легкими шагами. Бѣлое кашемировое платье, перехваченное у пояса тяжелымъ шелковымъ витымъ шнуркомъ и кистями, падало глубокими складками вдоль гибкой фигуры.

— Простите, Анэта, я не имѣла возможности вставить двухъ словъ, что у меня гостья и что я не могу долго говорить. Потокъ словъ былъ безконеченъ. И все дѣла, дѣла, проекты, комбинаціи, высокопоставленные друзья, новости изъ «самыхъ достовѣр-

ныхъ» источниковъ... Вы, конечно, догадываетесь, кто говорилъ?

— Ну, конечно: Марія Аполлоновна.

— Спрашивала о васъ...

— Нѣтъ, пусть она обо мнѣ лучше и не спрашиваетъ. Я такъ развинчена морально, что не могу выслушивать ея калейдоскопическихъ дѣлъ, всегда остающихся для меня невыясненными. Она еще не утомила васъ своими confidenc'ами?

— Нѣтъ, ничего. Она забавляетъ меня.

— Хороша забава! Теперь вы, кажется, въ модѣ у нея? Не поздравляю! Она замучаетъ васъ перечнемъ звонкихъ именъ, ищущихъ ея дружбы и всякими дѣловыми проектами, отъ которыхъ у васъ распухнетъ голова. Впрочемъ, самаго главнаго она никогда не скажетъ: будетъ въ подробностяхъ расписывать сто дѣлъ, но о томъ, которое ловко проводитъ, даже и не упомянетъ. Я ей не особенно довѣряю и не сочувствую ей ни въ чемъ. Что же она: выходитъ замужъ или нѣтъ?

— Развѣ она собирается? Я и не подозрѣвала,— удивилась Вероника.

— Слава тебѣ Господи! Ужъ не съ неба ли вы свалились, дитя мое? А ея дипломатически-дружескія сношенія съ Быстровымъ?! C'est le secret de polichinel!

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло!—разсмѣялась Вероника.

— Вѣдь она носится съ нимъ, какъ съ писанной торбой. А ужъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ министромъ сдѣлался, она спитъ и видитъ себя въ министерскомъ домѣ, принимающей именитыхъ гостей въ роли хо-

зяйки. Безмѣрное тщеславіе и пустота. Ей нуженъ не самъ Быстровъ, а всѣ его атрибуты сановника и богача.

— Опасное предпріятіе. Быстровъ, рано или поздно, сломаетъ себѣ шею. Я считаю его карьеристомъ нечистоплотнаго калибра. Уже сейчасъ у него гибель враговъ.

— Я думаю, что у него только враги. Онъ вреденъ для Россіи. Чтобы добиться власти, онъ, не разбирая средствъ, лѣзетъ на проломъ.

— Вся эта вакханалія можетъ очень печально кончиться. Дума его не терпитъ, министры открыто выражаютъ неуваженіе и недовѣріе, а онъ все-таки дѣлаетъ, что хочетъ.

— И вотъ къ такому типу, какъ Быстровъ, Марія Аполлоновна льнетъ,—пренебрежительно дернувъ плечомъ, замѣтила Рязанцева и принялась за новую папироску.

— Вы знаете, зачѣмъ она мнѣ звонила? Предлагала устроить у себя мое свиданіе съ Суровымъ?

— Ну, что же вы?

— Я отклонила.

— Очень умно сдѣлали: не обобрались бы потомъ сплетенъ. Вообще не совѣтую вамъ съ нею очень откровенничать: она человѣкъ не вѣрный.

— Скажите, Анэточка, вы нигдѣ не встрѣчали Асташова?

— Не встрѣчала, но кое-что о немъ слышала. Очень богатъ, бьетъ на оригинальность, развратенъ, холоденъ и циниченъ. Перешелъ въ католичество, чѣмъ очень огорчилъ свою престарѣлую мать. Вообще, о немъ говорятъ неважно. Отчего онъ интересуетъ васъ?

— Его фамилію упоминала нѣсколько разъ Марія Аполлоновна.

— Конечно, какъ друга?

— Какъ будто бы,—улыбнулась Вероника.

— Иначе и быть не можетъ. Вѣдь Асташовъ очень богатъ: автомобиль, экипажи, ложа въ балетѣ, кресло въ оперѣ и симфоническихъ концертахъ, свой домъ, лакеи, блестящіе товарищи... Ахъ, какъ это все противно въ ней!

— Зачѣмъ онъ ей? Вѣдь вы говорите, что она ведетъ игру съ Быстровымъ.

— Одно не мѣшаетъ другому: эксплоатировать и одного, и другого, и все это якобы на чисто товарищеской ногѣ.

— Въ такомъ случаѣ, она презабавная.

— Ну, и забавляйтесь, мой другъ, пока вамъ не надоѣстъ вся эта фальшь и кривлянье. Только не вѣрьте ея дружбѣ: зачѣмъ-нибудь вы ей понадобились, вотъ она и культивируетъ симпатіи къ вамъ.

— Ну-у-у, развѣ?!—недовѣрчиво протянула Вероника.

— А вотъ увидите. Только, пожалуйста, не разсказывайте ей всякихъ вашихъ дѣлъ и не думайте, что я на нее за что-нибудь зла и потому нападаю. Я только раскусила ее и стараюсь быть подальше. Однако мнѣ пора домой,—меня ждетъ мама. Обѣщайте быть паинькой и серьезно взяться за вашу картину. Всѣ эти князья и бароны и ваши съ ними флирты не стоятъ и одного яркаго мазка краской, брошеннаго вашей талантливой лапкой. Обѣщаете встряхнуться?

— Да, да, Анэточка, обѣщаю, клянусь...—Веро-

ника разсмѣялась, и ея лицо сразу посвѣтлѣло и стало яркимъ отъ заискрившагося въ глазахъ смѣха.

Рязанцева встала, закутала узкія худыя плечи чернымъ, своей работы, вязаннымъ шарфомъ, слегка изогнувшись вбокъ, поцѣловала въ щеку Веронику, крѣпко пожала ей обѣ руки и, прямая и негибкая, пошла къ двери.

— Анэточка, посмотрите сегодня вечеромъ въ хрусталикъ и скажите мнѣ по телефону.

— Хорошо. Часовъ въ двѣнадцать я позвоню вамъ, а можетъ быть и раньше.

— Безразлично, въ которомъ часу: я вечеромъ никуда ни собираюсь.

IV.

Проводивъ подругу, Вероника вернулась въ рабочую комнату и опустилась на стулъ противъ полотна, съ твердымъ намѣреніемъ пересилить апатію творчества. Привычной рукой набирая на кисть краски, щурясь и слегка откидываясь назадъ, она накладывала ихъ увѣренными мазками. Но мысли уносились прочь, съ упрямой настойчивостью вызывая все тотъ же образъ и тѣ же картины недавнихъ, быстро промелькнувшихъ въ поѣздѣ, короткихъ дней интереснаго путешествія. Незамѣтно для самой себя, она опустила на колѣни руку съ кистью и задумалась:

...Мчится поѣздъ. Горячіе, алые лучи южнаго заката залили поля и лѣса багряными потоками. Теплый, опьяняющій ароматами, вѣтеръ врывается въ открытыя окна, обдаетъ ея шею и лицо мягкой вечер-

ней прохладой, слегка треплетъ пряди волосъ на вискахъ. Въ чистыхъ перламутровыхъ полутонахъ далеко раскинувшагося горизонта, въ мелькающихъ просвѣтахъ лѣса, въ прямыхъ мощныхъ стволахъ съ трепещущими бликами червоннаго золота, въ еще сочной травѣ яркихъ зеленыхъ тоновъ плюша и бархата, въ отливающей сталью синевѣ мелькающихъ рѣчекъ и озерковъ, брошенныхъ неожиданными мазками —Вероника чувствуетъ мощно бьющійся пульсъ неувядающей экзотической природы, гдѣ черная и жирная, всегда богатая живительными соками, земля хранитъ неистощимые запасы творческой силы, выбрасывая изъ нѣдръ своего щедраго лона навстрѣчу горячему солнцу живые безконечно-разнообразные побѣги.

Веронику пьянитъ эта неугомонно-взывающая къ творческой жизни природа. Итальянка по отцу, она обоготворяетъ свою любовь къ солнцу, къ краскамъ юга, къ морю, къ синимъ празднично-ликующимъ небесамъ. Какъ только наступаютъ первые весенніе дни, и теплые лучи солнца гонятъ прочь зимнія тѣни, Вероника спѣшитъ въ южныя страны и, страстно прижимая къ груди руки, радостно шепчетъ: «O sole, sole mio!..»

Теперь поѣздъ мчитъ ее домой, къ унылому сѣверу, гдѣ ее ждетъ недоконченная работа,—любимое дитя ея фантазіи. Зоркій взглядъ скользитъ по мелькающимъ мимо ландшафтамъ и безсознательно черпаетъ въ живой сокровищницѣ природы сочетанія красокъ и красоту линій. Она чувствуетъ себя счастливой и свободной. У нея нѣтъ никакихъ и ни къ кому обязательствъ. Какъ-то случайно и неожидано выйдя замужъ, не

имѣя дѣтей, проживъ съ мужемъ пять лѣтъ, они разъѣхались безъ ссоръ, безъ сожалѣнія и безъ вражды. Разстались, воспользовавшись обстоятельствами, а затѣмъ, понявъ взаимное отчужденіе, не искали возможности сближенія и наконецъ утвердили взаимную своб..у.

Вся цѣль жизни сосредоточена для нея въ творческихъ краскахъ. Въ нихъ она видитъ отраженіе природы и съ ихъ помощью отражаетъ свой внутренній, сложный, колеблющійся, для нея самой загадочный міръ. Она любитъ жизнь, какъ источникъ счастья, и носитъ въ самой себѣ гармонію и радость сознательнаго бытія.

...«Гʼазвѣ вы не видите?.. Гʼазвѣ вы не слышите?..» вдругъ раздается въ концѣ вагона чей-то картавый, полный красиваго пафоса, голосъ.

Вероника оборачивается. Теплыя интонаціи незнакомаго голоса странно притягиваетъ ее. Она вглядывается. Ей нравится энергичное лицо монгольскаго типа и весь обликъ, вся манера говорящаго—не шаблонная, благородно-простая и изысканная. Вероника медлитъ уйти въ свое купэ, чтобы слышать эти теплые картавые переливы и, странно звучащій для обыденной рѣчи, пафосъ. Наконецъ она насмѣшливо сама надъ собой пожимаетъ плечами и отходитъ отъ окна.

На другое утро случайный разговоръ, знакомство и затѣмъ долгая до полуночи бесѣда. Спятъ пассажиры, задернуты тафтой яркіе электрическіе фонари, спущены занавѣси на окнахъ. Мчится поѣздъ среди темныхъ, обвѣянныхъ ночной свѣжестью, полей. Четко и гулко

громыхаютъ колеса и лязгаютъ цѣпи. Бесѣда все течетъ и течетъ: сдерживаются голоса, слегка утомленное тѣло льнетъ къ мягкой спинкѣ дивана. Что-то закипаетъ внутри, подавляется силой принужденія, но выдается неожиданно вспыхнувшей искрой въ глазахъ, невольно сорвавшимся съ устъ теплымъ словомъ. Вероникѣ чудится какая-то особенная, затаенная красота въ духовномъ обликѣ Сурова. Услужливая фантазія уже навѣваетъ неясные порывы въ сердцѣ, и Вероника, послушная жрица несбыточной мечты, видитъ въ немъ что-то новое, что-то большое и яркое, что должно наконецъ влиться свѣтлымъ потокомъ одухотворенной красоты мужского духа въ обыденную, слишкомъ реальную каждодневную жизнь. Въ пафосѣ его голоса она усматриваетъ отраженіе возвышеннной морали; въ ласкающихъ интонаціяхъ—проникновенную душу. Слѣпая и глухая къ доводамъ здраваго разсудка, она мчится, летитъ навстрѣчу обманчивымъ и вновь возрождающимся мечтамъ отлетѣвшей юности. Она не хочетъ видѣть въ Суровѣ случайнаго пассажира, относящагося къ ней съ обычной, въ данныхъ мимолетныхъ встрѣчахъ, фриволностью. Фантазія рисуетъ ей Сурова совершенно отличнымъ отъ толпы обыкновенныхъ мужчинъ съ пошлыми, но вполнѣ жизненными вождѣленіями къ красивой, увлекающейся пассажиркѣ...

Послѣ трехъ сутокъ, проведенныхъ до поздняго вечера вдвоемъ въ несмолкаемой живой бесѣдѣ, настаетъ неизбѣжный часъ прощанія. Поѣздъ подходитъ къ послѣдней станціи. Въ сѣромъ утрѣ, туманномъ, сыромъ и гниломъ мелькаютъ покрытыя налетомъ инея поля и болота. Тусклое небо, тусклая природа. Въ сердцѣ

Вероники сразу померкли яркія краски, когда, выйдя изъ купэ, она встрѣтила Сурова съ усталымъ, пожелтѣвшимъ лицомъ и такимъ же, какъ осеннее сѣверное утро, непривѣтливымъ, сдержанно-холоднымъ взглядомъ. Она силилась найти въ этихъ глазахъ вчерашнюю искру внимательнаго привѣта, но они оставались непроницаемыми. Нѣсколько незначущихъ фразъ... холодный привѣтъ... Вероника не хочетъ вѣрить, что передъ ней хорошо знакомый типъ замкнутаго столичнаго бюрократа.

— Прошу васъ, Сергѣй Владиміровичъ, поставьте эту крошечную вещицу на вашъ письменный столъ: глядя на нее, вы хоть иногда вспомните эти три дня живой, незабываемой для меня бесѣды...

Вероника протягиваетъ ему миніатюрную эмалевую коробочку, которую всегда имѣетъ при себѣ въ роли пудреницы.

— Благодарю васъ, но я не могу исполнить вашего желанья,—слышитъ она отвѣтъ на свою робкую просьбу.

Сердце вздрогнуло отъ укола обиды:

— Почему?—спрашиваетъ она и слегка блѣднѣетъ.

— Потому что я никогда не былъ и не буду рабомъ чужихъ желаній. Вы хотите навязать мнѣ вашу волю. Я опредѣленно ее отвергаю.

Въ глазахъ Вероники отражается укоръ и удивленіе. Она молча прячетъ въ карманъ эмалевую коробочку.

— Vous êtes froissée?...—спрашиваетъ Суровъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Don't care, —пожимаетъ плечами Вероника, силясь подавить волну незаслуженной обиды.

— ...Я заѣду къ вамъ, если разрѣшите... я позвоню

вамъ... — говоритъ Суровъ, сжимая на платформѣ холодную руку Вероники и не замѣчая ея измѣнившагося лица съ глазами, отражающими и боль, и тоску. Волна суетливо бѣгущей публики оттѣснила ихъ. Не оборачиваясь, Вероника идетъ впередъ. Красивый сонъ кончился. Грохотъ и сутолка на улицахъ... Заспанный швейцаръ... Неуютная, цѣлое лѣто нежилая квартира... мебель въ чехлахъ... Тоскливое чувство, какъ будто перерванной нити, которую надо поскорѣе опять связать, чтобы войти въ рамку городской жизни, такой непохожей на лѣтніе яркіе мѣсяцы, проведенные подъ южнымъ солнцемъ на берегу синяго моря.

Черезъ нѣсколько дней короткій оффиціальный визитъ, неуловимо-скользящій разговоръ, оставившій въ душѣ слѣдъ обиды, и недоумѣніе передъ тѣмъ, который казался такимъ опредѣленно-яснымъ и понятнымъ въ долгіе часы бесѣды, промелькнувшіе, какъ красочный, слишкомъ короткій сонъ. Нѣсколько телефонныхъ звонковъ, волнующихъ то ласковымъ сочувствіемъ, то упрямымъ непониманіемъ или плохо скрытой насмѣшкой... Вероника, путаясь въ шарадѣ непонятнаго къ ней отношенія, не находила въ себѣ рѣшимости взглянуть на происшедшее съ точки зрѣнія мужской психологіи, которая, назвавъ такой эпизодъ неудавшейся мимолетной интригой, съ легкимъ уколомъ самолюбія, спѣшитъ отойти прочь...

Съ трудомъ оторвавшись отъ безполезныхъ, на одной и той же точкѣ кружащихся мыслей, Вероника, чтобы отвлечься отъ нихъ, сложила краски и кисти и выѣхала изъ дома. День прошелъ скучно и безполезно. Вечеромъ, протянувъ на диванѣ ноги и стараясь не

слышать, какъ частый осеннiй дождикъ уныло барабанилъ по стекламъ оконъ, она углубилась въ чтенiе. Рѣзкiй звонокъ телефона заставилъ ее вздрогнуть. Она отбросила книгу, быстро спустила ноги, взглянула мимоходомъ на маленькiе часы-браслетъ и, рѣшивъ, что для условнаго звонка Анэты Рязанцевой еще слишкомъ рано, поспѣшила снять трубку.

— Я вамъ не помѣшалъ? — услышала она голосъ князя и, слегка взволнованная, не сразу отвѣтила:

— Нисколько... я въ тишинѣ и полномъ одиночествѣ...

— Мнѣ показалось, что въ послѣднемъ нашемъ разговорѣ съ вами, Вероника Антоновна, звучала какъ будто какая то неясная, негармоничная нотка.

— Да, съ вашей стороны, Сергѣй Владимiровичъ.

— Мнѣ показалось, что это было обоюдно. Или я не правъ?

— Вы не правы.

— Ну, пусть будетъ такъ. Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать: вчера я былъ на охотѣ. Въ лѣсу было настоящее волшебное царство. Je suis trè sensible aux beautés de la nature. Меня околдовалъ лѣсъ съ золотистымъ и багрянымъ уборомъ, съ шурщащимъ ковромъ на влажной землѣ, съ холодными лучами, скользящими по стволамъ... Меня очаровала грустная осенняя пѣсня увядающаго лѣса, я ощутилъ глубочайшую гармонiю въ душѣ природы и мной овладѣло неясное, настойчивое желанiе такой же гармонiи въ самомъ себѣ и въ другихъ. Я вспомнилъ васъ и нѣкоторыя ваши слова. Результатъ этихъ мыслей—желанiе договориться съ вами, выяснить опредѣленно наши позицiи

по отношенію одинъ другого и такимъ образомъ, устранивъ все острое, колющееся, водворить въ душѣ гармонію...

— Увядающаго лѣса съ опавшимъ, мертвымъ листомъ?..—подсказала Вероника чуть насмѣшливымъ и вмѣстѣ грустнымъ голосомъ.

— Хотя бы и такъ. Ничто въ природѣ не умираетъ вѣчно: все возрождается новыми силами къ новой жизни,—съ пафосомъ проговорилъ Суровъ.

— Не золотите пилюли. Я готова выслушать вашъ prélude, но уже знаю впредь, что гармоніи онъ для меня не создастъ.

— Вѣрьте мнѣ, т.-е. моему опыту: внезапныя чувства такъ же внезапно умираютъ, какъ и рождаются.

— Хорошо, хорошо, Сергѣй Владиміровичъ, я это уже не разъ слышала отъ васъ и не разъ повторяла вамъ, что это бываетъ не всегда и не со всѣми. Перейдемте лучше къ тому, что должно выяснить, какъ вы выразились, наши позиціи.

— Если разрѣшите, то я завтра же вечеромъ приду къ вамъ.

— Прошу васъ.

— Отлично. Я увѣренъ, что вы захотите внимательно выслушать меня и, главное, отнесетесь съ довѣріемъ къ каждому моему слову.

— Я вамъ обѣщаю, иначе и быть не можетъ.

— Спокойной ночи.

Вероника повѣсила трубку, опять протянулась на диванѣ, взяла книгу, но въ ушахъ стоялъ картавый голосъ, такой мягкій и ласкающій въ своемъ звукѣ и такъ мало обѣщающій въ словахъ... Осенній дождикъ

неумолчно барабанилъ въ окна и слышно было, какъ стекали его холодныя, мутныя струйки по наружной сторонѣ стеколъ.

— ...Ахъ... — чуть слышно вздохнула Вероника, отложила книгу и закрыла глаза. — O sole, sole mio! Горячее, золотое солнце, ты бы вылѣчило меня,—прошептала она и мгновенно перенеслась подъ небеса юга, на отлогій и знойный берегъ любимаго моря, гдѣ голубовато-зеленая волна плещетъ и вѣчно омываетъ прибрежный, покрытый мхомъ камень. Она утонула въ ощущеніяхъ тепла и свѣта далекихъ, мерещущихся ей красотъ юга.

V.

Опять шелъ дождикъ. Въ тускломъ осенне-сыромъ воздухѣ мелькали пѣшеходы по мокрымъ панелямъ; неясными расплывающимися кругами свѣтились желтоватыя пятна фонарныхъ рожковъ; тучи, какъ мокрая вата, низко осѣли надъ сѣрыми, неуютно-громоздкими домами. Гнилой петербургскій осенній вечеръ силился заглянуть сѣрыми, мутными очами въ окна жителей столицы, но они тщательно прятались отъ него, завѣшивая окна тяжелыми темными портьерами, создавая уютъ и тепло ярко пылающими каминами и смягчающими рѣзкій электрическій свѣтъ причудливыми абажурами на лампахъ.

Князь Суровъ, отобѣдавъ, какъ всегда, съ матерью, зашелъ въ кабинетъ, написалъ дѣловое письмо, посмотрѣлъ на часы, допилъ остывшій въ чашкѣ черный кофе, подошелъ къ зеркалу, тщательно поправилъ

гладко зачесанные на бокъ волоса, позвонилъ лакея и вышелъ въ переднюю. Было половина десятаго, когда онъ вошелъ въ небольшую очень уютную комнату, съ пушистымъ по всему полу ковромъ, мягкой удобной мебелью стиля первой имперіи и молочно-матовымъ освѣщеніемъ сверху. Вскорѣ послышались быстрые шаги и вошла Вероника. Она успѣла подавить волненіе, и князь не замѣтилъ смущенія ни въ ея лицѣ, ни въ голосѣ.

— Я рада васъ видѣть,—просто сказала она, указывая ему кресло рядомъ съ диваномъ, на который опустилась сама. Тутъ же на передвижномъ столикѣ былъ приготовленъ чай, фрукты и вино.

— Я не оторвалъ васъ отъ работы?—спросилъ Суровъ, удобно усаживаясь на указанное ему кресло. Наканунѣ онъ очень поздно легъ, послѣ затянувшейся почти до утра карточной игры, а потому чувствовалъ себя усталымъ, съ легкой нервной неуравновѣшенностью невыспавшагося человѣка. Онъ предпочелъ бы быть у себя дома и рано лечь спать, вмѣсто перспективы сложнаго объясненія съ утонченной, какъ ему казалось, кокеткой, и возвращенія домой по сырымъ улицамъ, съ пронизывающимъ холоднымъ вѣтромъ. Такъ какъ онъ не вѣрилъ въ искренность чувствъ Вероники, то рѣшилъ, какъ подобаетъ дипломату, выиграть игру, ведя ее тонко и осторожно.

— Отъ какой работы?—переспросила Вероника.

— Впрочемъ, вы вѣроятно пишете только днемъ.

— Вы про картину говорите? О нѣтъ, я очень часто работаю по вечерамъ и по ночамъ; но вѣдь я ужъ говорила вамъ, что это время я совсѣмъ не могу работать.

— Вѣроятно, вы немного лѣнитесь, Вероника Антоновна, и измышляете для оправданія несуществующія причины.

Вероника пожала плечами:

— Вы совсѣмъ не понимаете меня. Я никогда не лѣнюсь писать; краски—это моя жизнь. Но творчество требуетъ радостнаго полета крыльевъ, мои же крылья теперь связаны.

— Въ такомъ случаѣ вы должны пересилить себя,— серьезными глазами глядя на Веронику, проговорилъ князь Суровъ, дѣлая удареніе на словѣ «должны».

— Не могу...—чуть слышно прошептала она опуская глаза.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Вероника чувствовала, что сидѣвшій передъ ней князь Суровъ былъ чуждъ и далекъ ей. Она не находила словъ, тѣхъ легкихъ и свободныхъ словъ, которыя такъ просто и непринужденно слетали съ ея устъ еще такъ недавно въ милыхъ долгихъ бесѣдахъ подъ грохотъ колесъ въ маленькомъ купэ. Въ это самое время Суровъ, глядя на ея опущенную голову, не учитывая неловкаго молчанія, думалъ о томъ, что напрасно назначилъ на этотъ вечеръ объясненіе, въ сущности, странное и ненужное, что онъ усталъ, что ему хочется спать и что надо поскорѣе все это кончить.

— Итакъ, Вероника Антоновна, вы обѣщали выслушать меня...

— Да, конечно, я слушаю васъ,—она покорно сложила руки на колѣняхъ и, съ незамѣтнымъ для князя трепетомъ пальцевъ, начала перебирать конецъ ленты чернаго шелковаго платья.

— Я буду искрененъ и даже жестокъ въ своей правдивости, — началъ Суровъ свое объясненіе, перекладывая ногу на ногу и удобнѣе умащиваясь въ креслѣ.

— О... — Вероника сдѣлала неопредѣленный жестъ рукой, и едва уловимая насмѣшливая улыбка, надъ собой-ли, или надъ княземъ, скользнула по ея губамъ.

— Вы, Вероника Антоновна, живете фантазіей и сердцемъ и совокупность этихъ двухъ, необходимыхъ для васъ, элементовъ питаетъ ваше творчество. Вы живете надъ реальностью и на жизнь смотрите сквозь вамъ одной присущую призму. Я склоненъ повѣрить, что чувства ваши сильны и искренни, но тѣмъ не менѣе они созданы вашей фантазіей и не имѣютъ никакой реальной почвы, потому что во мнѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, могущихъ давать пищу этимъ вашимъ... фантастическимъ чувствамъ.

Вероника продолжала сидѣть въ той же мягкой позѣ, съ опущенными на колѣняхъ руками, нервно перебирающими конецъ ленты. Легкая краска начинала, чуть замѣтнымъ розовымъ пятномъ, окрашивать ея щеки. Вѣки опущенныхъ глазъ иногда вздрагивали, но лицо было спокойно, даже холодно.

— Я, Вероника Антоновна, давно покончилъ съ жизнью сердца, — невозмутимо продолжалъ князь. — Весь я, все мое сознательное существо — это только мозгъ. Я—это мозгъ; холодный, разсудительный мозгъ, стремленіе котораго заключено въ одну узкую, опредѣленную рамку: дипломатическая карьера. Все подчинено этому стремленію, все исключено, что не имѣетъ прямого къ этому отношенія. Я не хочу ослаблять

свою волю и свою энергію отклоненіями отъ этого, строго и опредѣленно намѣченнаго мною пути. Мой мозгъ всегда холодно уравновѣшенъ, а мое сердце мертво. Въ моей груди пусто, и я не позволю никому нарушать этотъ мертвый, желанный мнѣ покой, — докончилъ князь свою тараду въ приподнятомъ тонѣ. Картавый, изящный пафосъ неожиданно ударилъ по сердцу Вероники, и она, заслушавшись его, на секунду подняла на князя ласковый, мечтательный взглядъ:

— Это очень красиво... — съ улыбкой произнесла она.

— Вы находите? Однако въ данномъ случаѣ я не забочусь о красотѣ; я думаю лишь о пользѣ.

— На-а-прасно. — протянула Вероника, неожиданно почувствовавъ сильную усталость. Она уже предвидѣла, что объясненіе, котораго она съ такимъ напряженіемъ ждала весь день, не приведетъ къ радостнымъ для нея результатамъ, и потому нервный подъемъ сразу осѣлъ, смѣнившись чувствомъ апатіи и усталости.

— Красиво было не то, что вы говорили, а то, какъ вы говорили,—добавила она уже безъ тѣни улыбки.

— Вотъ видите, какъ во всемъ сказывается въ васъ на первомъ мѣстѣ художница! Вы вслушиваетесь не столько въ то, что я говорю, какъ въ то, какъ я говорю.

— Одно не мѣшаетъ другому, — Вероника пожала плечами, приподнялась съ дивана, придвинула ближе передвижной столикъ, зажгла подъ серебрянымъ чайникомъ спиртовую камфорку и принялась наливать чай.

— Пожалуйста, налейте вина себѣ и мнѣ, — попро-

сила она и выпила залпомъ полный стаканчикъ краснаго вина. Она боялась, что внезапный упадокъ энергіи князь приметъ за подавленность, порожденную дѣйствіемъ его словъ. Вино оказало желаемый результатъ: черезъ нѣсколько минутъ глаза Вероники вновь заблистали.

— Итакъ, Сергѣй Владиміровичъ, — заговорила она, протягивая ему чай и придвигая печенье и фрукты, — вамъ не нужны ничьи чувства? Вамъ нуженъ только холодный мозгъ, и вы увѣрены, что съ этимъ однобокимъ совѣтникомъ вы найдете наиболѣе блестящіе пути для вашей карьеры?

— Увѣренъ вполнѣ.

— Прекрасно. Это касается васъ, но какое же это имѣетъ отношеніе ко мнѣ? Развѣ все, что вы мнѣ сказали, можетъ помѣшать моимъ чувствамъ или измѣнить ихъ? Развѣ я ставила вамъ какія-нибудь условія или предъявляла требованія?

— Однако... я не могу ничего вамъ дать взамѣнъ вашихъ чувствъ.

— А развѣ я просила что-нибудь?

— Это подразумѣвается само собой...

— Что «это»?—Вероника оперлась ладонями о края дивана и, подавшись впередъ, съ насмѣшливой, вызывающей улыбкой смотрѣла князю въ глаза.

— Разрѣшите вопросомъ отвѣтить на вашъ вопросъ, Вероника Антоновна. Увѣрены ли вы вполнѣ, что въ вашемъ чувствѣ ко мнѣ нѣтъ чувственнаго элемента?

— Я этого не отрицаю, такъ какъ кромѣ души у меня есть и тѣло, но развѣ я не доказала вамъ... тогда... во время путешествія, что чувственную сто-

рону я подчиняю, по отношенію къ вамъ, духовной, что въ основаніи моихъ чувствъ къ вамъ лежитъ желаніе близости душевной?

— Въ такомъ случаѣ, вамъ пришлось бы подчинить свою волю моему закону и жить этимъ закономъ.

— Какимъ закономъ?

— Холоднаго разсудка.—Князь пространно повѣствовалъ на эту тему, слушая самъ себя, увлекаясь новыми, неожиданно приходившими ему въ голову варіантами и не подозрѣвая, что Вероника, съ внимательно устремленными на него глазами, отгадывая несложное значеніе его сложной рѣчи, давно перестала его слушать и думала только о томъ, что сейчасъ, здѣсь въ его присутствіи ей надо сказать себѣ, что ея пѣсня такъ и останется недопѣтой, что больше она не будетъ искать ни встрѣчъ, ни разговоровъ съ нимъ и заставитъ себя понять безплодность мечтаній.

Она устало закрыла глаза, отогнала мысли и вслушалась въ плавно льющуюся рѣчь:

— ...Я увѣренъ, что въ васъ, кромѣ фантазіи, говоритъ упрямство: вамъ во что бы то ни стало хочется поставить на своемъ...—услышала Вероника. Она поморщилась, какъ отъ физической боли,—настолько несоотвѣтствовали слова Сурова ея внутреннимъ побужденіямъ. Ей хотѣлось красокъ, экстаза, творческихъ взмаховъ и красоты сложныхъ, утонченныхъ отношеній, а князь съ упрямымъ непониманіемъ холоднаго аналитика, низводилъ ея чувства въ рамку прозы и шаблона.

— Хорошо, Сергѣй Владиміровичъ,—устало прервала она его,—пусть будетъ такъ, какъ вы говорите;

но какое же резюмэ всему, что я отъ васъ слышала?

— Резюмэ?—Князь на секунду задумался.—Резюмэ—это что вы должны вылечиться...

— Какимъ средствомъ?

— Подчиненіемъ разсудку.

— Не могу...—устало пожала плечами Вероника.

Въ такомъ случаѣ, что же мнѣ остается дѣлать?—улыбаясь съ видомъ покорнаго недоумѣнія, развелъ руками князь.

— Уйти...—чуть слышно произнесла она.

— Что я и сдѣлаю.—Князь рѣшительно поднялся съ кресла.

— Вероника рванулась впередъ:

— И вы сейчасъ уйдете?

— Разумѣется...—Чтобы не задѣть столика, Суровъ, осторожно обогнувъ его, шагнулъ впередъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Владиміровичъ, вѣдь вы не уйдете... такъ?..

— Я ухожу. До свиданья.

— Въ такомъ случаѣ—...прощайте... да, прощайте...

Вероника быстро поднялась съ дивана и, закусивъ губы, силясь подавить волненіе, протянула руку. Князь коснулся губами ея пальцевъ и пошелъ къ двери.

— Пожалуйста вернитесь... на одну минуту...—остановила она его.

Онъ въ нерѣшительности опустилъ руку, которую поднялъ, чтобы раздвинуть портьеру. Вероника подошла къ нему. Мгновенно все ея существо залилось сознаньемъ, что ее не поняли, что безполезно стремиться къ выясненію такъ странно, неожиданно, но искренно охватившихъ ее чувствъ. Пройдетъ еще одна

минута, князь уйдетъ, хлопнетъ входная дверь, и ничего не останется отъ ея иллюзій. Ей страстно захотѣлось сказать Сурову что-нибудь хорошее и значительное, что заставило бы его хотя когда нибудь впослѣдствіи понять ее.

— Прощайте, Сергѣй Владиміровичъ. Я думала, что вы мое солнце, и потому, расправивъ широко крылья, моя душа стремилась къ вамъ. Но ей надо вернуться на землю, на ту землю, гдѣ въ багрянцѣ и золотѣ умирающаго лѣса вы обрѣтаете покой и гармонію для вашей души.

— Попробуйте сдѣлать то же и вы, Вероника Антоновна.

— Не знаю, князь, не знаю... Прощайте еще разъ...

Суровъ склонилъ голову въ вѣжливомъ поклонѣ и вышелъ.

Она осталась стоять на томъ же мѣстѣ. Опустивъ руки, съ закрытыми глазами, Вероника наружно точно застыла въ то время, какъ внутри совершалась трудная работа мозга за счетъ сердечныхъ порывовъ. Она силилась понять, какъ могло случиться, что такая громадная энергія силъ и чувствъ оказалась такой непроизводительной, ненужной, разсѣявшейся и растаявшей, точно паръ. Она тяжело вздохнула и съ пустымъ, похолодѣвшимъ сердцемъ опустилась въ кресло, въ которомъ нѣсколько минутъ тому назадъ сидѣлъ князь Суровъ.

На краю стола стоялъ его стаканъ съ недопитымъ краснымъ виномъ, въ пепельницѣ слабо тлѣлъ плохо затушенный окурокъ папиросы. Подлѣ кресла отогнутый уголъ ковра, задѣтый его ногой. Нѣ-

сколько минутъ тому назадъ все это имѣло для нея особый скрытый смыслъ: были какіе то мигающіе лучи надежды. И вдругъ такъ неожиданно и странно все кончилось. Въ комнатѣ, — въ ея уютномъ кабинетикѣ сразу стало пусто, напряженно тихо, одиноко и до слезъ тоскливо и обидно.

Пустота завтрашняго дня и предстоящая вереница послѣдующихъ дней пугали ея воображеніе. Казалось, будто слиняли краски со всего, что ее окружало, и не было желанія ни утѣшать ни успокаивать себя: хотѣлось лечь, зарыться съ головой въ подушки, ни о чемъ не думать и только вслушиваться, какъ больно щемитъ сердце.

VI.

Былъ второй часъ ночи, когда Вѣра Илларіоновна Быстрова, интересная, видная брюнетка, полная и высокая, сбросивъ на руки швейцара нарядную шубку, быстро поднялась по широкой, устланной алымъ бархатнымъ ковромъ лѣстницѣ, съ великолѣпными хрустальными вазами на поворотѣ. Не заходя на свою половину, слегка запыхавшись, съ раскраснѣвшимися щеками, съ оживленнымъ, взволнованнымъ лицомъ, она прошла рядъ пустыхъ, слабо освѣщенныхъ нарядныхъ комнатъ, билліардную, гдѣ за столикомъ слегка подремывалъ дежурный чиновникъ, небольшой кабинетикъ, обставленный старинной мебелью изъ карельской березы, и, постучавъ въ дверь и не ожидая отвѣта, вошла въ громадный кабинетъ брата, роскошно обставленный тяжелой мебелью, обитой зеленымъ сафьяномъ.

Картины, зеркала, бронза и мраморъ тонули въ полумракѣ слабо освѣщенной комнаты. У громаднаго письменнаго стола, заваленнаго всякими бумагами, сидѣлъ Быстровъ, просматривая цѣлую кипу перлюстрацій, доставленныхъ ему съ почты и телеграфа. Большая лампа подъ зеленымъ шелковымъ абажуромъ освѣщала небольшую поверхность стола мягкимъ ровнымъ кругомъ.

— Ты, Вѣра? — Спросилъ Быстровъ, не отрываясь отъ чтенія и не поднимая головы.

— Да, я. Здравствуй, Миша. Ты очень занятъ? — Вѣра Илларіоновна, шурша шелкомъ, подошла вплотную къ столу, стягивая длинныя бѣлыя перчатки.

— Очень.

— Надолго?

— Съ часикъ еще посижу.

— Ну, брось на минутку... Надо поговорить. — Она опустилась въ стоявшее у стола массивное кресло, высоко подняла надъ головой руки и стала поправлять смятую прическу.

— Изволь. Я пока покурю. — Быстровъ откинулся на спинку кресла, закурилъ папиросу, сбросилъ черепаховое pince-nez и посмотрѣлъ на сестру:

— Ты откуда?

— Отъ Ксеніи Михайловны. Гибель народу было и очень весело. Слушай, Миша, я на тебя ужасно зла. Ты, оказывается, перессорился съ Михайловскимъ?

— Ну такъ что же? — протянулъ Быстровъ, поднявъ голову и медленно выпуская струю дыма.

— Какъ — такъ что же? Ты съ ума сошелъ. — Вѣра Илларіоновна опустила руки и всѣмъ корпусомъ по-

вернулась въ сторону брата. Легкое кружево, низко вырѣзанное на высокомъ полномъ бюстѣ, заволновалось, и темные, добрые глаза, съ выраженіемъ упрека и недоумѣнія, уставились на равнодушное, спокойное лицо брата.—Ты же отлично знаешь, что Михайловскій неравнодушенъ ко мнѣ...

— Предположимъ, что я догадывался,—не измѣняя позы и продолжая выпускать кверху струи дыма, процѣдилъ Быстровъ.

— Ты отлично знаешь, что мнѣ уже не двадцать лѣтъ, и что... словомъ, это большое съ твоей стороны свинство.

Вѣра Илларіоновна, какъ всегда, отъ волненія сильнѣе пришепетывала, что нисколько не портило ее. Она отвернулась и нѣсколько минутъ молчала. Быстровъ скосилъ глаза въ сторону сестры, и легкая улыбка скользнула по его усталому лицу.

— Я нахожу, что Валинскій гораздо больше къ тебѣ подходитъ. При твоей царственной осанкѣ, такой красавецъ былъ бы гораздо лучше въ парѣ съ тобой, чѣмъ этотъ толстякъ.

— Терпѣть не могу, когда ты говоришь глупости! Валинскій трется во дворцахъ и любезничаетъ со мной только потому, что ты ему нуженъ, а Михайловскій душевный человѣкъ...

— Что не мѣшаетъ ему дѣлать мнѣ по службѣ пакости.

— Ну, ужъ это ты самъ виноватъ. Я тоже кое-что знаю.

— Что же напримѣръ?

— Ахъ, меня это не касается. Я, ты знаешь, въ твои дѣла не вмѣшиваюсь, хоть и знаю многое.

— Ну, напримѣръ, напримѣръ? — снисходительно улыбался Быстровъ, забавляясь волненіемъ сестры.

— А вотъ хотя бы то, что эта пройдоха Марія Аполлоновна, вмѣсто того, чтобы твоимъ именемъ обдѣлывать свои дѣла, лучше бы предупредила тебя, что отставка Головинскаго уже рѣшена, и что онъ хочетъ обнаружить документы по дѣлу Асевича, которые сильно тебя компрометируютъ. Объ этомъ уже говорятъ громко. Только что у Ксеніи Михайловны меня по дружбѣ предупредила объ этомъ Перелешина.

— Удивительная дружба — говорить гадости, — равнодушно пожалъ плечами Быстровъ.

— Какъ бы тамъ ни было, но вотъ я предупреждаю тебя. Если надо, прими къ свѣдѣнію... А съ Михайловскимъ, пожалуйста, не вздорь,—не порти моихъ съ нимъ отношеній.

— Помилуй, Вѣра, что за дикія требованія! Изъ-за расчетовъ твоего флирта я долженъ поступаться дѣлами государственной важности?

— Ахъ, пожалуйста, ты, Миша, хоть со мной не ломайся,—мгновенно вспылила Вѣра Илларіоновна. — Государс венной важности...—передразнила она его, очень мѣтко уловивъ искусственную манеру говорить слегка въ носъ и на растяжку —Ужъ не назовешь ли ты дѣломъ государственной важности и это твое занятіе? Копошишься въ доносахъ, сплетняхъ и перечитываніи чужихъ писемъ, считая, что это дѣло огромной важности. А я тебѣ скажу, что это гадость и безполезное занятіе. Ссоришься со всѣми, потому что носъ дерешь и слишкомъ высоко влѣзть хочешь. Никакой тутъ нѣтъ государственной важности! И Михайловскій

совершенно правъ, что ты суешься въ дѣла, которыя тебѣ не подвѣдомственны. Слишкомъ зарвался! Какъ бы шею не сломалъ.

— Не безпокойся,—не сломаю.

— Мнѣ же лучше будетъ, — улыбнулась Вѣра Илларіоновна, но черезъ секунду лицо ея опять омрачилось. — Послѣзавтра у меня затѣвается послѣ балета ужинъ, и Михайловскій навѣрное изъ-за тебя не пріѣдетъ.

— Не прикажешь ли мнѣ на поклонъ къ нему поѣхать?

— Могъ бы не ссориться хоть съ однимъ человѣкомъ, зная, что для меня это важно.

— Не я съ нимъ ссорюсь, Вѣра...

— Ну еще бы, конечно!.. Завтра же поѣду къ его матери и скажу ей, что я очень огорчена.

— Плюнь ты на Михайловскаго. Я тебѣ устрою съ Валинскимъ.

— Пожалуйста, уволь. Терпѣть не могу этого выхоленнаго красавца. Да онъ и не женился бы на мнѣ никогда.

— Скажи, пожалуйста, Вѣра, у Ксеніи Михайловны не говорили о послѣднемъ думскомъ инцидентѣ?

— Что-то говорили, но мнѣ такъ надоѣло все это слушать, что я ушла въ другую комнату.

— Очень жаль, что ушла...

— Довольно съ тебя Маріи Аполлоновны. Пусть собираетъ всѣ свѣдѣнія, а я подальше отъ этой твоей политики. Мнѣ хочется жить...

— Ужъ кажется живешь. Чего же большаго?..

— Ну да, а вотъ съ Михайловскимъ испортилъ мнѣ дѣло. Я очень зла на тебя.—Вѣра Илларіоновна натянула на плечи сползавшій горностаевый палантинъ и поднялась съ кресла.

— Ну, я иду спать. Адски устала. Весь день трепалась Сегодня мы обѣдали у Кюба и столько выпили шампанскаго, что у меня подъ конецъ закружилась голова.

— И у Михайловскаго тоже? — лукаво улыбнулся Быстровъ.

— Увы... еще нѣтъ! — добродушно разсмѣялась сестра.—Спокойной ночи. Я зла на тебя и потому не цѣлую.

Вѣра Илларіоновна капризно повела плечомъ и вышла изъ кабинета.

Прійдя въ свою спальню, она, не желая поднимать съ кровати горничную, раздѣлась сама. Накинувъ халатъ «кимоно» и сѣвъ передъ туалетнымъ столомъ, уставленнымъ въ большомъ количествѣ всякими баночками и флакончиками, Вѣра Илларіоновна зажгла обѣ электрическія свѣчи, ярко озарившія зеркало и заигравшія безчисленнымъ множествомъ преломляющихся лучей въ хрусталѣ граненыхъ флаконовъ и, подавшись впередъ, принялась тщательно разглядывать и массировать свое полное, еще свѣжее лицо. Съ нѣкоторыхъ поръ ее тревожила малѣйшая морщинка или пятно на кожѣ, пугалъ сѣдой волосъ въ начинающихъ рѣдѣть и укорачиваться волосахъ. Одаренная отъ природы неисчерпаемымъ запасомъ безпечнаго веселья и легкомыслія, всегда ровно привѣтливая, всегда въ прекрасномъ настроеніи духа, го-

товая принимать участіе въ забавахъ и кутежахъ, она была любимицей общества. Несмотря на четвертый десятокъ, близившійся къ концу, Вѣра Илларіоновна ни въ чемъ не походила на старую дѣву и не чувствовала себя ею. Добрый товарищъ въ дамской и мужской компаніи, безхитростная и прямая, она ко всѣмъ относилась искренно и просто. Нетребовательная къ жизни, она мечтала лишь о томъ, чтобы въ концѣ концовъ найти себѣ добраго мужа, который любилъ бы и понималъ ее.

Уступивъ просьбамъ брата, имѣвшаго въ виду не столько ея удобства, сколько личныя выгоды, она противъ желанія переселилась въ пышные аппартаменты его казенной министерской квартиры, чтобы, въ роли хозяйки, поддерживать престижъ блестящихъ пріемовъ, до которыхъ Михаилъ Илларіоновичъ былъ большой охотникъ. Онъ вѣрно расчиталъ, что величавая фигура сестры, живость ея характера и умѣнье быть пріятной и любезной хозяйкой придадутъ его оффиціальнымъ пріемамъ симпатичный и семейный характеръ.

Тактичная и хорошо воспитанная, Вѣра Илларіоновна отгадывала чутьемъ, съ кѣмъ вести какіе разговоры и о чемъ надо умалчивать. Она была полезна брату тѣмъ, что была ко всѣмъ доброжелательна и его аффектированную и вычурную любезность смягчала простотой и радушіемъ. Насколько онъ былъ тщеславенъ и честолюбивъ, настолько Вѣра Илларіоновна не требовала отъ жизни ничего, кромѣ простыхъ и душевныхъ радостей. Ей были чужды и непонятны затѣи высокихъ, головокружительныхъ перспективъ, къ

которымъ ея братъ шелъ съ холоднымъ и вѣрнымъ расчетомъ. Когда онъ начиналъ ей перечислять пройденныя имъ ступени къ завоеванію власти, она небрежно пожимала плечами:

— Удивляюсь. Что тебѣ за охота лѣзть въ этотъ омутъ? Мечешься съ утра до ночи и было бы чего... Всѣ твои звѣзды, ордена и шитые мундиры не стоятъ того, чтобы терять здоровье. Посмотри на кого ты становишься похожъ?.. Похудѣлъ, пожелтѣлъ... Скоро на тебя ни одна женщина не станетъ смотрѣть.

— Погоди еще немного, Вѣрочка, я такъ взлечу, что голова закружится,—съ тонкой улыбкой на красивыхъ губахъ замѣчалъ сестрѣ Быстровъ.

— Меня это не занимаетъ... Я удивляюсь, какъ ты можешь такъ жить: безъ любви, безъ флиртовъ, безъ веселья...

— Терпѣнье, мой другъ, терпѣнье; tout vient à temps à qui sait attendre.

— Все равно, истреплешься отъ такой жизни и никуда не будешь годенъ.

— Да-а, мнѣ очень жаль, что у насъ съ тобой такъ расходятся взгляды на жизнь,— протянулъ Быстровъ, глядя на сестру.—А то бы, опираясь на меня, и ты могла бы достигнуть многаго. У тебя для этого есть данныя.

— Нѣтъ, ужъ лучше я сама по себѣ останусь,— добродушно отвѣчала Вѣра Илларіоновна.

Въ этотъ вечеръ она была раздражена противъ брата и, глядясь въ зеркало, думала о томъ, что если и на этотъ разъ сорвется ея мечта выйти замужъ, то виноватъ будетъ исключительно братъ, не желающій

считаться съ тѣмъ, что его ссоры съ человѣкомъ, нравящимся и близко подошедшимъ къ ней, могутъ разстроить ихъ отношенія, въ которыхъ ей чуялась возможность прочнаго личнаго счастья.

Вѣра Илларіоновна никогда не была особенно близка съ братомъ. Считая его эгоистичнымъ и холоднымъ и не разъ высказывая ему это, она однако съ нимъ не ссорилась, и отношенія ихъ, безъ особой внутренней глубины, были дружескія. Живя подъ одной крышей, Вѣра Илларіоновна вскорѣ поняла всю силу неисчерпаемаго честолюбія и властолюбія своего брата, чуждыхъ ея натурѣ. Вращаясь въ бюрократическихъ и высшихъ салонахъ, она начала отгадывать опасную азартную игру, въ которую братъ ушелъ по уши. Она отгадывала вѣрнымъ чутьемъ безъыскусственной натуры, что игра эта ведется за счетъ собственныхъ честолюбивыхъ замысловъ въ ущербъ честному служенію странѣ. Между врагами его она насчитывала большею частью людей достойныхъ и честныхъ. Тогда она отмежевалась отъ участія въ какихъ бы то ни было предпріятіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ карьерѣ брата и, наконецъ, однажды объявила ему, что никакихъ визитовъ оффиціальнаго характера она не желаетъ ни принимать, ни дѣлать. Сегодняшній вечеръ, проведенный въ шумномъ и пестромъ салонѣ, подтвердилъ наблюденія, что братъ стоитъ на опасной позиціи дерзкаго вызова правящимъ кругамъ. Ее тяготило сознаніе, что, живя съ нимъ, она находится въ двусмысленномъ положеніи причастности къ тому, чему она ни въ какомъ случаѣ не сочувствовала. Переселиться же на другую квартиру она не считала

возможнымъ, зная, что это вызоветъ невыгодные для него толки и сплетни. Въ данный моментъ ее больше всего огорчало, что Михайловскій, видный земскій дѣятель и членъ государственной думы, можетъ отшатнуться послѣ ссоры съ братомъ изъ чувства гордости и самолюбія отъ еще не упрочившейся дружбы съ нею. Ей необходимо было для объясненія съ нимъ, найти нейтральную почву, созданную какъ будто бы помимо ея воли и вѣдѣнія; кромѣ того, она хотѣла знать, насколько серьезна была ссора, и могла ли она принести прямой вредъ карьерѣ Михайловскаго.

Занятая этими мыслями, она почти машинально продолжала массажъ лица и шеи, не замѣчая, что уже давно пробило половина третьяго. Неожиданно она вспомнила о Вероникѣ Кампіони, о томъ, что та встрѣчается съ пріятельницей брата—Маріей Аполлоновной, и что, конечно, никто лучше этой пріятельницы не освѣдомленъ обо всемъ, что касается интересующаго ее вопроса. Она рѣшила завтра же побывать у Вероники и переговорить съ нею.

Успокоенная этимъ планомъ, она затушила свѣтъ передъ туалетомъ, опустилась на колѣни передъ большимъ кіотомъ съ образами, принадлежавшими покойной матери и молилась долго и усердно, кладя земные поклоны, чтобы Господь услышалъ ее и устроилъ бы ея личное счастіе, т. е. бракъ съ Михайловскимъ.

VII.

Для Вероники Кампіони потекли дни тоскливой чередой. Силясь вырваться отъ гнетущей, преслѣдующей ее мысли о князѣ Суровѣ, она то запоемъ бра-

лась за кисти и краски, то запоемъ выѣзжала, звала къ себѣ гостей, искала веселья и забвенія и не находила его. Послѣ ихъ послѣдней встрѣчи, такъ неожиданно кончившейся его уходомъ, Вероника сперва впала въ состояніе тупой апатіи. Она могла по цѣлымъ днямъ, полулежа на диванѣ съ книгой въ рукѣ, страницы которой почти не перелистывались, думать о томъ, что въ ея жизни произошло что то странное, непонятное для нея и обидное. Она была увѣрена, что Суровъ не позвонитъ къ ней, не сдѣлаетъ ни шага, ни движенія, чтобы смягчить и скрасить черствость объясненія. Она дала себѣ клятву ни въ какомъ случаѣ не звонить къ нему и не только не искать, но даже избѣгать возможной встрѣчи съ нимъ. Она знала, что встрѣча принесетъ не успокоеніе, а новую боль, и въ то же время ей мучительно хотѣлось увидать его или хотя бы услышать его голосъ. Бывали минуты, когда она вдругъ, неожиданно для самой себя, быстро вскакивала съ мѣста, рѣшительно шла къ телефону и, съ падающимъ отъ волненія сердцемъ, снимала трубку аппарата. И такъ же быстро опускалась ея рука. Съ поникшей головой она долго стояла неподвижная и тоскующая, медленно клала трубку обратно и въ сотый разъ внушала себѣ, что никакіе призывы, никакія горячія, отъ сердца идущія, слова, не могутъ взлелѣять чувства, если нѣтъ для него корня. Слова будутъ звучать какъ пустой звукъ, и призывъ сердца покажется докучной и смѣшной жалобой.

За одно ласковое слово князя Сурова, она отдала бы всѣ свои свѣтскіе успѣхи. Привыкшая любить жизнь и ежечасно ощущать ея ласку, Вероника съ

тоской стала наблюдать, что всѣ ея желанія сводились къ мыслямъ о князѣ Суровѣ, къ тайной надеждѣ гдѣ-то и когда-то свидѣться съ нимъ. Ея гордость и самолюбіе избалованной женщины были задѣты этимъ сознаніемъ настолько, что, очертя голову, она бросилась въ водоворотъ жизни и добилась того, что пестрая смѣна впечатлѣній и физическая усталость затмѣвали сверлящую мысль и затаенное желаніе. Картину свою она докончила и была довольна ею, насколько можетъ быть доволенъ тотъ, кто подъ властью творчества неустанно ищетъ все болѣе и болѣе свѣтлыхъ горизонтовъ, все болѣе и болѣе чистыхъ и правдивыхъ глубинъ.

Грозныя событія войны, исподволь видоизмѣняя жизнь, клали отпечатокъ и на ея впечатлительную, отзывчивую натуру, но все же не могли оторвать ее отъ мыслей, такъ непонятно и странно завладѣвшихъ всѣмъ ея существомъ.

Однажды, когда Вероника, сверхъ обыкновенія, проведя вечеръ въ одиночествѣ за книгой, собиралась раздѣться, чтобы въ постели продолжать чтеніе, раздался телефонный звонокъ:

— Милочка, я въ двухъ шагахъ отъ васъ и хочу заѣхать къ вамъ на полчаса. Можно? Не поздно?—услышала она голосъ пріятельницы Быстрова—Мэри.

— Пожалуйста. Я очень рада,—отвѣтила Вероника.—Хотите чаю? Я велю приготовить.

— Я только что пила. Ничего не надо. Я сейчасъ пріѣду.

Черезъ десять минутъ Мэри сбрасывала въ передней пальто и, по привычкѣ, долго оправляла передъ зеркаломъ волоса и прихорашивалась.

— Ахъ, какъ я продрогла,—говорила она, передергивая плечами, кутаясь въ мѣховое боа и пожимая руку Вероники.

— Конечно вы продрогнете, если будете ходить въ такомъ легкомъ пальто.

— Но вѣдь я въ каретѣ.

— Ого! Vous êtes chic! Теперь почти всѣ остались безъ собственныхъ выѣздовъ, а вы—пріобрѣли. Par le temps qui court c'est de la folie...

— О нѣтъ. Конечно, карета не моя... У меня есть друзья, которые заботятся о моихъ удобствахъ... Я продрогла, просидѣвъ вечеръ у знакомыхъ. Холодище у нихъ адскій. Домохозяинъ совсѣмъ почти не топитъ. Говорятъ, дровъ не будетъ...

— Да, не будетъ...

— Вѣдь, это ужасно! Мы замерзнемъ...

— Да, вѣроятно замерзнемъ. Не все ли равно,— пожала плечами Вероника, забиваясь въ уголъ мягкаго, обложеннаго подушками, дивана.

— Ну нѣтъ, совсѣмъ не все равно. Вы, я вижу, продолжаете находиться въ состояніи индифферентизма и апатіи, а у меня сегодня какое-то дьявольское настроеніе. Вотъ только холодно, никакъ не могу согрѣться.—Мэри, забравшись на диванъ, поджала высоко колѣни и вся съежилась.—Нѣтъ ли у васъ вина? Простите, что я такъ безцеремонна.

— Представьте, что есть и даже нѣсколько бутылокъ. Достала по протекціи и хорошее и недорогое.

— Голубушка, скажите черезъ кого? Я положительно нигдѣ не могу достать. Я понимаю, что водку запретили, но чтобы лишать насъ вина—это абсурдъ.

Вероника распорядилась, чтобы подали вино. Мэри залпомъ выпила полный стаканчикъ, наполнила его еще разъ, начала согрѣваться и оживилась.

— У меня сегодня такое настроеніе, что я готова на какую угодно шалость. Мнѣ адски все это время везетъ въ дѣлахъ.

— А въ любви?...—лукаво улыбнулась Вероника, вспомнивъ то, что ей говорила Рязанцева объ отношеніяхъ Мэри къ Быстрову.

— Въ любви?...—Переспросила Мэри, потягиваясь и закрывая глаза.—Сейчасъ мнѣ нуженъ успѣхъ въ дѣлахъ, а затѣмъ, какъ апофеозъ, нужна будетъ и любовь. Вѣдь я, милая, изъ особаго тѣста сдѣлана. Во мнѣ очень много мужского, а потому къ жизни я предъявляю чисто-мужскія требованія.

— Какіе же?

— Я—карьеристъ въ юбкѣ. Для меня карьера,—это благородный спортъ. Я анестезирую сердце въ угоду мозгу.

— О Боже! Если бы васъ слышалъ одинъ мой знакомый, нервно разсмѣялась Вероника, вспомнивъ повѣствованія князя въ этой самой комнатѣ.

— А что? Онъ говорилъ то же, что и я?

— Буквально...

— Вотъ видите: я говорю вамъ, что во мнѣ мужская натура, и потому мнѣ нуженъ не столько любовникъ, сколько товарищъ.

— Ну, товарищей по честолюбію и тщеславію найти не трудно.

— Ну, нѣтъ. Вѣдь я ищу людей большого калибра. Цѣльныхъ и интересныхъ мужчинъ очень мало.

— Ихъ совсѣмъ нѣтъ, —устало протянула Вероника.

— Положимъ, есть. Немного, но есть.

— Не вижу ихъ. Назовите хотя одного.

— Да вотъ, не далѣе, какъ часъ тому назадъ, я превесело болтала съ очень интереснымъ, оригинальнымъ и не шаблоннымъ типомъ.

— Кто-жъ это?

— Мой хорошій знакомый—Асташовъ.

— Ас-та-шовъ?.. — Удивленно протянула Вероника.—Вы говорите—Асташовъ?

— Ну да. Почему вы такъ удивлены?

— Я слышала о немъ нѣчто иное: что онъ циниченъ и развратенъ.

— О, и даже очень,—разсмѣялась Мэри, отпивая вино и уютно примащиваясь на диванѣ, гдѣ согрѣвшись она чувствовала себя очень хорошо.

— Такъ что же тутъ интереснаго? Циничнымъ и развратнымъ каждый можетъ быть.

— Смотря потому, какъ. Асташовъ—это сильная марка. Тутъ цѣлая школа классическаго разврата.

— Господи, что за ерунда!—разсмѣялась Вероника.—Какая тутъ можетъ быть школа? Распутство и больше ничего.

— Вы смѣетесь, потому что, очевидно, не встрѣчали на своемъ вѣку цѣльныхъ, рельефныхъ типовъ убѣжденныхъ учителей разврата.

— Учителей?... Нѣтъ, Марія Аполлоновна, это восхитительно, что вы съ пресерьезнымъ лицомъ говорите такую ересь.

— А вы смѣетесь, не зная, что въ основѣ разврата можетъ быть заложена извѣстная идея красоты. Я.

видите ли, это отлично понимаю и, откровенно говоря, могла бы быть адептомъ такой школы, какъ Асташовъ, но... мнѣ некогда: я поглощена иными интересами. Асташовъ послѣдователь школы покойнаго извѣстнаго Петербургу барона Ленгара. Вы конечно слышали о немъ?

— Ничего не слышала.

— Гдѣ же вы живете? Баронъ Ленгаръ умеръ пять лѣтъ тому назадъ. Это былъ очень талантливый, утончено любящій искусство человѣкъ и большой его знатокъ. Онъ былъ необыкновенно остроуменъ и въ такой же мѣрѣ циниченъ. Ходили анекдотическіе разсказы о его циничныхъ и всегда неисчерпаемо-остроумныхъ выходкахъ. Онъ весь былъ извращеніе и развратъ.

— Какая гадость!—брезгливо повела плечами Вероника.

— Асташовъ былъ его большимъ другомъ и послѣдователемъ.

— Очень жаль, что баронъ Ленгаръ умеръ. Интересно было бы познакомиться съ нимъ, чтобы понять, какъ можетъ уживаться въ одномъ человѣкѣ любовь къ прекрасному и къ грязному.

— Познакомьтесь съ Асташовымъ: этотъ тоже любитъ искусство. Хотите я васъ познакомлю?

— Пожалуй, это будетъ забавно.

— И даже очень. За это я вамъ ручаюсь... Ахъ, знаете, что я придумала: мы его заинтригуемъ, хорошенько заинтригуемъ, чтобы онъ не зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— А это не опасно съ такимъ циникомъ?

— Онъ вполнѣ воспитанный человѣкъ и никогда не позволитъ себѣ оскорбить женщину. Великолѣпно! Я придумала.—Мэри поднялась съ дивана и, радуясь своей неожиданной затѣѣ, направилась къ телефону.— Я сейчасъ позвоню ему.

Она нажала кнопку и нѣсколько секундъ ждала отвѣта.

— Я слушаю,—ясно донесся чей-то, заглушенный пространствомъ, голосъ.

Мэри оторвала отъ своего уха трубку и передала ее Вероникѣ:

— Говорите вы. Вѣдь онъ же узнаетъ мой голосъ,—скороговоркой прошептала она.

— Что говорить?—опѣшила Вероника.

— Что двѣ маски хотятъ съ нимъ познакомиться?..— еле слышно, заслоняя ладонью губы, отвѣтила Мэри.

— Allo! Allo!—опять раздался чей-то, незнакомый для Вероники, отчетливый, слегка въ носъ, голосъ.

— Пожалуйста попросите къ телефону Валерія Романовича Асташова.

— Кто проситъ?

— Это... все равно.

— Я у телефона. Что угодно?

— Извините, Валерій Романовичъ, что безпокою васъ, тѣмъ болѣе, что я незнакома съ вами. Цѣль моего телефона выйти изъ рамокъ будней, но хочу, чтобы это было красиво, прилично и умно, а потому звоню къ вамъ. Я хочу васъ видѣть. Это можно?

— Можно.

— Вы очень любезны... Такъ какъ хочу видѣть я васъ, а не вы меня, то я придумала надѣть маску.

Насъ будетъ двое: я и одна моя пріятельница. Гдѣ же мы встрѣтимся?

— Если разрѣшите, то проще всего было бы у меня.

— Но... удобно ли это?

— Вполнѣ. Моя карета будетъ ожидать васъ, гдѣ прикажете, и вы пройдете ко мнѣ такъ, что васъ никто не увидитъ.

— Прекрасно. Назначимте день.

— Если васъ устраиваетъ, то черезъ три дня—въ субботу.

— Хорошо. Я позвоню въ субботу же, чтобы условиться о часѣ. До свиданія, благодарю васъ.

— Это я долженъ благодарить.

Вероника повѣсила трубку.

— Вотъ такъ штуку затѣяли! Неужели ѣхать?

— Разумѣется. Мы превесело проведемъ время и ровно ничѣмъ не рискуемъ, такъ какъ васъ онъ не знаетъ, а меня если и узнаетъ, то изъ джентльменства будетъ дѣлать видъ, что не узнаетъ. Il est très bien, увѣряю васъ. Вотъ только насчетъ циничностей... съ непривычки васъ будетъ коробить.

— Развѣ онъ не можетъ не говорить ихъ?

— Только, когда молчитъ,—разсмѣялась Мэри.— Ахъ да, вѣдь я совершенно случайно узнала, зачѣмъ вамъ надо было, чтобы Михаилъ Илларіоновичъ сложилъ гнѣвъ на милость съ Михайловскаго. Тамъ затѣвается нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ флиртъ. Вѣдь правда?

— Не знаю... можетъ быть,—уклончиво отвѣтила Вероника.

— А я знаю. Вѣрѣ Илларіоновнѣ становится не въ моготу ея добродѣтель старой дѣвы, и она рѣшила завербовать себѣ въ мужья Михайловскаго. По теперешнему моменту выборъ скверный, такъ какъ Михайловскій желаетъ плыть противъ теченія. Изъ этого ничего не выйдетъ. Ему лучше быть союзникомъ Михаила Илларіоновича, чѣмъ врагомъ. На дняхъ онъ былъ у меня, и мы съ нимъ на эту тему очень серьезно переговорили. Онъ упрямъ и самонадѣянъ. Глупо и опасно... Охъ, пора мнѣ домой. Поздно уже. И такъ, въ субботу намъ предстоитъ интересное развлеченіе. У васъ есть черное домино и маска? У меня тоже есть. Чтобы скрыть волоса, можно бѣлые парики надѣть. Заинтригуемъ его хорошенько. До свиданія, милочка. Ахъ да, ваша картина, говорятъ, великолѣпна. Я вѣдь не видѣла ее оконченной. Завтра поѣду на выставку, чтобы посмотрѣть.

Мэри, надѣвая шляпу, сосредоточенно разглядывала себя въ зеркало, вертя головой вправо и влѣво. Она считала себя стильной и оригинальной и была увѣрена, что всѣ ее считаютъ такою же. Забывая, что вся цѣль ея жизни заключалась въ чисто женской интригѣ добиться брака съ Быстровымъ, она средства къ этой цѣли облекала въ дѣловую форму и потому наивно убѣждала себя, что она дѣловая женщина, что ко всѣмъ мужчинамъ у нея только товарищескія отношенія и что Быстрову она необходима какъ совѣтчикъ и какъ тонкій развѣдчикъ общественнаго настроенія въ его дѣятельности. Въ то же время она не забывала себя и, выполняя роль педали, на которую умѣло нажимали тѣ, кому нужны были содѣй-

ствіе или протекція Быстрова, увеличивала сумму текущаго счета въ одномъ изъ петроградскихъ банковъ.

Проводивъ Мэри, Вероника вернулась въ будуарчикъ, гдѣ онѣ только что сидѣли, припомнила свой разговоръ по телефону съ Асташовымъ и въ недоумѣніи устало пожала плечами: зачѣмъ она пошла на эту затѣю, придуманную пустой, всегда ищущей какихъ-то выгодъ, женщиной? Зачѣмъ ей это? Нисколько ей неинтересенъ цинизмъ Асташова, о которомъ Мэри говоритъ съ какой-то глубокомысленной продуманностью. Она отлично знаетъ, что пока время не наслоитъ толстыхъ пластовъ пыли на недавнее минувшее, до тѣхъ поръ ничто не можетъ отвлечь ея мыслей о томъ, кто, по странному капризу судьбы, менѣе всѣхъ интересуясь ею, для нея — желаннѣе всѣхъ.

Вероника заложила руки подъ голову, потянулась, внезапно вся охваченная печальной истомой, закрыла глаза, тяжело вздохнула и съ необычайной яркостью припомнила минуты, когда князь Суровъ въ этой самой комнатѣ поднялся рѣшительно съ кресла и на ея испуганный вопросъ, звучавшій просьбой: «Нѣтъ, Сергѣй Владиміровичъ, вѣдь вы не уйдете... такъ?..»— отвѣтилъ холодно: «Я ухожу, до свиданія...» и скрылся за этой портьерой. Съ тѣхъ поръ она его не видѣла. Зачѣмъ, зачѣмъ онъ ушелъ? Зачѣмъ ему не нужны ни ея чувства, ни ея экстазы?... Было бы такое счастье!.. Зачѣмъ же онъ ушелъ?..—Съ тоской прошептала она, чувствуя, какъ неудержимо закипаютъ слезы, вотъ-вотъ готовыя политься изъ глазъ...

— «...О, нѣтъ... молю... не уходи... вся боль ничто передъ разлукой»—вдругъ вылились у нея низкими, грудными нотами звуки трагическаго романса Рахманинова, который все это время не покидалъ ее. Она пѣла его часто и съ каждымъ разомъ, вкладывая въ его исполненіе все больше и больше экспрессіи, исполняла съ утонченностью, которая диктуется сердцемъ и его личными переживаніями.

— «...Какъ мнѣ нужна твоя любовь»...—почти шопотомъ вылились звуки романса. Голосъ оборвался, и упрямыя слезы, наперекоръ волѣ, скатались изъ глазъ.

— Подойти... позвонить?.. услышать голосъ... хоть одно только слово услышать...—настойчивымъ желаніемъ охватила ея мозгъ дразнящая мысль. Затаивъ дыханье, Вероника потянулась было къ столику, гдѣ стоялъ телефонъ, но руки также внезапно опустились, какъ поднялись. Подавшись назадъ, она безсильно опустилась въ кресло, положила голову на скрещенныя на столѣ руки и, вся замкнувшись, съежившись въ самой себѣ, застыла, забывъ поздніе часы ночи.

VIII.

Ровно въ девять часовъ вечера, Вероника и Мэри, кутаясь отъ сильнаго мороза въ мѣховыя шубки, перебрасываясь короткими фразами и догадками о томъ, что ихъ ожидаетъ въ этотъ вечеръ, въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи, быстро завернули за уголъ дома и вышли на набережную. Тяготы военнаго времени начали сказываться на освѣщеніи улицъ: набережная

съ ея гранитомъ тонула въ полумракѣ фонарей, зажженыхъ черезъ одинъ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, и морозъ румянилъ лица рѣдкихъ прохожихъ. Третій годъ войны сильно измѣнилъ блестящій видъ когда-то веселой столицы: и на улицахъ и на прохожихъ лежалъ отпечатокъ все туже и туже переживаемыхъ дней.

Сейчасъ же за угломъ дома онѣ увидали стоявшую на условномъ мѣстѣ карету, запряженную парой вороныхъ сильныхъ лошадей.

— Это карета Валерія Романовича Асташова?—спросила Мэри у кучера, съ большой, черной, окладистой бородой.

— Такъ точно. Пожалуйте.

Дверца захлопнулась, и мимо кареты быстро замелькали подъѣзды молчаливыхъ дворцовъ съ громадными наименованіями по холсту всякихъ военныхъ комитетовъ и лазаретовъ, состоящихъ подъ покровительствомъ высочайшихъ особъ. Промелькнули въ два ряда выпуклой дугой фонари на мостахъ, проплылъ темнымъ силуэтомъ въ величавой неподвижности мѣдный всадникъ на мрачномъ фонѣ Исаакіевскаго собора. Проѣхали еще дальше, свернули въ какую-то улицу и карета, въѣхавъ подъ тяжелые своды каменныхъ воротъ небольшого особняка, остановилась передъ маленькимъ боковымъ подъѣздомъ. Двери были отперты. Вероника и Мэри поднялись по ступенямъ небольшой лѣстницы, освѣщенной стѣнной лампой. На первой же площадкѣ ихъ ожидалъ Асташовъ.

Одѣтый въ безукоризненнаго покроя смокингъ, въ лакированныхъ туфляхъ съ небольшими плоскими чер-

ными бантами, въ черной маскѣ, высокій, худощавый и гибкій, онъ отвѣсилъ низкій церемонный поклонъ и и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу двумъ подымающимся маскамъ.

— Валерій Романовичъ? заглушая голосъ, спросила Мэри, чувствуя непреодолимое желаніе расхохотаться.

— Такъ точно. Прошу васъ, mesdames, сюда. Асташовъ раздвинулъ тяжелую темную портьеру, и они вошли въ небольшой hall, освѣщенный сверху алымъ фонаремъ средневѣковаго стиля.

Предупредительно помогая дамамъ освободиться отъ шубъ и накинутыхъ на головы шарфовъ, онъ, сквозь узкіе прорѣзы маски, зорко оглядывалъ ихъ фигуры, домино и движенія. Онъ сразу замѣтилъ, помогая снять ботики, узкую сухую и маленькую ногу Вероники, перенесъ взглядъ на ея руки и мысленно съ чувствомъ знатока похвалилъ ихъ:

— Les attaches sont irréprochables.

Бѣлые парики и маски дѣлали ихъ совершенно неузнаваемыми. Вероника была слегка смущена и молчала, Мэри—очень развязна и смѣшлива. Боясь выдать себя, она говорила вполголоса, что сильно мѣшало ей.

Проведя ихъ черезъ залъ и гостинную, Асташовъ поднялъ портьеру въ неособенно большую, совершенно круглую комнату, сплошь обтянутую по стѣнамъ и потолку сѣрымъ шелкомъ съ выбитымъ по немъ рисункомъ великолѣпныхъ всѣхъ цвѣтовъ хризантемъ. Алыя, розовыя, бѣлыя, блѣдно-желтыя, фіолетовыя и сиреневыя, онѣ вились, сыпались каскадами съ потолка, по стѣнамъ, по драпировкамъ задернутыхъ оконъ, ползли по спинкамъ и сидѣньямъ мягкихъ креселъ и

дивана, по абажурамъ двухъ высокихъ бѣлыхъ фарфоровыхъ лампъ, по большому круглому абажуру, спускающейся съ потолка лампы. Хризантемы, казалось, заполняли всю комнату, всю атмосферу. На столахъ въ массивныхъ хрустальныхъ фужерахъ томно склонивъ пышныя, нѣжныя головки, глядѣли живыя хризантемы на свои отраженія въ шелковомъ рисункѣ. Полъ былъ покрытъ сѣрымъ ковромъ. У каждаго кресла была брошена бѣлая мѣховая шкура. Низкій, очень широкій большой диванъ былъ весь покрытъ такими же шкурами и шелковыми подушками.

На стеклянномъ столѣ съ бѣлыми фарфоровыми ножками былъ сервированъ чай, фрукты, конфекты и шампанское въ серебряномъ боченкѣ, наполненномъ льдомъ.

Вероника, у которой острая впечатлительность художественно-творческой натуры была развита до крайнихъ предѣловъ, остановилась на порогѣ зачарованная искусно̀ подобранной гаммой цвѣтовъ, ласкающихъ и въ то же время странно волнующихъ живую фантазію. Мягкій свѣтъ висячей лампы придавалъ шелковому рисунку хризантемъ иллюзію жизни. Казалось, что нѣжные лепестки ихъ были такъ же влажны и сочны, какъ лепестки живыхъ цвѣтовъ, стоявшихъ въ хрустальныхъ фужерахъ.

— Какая чудная комната...—тихо произнесла она, протягивая впередъ узкую, украшенную кольцами руку, по направленію стѣнъ и потолка.—Чья это фантазія, ваша?

Асташовъ поклонился, утвердительно склонивъ голову.

— У васъ много художественнаго чутья.

— Благодарю васъ,—еще разъ поклонился Асташовъ.

Голосъ Вероники, съ мягкими грудными интонаціями, прибавилъ въ глазахъ Асташова долю интереса, вызваннаго минуту тому назадъ красивой линіей ея ногъ и рукъ.

— Mesdames, прошу васъ садиться. Разрѣшите предложить вамъ чаю.

— У васъ конфекты! Это какая то магія. Гдѣ вы могли теперь достать?—удивилась Мэри.

— Чтобы быть пріятнымъ заинтересовавшимъ меня маскамъ. я способенъ даже на черную магію,—придвигая съ улыбкой вазу съ конфектами, отвѣтилъ Асташовъ.

Мэри предложила разливать чай. Асташовъ опустился въ кресло, стоявшее противъ Вероники по другую сторону чайнаго стола и внимательно разсматривалъ ее. Изъ двухъ масокъ положительно ему начинала нравиться эта сдержанная, изящная въ движеніяхъ, съ мягкимъ звукомъ голоса, маска, въ непринужденно-граціозной позѣ сидящая передъ нимъ, съ протянутыми руками на высокихъ мягкихъ ручкахъ кресла.

— Скажите что-нибудь новое,—обратилась къ нему Мэри, придвигая къ нему чашку съ чаемъ.

— Въ какой прикажете области? Не сомнѣваюсь, что есть область, въ которой для васъ будетъ очень многое ново изъ того, что бы я вамъ ни сказалъ.

— Напримѣръ?—Мэри бросила въ сторону Вероники выразительно-предостерегающій взглядъ.

— Напримѣръ изъ области моей спеціальности.

— А какая же ваша спеціальность?

— Очевидно, она вамъ извѣстна, разъ вы оказали мнѣ честь своимъ пріѣздомъ. Что-нибудь интересовало же васъ во мнѣ?

— Ну, конечно...

— Моя репутація слишкомъ обоснована, и я отъ нея не уклоняюсь, — разсмѣялся Асташевъ. — Вамъ угодно было, какъ вы сообщили мнѣ по телефону, выйти изъ рамокъ обыденной жизни и, предполагаю, моя репутація подтолкнула вашу руку нажать кнопку именно моего телефона.

— И что же вы намъ обѣщаете?—задорно глядя въ упоръ на Асташова, спросила Мэри, намѣренно подзадоривая его и какъ бы спѣша выставить на показъ передъ Вероникой несомнѣнно оригинально-интересную сторону личности Асташова.

— Я обѣщаю каждой изъ васъ, mesdames, то, что она пожелаетъ.

— Какая щедрость!

— Разъ мнѣ это ничего не стоитъ...—пожалъ плечами Асташовъ.

— Ну, однако, не можете же вы расточать себя для каждаго!

— Я не расточаю; я только исполняю то, что отъ меня ожидаютъ, оставаясь самъ абсолютно всторонѣ.

— Это какъ же?

— А видите ли, я давно разучился реагировать на что бы то ни было. Проявленія внѣшней жизни абсолютно меня не касаются.

— А красота? А искусство?—спросила Вероника, до сихъ поръ остававшаяся безучастной въ этомъ разговорѣ.

— Красота,—это вещь условная, а то искусство, которое я признаю, я конечно, по своему, пожалуй и люблю.

— Какое же искусство вы признаете?

— Исключительно новой школы, потому что...

— Нѣтъ, нѣтъ, я протестую противъ подобныхъ темъ,—энергично вмѣшалась Мэри.—Для такихъ темъ не стоило надѣвать маски. Скажите лучше, что вы признаете внѣ искусства?

— Ничего... абсолютно.

— А любовь?

— Любовь? Это что за слова?—съ дѣланнымъ недоумѣніемъ переспросилъ Асташовъ.

— А страсть?

— И этого слова въ моемъ диксіонерѣ не имѣется.

— Такъ какія же отношенія вы признаете между мужчиной и женщиной?

— Какая узкость въ постановкѣ вопроса! Вы хотите, вѣроятно, сказать, между живыми существами! Только развратъ. Голый, классическій развратъ, холодный, разсчитанный и неограниченный никакими предразсудками элементарной трусости, которая выдумала слова—нравственность и безнравственность.

— У меня къ вамъ маленькая просьба. Можно?—

— Что прикажете?—съ предупредительнымъ движеньемъ впередъ отозвался Асташевъ.

— Будьте добры,—снимите вашу маску.

— Извольте.—Онъ не спѣша отстегнулъ пуговицу резинки и медленно отнялъ отъ лица маску.

— ... Такъ вотъ онъ какой!..—мысленно произ-

несла Вероника, внимательно глядя на Асташова. Что-то не то смущало, не то тревожно безпокоило ее въ этомъ лицѣ, такъ непохожемъ на то, которое она себѣ представляла.

Лицо это было блѣдно, гладко, нà чисто выбрито, съ блѣдными, довольно правильной формы, губами, съ сухимъ выдавшимся впередъ подбородкомъ, съ расчесанными на бокъ шатеновыми волосами.

Глаза—вотъ что вызывало въ Вероникѣ непонятное, почти тревожное впечатлѣніе. Это были совершенно пустые, настежь открытыя окна души, изъ которыхъ минутами глядѣлось что то жуткое, что то темное. Хотѣлось закрыть ладонью эти глаза и просить: «да не смотрите же такъ». Отъ почти безцвѣтныхъ, сѣро-зеленоватыхъ глазъ Асташова вѣяло душевнымъ холодомъ, и въ то же время онъ умѣлъ смягчать ихъ, отгоняя жуткое и темное, что настойчиво проглядывало изъ нихъ, и тогда взглядъ этихъ странныхъ, холодно-порочныхъ глазъ дѣлался безконечно грустнымъ, углубленнымъ въ себя, вызывающимъ желаніе отгадать причину молчаливой, невысказанной тоски...

Веронику притягивали эти глаза, какъ сложная загадка, какъ край пропасти, отъ которой вѣетъ могильнымъ холодомъ разложенія. Хотѣлось подойти къ самому краю, съ бьющимся отъ страха сердцемъ, заглянуть въ самую глубину, чтобы сейчасъ же бѣжать прочь отъ этого мрака смерти къ солнцу и жизни.

Асташовъ замѣтилъ на себѣ долгій и пристальный взглядъ Вероники.

— Что? не ожидали?—улыбаясь спросилъ онъ,

откладывая маску всторону и откидываясь вглубину большого мягкаго кресла.

— Да, я представляла себѣ васъ инымъ,—поспѣшила она оправдать настойчивость своего взгляда.

— Лучше или хуже?

— Ни то и не другое: вы совсѣмъ иной, чѣмъ я себѣ рисовала васъ.

— А вотъ васъ, mesdames, я никакъ не отгадываю: эти бѣлые парики, это домино... Снимите хоть его.

— Пожалуй,—согласилась Вероника, такъ какъ ей становилось жарко въ тепло натопленной комнатѣ.

Она поднялась и легкимъ движеніемъ сбросила домино. Стройная фигура въ темно-синемъ, плотно облегавшемъ платьѣ, поразила Асташова строгимъ благородствомъ линій. Вероника почувствовала на себѣ внимательный взглядъ и невольно смутилась. Однако онъ не отвелъ глазъ и продолжалъ смотрѣть на нее въ упоръ, чуть замѣтно улыбаясь и покачивая носкомъ лакированной туфли.

— Однако... что за неприличный экзаменъ?..—съ шутливымъ возмущеніемъ покачала головой Мэри.

— Маска даетъ право на нѣкоторыя вольности, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, mesdames, если вы пріѣхали сюда искать приличій, то... Vous vous êtes trompées de porte, такъ какъ я циниченъ, развратенъ и неприличенъ.

— Браво! Можетъ быть вы продемонстрируетесь въ этомъ направленіи?—Мэри звонко расхохоталась.

— Извольте.—Асташовъ всталъ.

Вероника въ испугѣ на одно мгновенье вся подалась впередъ, какъ бы желая остановить его, но сейчасъ же приняла прежнее положеніе.

Асташовъ вышелъ изъ комнаты.

— Зачѣмъ вы толкаете его на какую-нибудь циничную выходку? Право же это совсѣмъ не интересно.— обратилась она къ Маріи Аполлоновнѣ.

— Вотъ глупости! Пусть позабавитъ насъ. Чѣмъ мы рискуемъ въ маскахъ?

Вероника хотѣла что то отвѣтить, но Асташовъ уже входилъ въ комнату.

— Это для начала. Какъ увидите, фотографъ хорошій, и я всюду очень похожъ.—Онъ положилъ передъ Мэри пачку фотографій, перевязанныхъ пунцовой лентой, вынулъ изо льда шампанское, налилъ его въ бокалы и сѣлъ на прежнее мѣсто.

Mesdames, я пью ваше здоровье.

— Ахъ!..—вдругъ вскрикнула Мэри,—какое безобразіе! Какой цинизмъ!..—и, не выпуская изъ рукъ фотографій, залилась рѣзкимъ неудержимымъ хохотомъ.

— Смотрите дальше. Сверху — это самыя невинныя для дѣтскаго возраста.

Мэри съ хохотомъ и восклицаніями внимательно разглядывала одну за другой фотографіи, откладывая пересмотрѣнныя на столъ.

— Прикажете передать? — Спросилъ Асташовъ у Вероники, протягивая руку къ фотографіямъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Васъ это не интересуетъ?

— Нисколько.

— А что же вамъ было бы интересно?

— Меня интересуетъ, какъ можетъ въ одномъ человѣкѣ совмѣщаться любовь къ прекрасному и къ грязному?

— Въ природѣ нѣтъ грязнаго, а прекрасное,— это, повторяю, понятіе условное.

— Въ природѣ можетъ быть и нѣтъ грязи, но человѣческій мозгъ можетъ ее создать. Я увѣрена, что эти ваши фотографіи—сплошная грязь и цинизмъ.

— На нихъ изображенъ я, а такъ какъ я есть частица природы, то, подчиняясь ея прихотливымъ импульсамъ, чтобы я ни дѣлалъ и какъ бы я ни дѣлалъ—грязи быть не можетъ.

— Тогда будьте вѣрны своимъ теоріямъ и оставайтесь въ салонахъ тѣмъ же, что на этихъ фотографіяхъ.

— Я признаю благовоспитанность, т. е. уваженіе къ извѣстнымъ условностямъ и не насилую нѣкоторыхъ традицій, лично для меня не имѣющихъ, конечно, значенія.

— Ну, а если мы позволимъ вамъ сейчасъ раздѣться... совершенно...—откладывая на столъ послѣднюю внимательно просмотрѣнную карточку, задорно спросила Мэри.

— Сдѣлайте одолженіе,—пожалъ плечами Асташовъ, небрежнымъ жестомъ перебрасывая въ пальцахъ на шнуркѣ монокль, оправленный въ темную черепаху.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало?.. раздѣвайтесь...— Мэри положила подбородокъ на ладони облокоченныхъ на край стола рукъ и въ упоръ смотрѣла на Асташова, желая смутить его.

— Я васъ прошу... перестаньте...—строго произнесла Вероника, негодующимъ движеніемъ ударяя ладонью по ручкѣ кресла.

— Вы испуганы? Значитъ вы уже отгадали меня

и допускаете возможность видѣть меня здѣсь въ моемъ натуральномъ обликѣ,—обратился къ Вероникѣ Асташовъ, приподнявъ брови и внимательно глядя ей въ глаза.

— Да, я увѣрена, что вы можете сдѣлать это.

— Если прикажете—разумѣется.

— Да вы не разговаривайте, а раздѣвайтесь,—продолжая въ упоръ смотрѣть на Асташова, подстрекала его Мэри.

Асташовъ сдѣлалъ легкое движеніе впередъ, какъ бы желая встать.

— Извольте, я готовъ...—обернулся онъ въ сторону Мэри, отвѣчая на ея упорный взглядъ холоднымъ и циничнымъ взглядомъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ приходится уѣхать,—рѣшительно поднялась Верникъ.

— Нѣтъ, прошу васъ, сядьте,—съ учтивымъ поклономъ остановилъ ее Асташовъ. Но, mesdames, намъ необходимо прійти къ какому нибудь соглашенію. Я отъ души желалъ бы угодить обѣимъ сторонамъ.

— Если я уѣду, то это будетъ проще.—Вероника продолжала стоять, натягивая перчатку.

— Нѣтъ, пожалуйста, не разстраивайте нашего тріо,—отваливаясь на спинку кресла, протянула капризнымъ голосомъ Мэри.

— При чемъ роль первой скрипки въ этомъ тріо по преимуществу принадлежитъ вамъ,—съ тонкой насмѣшкой обратился къ ней Асташовъ.

— Да, это моя роль какъ въ маскѣ, такъ и безъ маски,—съ обычнымъ апломбомъ отвѣтила Мэри.—Скажите, здѣсь курить разрѣшается? Я умираю безъ папироски.

— Ради Бога. Сейчасъ я принесу вамъ,—съ предупредительной любезностью засуетился Асташевъ.

— Сидите, сидите, у меня свои.—Мэри достала изъ сумочки папиросу, незамѣтно вынувъ ее изъ портъ-сигара, который Асташовъ могъ бы узнать, и съ удовольствіемъ закурила, глубоко затягиваясь дымомъ.

Въ ея чисто-мужской манерѣ курить, сильно затягиваясь, въ слегка искусственной позѣ закладывать при этомъ ногу за ногу и отставлять руку, въ которой была папироса, Асташову почудилось нѣчто знакомое. Онъ сталъ внимательно наблюдать за ней и по неожиданно сорвавшейся привычкѣ называть его—милый другъ—онъ сразу узналъ въ ней близкую пріятельницу Быстрова. Желая это провѣрить, онъ перемѣнилъ разговоръ:

— А вы, интересуетесь, mesdames, внутренней политикой?

— Разумѣется, — не вынимая изо рта папиросы, отвѣтила Мэри.

— За минуту до вашего пріѣзда мнѣ по телефону сообщили, будто бы пронесся слухъ о возможномъ назначеніи на постъ премьеръ-министра Михаила Илларіоновича Быстрова.

— Что-о?.. И это вѣрно?.. — Мэри сорвалась съ мѣста, бросила недокуренную папиросу и, охваченная радостью и торжествомъ, заметалась по комнатѣ.—Это не ложный слухъ?..

— Самый достовѣрный...

Мэри въ своей радости не замѣтила насмѣшливаго взгляда Асташова. Теперь онъ не сомнѣвался, что пер-

вая скрипка ихъ тріо — была Марія Аполлоновна, которая его мало интересовала какъ женщина, и которую онъ во многомъ критиковалъ.

— Господа, я подымаю бокалъ за будущаго премьеръ-министра, — звенящимъ отъ радости голосомъ воскликнула Мэри, подымая бокалъ съ шампанскимъ.

— Онъ вашъ близкій родственникъ? — освѣдомился Асташовъ.

— Нисколько...

— Въ такомъ случаѣ, разрѣшите мнѣ не присоединяться къ вашему тосту.

— Это почему?

— Я считаю, да и не я одинъ, Быстрова политическимъ авантюристомъ, но никакъ не серьезнымъ государственнымъ дѣятелемъ.

— Ну, это вы напрасно... — обиженно произнесла Мэри, ставя обратно на столъ бокалъ съ шампанскимъ.

— Помилуйте, что же это за государственный дѣятель, занимающійся всякими сплетнями съ чернаго хода, подъыгрывающійся къ какому-то мужику-проходимцу въ образѣ «старца», ѣздящій къ нему на поклонъ и заискивающій въ его дружбѣ.

Маска скрыла яркую краску смущенія, разлившуюся по лицу Мэри: свиданія Быстрова со «старцемъ» происходили главнымъ образомъ на ея квартирѣ.

— Ну, это еще вопросъ... Никто не встрѣчалъ Быстрова въ его обществѣ, и я не слышала, чтобы онъ бывалъ у него,—не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ оправдывала Мэри своего друга.

— Оставьте пожалуйста. Отлично онъ съ нимъ видится и на поклоны къ нему ѣздитъ. C'est le secret de polichinel.

— Вотъ увидите, что будетъ, когда вся власть сосредоточится въ его рукахъ. Онъ фанатично любитъ государя и Россію, онъ покажетъ себя. .

— О, что онъ покажетъ себя, это внѣ всякаго сомнѣнія,—расхохотался Асташовъ, забавляясь волненіемъ Мэри. Она обидѣлась и замолчала.

— А все-таки намъ необходимо рѣшить предыдущее недоразумѣніе,—дѣлая серьезное лицо, заговорилъ Асташовъ послѣ минутнаго молчанія.

— Это относительно вашего разоблаченія? Что-жъ, я пожалуй уступлю моей пріятельницѣ, такъ какъ не желаю лишиться ея общества, къ тому же это и васъ выводитъ изъ затрудненія выполнить слишкомъ трудную задачу,—язвительно докончила Мэри.

— Вы очень ошибаетесь на мой счетъ. Въ этой области я не признаю для себя никакихъ невозможностей,—спокойно возразилъ Асташовъ, отпивая изъ бокала шампанское и незамѣтно слѣдя за Вероникой, какъ бы желая уловить впечатлѣніе, производимое его словами. Но она сидѣла, опустивъ голову и, мѣшая ложечкой чай, не смотрѣла на Асташова.

— Чтобы не идти вразрѣзъ съ желаньемъ моей гостьи, я могу предложить вамъ такую комбинацію: пройдемте на четверть часа въ другую комнату...

— И вы при мнѣ раздѣнетесь?..

— И даже больше...—цинично бросилъ Асташовъ.

— Хорошо... но въ другой разъ... Я не хочу оставлять маску въ одиночествѣ,

— Напрасно вы не пользуетесь удобнымъ случаемъ. Могу васъ увѣрить, что желающихъ очень много, такъ что я установилъ нѣчто вродѣ очереди...

— Хвосты, какъ теперь подлѣ лавокъ? — насмѣшливо перебила Мэри.

— Нѣтъ, не хвосты, а очередь по записямъ,—невозмутимо продолжалъ Асташовъ. — Не прикажете ли вписать и васъ?

— Богъ знаетъ, что вы говорите! — сорвалось у Вероники.

— Я вполнѣ серьезенъ, ибо отношусь къ своей спеціальности, какъ къ дѣлу. Доставлять удовольствіе людямъ не такъ ужъ просто... Надо имѣть хорошую школу...

Асташовъ, слегка развалясь въ креслѣ, но въ границахъ полнаго наружнаго уваженія къ сидящимъ передъ нимъ дамамъ, вставивъ монокль въ глазъ и придавъ лицу наглое выраженіе, покачивая ногой въ лакированной, почти дамской, туфлѣ, изъ подъ которой выглядывалъ тонкій, черный шелковый со стрѣлками чулокъ, съ холоднымъ, расчитаннымъ на эффектъ, цинизмомъ, принялся излагать всевозможныя теоріи изъ области эротики. Мэри безпрестанно прерывала его рѣчь громкими взрывами хохота и незамѣтно толкала подъ столомъ ногу Вероники, какъ бы приглашая ее изумляться или забавляться циничными повѣствованіями Асташова, который на этой почвѣ являлъ чисто ораторскія способности. Заглушенный, слегка носовой, звукъ голоса былъ гибокъ и отчетливъ, рѣчь пересыпалась эффектными сравненіями и такими остротами, что даже Вероника, которой пре-

тила несомнѣнная искусственность и натяжка во всемъ, что сейчасъ говорилъ Асташовъ, нѣсколько разъ не могла сдержать невольной улыбки. Слушая его, она думала о томъ, что ставъ на какую угодно точку заблужденія, можно сродниться съ нимъ, всецѣло впитать его въ себя и, расширяя его горизонты, углубляться до безконечности въ даль мнимыхъ истинъ.

Асташовъ, дойдя до крайнихъ предѣловъ пресыщенія и истощенія воспріятій въ области ощущеній и чувствъ, перенесъ ихъ центръ въ сторону мозговыхъ процессовъ. Ища возбужденія мозгового, онъ, какъ кликуша, готовъ былъ выкрикивать во всеуслышаніе всѣ тайны эротики, чтобы заставить свою фантазію хоть слабо вибрировать.

— Нѣтъ, вы меня положительно убѣдили въ правильности основъ вашей школы. Пью за ея процвѣтаніе. Ура!—Мэри чокнулась съ Асташовымъ.

— А вы не присоединяетесь къ нашему тосту? — обратился онъ къ Вероникѣ.

— Нѣтъ, потому, что слушая васъ и глядя на васъ, я невольно дѣлаю заключеніе, что вы умертвили въ себѣ лучшія струны сердца, что васъ это не удовлетворяетъ и счастія вамъ не даетъ... — убѣдительно и спокойно проговорила Вероника.

— Ни о какомъ счастіи не можетъ быть и рѣчи: я совершенно мертвый для жизни человѣкъ. Я могу только давать, въ извѣстной конечно области, но воспринимать я не могу. Я весь—движущаяся пустота.

— Вѣдь это трагедія души...

— У меня нѣтъ души. Да мнѣ и не надо; я чувствую себя отлично на этомъ берегу, къ которому

давно разрушенъ мостъ отъ царства вотъ такихъ живыхъ и вѣрующихъ во что-то людей, какъ вы.

— Не во что то, а въ очень многое. Я вѣрю въ жизнь, въ счастіе, въ любовь, вѣрю въ искусство и поклоняюсь ему, вѣрю еще и въ то, что вы не все убили въ себѣ и что осталась еще струна, которая можетъ ожить и зазвучать. И вы сами это знаете и нарочно заглушаете ее...

Асташовъ разразился непріятнымъ, дѣланнымъ смѣхомъ:

— Господи, что за сентиментальные выводы! Мнѣ приходится слышать это въ первый разъ. Передъ вами глыба съ сѣвернаго полюса, и если она можетъ что-нибудь воспринять, то только отраженіе потухшихъ лунныхъ лучей.

— Другими словами, вамъ могутъ быть близки только люди, подобно вамъ, угасшіе и чуждые лучамъ солнца?

— Совершенно вѣрно.

— Нѣтъ, я не вѣрю этому... это не можетъ быть...— въ раздумьи промолвила Вероника.

— Однако это такъ. Очевидно сами вы слишкомъ жизненны, слишкомъ купаетесь въ иллюзіяхъ жизни, потому не можете представить себѣ человѣка чуждаго этимъ понятіямъ. А между тѣмъ это очень просто. Прежде я въ сильной дозѣ употреблялъ наркотики, теперь же и это меня не занимаетъ.

— У васъ есть наркотики? — встрепенулась Мери.

— Разумѣется...

— Дайте мнѣ что нибудь попробовать, это должно быть страшно интересно,

— Если прикажете...

— Нѣтъ, уже слишкомъ поздно. Пожалуйста, поѣдемте домой, — попросила Вероника.

— Да это вѣрно. Поѣдемте, — согласилась Мэри.

Асташовъ распорядился, чтобы закладывали карету. Пока Мэри, отойдя въ другой конецъ комнаты, разсматривала, принесенныя по ея просьбѣ Асташовымъ какія то гравюры антично-скабрезнаго содержанія, Вероника, шутя, набрасывала въ записной книжкѣ портретъ Асташова. Рисунокъ, сдѣланный въ нѣсколько минутъ, изображалъ его сидящимъ въ креслѣ въ небрежной позѣ съ моноклемъ въ глазу, съ закинутой слегка назадъ головой, съ ораторскимъ жестомъ правой руки. Несмотря на намѣренный шаржъ рисунка, сходство было схвачено очень тонко.

— О, да вы мастерски рисуете... браво! Прошу васъ, подарите мнѣ этотъ листочекъ. Ни на одной фотографіи я не похожъ такъ, какъ здѣсь. — Асташовъ, пересѣвшій въ кресло подлѣ Вероники, разглядывая рисунокъ, нагнулся къ ней. Тонкій настойчивый запахъ ея духовъ нравился ему. Онъ угадывалъ, что подъ маской скрывалось интересное лицо; его дразнила эта таинственность и невозможность разгадать ее.

— Какіе у васъ странные духи... — вполголоса произнесъ онъ, втягивая въ себя ихъ ароматъ.

— Хорошіе? — спросила Вероника, продолжая заканчивать рисунокъ.

— Они мнѣ очень нравятся. Я хотѣлъ бы, что бы на этомъ листкѣ остался ихъ запахъ... если вы согласны мнѣ его дать.

— Возьмите. — Вероника вырвала его изъ книжки,

достала изъ мѣшечка крошечный золотой флакончикъ и капнула изъ него духовъ на оторванный листокъ бумаги.

— Надпишите что-нибудь... — попросилъ Асташовъ.

«Живой — мертвому». — Подписала Вероника подъ рисункомъ и протянула его Асташову. Онъ коснулся губами ея пальцевъ, задержавъ ихъ въ своей рукѣ дольше, чѣмъ требовалось для свѣтскаго поцѣлуя руки.

Вскорѣ была подана карета. Асташовъ, ведя подъ руку Веронику, проводилъ дамъ до самой дверцы. Ему очень хотѣлось незамѣтно прослѣдить за Вероникой, чтобы узнать, гдѣ она живетъ, но онъ поборолъ это искушеніе и вернулся обратно въ комнату хризантемъ, гдѣ тонкій, настойчивый ароматъ ея духовъ слегка пьянилъ его воображеніе.

IX.

На другой день послѣ объясненія съ Вероникой князь Суровъ всталъ поздно, выспался, а потому чувствовалъ себя бодро и миролюбиво. Припоминая прошедшій вечеръ и всѣ подробности своего разговора въ уютномъ кабинетѣ художницы, онъ—бодрый и выспавшійся — готовъ былъ бы теперь кое что смягчить въ своемъ вчерашнемъ тонѣ. Вероника, такая, какъ она была наканунѣ — сдержанная, очевидно таившая въ себѣ цѣлую бурю, но не дававшая ей вырваться, казалась ему сегодня болѣе искренней и правдивой въ своихъ чувствахъ, чѣмъ онъ рисовалъ себѣ ее все это время. Онъ рѣшилъ смягчить впечатлѣніе минув-

шаго свиданія разговоромъ по телефону, такъ какъ не сомнѣвался, что она сегодня же вечеромъ позвонитъ ему. Такъ должно было быть, какъ логическое слѣдствіе обиды, нанесенной чувству, — думалъ князь и, возвращаясь въ седьмомъ часу вечера со службы, обдумывалъ предстоящій разговоръ, въ которомъ однако, кромѣ нѣкоторой доли вниманія, не имѣлъ въ виду подавать надеждъ на болѣе теплыя отношенія.

Послѣ обѣда, пройдя по обыкновенію въ кабинетъ, гдѣ его ожидалъ крѣпкій кофе и ярко пылавшій каминъ, князь перенесъ аппаратъ на столикъ подлѣ кресла, въ которое опустился, чтобы, глядя на перебѣгающее алое пламя, смирно посидѣть, давъ отдыхъ тѣлу и мыслямъ.

Яркое красное и синее пламя то перебѣгало, то трепетало на одномъ мѣстѣ, готовое растаять или вспыхнуть ярче, чтобы сразу охватить толстыя дымящіяся потрескивающія полѣнья.

Протянувъ скрещенныя ноги на рѣшетку камина, князь любилъ въ этотъ послѣобѣденный часъ сидѣть въ тихомъ одиночествѣ своего кабинета и думать, безъ конца думать надъ постепенно развертывающейся лентой своего жизненнаго клубка.

Съ дѣтства болѣзненно самолюбивый и замкнутый, онъ съ годами остался тотъ же. Наружно веселый, а временами и бурно-оживленный для общества, онъ въ душѣ былъ неудовлетворенъ жизнью и тѣмъ, что она ему давала. Покончивъ счеты съ сердцемъ и добившись его полнаго подчиненія разсудку, князь съ настойчивостью шелъ къ цѣлямъ, могущимъ отвѣчать на запросы его большаго самолюбія, и клубокъ жизни, мало помалу

развертывалсь, началъ подтверждать, что за счетъ сердца ему могутъ быть даны другія удовлетворенія и радости въ области карьеры. На дняхъ должно было состояться его назначеніе на новую должность, сильно повышавшую его по службѣ. Назначеніе было неожиданно и тѣмъ болѣе пріятно. Оно подтверждало сознаніе, что его работа оцѣнивается по достоинству и въ немъ видятъ серьезнаго и нужнаго дѣятеля для дипломатіи.

— Да, серьезный и большой трудъ, который сдѣлаетъ возможнымъ достиженіе самыхъ смѣлыхъ перспективъ — вотъ что мнѣ надо и для чего я созданъ, — думалъ князь, слѣдя за тѣмъ, какъ прогорѣлое насквозь полѣно готово было вотъ-вотъ разсыпаться въ кучу раскаленныхъ пылающихъ углей. — Теперь, отодвинувъ отъ себя міръ чувствъ съ его иллюзіями, хрупкими и разслабляющими радостями и непремѣнными разочарованіями, теперь только я сознаю себя сильнымъ и закаленнымъ для реальной и прочной творческой работы. Я чувствую въ себѣ истинное призваніе дипломата и сумѣю этими руками распутывать самые сложные, запутанные узлы; я чувствую мой мозгъ все болѣе и болѣе обостряющимся, и сложность машины международныхъ договоровъ и лукавствъ представляетъ для меня захватывающій интересъ...

Раздался звонокъ телефона, прервавшій убаюкивающія легкія и пріятныя размышленія князя. Онъ, не спѣша, снялъ трубку, предвидя, что сейчасъ услышитъ голосъ Вероники. Но онъ ошибся: звонилъ Валинскій, спрашивая дома ли онъ и можетъ ли онъ къ нему заѣхать.

— Часовъ до одиннадцати я дома. Заходи пожа-

луйста, — отвѣтилъ князь, думая о томъ, что присутствіе друга, находящагося въ курсѣ дѣла, не можетъ помѣшать его разговору съ Вероникой.

Князь еще продолжалъ сидѣть передъ каминомъ, когда къ нему вошелъ Валинскій. Одѣтый съ иголочки, въ смокингѣ, благоухающій и блестящій, Валинскій, по обыкновенію потирая ладони, приблизился къ Сурову, протянулъ ему теплую, пахнущую fougèr'омъ руку и, стоя рядомъ съ нимъ и продолжая потирать ладони, высокій стройный, довольный и увѣренный въ каждомъ своемъ жестѣ, нѣсколько минутъ, молча, смотрѣлъ на огонь камина.

— Хочешь кофе? — обратился къ нему Суровъ.

— Благодарю тебя, я только что пообѣдалъ.

— Дома?

— Почти что дома: у Донона. Къ одиннадцати часамъ обѣщалъ быть въ ложѣ у Митьковой, чтобы оттуда къ ней ужинать ѣхать. Укладъ нашей жизни становится абсолютно невозможнымъ: закрытіе ресторановъ къ одиннадцати прямо таки удручаетъ меня, привыкшаго жить ночью. Что ты на это скажешь?

— Конечно, c'est très peu amusant, но для меня лично это особенной роли не играетъ.

— Ну да, конечно. Для тебя хоть все вверхъ дномъ перевернись, лишь бы была охота и по ночамъ карточный столъ,—улыбнулся Валинскій, отходя отъ камина и садясь поглубже въ уголъ дивана, стоявшаго на другомъ концѣ комнаты. — Кстати, какъ твои карточныя дѣла?

— Неважно. Полоса невезенья.

— Это логично,—проговорилъ Валинскій, закуривая папиросу.

— Почему?—удивился князь.

— Потому что карты и флиртъ—вещи несовмѣстимыя,—мягко, почти вкрадчиво отвѣтилъ Валинскій. Онъ всегда придавалъ голосу эту вкрадчивость, когда говорилъ съ женщинами или о нихъ.—Вотъ, я вижу, и телефонъ у тебя приготовленъ... думаю, что не для служебныхъ переговоровъ... А?..

— А знаешь ли, пожалуй ты и правъ, — быстро оборачиваясь всѣмъ корпусомъ въ сторону Валинскаго, съ оживленіемъ заговорилъ князь.—Я начинаю замѣчать, что дѣйствительно карта измѣняетъ мнѣ, какъ только на горизонтѣ появляется женскій обликъ, неравнодушный къ моей особѣ.

— Вотъ видишь... — снисходительно улыбнулся Валинскій.—Въ данный моментъ тебѣ грозитъ проигрышъ пожалуй всего состоянія, не правда-ли?.. Ты видѣлся съ ней? спросилъ онъ помолчавъ.

— Вчера.

— А-а-а...—Протянулъ Валинскій тономъ профессора, высказывающаго одобреніе способному ученику.—И что же: обѣ стороны остались удовлетворены?

— Я не заботился объ этомъ. Juste le contraire.

— Нѣтъ, ты положительно жестокъ по отношенію къ женщинамъ, et tu as tort,—прищуривая насмѣшливые глаза, въ шутливо-наставительномъ тонѣ, продолжалъ Валинскій.—Карты отъ тебя не уйдутъ, а благосклонность хорошенькой женщины непостоянна. Къ чему терять красивые моменты?! Вѣдь это же ровно ни къ чему не обязываетъ.

— Мнѣ это просто-на-просто не интересно,—пожалъ плечами князь.

— А ты попробуй... Нѣтъ, я положительно въ роли адвоката у этой твоей художницы: je plaide sa cause. Если бы она меня слышала!..—разсмѣялся Валинскій, всталъ, бросилъ недокуренную папиросу въ каминъ и посмотрѣлъ на часы:

— Начало одиннадцатаго. Ты будешь переодѣваться?

— Нѣтъ, вѣдь я же на Моховую. Третьяго дня я проигралъ двѣ тысячи. Сегодня надо отыграться. Карта не идетъ, точно заколдованная.

— Брось на время. Надо сдѣлать перерывъ.

— Нѣтъ, изъ упрямства не брошу. Я долженъ овладѣть картой. Ты что: уже уходишь?

—Мнѣ пора. Выйдемъ вмѣстѣ.

— Пожалуй.

Князь досталъ изъ письменнаго стола бумажникъ съ деньгами и, мелькомъ взглянувъ на часы, подумалъ о томъ, что Вероника выдерживаетъ характеръ и очевидно не позвонитъ до завтрашняго дня. Приливъ нервной энергіи, всегда охватывавшей его передъ рѣшительнымъ состязаніемъ въ азартной игрѣ, вызывалъ въ немъ знакомую для Валинскаго возбужденность рѣчи. Они вышли изъ дома вмѣстѣ, но вскорѣ распрощались на углу, такъ какъ Валинскій сѣлъ на извозчика; Суровъ же предпочелъ небольшое разстояніе пройти пѣшкомъ.

Швейцаръ, снявъ съ него пальто, отряхнулъ съ воротника густой пластъ снѣга, повѣсилъ и, пока князь передъ зеркаломъ вытиралъ платкомъ намокшее отъ талаго снѣга лицо, позвонилъ у боковой двери.

— Что, Василій, у Андрея Романовича собрались уже?—обратился Суровъ къ швейцару.

— Собрались, ваше сіятельство. Пожалуйте.

Дверь распахнулась. Суровъ вошелъ въ просторную, обитую темно-малиновыми обоями переднюю, крытую такимъ же сукномъ, съ громаднымъ зеркаломъ въ старинной краснаго дерева рѣзной оправѣ, съ такими же высокими стульями и великолѣпнымъ ларцомъ у стѣны. Пройдя стильную, но холодно обставленную краснымъ же деревомъ съ бронзой гостинную, онъ вошелъ въ кабинетъ, гдѣ было такъ сильно накурено папиросами и сигарами, что въ комнатѣ стоялъ сѣро-лиловатый туманъ. Посреди за карточнымъ столомъ сидѣли и стояли небольшими группами участники азартной игры.

— А-а, Суровъ, здравствуй!.. Здравствуйте, князь. Садитесь сюда .. Князь, я уступаю вамъ мое мѣсто...

Суровъ, пожимая руки, прошелъ къ хозяину дома,— своему старому другу Андрею Томскому. Не желая отрывать его отъ сдачи картъ, онъ сдѣлалъ привѣтственный жестъ и, подойдя вплотную, положилъ ему руку на плечо:

— Зд'гавствуй, Анд'гей. Какъ дѣла?

— Ничего... пока все хорошо. Я думалъ, что ты не прійдешь.

— Почему?

— Вѣдь сегодня, кажется, grande soirée на Фонтанкѣ?.. Господа, кому еще?.. Вамъ?.. Получите... девятка бита...

Андрей Томскій — крупный блондинъ, полный, съ добродушнымъ бритымъ лицомъ, мясистыми губами, розовыми щеками и всегда теплыми пухлыми руками, безпечный, разсѣянный, всюду опаздывающій, всѣми

любимый беззаботный эгоистъ и въ то же время добрый человѣкъ, обладалъ хорошими средствами, служилъ въ одномъ министерствѣ съ Суровымъ и отъ времени до времени любилъ отдаваться азарту. Карта ему обыкновенно везла, какъ и все въ жизни. Онъ и выигрывалъ и проигрывалъ шутя. Шутя любилъ женщинъ и шутя разставался съ ними; былъ непостояненъ и къ себѣ не требовалъ постоянства. Хорошо образованный и неглупый онъ для серьезнаго дѣла былъ слишкомъ лѣнивъ; сознавалъ это и не дѣлалъ никакихъ усилій, чтобы побороть все возрастающую съ лѣтами лѣнь. Будучи друженъ съ Суровымъ, онъ—полная его противоположность, какъ въ мелкихъ чертахъ характера, такъ и въ крупныхъ — искренно потѣшался надъ стремленьемъ князя создать нѣчто идейное въ области карьеры, и не разъ доказывалъ ему, что въ основѣ этихъ стремленій лежитъ честолюбіе, въ которомъ онъ не хочетъ самому себѣ признаться.

— Ты что говоришь?—обратился онъ къ стоявшему за его спиной Сурову, ловкимъ и привычнымъ жестомъ продолжая сдавать карты.

— Я ничего не говорю.

— Ты говорилъ что-то про вечеръ на Фонтанкѣ?

— Это ты говорилъ, а не я,—разсмѣялся Суровъ.

— Ну, можетъ быть... Ты въ какомъ сегодня настроеніи?

— Въ прекрасномъ.

— Это хорошо. Такъ садись. Или нѣтъ, сначала вели подать себѣ чаю или вина... Я открываю, господа... опять девятка... чудно!..

Лакей подалъ Сурову вино, чай и печенье. Князь

продолжалъ стоять, слѣдилъ за игрой, отпивалъ небольшими глотками холодное бѣлое вино, чувствовалъ все наростающую нервную повышенность и нарочно медлилъ сѣсть къ столу, испытывая острое удовольствіе въ минутномъ отдаленіи предстоящаго запоя азартомъ. Наконецъ онъ сѣлъ. Наружно Суровъ былъ всегда покоенъ и никакой крупный проигрышъ не выводилъ его изъ внѣшняго равновѣсія. Только блескъ глазъ и холодѣющія руки свидѣтельствовали о внутреннемъ нервномъ напряженіи.

Послѣ двухъ-трехъ битыхъ картъ, князю начало везти. Онъ удваивалъ ставки,—карта шла. Ва-банкъ,—карта шла.

— Браво... браво! Ты сегодня въ ударѣ...—добродушно одобрялъ Томскій.

Играющіе перекидывались короткими, не относящимися къ игрѣ, разговорами во время того, какъ тасовались карты; но Суровъ былъ сосредоточенъ и не отвлекался.

— Ты слышалъ новость, Сергѣй? — обратился къ нему Томскій.—Говорятъ Яковъ женится.

— Да... на комъ же?—разсѣянно спросилъ князь, наливая себѣ вино изъ поданной бутылки.

— На цыганкѣ Катюшѣ. Я удивился: говорилъ, что признаетъ только рыжихъ женщинъ и вдругъ женится на цыганкѣ.

По сцѣпленію мыслей, Суровъ при словѣ—рыжихъ—вспомнилъ Веронику, съ ея волосами бронзоваго отлива; вспомнилъ, что она, противъ ожиданія, не позвонила ему въ этотъ вечеръ, поймалъ себя на мысляхъ о ней и, раздосадованный тѣмъ, что отвлекся въ опасную

для везенія картъ сторону, поспѣшилъ опять сосредоточиться и не вспоминать о Вероникѣ, которая, онъ убѣжденъ былъ послѣ словъ Валинскаго, своими пылкими чувствами мѣшала игрѣ. Какъ нарочно, послѣ первой же сдачи его карта была бита. Слѣдующая— тоже. Потомъ опять и опять. Начало не везти. Князь досадовалъ и все больше и больше проигрывалъ...

Въ комнатѣ стоялъ точно дурманъ отъ накуренныхъ сигаръ, папиросъ, отъ запаха вина, отъ напряженной, горячечной, взвинченной атмосферы азарта. Донесся тягучій благовѣстъ къ ранней обѣднѣ. Темнота зимней ночи накинула холодный и темный покровъ на раннее утро, робко зародившееся гдѣ-то въ далекихъ и темныхъ небесахъ.

Князь вышелъ на улицу. На его разгоряченный лобъ пахнулъ холодный вѣтеръ зимняго разсвѣта. Онъ вздрогнулъ и плотнѣе застегнулъ высокій мѣховой воротникъ. Извозчика не было. Улицы были пусты. На перекресткѣ, заложивъ руки въ рукава форменной шинели, зябко топтался на мѣстѣ продрогшій городовой. Подходя къ дому, князь почувствовалъ знакомую реакцію во всемъ организмѣ: вмѣсто нервнаго подъема— усталость и разбитость. Хотѣлось, какъ можно скорѣе, добраться домой, чтобы улечься, заснуть и забыть о крупномъ проигрышѣ.

X.

Подымаясь по лѣстницѣ къ недавно вернувшимся изъ Крыма любимымъ старикамъ—теткѣ и дядѣ, Вероника столкнулась съ Мэри.

— Какъ кстати я васъ встрѣчаю, голубчикъ. Я

хотѣла непремѣнно васъ видѣть, чтобы разсказать резюмэ нашей поѣздки къ Асташову,—говорила Мэри, оживленно здороваясь съ Вероникой и распахивая роскошную мѣховую шубку.—Присядемте здѣсь,—продолжала она, откладывая на подоконникъ громадную соболью муфту и поправляя передъ карманнымъ зеркальцемъ выбивающіеся изъ подъ шляпки волоса.—Во первыхъ, ваши старички—одна прелесть: оба бодрые, здоровые, какъ всегда влюбленные другъ въ друга. Кто скажетъ, что ему восемьдесятъ лѣтъ!.. Нѣтъ, моя дорогая, я должна сказать вамъ самое интересное: вчера былъ у меня Асташовъ. Вообразите себѣ, что онъ узналъ меня. Началъ разсказывать въ общихъ чертахъ о томъ, что у него были двѣ интересныя маски. И вы не знаете, кто онѣ?—спрашиваю я. Нѣтъ, говоритъ, не знаю. Честное слово? Онъ молчитъ и улыбается. Въ концѣ концовъ я заставила его сказать правду, что меня онъ узналъ, но вами, голубчикъ, онъ адски заинтригованъ. Попробовалъ склонить меня на откровенность, но не удалось: я не сказала и конечно не скажу, кто вы. Онъ просилъ передать вамъ, что будетъ счастливъ, если вы позвоните ему. Позвоните непремѣнно. Это будетъ очень забавно для васъ.

— Можетъ быть я и позвоню, не знаю...—равнодушно отвѣтила Вероника.—Однако, мнѣ надо идти: тетя навѣрное ждетъ.

— Вы какъ будто не въ вашемъ обычномъ настроеніи?

— Нѣтъ, ничего... холодъ адскій, а я терпѣть не могу этой зимы съ ея морозами, темными днями и отсутствіемъ солнца.

— А мнѣ все равно. Лишь бы каминъ горѣлъ.

Мэри плотно запахнулась въ шубку, поцѣловала Веронику и, быстро спускаясь, исчезла за поворотомъ лѣстницы.

— Пожалуйте въ маленькую гостинную: генеральша васъ давно поджидаютъ. Только что хотѣли по телефону справляться,—говорила давно жившая въ домѣ горничная Марфуша, помогая Вероникѣ снять шубку и теплые ботики.

— Тетя одна?

— Однѣ-съ.

Вероника вошла въ маленькую гостиную, довольно безпорядочно обставленную разнаго стиля мебелью. На кушеткѣ, съ покрытыми мѣхомъ ногами, сидѣла сѣдая дама съ не по лѣтамъ, густыми пышными, какъ у негритянки крепированными волосами, непослушно стремящимися стать ореоломъ вокругъ блѣднаго, нѣжнаго лба.

— Дуся моя, что же ты такъ поздно? Я думала, ты совсѣмъ не пріидешь.—Некрасивое лицо сдѣлалось обаятельнымъ подъ лучомъ свѣтлой доброй улыбки. Голосъ, очень слабый, звучалъ такой же добротой, какой свѣтились глаза и улыбка. Она протянула маленькую руку и въ слабомъ пожатіи ея Вероника почувствовала радость свиданія и ласку.

Она нагнулась, крѣпко обняла и поцѣловала тетку.

— Какъ ваше здоровье, дорогая?

— Ничего себѣ. Опять сердце очень шалило, спать не могла. Докторъ былъ... Предписываетъ покой... а какой тутъ можетъ быть покой!.. Едва пріѣхали, звонки не прекращаются... всѣ являются къ моему патріарху

съ жалобами, просьбами... совѣтами... кашу заварили, а ложку, чтобы мѣшать ему въ руки суютъ... Ты знаешь, дуся, какъ это меня волнуетъ; тѣмъ болѣе, что я... молчу и не показываю моего волненія.—Голосъ Анастасіи Ивановны звучалъ, какъ шелестъ вѣтра, почти безъ интонацій, съ длинными передышками.

— Вотъ только что... ушла эта вертихвостка Марія Аполлоновна... трещала тутъ трещала... думаетъ я не понимаю... зачѣмъ пріѣхала... почву пощупать ей надо: какъ и что думаетъ нашъ патріархъ... про этого выскочку—Быстрова. Лебезила, лебезила... такъ ничего и не узнала. Я не люблю ее, дуся... она фальшива и, думаю, ловка ужъ очень. Снимай шляпку... садись поближе... Слышала про твою картину. Всѣ говорятъ... всѣ хвалятъ... а я вотъ не видѣла и не увижу... Ты какъ будто грустная?.. Или нѣтъ?..

— Нѣтъ, тетя, я не грустна... уже не грустна,— улыбнулась Вероника, кладя руку на руку тетки.

— Ты что, такъ и не видалась съ нимъ съ тѣхъ поръ?—помолчавъ спросила Анастасія Ивановна.

— Совсѣмъ не видѣлась и не хочу, —тихо добавила Вероника.

— Конечно, и не надо... Ты мнѣ писала, что это Сергѣй Суровъ... Такъ вѣдь?.. Я его отца знала... бывалъ въ домѣ у maman. Очень былъ милый человѣкъ... интересный и образованный... По тогдашнимъ временамъ большой либералъ... Ну, а теперь что ты дѣлаешь? Пишешь новую картину?.. поешь?.. выѣзжаешь?

— Ничего не пишу. Пою, иногда выѣзжаю, а больше всего мечтаю, тетя милая. И знаете о чемъ? Мечтаю я... о рыцарѣ въ голубой сказкѣ. О боль-

шомъ, сильномъ, чистомъ и добромъ рыцарѣ...—Вероника закрыла глаза и тоскливо, чуть замѣтно потянулась.

— Гдѣ же ты этихъ рыцарей найдешь, дуся?...—улыбнулась Анастасія Ивановна.—Нарисовать ихъ можешь, да только... не съ натуры... А вотъ тебѣ рыцарь только не большой... и сильный, а маленькій, старый и... слабый, и не изъ голубой сказки, а изъ сената.

Въ комнату неслышными шагами вошелъ маленькій, бодрый, очень прямо держащійся старикъ, съ длинной, какъ у ветхозавѣтнаго патріарха, бѣлой, вѣеромъ растущей отъ самыхъ ушей, бородой, въ большихъ круглыхъ очкахъ, съ лысой головой, обрамленной по затылку рѣдкими, какъ серебро бѣлыми волосами, въ длиннополомъ, стараго покроя, сюртукѣ.

Петръ Александровичъ былъ всѣми чтимый, глубоко уважаемый всѣмъ сенатомъ, самый его старый «патріархъ», какъ его всѣ звали. Къ нему относились не только съ большимъ уваженіемъ, но нѣкоторые и съ опаской, такъ какъ онъ имѣлъ свободный доступъ ко двору, гдѣ его тоже любили и уважали и, гдѣ онъ, умный, тактичный и старчески-мудрый, умѣлъ, когда надо было, сказать слово правды такъ, что слово это не забывалось.

Принадлежавшій, какъ и́ его жена, къ старинной и очень родовитой семьѣ, онъ смолоду велъ простой, безъискусственный образъ жизни, былъ умѣренъ во всѣхъ своихъ привычкахъ, любилъ умственную работу и все свободное отъ службы время проводилъ за письменнымъ столомъ, заваленнымъ грудами всякихъ

книгъ, брошюръ, выписокъ, конспектовъ и разрозненныхъ, пожелтѣвшихъ листковъ. Книги и бумаги лежали на стульяхъ, въ углахъ комнаты, на шкапахъ. Все это было прокурено и пропылено, но никто не смѣлъ трогать ихъ съ мѣста, такъ какъ всѣ въ домѣ знали, что малѣйшее поползновеніе водворить порядокъ въ кабинетѣ хозяина причинило бы ему серьезное огорченіе и волненіе.

Англичанинъ по матери и потомокъ хана по отцу, онъ унаслѣдовалъ непоколебимую выдержку, хладнокровіе и лояльность британской и восточной расъ. Говорилъ онъ медленно, не громко и очень мало. Несмотря на двадцать лѣтъ разницы въ годахъ, супруги были связаны самой тѣсной и нѣжной дружбой съ первыхъ же дней брака. Они какъ бы дополняли другъ друга, были всегда нужны одинъ другому, и существовавшая между ними гармонія никогда ничѣмъ не нарушалась. Анастасія Ивановна всегда молча присутствовала при докладахъ или дѣловыхъ разговорахъ мужа. Она была его вторымъ «я», какъ онъ былъ отраженіемъ ея. Всѣ такъ привыкли не раздѣлять этихъ тихихъ, разумныхъ стариковъ, что даже секретные переговоры высокой государственной важности велись въ молчаливомъ присутствіи Анастасіи Ивановны, никогда не нарушавшей ихъ ни единымъ замѣчаніемъ, но внимательно слушавшей все, что говорилось, чтобы потомъ наединѣ съ мужемъ обдумывать ихъ и обсуждать сообща. Всегда выходило такъ, что мнѣнія и рѣшенія ихъ были одинаковы, потому что взгляды ихъ во всемъ сходились.

— Здравствуй, Ника.—Прямой, совсѣмъ не старческой походкой сенаторъ подошелъ къ племянницѣ,

поцѣловалъ ей руку, потомъ лобъ и сѣлъ подлѣ въ кресло, по обыкновенію не облакачиваясь о его спинку.—А Марія Аполлоновна уже уѣхала?

— Слава Богу, что уѣхала... она всегда утомляетъ меня своей болтовней, въ которой очень много хитрости...—тихо зашуршалъ голосъ Анастасіи Ивановны.—Ты замѣтилъ, какъ ей хотѣлось... вывѣдать твое мнѣніе... о предполагаемомъ назначеніи этого... Быстрова въ премьеры?

— Н-да...—Неопредѣленно протянулъ патріархъ, держа руки на колѣняхъ и слабо ударяя пальцами одной руки по косточкамъ кулака другой.

— Дуся... поправь мнѣ подушку... Вотъ такъ... выше немного...

Іероника привстала и бережно поправила черную шелковую подушку подъ головой тетки.

— Разскажи намъ что-нибудь. Гдѣ была? Кого видѣла?—Анастасія Ивановна слегка повернула въ сторону племянницы сѣдую, какъ серебряннымъ ореоломъ обрамленную, голову на черномъ фонѣ шелка.

— Познакомилась недавно и совершенно случайно съ нѣкимъ Асташовымъ.

— Это кто же? Ты не знаешь патріархъ?

— Асташовъ? Валерій Романовичъ? Мы встрѣчаемся съ нимъ на засѣданіяхъ по вопросамъ объ искусствѣ.

— Что онъ: интересенъ?

— Ничего себѣ... хорошо образованъ, воспитанъ, только фигляръ, кажется, большой руки.

— Отчего фигляръ?

— Такъ говорятъ про него. Перешелъ въ католи-

чество... проповѣдуетъ какое-то ученіе о свободныхъ нравахъ.

— Что же, онъ понравился тебѣ, Ника?

— Онъ произвелъ на меня, тетя, очень сложное и странное впечатлѣніе. Я думаю, что онъ не долженъ быть счастливъ. Странные у него глаза: и отталкивающіе и притягивающіе... Мнѣ его жаль.

— Фантазерка ты, дуся... Вѣчно причудится тебѣ нѣчто особенное.

Сенаторъ вынулъ большой золотой хронометръ и, пригнувъ голову, посмотрѣлъ черезъ верхнюю часть очковъ.

— Ты ждешь кого нибудь?—спросила его жена.

— Да, долженъ къ пяти пріѣхать Зарянко. Непремѣнно хотѣлъ видѣть меня.

— Люблю я его... цѣльный, честный человѣкъ онъ... побольше бы такихъ... для нашей Думы.

— Н-да, хорошій, хорошій.

Подали чай на большомъ подносѣ. Сенаторъ, никогда не измѣнявшій привычкѣ ѣсть только три раза въ день—утромъ, за завтракомъ и за позднимъ обѣдомъ, молча всталъ и вышелъ въ кабинетъ.

Послѣ чаю, Вероника только что заговорила о томъ, что ей пора ѣхать, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги размѣренные и тяжелые, и въ комнату вошелъ громаднаго роста, колоссальнаго сложенія пожилой грузный человѣкъ.

Вероника ускорила свой отъѣздъ. Пока вошедшій въ комнату сенаторъ, казавшійся игрушечнымъ старичкомъ рядомъ съ атлетическаго сложенія гостемъ, здоровался съ нимъ, Анастасія Ивановна успѣла что-то по.

шептать племянницѣ на ухо, подержать въ своей маленькой сухой ручкѣ ея руку и нѣсколько разъ поцѣловать...

— Я скоро опять пріѣду, тетя. Привезу вамъ вашихъ любимыхъ булочекъ. Только вотъ съ мукой плохо. Едва-едва моя прислуга гдѣ-то раздобыла,— обнимая тетку, говорила Вероника. Сенаторъ провелъ ее въ переднюю, самъ помогъ ей одѣться и вернулся къ ожидавшему его гостю.

— Что скажите, мой милый? — Обратился онъ къ Владимиру Михайловичу Зарянкѣ,—видному думскому дѣятелю, имѣвшему громадный престижъ и въ самой Думѣ и въ общественныхъ кругахъ.

Обладатель крупныхъ помѣстій, родовитый баричъ, независимый, упрямый въ своихъ убѣжденіяхъ, въ мѣру либеральный и фанатично любящій Россію и все русское, Зарянко, всегда невозмутимо - хладнокровный, за послѣднее время сталъ замѣтно выходить изъ уравновѣшенно - привычнаго ему тона, бывалъ несдержанъ и даже бурливъ. Событія внутренней политики внушали ему серьезныя опасенія, и онъ началъ бить тревогу. Извѣстный въ нѣкоторыхъ сферахъ, гдѣ его недолюбливали, особенно въ послѣднее время, подъ прозвищемъ «думскаго грузовика» или «индѣйскаго пѣтуха», онъ, въ минуты волненья, вполнѣ оправдывалъ эти прозвища, когда, отдуваясь могучими легкими, грузно подымался съ мѣста, тяжело шагалъ взадъ и впередъ и еле сдерживалъ готовый вырваться наружу гнѣвъ.

— Что я скажу, Петръ Александровичъ?—поднялъ Зарянко на старика огромные, выразительные глаза, въ минуты покоя добродушно глядящіе изъ подъ

густыхъ наросшихъ бровей. — Я скажу вамъ, что мы подошли къ чертѣ, дальше которой идти невозможно. Все, что я доказывалъ третьяго дня въ собраніи, все это блѣдно въ сравненіи съ дѣйствительностью. По совѣсти, по чести, я не могу, понимаете ли вы, не-мо-гу больше терпѣть этого.

Усиліемъ воли сдерживаемый басъ вдругъ сорвался и наполнилъ всю комнату могучимъ, раскатистымъ звукомъ.

Анастасія Ивановна, неподвижная, точно застывшая, на минуту закрыла глаза.

Сенаторъ выждалъ минуту и, продолжая стоять и точно всматриваясь сквозь очки въ лицо собесѣдника, заговорилъ тихимъ кроткимъ голосомъ, казавшимся еще тише и слабѣе послѣ раскатовъ густого баса:

— Я васъ понимаю, мой дорогой, но все-таки не оправдываю. Личныя симпатіи и антипатіи должны въ такое время, какъ мы переживаемъ, стушеваться. Необходима солидарность... полное единеніе... Повторяю вамъ, что тамъ, — старикъ неопредѣленно посмотрѣлъ вверхъ, сопровождая взглядъ почти благоговѣйнымъ движеніемъ руки, — тамъ этого желаютъ, настойчиво желаютъ...—Онъ помолчалъ, весь выпрямившись сѣлъ на край стула, на минуту опустилъ какъ бы въ раздумьи голову и заговорилъ опять, прямо глядя въ глаза Зарянкѣ, который, разставивъ громадныя ноги и опершись о колѣни ладонями, видимо сдерживаясь, слѣдилъ исподлобья за каждымъ движеніемъ старика.

— Этого Быстрова вѣдь я совсѣмъ не знаю... видѣлъ его всего одинъ разъ, когда онъ пріѣзжалъ про-

сить меня о снисходительномъ отношеніи къ дѣлу военнаго министра...

— Что я вамъ говорилъ, Петръ Александровичъ!— зычнымъ басомъ прервалъ Зарянко тихую рѣчь сенатора.—Развѣ въ одномъ этомъ поступкѣ онъ не весь на лицо? Вся Россія негодуетъ, ждетъ отъ вашей комиссіи справедливой оцѣнки гнусныхъ дѣяній, а онъ рѣшается итти противъ общаго теченья—рѣшается подавать свой голосъ въ защиту чего?.. чего, я васъ спрашиваю? Подлости... И ѣдетъ къ вамъ!... Вѣдь это же наглость!... Словъ для этого нѣтъ...—Зарянко, тяжело отдуваясь, грузно повернулся въ креслѣ, гнѣвно мотнулъ головой, какъ бы выпрастывая шею изъ крахмальнаго воротничка.

— Что же вы ему на это?

— Я сказалъ, что докладъ мой по этому дѣлу законченъ. Показалъ ему свое заключеніе и этотъ остроумно составленный моимъ помощникомъ планъ шпіонской сѣти, нити которой скрещиваются, какъ въ центрѣ, въ домѣ того, о комъ онъ пріѣхалъ хлопотать...

— Вы думаете онъ не зналъ этого? Повѣрьте, что раньше васъ видѣлъ. Этотъ планъ съ кружками и линіями давно ходитъ по рукамъ у всей Думы. Развѣ вамъ это неизвѣстно?

— Извѣстно, милый мой, извѣстно; но чтобы имѣть возможность слушать его или говорить съ нимъ, я долженъ былъ дѣлать видъ, что не сомнѣваюсь въ его недостаточной освѣдомленности по этому дѣлу.

— Да, конечно...—промычалъ Зарянко.

— Мы то его понимаемъ... для насъ онъ только ничтожный пролаза, но тамъ... тамъ его еще не

поняли,—опять заговорилъ патріархъ негромкимъ, но увѣреннымъ голосомъ.—Мы должны выждать... Повѣрьте мнѣ, что его разгадаютъ. А пока его позиція очень сильна. Къ тому же не вы ли, не ваши ли круги и создали его?

— Позвольте, Петръ Александровичъ, кто же изъ насъ могъ предположить, что имѣетъ дѣло съ будущимъ ренегатомъ? Мы отреклись отъ него...

— Не такъ давно и отреклись... съ мягкой укоризной проговорилъ сенаторъ. — Не вычеркнете того, что было сдѣлано самой Думой: она же избрала его замѣстителемъ предсѣдателя и довѣреннымъ представителемъ своимъ. Сами же указали на него всей Европѣ. Развѣ не такъ? — спокойно спросилъ старикъ.

— Петръ Александровичъ, вамъ ли не знать какъ дѣлаются всѣ эти выборы? Ну что тамъ говорить, Дума... Европа... Кто могъ и хотѣлъ ѣхать, тотъ и ѣхалъ... Никому не въ диковинку.—Зарянко всталъ, набралъ струю воздуха и мощно выдохнулъ ее. Заложивъ руки въ карманы, подошелъ къ окну, разсѣянно, и напряженно о чемъ-то думая, посмотрѣлъ нѣсколько секундъ сквозь темныя стекла на немигающіе рожки фонарей и вдругъ, круто повернувшись, не вынимая рукъ изъ кармановъ, заговорилъ задушевнымъ ласкающимъ басомъ:

— Петръ Александровичъ, вѣдь я пріѣхалъ не жаловаться, а просить вашего содѣйствія. Ваше слово, вы сами знаете, имѣетъ вѣсъ; къ нему прислушиваются, вамъ вѣрятъ. То, чего не могу сказать я объ этихъ выборахъ, какъ думецъ, то свободно можете говорить вы. Я чувствую, что насталъ

историческій моментъ, и мы обязаны что то предпринять, спасти положеніе, обязаны сорвать маску съ этого фокусника и ренегата, выкравшаго подлыми пріемами слѣпое къ себѣ довѣріе. Пока не поздно, прошу васъ, Петръ Александровичъ, помогите.

— Владиміръ Михайловичъ, да что же я могу тутъ подѣлать? — Сенаторъ съ искреннимъ удивленіемъ уставился на слонообразную фигуру думца и, какъ-бы силясь лучше уразумѣть, что отъ него требовалось, двумя руками тщательно поправилъ на носу очки, слегка закинулъ голову, еще больше выпрямился и застылъ въ вопросительной позѣ.

— Я знаю, да и всѣ знаютъ неукоснительную прямоту всѣхъ вашихъ поступковъ; знаемъ, что косые пути и интриги чужды вамъ, Петръ Александровичъ; но, во имя спасенія Россіи, я прошу васъ найдите возможность изобличить этого фигляра, жонглирующаго нами какъ мячиками... да нѣтъ не нами! Тутъ вопросъ не въ личностяхъ...—жонглирующаго Россіей. Вся его политика сводится къ наглому произволу, къ управленію страной не мозгомъ государственной машины, а подлымъ лукавствомъ пропойцы мужика въ сбруѣ прорицателя...—Зарянко умолкъ, тяжело дыша приблизился къ «патріарху», не спускавшему съ него дѣтски-ясснаго и въ то же время разумнаго внимательнаго взгляда и, ударяя себя въ грудь, въ глубокомъ волненіи, съ разстановкой проговорилъ:

— Мнѣ страшно, Петръ Александровичъ, уже за завтрашній день... Кошмаръ повисъ надъ страной... Я чую приближеніе страшнаго шквала... Онъ размететъ въ щепы не только насъ, это не важно, но всю

Россію, надъ вѣковымъ строительствомъ которой благоговѣли наши отцы, дѣды, прадѣды... Не надо быть пророкомъ, чтобы чуять приближеніе этой страшной, стихійной бури... она уже за плечами нашими, Петръ Александровичъ. Это говорю вамъ я... я!..

Густой басъ осѣкся. Въ комнатѣ на минуту воцарилась полная тишина. На черномъ фонѣ шелковой подушки маленькая голова, съ сѣдымъ ореоломъ волосъ, глубже вдавилась въ мягкій пухъ. Настойчивый взглядъ испуганно и внимательно былъ устремленъ на застывшаго въ той же позѣ «патріарха».

— Что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?—наконецъ медленно проговорилъ онъ.

— Разскажите все, рѣшительно все великой княгинѣ и просите ее пересказать это тамъ... предостеречь... спасти...

— Милый мой, вы переоцѣниваете мои силы. Предположимъ, что я скажу, что она повѣритъ мнѣ, но, во первыхъ, я не знаю, каковы ея отношенія теперь съ сестрой, а во вторыхъ, развѣ вы не знаете, что ко мнѣ благоволятъ сейчасъ гораздо меньше, потому что ходъ дѣла въ нашей комиссіи очевидно огорчилъ государя и непріятенъ ему. Быть можетъ я и ошибаюсь, но не скрою отъ васъ, что въ день пятидесятилѣтія моей службы я не получилъ даже ожидаемаго рескрипта... Можно ли эту холодность объяснить чѣмъ нибудь другимъ.

— Что вы говорите, Петръ Александровичъ?.. Неужели рескрипта не было?! Я ручаюсь вамъ чѣмъ угодно, что опять таки надо благодарить эту же клику...

— Кто бы это ни устроилъ,—перебилъ сенаторъ

Зарянку,—откуда бы это ни шло, а, сознаюсь вамъ, что было больно...—Старикъ умолкъ на минуту, снялъ очки, не спѣша вытащилъ изъ задняго кармана длиннополаго сюртука большой носовой платокъ, тщательно протеръ оба стекла, опять надѣлъ очки и, спрятавъ платокъ, заговорилъ тѣмъ же спокойнымъ, тихимъ, еще болѣе проникновеннымъ голосомъ:

— Не знаю, милый мой, сумѣете ли вы меня понять, сумѣете ли перешагнуть съ вашего, такъ сказать, берега на мой, затерявшійся почти въ вѣковомъ жизненномъ лѣсу—путь: моя дряхлая голова не устанетъ склоняться передъ этой высшей для меня волей, которую я никогда не позволю себя ни критиковать, ни осуждать. Эго есть та святыня убѣжденій, которымъ въ мои дряхлые года не измѣняютъ и съ ними... умираютъ. «Такъ храмъ оставленный—все храмъ, кумиръ поверженный—все богъ...» Вѣдь я не общественникъ, не парламентаристъ—съ вашей новой октябрьской точкой зрѣнія... я даже не европеецъ,—усмѣхнулся патріархъ, я—азіатъ.

— Вы всѣми чтимый, дорогой для насъ Петръ Александровичъ. Всѣ мы преклоняемся передъ вашей искренней безпримѣрной честностью и стойкостью.

— Э - э, Владимиръ Михайловичъ, теперь этотъ товаръ не въ цѣнѣ... иной вѣкъ—иныя требованія—... добродушно разсмѣялся старикъ.—Да, такъ вотъ видите ли, я хотѣлъ сказать вамъ, что выступить съ критикой или обличеніями я не могу. Все, что я могъ бы сдѣлать,—это указать великой княгинѣ или, если бы представился случай, государю на голые, неопровержимые факты, но ихъ то вѣдь я и не знаю...

— Факты?! Я вамъ дамъ ихъ сколько угодно, но, дорогой Петръ Александровичъ, этого мало въ данную минуту: во что бы то ни стало надо предупредить его назначеніе на постъ премьера. Это можетъ случиться не сегодня-завтра...

— Вы въ этомъ увѣрены?—вытянувъ шею и повернувъ голову слегка въ бокъ, вѣско спросилъ «патріархъ».

Зарянко вмѣсто отвѣта тяжко вздохнулъ, шумно выпуская воздухъ, словно изъ мѣховъ, и горестно и утвердительно покачалъ головой.

— Эго было бы грустно...—какъ бы про себя прошепталъ «патріархъ».

— Не грустно, Петръ Александровичъ, а ужасно, гибельно для Россіи,—со взрывомъ негодованія загудѣлъ Зарянко.—Послѣ протеста, высказаннаго единогласно Государственнымъ Совѣтомъ,—ужъ я не говорю о Думѣ,—послѣ всѣхъ петицій земствъ, городовъ, вѣдь это назначеніе будетъ равносильно перчаткѣ брошенной въ лицо всей Россіи... вѣдь это поведетъ къ такому взрыву негодованія, который откроетъ путь почти уже назрѣвшей революціи... Я вамъ говорю, Петръ Александровичъ, что ни за что больше не ручаюсь и готовъ слова эти повторить государю.

— Неужели вы хотите, милый мой, чтобы я пересказалъ это ему? Да вѣдь это же угроза... Могу ли я это?.. Вправѣ ли?..—Старикъ съ легкой укоризной покачалъ головой.

Зарянко опустилъ голову и безпомощно развелъ руками:

— Да, вы правы...—Онъ опять опустился въ кресло противъ сенатора и оба молчали.

— Чаю бы вамъ... Настенька, позвони, мой другъ,— обратился старикъ къ женѣ.

Анастасія Ивановна нажала кнопку лежавшагс подлѣ нея на столикѣ звонка. Опять подали свѣжій чай. Зарянко, сгорбивъ громадную спину, сосредоточенно мѣшалъ ложкой въ стаканѣ съ чаемъ, о чемъ то глубоко задумавшись.

— Такъ какъ же быть?—поднялъ онъ вдругъ голову.

— Разрѣшите мнѣ по дряхлости моихъ лѣтъ, высказать вамъ, дорогой мой, одинъ упрекъ, — не отвѣчая на вопросъ, заговорилъ сенаторъ, ласковымъ движеніемъ руки дотрагиваясь до обшлага думца.— Былъ такой человѣкъ, который могъ бы и правду сказать и предостеречь и разоблачить. Ему бы повѣрили, выслушали бы его и послушались бы его совѣта. Вы конечно понимаете, что я говорю объ Леонтьѣ Леонтьевичѣ. Кто же какъ не вы всѣ затравили старика: и старъ, и ничтоженъ, и изъ ума выжившая мумія... Вотъ теперь и пригодился бы... А кого получили на его мѣсто?..

— Какое тамъ! — досадливо махнулъ Зарянко рукой.—Ничего бы онъ не сказалъ:.. «Моя хата съ краю—ничего не знаю».

Опять оба замолчали. «Патріархъ» всталъ, подошелъ къ угловому столику, безцѣльно потрогалъ и переставилъ съ мѣста на мѣсто нѣсколько стоявшихъ на немъ бездѣлушекъ, вернулся, сѣлъ и, похлопавъ пальцами по косточкамъ сжатаго кулака, обратился къ Заранкѣ:

— Вы обѣщали дать мнѣ факты. Пожалуйста...

— Извольте. Возьмемъ всѣ земства и города, сорганизованные для работы на армію. Быстровъ, послѣ еще недавняго дружнаго союза, теперь идетъ вразрѣзъ съ нами. Его политика личныхъ споровъ въ продовольственномъ дѣлѣ съ министромъ земледѣлія, его стремленіе передать администраціи, весь этотъ прекрасно налаженный механизмъ — вѣдь это же преступленіе! А его назначенія губернаторами какихъ то выскочекъ, какой то шушеры по протекціи чортъ знаетъ кого — это какъ вы назовете?.. Островъ... Даниленко... Климовъ... баронъ Зестъ...

— Какой Климовъ? — удивительно переспросилъ сенаторъ, уставивъ строгій взглядъ на думца.

— Ну да, да... тотъ самый!.. дѣло о немъ прекращено и вмѣсто арестантскаго халата ему надѣваютъ мундиръ губернатора. А баронъ Зестъ?!. Не утихъ взрывъ негодованія послѣ Рязанской эпопеи, какъ его сажаютъ въ Тамбовѣ въ губернаторскій домъ! Предводитель дворянства ему визита не отдаетъ. Онъ всунулъ свой носъ и въ церковныя дѣла. Вѣдь анекдотомъ покажется, что извѣстный N-скій архіерей не сегодня завтра будетъ митрополитомъ, что отказавшагося подписать гнуснѣйшій, въ глазахъ каждаго вѣрующаго, святотатственный синодскій адресъ, почтеннаго, всѣми уважаемаго владыку Новгородскаго увольняютъ за это на покой, а епископъ N-скій, уволенный за явное нарушеніе всѣхъ церковныхъ законовъ, получаетъ епархію...

— Однако, позвольте...—остановилъ старикъ разгоряченнаго негодованіемъ Зарянко, — при чемъ тутъ Быстровъ? Какое это имѣетъ къ нему отношеніе?

— Въ томъ то и дѣло, что ни одинъ гнусный или беззаконный фактъ во внутренней политикѣ страны не обходится безъ его участія... Вы слышали о назначеніи экзотическимъ консуломъ извѣстнаго шарлатана—милліонера Мотьки Швейнкопфа? Это сдѣлано какъ будто на зло англійскому посланнику. Вѣдь это же мерзость, грязь!.. Быстровъ, устраивая это, отлично зналъ, что дѣлалъ; не хуже самого Мотьки, цинично разсказывающаго объ этомъ на своемъ десятитысячномъ обѣдѣ, на которомъ присутствовалъ Быстровъ и этотъ «старецъ», изображающій изъ себя гнуснѣйшую педаль, на которую ловко надавливаютъ всѣ лакействующіе передъ Царскимъ Селомъ... Да подобно этому дѣлу проведено еще сколько угодно въ банковскихъ сферахъ. Конечно не ради денегъ, а ради преслѣдованія иныхъ, болѣе далекихъ цѣлей. Не видите ли вы сами, Петръ Александровичъ, какой кошмарной тучей нависаютъ всѣ его дѣянія надъ дворцомъ Царскаго Села?!

— Да... да... все это ужасно, но дайте мнѣ факты, относящіеся лично къ нему.

— Я шелъ къ этому.—Зарянко досталъ носовой платокъ, обтеръ имъ вспотѣвшій отъ волненія лобъ, закурилъ папиросу, затянулся раза два, затушилъ ее о дно пепельницы и продолжалъ:

— Знаете ли вы подробности его игры съ земельнымъ вопросомъ? Извольте выслушать: позорный ворогила нашей кошмарной политики, этотъ хлыстъ и развратный пьяница, этотъ «старецъ», будучи втянутъ въ политику, заговорилъ на самыя ему близкіе мужицкія темы, а именно о томъ, что землицу бы надо

мужичкамъ отдать, поровну раздѣлить и тогда, молъ, за Царя-батюшку и Царицу-матушку будетъ народъ грудью стоять и все тогда пойдетъ по хорошему. Быстровъ сейчасъ же сообразилъ, что пѣть въ дудку этому мужику для него будетъ не безполезно. Онъ обѣщалъ разобрать вопросъ о землепользованіи на новый ладъ, съ расчетомъ какого-то надѣла землей не то всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ, не то всѣхъ солдатъ. Идея эта, какъ говорятъ, понравилась, тѣмъ болѣе, что Быстровъ, со свойственной ему наглостью, увѣрилъ, что этимъ вопросомъ можно объединить всѣ партіи, успокоить всѣ низы, на которыхъ будто бы держится вся царская власть. Справиться же съ мыслящей и имущей интеллигенціей и съ помѣщичьимъ классомъ, не въ мѣру возвышающимъ голосъ, будетъ дѣло не сложное... Конечно, людей, готовыхъ по первому кивку пальцемъ разработать этотъ политическій фарсъ, найдется у насъ сколько угодно...

— Не уясню себѣ, чемъ могъ руководиться Быстровъ?—прервалъ рѣчь Зарянки сенаторъ.—Вѣдь каждому ясно, что это игра съ огнемъ.

— Разумѣется ничѣмъ, кромѣ узко-эгоистическаго желанья быть «спасителемъ положенія», чтобы затѣмъ окончательно забрать въ руки всю власть, а тамъ можно свести дѣло на нѣтъ или затянуть его, какъ затягивалось у насъ не мало дѣлъ. Чѣмъ можетъ руководиться безпринципный человѣкъ? Ничѣмъ... Или онъ съ ума сходитъ?! Чертъ его знаетъ! Вѣдь и это говорятъ.

— Да... не хорошо, не хорошо...—вздохнулъ сенаторъ.—Неужели намъ суждено опять столкнуться съ

этимъ грознымъ призракомъ земельнаго передѣла, уничтоженія собственности, попранія правъ, которымъ столько народовъ, на протяженіи вѣковъ человѣческой исторіи, придавали значеніе чуть ли ни божественныхъ законовъ для основъ государства и общества, культуры и гражданской свободы?!. Неужели въ этотъ разъ призракъ будетъ созданъ высшей и законной властью, какъ во дни оны онъ былъ созданъ темной кровавой волей Пугачевыхъ и Разиныхъ?!. «Патріархъ» поникъ головой и скорбно задумался.

— Закрѣпить свою безумную мысль Быстровъ уже успѣлъ, — продолжалъ думецъ. — Слышали ли вы о письмахъ, написанныхъ мужицкимъ слогомъ и получаемыхъ царицей въ громадномъ количествѣ со всѣхъ концовъ Россіи?!. Обратите вниманіе, что письма эти адресуются только царицѣ. Въ письмахъ этихъ «добрые мужички» благословляютъ и благодарятъ матушку-царицу; говорятъ ей о неразрывной связи, существующей между нею и народомъ, и конечно заканчиваютъ просьбой «о землицѣ». Разумѣется, эти письма фабрикуются на Фонтанкѣ, а затѣмъ разсылаются при помощи неизмѣнныхъ «гороховыхъ пальто», которыхъ онъ наплодилъ невѣроятное количество и насадилъ ихъ всюду, включительно до арміи, чт бы неустанно слѣдить за своими друзьями и недругами...

— Да... да... нехорошо, очень нехорошо все это...— еще разъ тихо, какъ бы про себя, промолвилъ «патріархъ» и поднялъ на собесѣдника опечаленные, дѣтски-ясные глаза.—Что же, дорогой мой Владиміръ Михайловичъ, попробую, если удастся, кое-что сказать. Не поможетъ—не взыщите. Я предупреждалъ васъ, что ко

мнѣ охладѣли. Можетъ быть, теперь и мнѣ не повѣрятъ... Тогда, да будетъ во всемъ воля Божья...

Зарянко всталъ, крѣпко и сердечно пожалъ громадной рукой сухую руку старика и, силясь подавить наплывъ волновавшихъ его чувствъ, секунду молчалъ.

— Благодарю васъ, Петръ Александровичъ, душевно благодарю. Я зналъ, что ѣду не даромъ. Кто знаетъ, можетъ быть еще успѣемъ спасти положеніе и предотвратить надвигающуюся бѣду въ видѣ новаго назначенія Быстрова. До свиданья. Я долженъ сейчасъ ѣхать въ Маріинскій дворецъ.

Зарянко взялъ со стола свою большую мѣховую шапку и подошелъ поцѣловать руку Анастасіи Ивановнѣ, которая тихо освѣдомилась о здоровьи его жены и просила передать ей привѣтъ.

«Патріархъ» проводилъ гостя въ переднюю и, вернувшись, сталъ молча сосредоточенно ходить изъ угла въ уголъ. Долго длилось молчаніе.

— Что «патріархъ»,—прошуршалъ голосъ Анастасіи Ивановны,—ты очень озабоченъ?.. Трудную задачу взвалили тебѣ на плечи... Что жъ, скажи слово правды... но не поздно ли будетъ?!.

— Да... не хорошо... очень не хорошо...—«Патріархъ» остановился передъ кушеткой, гдѣ полулежала Анастасія Ивановна, покачалъ въ раздумьѣ головой и опять принялся ходить.

XI.

— Ну, вотъ я и готова. Ѣдемте,—говорила Вероника Вѣрѣ Илларіоновнѣ Быстровой, выходя изъ своей спальни въ черномъ шелковомъ туалетѣ, съ горно-

стаевой пелериной на плечахъ.—Я васъ не заставила ждать, дорогая? Какъ разъ десять часовъ. Вы не раскаиваетесь?

— Нисколько. Я очень благодарна вамъ.—Быстрова, очень интересная и эффектная въ темно синемъ бархатномъ платьѣ, съ большимъ вырѣзомъ на полномъ бюстѣ и ниткой крупнаго жемчуга на шеѣ, поцѣловалась съ Вероникой и, пройдя въ переднюю, передъ зеркаломъ стала пудрить изъ карманной пудреницы раскраснѣвшееся лицо.

— Богъ знаетъ до чего я волнуюсь,—говорила она, разглядывая себя и внутренно оставаясь довольной своею наружностью.—Я увѣрена, я чувствую, что если только мнѣ удастся переговорить съ нимъ сегодня, то или мы разстанемся навсегда, или же... все рѣшится. Умоляю васъ, милочка, какъ только мы пріѣдемъ, сейчасъ же постарайтесь поймать его. Я такъ боюсь, чтобы онъ въ карты играть не сѣлъ! Вѣдь онъ не подозрѣваетъ, что и я тамъ буду.

— А хоть бы и сѣлъ! Я обѣщаю вамъ такъ или иначе захватить его. Не волнуйтесь такъ, Вѣра Илларіоновна: передъ рѣшительнымъ сраженіемъ надо владѣть собой,—смѣясь говорила Вероника.

У подъѣзда ихъ ожидалъ «министерскій» автомобиль.

— Если бы не вы, Вѣра Илларіоновна, я не поѣхала бы сегодня на этотъ калейдоскопическій вечеръ. Это настоящій клубъ. Кто только у нихъ ни бываетъ: и артисты, и художники, и будущіе министры, и генералы, и банкиры, и какіе-то parvenus... Одни бываютъ часто, другіе пріѣдутъ одинъ разъ и больше не

показываются,—говорила Вероника, забившись въ уголъ автомобиля и зябко кутаясь въ манто.

— Кто она эта Зарина? Отчего и для чего ей нужны эти пріемы? Я что то раньше не слышала о ней.

— Да, это изъ новыхъ салоновъ. Говорятъ, она хочетъ вытянуть на верхъ своего супруга, занимающаго какое то видное мѣсто въ банковской сферѣ. Конечно, вы слышали про милліонера Мотьку Швейнкопфа? Банковскій тузъ и на всѣ руки мастеръ. Его тамъ очень фетируютъ и кормятъ чуть ли ни птичьимъ молокомъ. Слышала, что и «старца» тамъ тоже ублажаютъ... Словомъ, обѣщаю, что вы тамъ позабавитесь, а главное увидите того, кого вамъ надо видѣть. Я туда ѣду третій разъ. Первый разъ меня Марія Аполлоновна туда затащила, второй разъ сама Зарина такъ настойчиво просила продавать у нея шампанское на костюмированномъ вечерѣ въ пользу фонда какого то летучаго отряда сестеръ милосердія, что я никакъ не могла отказать, и вотъ сегодня ѣду исключительно для васъ.

— Спасибо вамъ. Повѣрите ли, это время я совершенно изъ колеи выбилась, — вздохнула Вѣра Илларіоновна.—Вы знаете какъ меня мало занимаютъ всѣ эти grandeur'ы Миши, не стоющія и мыльнаго пузыря. У насъ съ нимъ такіе разные характеры. Онъ готовъ всѣмъ пожертвовать для блеска придворнаго мундира, а я только и мечтаю, какъ бы мнѣ наконецъ уйти изъ этой безсмысленной жизни, похожей на скачки съ головоломными препятствіями. Я такъ хотѣла бы уѣхать куда нибудь подальше въ деревню, имѣть свой теплый уютный уголъ, имѣть

семью... друга... Цѣлую жизнь я только и дѣлаю, что ѣзжу на рауты, балы, въ рестораны, переодѣваюсь изъ одного костюма въ другой, вѣчно спѣшу, стремлюсь куда то... сперва у maman въ домѣ, теперь у брата. А въ итогѣ одна усталость, душевная пустота и одиночество. Вамъ это можетъ быть непонятно, потому что у васъ есть громадный рессурсъ—талантъ. Вы никогда не будете знать одиночества, а для насъ,—обыкновенныхъ женщинъ—одиночество это страшный призракъ, пугающій каждую изъ насъ, когда пройдутъ годы первой молодости, когда шумъ и мишура баловъ, базаровъ и всякихъ свѣтскихъ удовольствій перестанетъ забавлять... Вы не повѣрите, дорогая, до чего я устала отъ этой безцѣльной жизни... Мнѣ такъ хочется...

— Замужъ выйти,—подсказала Вероника.

— Да именно. Не смѣйтесь надо мной. Вы сами знаете, что я не представляю изъ себя типа старой дѣвы. У меня были партіи, но все это были мужчины съ холоднымъ сердцемъ.

— А вы думаете, что найдете съ теплымъ сердцемъ?—отозвалась Вероника, ушедшая почти до глазъ въ мѣховой воротникъ и съ закрытыми глазами слушавшая тихія, задушевныя жалобы Вѣры Илларіоновны.—Я думаю, что такихъ мужчинъ нѣтъ или почти нѣтъ... Всѣ мы—женщины бредимъ на одну и ту же тему. Всѣ мы ищемъ рыцарей изъ сказокъ, а жизнь даетъ только прозаическихъ, черствыхъ мужчинъ, которымъ нѣтъ дѣла до нашихъ иллюзій. Повѣрьте мнѣ, что я, такъ холодно говорящая вамъ въ эту минуту, такъ же, какъ и вы, ищу тепла и свѣта въ мужскомъ сердцѣ и не нахожу его... а все таки

упрямо хочется вѣрить, что гдѣ-то далеко есть такой. Сколько разъ я обманывалась...

— Какъ, неужели вы думаете, что нѣтъ милыхъ, хорошихъ мужчинъ?—Въ голосѣ Вѣры Илларіоновны звучало что то похожее на испугъ.

— Хорошихъ?.. Вѣдь это понятіе очень относительное. Что такое хорошій? Если онъ не пьетъ, не развратничаетъ, если онъ честенъ, не золъ, если у него не несносный характеръ, если онъ не бездѣльничаетъ, исполияетъ свои обязанности, не мотаетъ деньги—вотъ онъ и хорошій. А по моему это не такъ: хорошій тотъ, къ которому душа моя льнетъ, который ни въ чемъ не можетъ обидѣть моей души, у котораго сердце, какъ теплый солнечный лучъ, и при этомъ всемъ—онъ силенъ и бодръ духомъ. Вотъ этотъ, по моему, хорошій.

— Увѣряю васъ, что Михайловскій именно такой. Онъ такъ просто и безискусственно добръ. Въ немъ чувствуется столько теплоты сердечной! Я такъ цѣню его отношенія ко мнѣ и такъ боюсь, чтобы они не испортились теперь изъ за Миши.

— Если онъ такой, какъ вы говорите, то я увѣрена, онъ не сможетъ измѣниться въ отношеніи васъ, чтобы тамъ ни было.

— Вы думаете?

— Я увѣрена. Если же онъ пойдетъ на попятный, то значитъ, вы себѣ рисовали его иначе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ это не можетъ быть! Я рада, что сегодняшній вечеръ устраиваетъ наше свиданіе, и въ

то же время я безумно боюсь и волнуюсь... А вдругъ онъ не пріѣдетъ?!

— Я же говорила вамъ, что вчерз онъ былъ у Маріи Аполлоновны, сказалъ ей, что наканунѣ только вернулся изъ Москвы и непремѣнно поѣдетъ сегодня на вечеръ къ Зариной, чтобы тамъ встрѣтить кого-то по очень нужному для него дѣлу.

— Дай Богъ...—вздохнула Вѣра Илларіоновна.

Автомобиль остановился у подъѣзда громаднаго дома на Каменноостровскомъ проспектѣ. Вдоль панелей стояли гуськомъ автомобили и кареты. Длинный рядъ оконъ въ бель-этажѣ былъ ярко освѣщенъ.

— Пріѣзжайте за нами къ часу ночи,—приказала Вѣра Илларіоновна шоферу.

— Что вы! Никакъ не раньше половины третьяго,—остановила ее Веро ика.—Ужъ разъ мы пріѣхали, то надо быть до конца, да васъ и не отпустятъ. Зарина будетъ въ восторгѣ, что залучила васъ. Не забывайте, что вы сестра всесильнаго министра.

— Вотъ ужъ я плюю на это,—дернула плечомъ Быстрова,—подымаясь по широкой красив й лѣстницѣ.

— Тише, тише, а то васъ арестуютъ за такія вещи,—разсмѣялась Вероника.

Большія, залитыя яркимъ свѣтомъ, парадныя комнаты были полны прибывающихъ гостей. Въ первой же гостинной, навстрѣчу входившимъ Вероникѣ и Быстровой, слегка прихрамывая отъ разыгравшейся за послѣдніе дни подагры, подошла хозяйка дома—Анна Николаевна Зарина,—чрезмѣрно-полная, рыхлая женщина лѣтъ сорока пяти, съ расплывшимся бюстомъ, громадными боками, короткими руками и очень кра-

сивой головой, неуклюже посаженной на короткой, жирной шеѣ. Каріе глаза блестѣли оживленьемъ, природный румянецъ игралъ на щекахъ, и каштановые волосы, гладко обрамлявшіе низкій бѣлый лобъ, были подколоты у затылка въ пышный узелъ. Носъ и ротъ были безукоризненной формы. Странно было видѣть эту живописную голову на уродливомъ туловищѣ.

Зарина разсыпалась въ любезностяхъ передъ Быстровой, которая успѣла окинуть бѣглымъ взглядомъ гостинную: Михайловскаго въ ней не было. Ихъ провели въ громадную столовую, гдѣ за открытымъ буфетомъ гостямъ предлагался чай, сандвичи, крюшонъ, фрукты и конфекты. Было такъ много народу, что приходилось пробираться шагъ за шагомъ. Къ Быстровой то и дѣло подходили знакомые и мало знакомые ей люди, говорили любезныя слова, на которыя она отвѣчала съ неизмѣнно привѣтливой улыбкой.

— Неужели его нѣтъ?..—съ легкой дрожью въ голосѣ, прошептала она, нажимая локтемъ руку Вероники, съ которой она пробиралась къ буфету.

— Есть... есть...

— Вы видите? Гдѣ? Ради Бога—гдѣ?

— Тише... на васъ смотрятъ... направо въ углу у окна.

— Боже, какъ я рада!... Пройдемте къ той сторонѣ, чтобы онъ увидалъ насъ...

Въ концѣ комнаты, подлѣ окна въ углу, стояла небольшая группа мужчинъ. Между ними виднѣлась фигура высокаго, крупнаго человѣка, въ золотомъ pince-nez, съ некрасивымъ, но пріятнымъ, и располагающимъ умнымъ лицомъ, простоватымъ, но не вуль-

гарнымъ, съ глазами, въ которыхъ искрилась не то легкая насмѣшка, не то лукавство. Портилъ общее впечатлѣніе ротъ съ тонкими губами. Въ его линіи было что то черствое и холодное. Англійскаго покроя «френчъ», одѣвалъ его плотную фигуру безъ особеннаго щегольства. Въ рѣчи, въ движеньяхъ и во всей манерѣ чувствовалась увѣренность сильнаго человѣка, знающаго жизнь и умѣющаго справляться со всякими обстоятельствами и всякими людьми. Небольшая прядь сѣдыхъ волосъ странно выдѣлялась на русыхъ, довольно еще густыхъ волосахъ, просто зачесанныхъ назадъ.

— Я только что съ фронта,—говорилъ онъ, держа въ рукѣ стаканъ чаю и отпивая его съ ложечки.—Тамъ всѣ возмущены... довольныхъ нѣтъ. Помилуйте, вѣдь послѣднія перемѣны командного состава сдѣланы точно въ насмѣшку надъ лицами, за спиной которыхъ дѣйствительныя и многократныя заслуги, сдѣланы наперекоръ общественнымъ теченіямъ. Согласитесь, что новый министръ — вѣдь это кукла, говорящій попугай. Я его отлично знаю и назначеніе его не могу объяснить иначе, какъ закулисной интригой.

— Ему протежируетъ Быстровъ, — отозвался видный, съ иголочки одѣтый, вновь назначенный сенаторъ, въ черепаховомъ pince-nez, съ живыми черными, какъ у цыгана глазами, умнымъ красивымъ лицомъ, съ сѣдѣющими висками, большой любитель женщинъ, бургонскаго и хорошихъ сигаръ.

— А кто такой Быстровъ?.. Позвольте васъ спросить кто онъ? Откуда онъ? Кто его выудилъ?—желчно

заговорилъ худой, высокій генералъ, только что пріѣхавшій съ позицій въ короткій отпускъ.—Кто его подсунулъ? Кто на него указалъ? Вѣдь самъ выскочилъ, смѣю васъ увѣрить. А теперь фокусами и фиглярствомъ зачаровалъ, влѣзъ въ довѣріе. Я его не много знаю,—встрѣчался съ нимъ. Un vrai charmeur, такъ и лѣзетъ въ душу. И какъ это его тамъ наверху раскусить не могутъ?!. Вѣдь флюгеръ, ренегатъ...

— Дѣло, видите ли-съ въ томъ,—мягко и пріятно заговорилъ сенаторъ въ черепаховомъ pince-nez, какъ бы съ нѣкоторой любовной осторожностью прожевывая сандвичъ съ замысловатой начинкой,—что длинная вереница годовъ, начиная съ недавняго, сравнительно, прошлаго укрѣпили, такъ сказать, его акціи для довѣрія тамъ... вверху. Развѣ не думскіе круги его создали? Развѣ не губернское дворянство съ шумомъ и оваціями почтило его выборами въ губернскіе предводители коренной Русской губерніи? А промышленная сфера-съ?.. Развѣ не купечество поставило его во главѣ либеральнѣйшаго учрежденія военно-промышленнаго комитета, того самаго, за контры съ которымъ усердно гнали столько представителей администраціи и даже министерскаго управленія?!.

— Вѣрно, вѣрно...—поддакивалъ худой генералъ, ежеминутно, вслѣдствіи нервнаго тика, дергая лѣвымъ плечомъ.

Михайловскій раскрылъ ротъ, чтобы что-то сказать, но въ эту минуту увидѣлъ Быстрову, стоявшую возлѣ буфета въ ожиданіи предлагаемаго ей крюшона и пристально смотрѣвшую въ его сторону. Онъ отошелъ отъ своихъ собесѣдниковъ, не спѣша прошелъ

раздѣлявшее ихъ простренство и тяжеловато, безъ свѣтскаго лоска, раскланялся и поцѣловалъ ей руку. Быстрова встрѣтила его ласковой улыбкой.

— Никакъ не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь, Вѣра Илларіоновна; мнѣ казалось, что вы здѣсь не бываете.

— Да, я пріѣхала сегодня сюда въ первый разъ... съ моей пріятельницей. Вероника Антоновна, позвольте вамъ представить. Вѣроятно фамилія Вероники Антоновны—Кампіони вамъ знакома?

— Какъ же-съ! Искренній почитатель вашего таланта.—Нѣсколько минутъ длился ничего не значущій разговоръ. Вскорѣ Вероника подошедшимъ знакомымъ дала увлечь себя въ залъ, откуда неслись звуки роя заглушенные говоромъ десятковъ голосовъ.

— Николай Николаевичъ, дайте вашу руку и проведите меня въ какой нибудь уютный и укромный уголокъ, гдѣ бы было поменьше народа, — говорила Быстрова, кладя пухлую смугловатую руку, украшенную браслетами и кольцами, на рукавъ Михайловскаго. Высокая, плотная, съ красивой осанкой, она подходила по внѣшности къ его крупной фигурѣ.

— Я очень рада, что мы встрѣтились здѣсь,—продолжала она,—такъ какъ мнѣ необходимо переговорить съ вами...

— Слушаюсь, Вѣра Илларіоновна. Я весь къ вашимъ услугамъ.

Они стали медленно продвигаться къ дверямъ.

— ...Онъ говорилъ, что готовъ быть лакеемъ у царя... Вотъ и надѣлъ жандармскій мундиръ въ доказательство своихъ словъ,—донеслись до нихъ слова генерала, съ которымъ только что бесѣдовалъ Михай-

ловскій. Быстрова поняла, что это относилось къ ея брату и поспѣшила о чемъ то заговорить, надѣясь отвлечь вниманіе своего кавалера.

— Здѣсь очень хорошо. Садитесь поближе... Тутъ намъ никто не помѣшаетъ,—говорила она, усаживаясь на диванчикъ въ уютномъ уголкѣ небольшого кабинетика, отдѣленнаго высокой японской ширмой отъ остальной части комнаты.

Михайловскій, не переставая улыбаться одними глазами, въ которыхъ сквозило природное веселое лукавство, послушно опустился на указанное ему кресло подлѣ дивана и молча провелъ ладонью по волосамъ.

— Обѣщаете ли вы мнѣ, Николай Николаевичъ, говорить только правду и одну правду?—Быстрова дотронулась концомъ сложеннаго вѣера до его руки.

— Излишняя просьба, Вѣра Илларіоновна, потому что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ я не уклоняюсь отъ истины. Если неугодно бываетъ ее слушать, то я молчу,—это единственная уступка, что я могу дѣлать, не кривя душой.

— Хорошо. Даже если мнѣ будетъ непріятно, вы все-таки отвѣтите мнѣ правду?

— Можете быть въ этомъ увѣрены.

— Въ такомъ случаѣ, скажите: вы меня избѣгали намѣренно все это время?—Быстрова пристально, немного подавшись впередъ, смотрѣла въ глаза Михайловскому.

— Не скрою, я избѣгалъ васъ.

— Отчего?

— Оттого, что мои отношенія къ вашему брату круто измѣнились.

— Но что же общаго это можетъ имѣть со мной, Николай Николаевичъ? Мало ли почему ваши взгляды на политику или— я не знаю тамъ на что—могутъ расходиться со взглядами брата. При чемъ же тутъ я и наши съ вами отношенія?

— Мало сказать, что наши взгляды расходятся: я ищу прямого и рѣзкаго разрыва съ нимъ и хочу, чтобы всѣ это знали и поняли, что между нимъ и мною не можетъ быть впредь ничего общаго...

— Николай Николаевичъ, что вы говорите?!. Неужели дошло до такихъ границъ... вражды?

— О нѣтъ, Вѣра Илларіоновна, ни о какой личной враждѣ не можетъ быть и рѣчи. Рѣчь идетъ не обо мнѣ, а о судьбѣ Россіи...

— Что же онъ сдѣлалъ? Прошу васъ, будьте откровенны.

— Послѣ его появленія у насъ на засѣданіи въ жандармскомъ мундирѣ, у насъ, понимаете ли, гдѣ никогда, ни одинъ министръ не являлся даже въ вицъ-мундирѣ...

— Позвольте, Николай Николаевичъ, неужели такая мелочь можетъ быть вмѣняема чуть ли ни въ преступленіе? Я слышала объ этомъ и разумѣется не одобряю подобной безтактности, но...

— Вѣра Илларіоновна, могу васъ увѣрить, что это не безтактность. Это умышленное и преднамѣренное желаніе положить черту между собой и всѣми нами, это явное отреченіе отъ всякой съ нами связи. А его выступленіе рѣзкое, рѣшительное и, простите за откровенность, фальшивое,—это тоже безтактность?

— Боже мой, я теряюсь, я начинаю ничего не

понимать,—медленно, какъ бы про себя, проговорила Быстрова. На минуту она замолчала, закрывъ глаза и откинувшись въ глубину дивана...

— Я разстроилъ васъ, Вѣра Илларіоновна? Извиняюсь, но я предупреждалъ васъ, что могу говорить только правду.

— Да, говорите мнѣ все. Вы сами отлично знаете, что, кромѣ васъ, никто мнѣ не скажетъ слова правды.

— А если та правда, что я скажу вамъ относительно Михаила Илларіоновича зародить въ васъ враждебное чувство ко мнѣ?

— Этого не можетъ быть, Николай Николаевичъ,— задушевно и просто, безъ тѣни кокетства, возразила Быстрова.

— Но если вы не отойдете отъ меня, значитъ вы будете на его сторонѣ?

— Ну, зачѣмъ вы ставите такіе вопросы? Зачѣмъ вамъ нужны какія то крайнія рѣшенія? Неужели нельзя многое, даже все знать и оставаться такой же, какъ я сейчасъ! Николай Николаевичъ, вѣдь вы же сами еще такъ недавно работали съ нимъ вмѣстѣ; неужели-же ваши цѣли и стремленія могли такъ быстро разойтись?

— Въ томъ то и ужасъ, что не только я, но всѣ мы работали дружно и вмѣстѣ... Вспомните его возвращеніе изъ-за границы, оваціи, устроенныя ему, его разсказы, этотъ тостъ за обѣдомъ, на которомъ вы сами присутствовали...

— И что-же?.

— Что?.. Ужъ не знаю какъ и сказать вамъ...— криво улыбнулся Михайловскій

— Или онъ дѣйствительно ненормальный человѣкъ, больной, или...—Михайловскій выразительно развелъ руками, не договоривъ слова, которое Быстрова угадала.

— Дальше...—чуть слышно проговорила она, кусая губы и не глядя на Михайловскаго.

— Недавно еще всецѣло нашъ и нашей партіи, нашихъ понятій,—да я увѣренъ, онъ и сейчасъ въ душѣ ихъ раздѣляетъ,—онъ, можете себѣ представить, теперь объявляетъ насъ революціонерами, обвиняетъ въ желаніи захватить власть и чуть ли ни произвести государственный переворотъ. И это обвиненіе смѣетъ бросать намъ въ лицо онъ, знающій наше единодушное стремленіе предотвратить возможную революцію.

— Я вѣрю, вѣрю вамъ, милый Николай Николаевичъ, но тутъ есть что-то, чего я не понимаю... Братъ говорилъ мнѣ, что вы требуете парламентскаго режима, отвѣтственности министровъ. Это такъ?

— Вѣрно. Но вѣдь желанія эти гдѣ то тамъ далеко, вдали... не сейчасъ, не теперь. Мы вѣримъ въ нашу идею, въ возможность исполненія ея, но мы мирные эволюціонисты и ждемъ этого сверху безъ потрясеній для страны.

Теперь же мы рѣшаемся просить только министерства общественнаго довѣрія. Удовлетворить насъ легко и необходимо. Вашъ братъ не можетъ не понимать этого. Если же онъ пошелъ противъ насъ, рѣшившись какъ въ шулерской игрѣ передергивать карты и, переряжась самъ, переряжить и насъ въ несвойственные намъ костюмы, то, ясное дѣло, онъ преслѣдуетъ какія-то личныя и невыгодныя для насъ цѣли... Больше я ничего не скажу вамъ, иначе мнѣ придется называть

вещи ихъ именами. Не хочу дѣлать этого изъ уваженія къ вамъ.

Михайловскій, какъ бы силясь подавить искреннее или показное волненіе, сплелъ пальцы сильныхъ, мускулистыхъ рукъ и крѣпко сжалъ ихъ.—Вотъ-съ, Вѣра Илларіоновна, мое слово правды. Простите, если обидѣлъ васъ.

— Хорошо, Николай Николаевичъ, — заговорила Быстрова послѣ довольно продолжительной паузы,—я выслушала васъ; благодарю за откровенность и... все таки попрежнему отношусь къ вамъ съ самой сердечной симпатіей и теплымъ чувствомъ. Что вы мнѣ на это скажете?

— И я, Вѣра Илларіоновна, какъ многократно повторялъ, чувствую къ вамъ что то теплое и хорошее.

— Что-то?..—Быстрова незамѣтно сжала въ начинающихъ дрожать пальцахъ сложенный вѣеръ.

— Да, что то. Мнѣ всегда казалось, что въ васъ, Вѣра Илларіоновна, есть то, что могло бы согрѣть меня, вѣрнѣе—отогрѣть. Я никогда не любилъ, хотя много имѣлъ дѣла съ женщинами... быть можетъ потому и не любилъ, что слишкомъ много имѣлъ съ ними дѣла.

— А мнѣ казалось, что у васъ такое отзывчивое и нѣжное сердце,—тихо проговорила Быстрова.

— Вы не ошиблись—сердце у меня отзывчивое; но въ женщинахъ я видѣлъ въ отношеніи себя такого дешеваго качества чувства, что теперь мало вѣрю въ нихъ.

— Мнѣ помнится, Николай Николаевичъ, что вы говорили мнѣ нѣчто другое. Вы говорили, что хотѣли бы встрѣтить большую чистую любовь, значитъ вы вѣ-

рили въ ея возможность. Помню, когда вы сказали это, мнѣ показалось, что въ концѣ громаднаго безконечнаго лабиринта комнатъ я увидѣла маленькій огонекъ спички, котораго всю жизнь ищу и не нахожу. Окружающіе меня мужчины искали моей взаимности сперва потому, что мы очень богаты, и отецъ занималъ видный постъ,—а теперь, потому что братъ его занимаетъ. Въ этой пестрой и лживой толпѣ я хотѣла вѣрить и вѣрила только вамъ... только къ вамъ у меня теплое, очень теплое чувство...

— Благодарю васъ, Вѣра Илларіоновна, но опять таки я буду говорить вамъ только правду: меня такъ заморозила жизнь, что надо много, очень много, чтобы я проснулся, чтобы отдалъ всего себя. Женщинѣ, которая сумѣетъ разбудить меня, я отдамъ все мое сердце, всю мою волю, всю мою безудержную страсть...

— Такой женщины нѣтъ подлѣ васъ?—глухо спросила Быстрова.

— Пока нѣтъ... — Михайловскій спокойно посмотрѣлъ на измѣнившееся отъ волненія лицо Быстровой, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ этого волненія, которое неоднократно и съ намѣреніемъ вызывалъ въ ней. Холодный и черствый, очень прозаичный и невидящій въ женщинѣ ничего кромѣ самки, онъ любилъ прикидываться простымъ и душевнымъ человѣкомъ, чтобы наблюдать нарождающееся въ сердцѣ женщины чувство, которое потомъ грубо топталъ или обливалъ холоднымъ душемъ, ссылаясь на свою неуклонную правдивость и прямоту.

Быстрова молчала. Ей казалось, что полъ проваливается подъ ея ногами, что она куда то летитъ внизъ

головой. Въ тонѣ Михайловскаго звучала нотка, которой она раньше не слышала: онъ казался ей въ каждомъ своемъ словѣ, безыскусственно прямымъ, сердечнымъ человѣкомъ...

Сразу что-то измѣнилось: передъ ней сидѣлъ холодно наблюдающій человѣкъ съ прищуренными насмѣшливыми глазами. Она начинала понимать, что все предыдущее былъ только опытъ. Теперь опытъ законченъ и стѣсняться было не для чего. Быстрова сдѣлала громадное усиліе воли, подняла на Михайловскаго добрые, каріе глаза и сказала:

— А я думала, что вамъ мѣшала видѣться со мной ссора съ братомъ. Теперь же я понимаю, что это былъ для васъ удобный предлогъ. Благодарю васъ за правду, но правда должна быть не только въ словахъ, но и въ дѣйствіяхъ и въ побужденіяхъ нашихъ...

— Вы не можете упрекнуть меня въ противоположномъ, Вѣра Илларіоновна,—стараясь придать задушевность голосу, перебилъ ее Михайловскій.

— Огонекъ, который я вообразила себѣ, что вы зажгли, вы же и потушили: ничего больше нѣтъ.

Быстрова встала, нервно, какъ отъ озноба, повела плечами, секунду постояла, окончательно справившись съ собой, придала лицу обычное свѣтски-привѣтливое выраженіе и сдѣлала шагъ къ двери.

— Вы разгнѣвались на меня, Вѣра Илларіоновна?—остановилъ ее Михайловскій, чувствуя, что ему надо что то сказать.

— О нѣтъ, я никогда не сержусь...

— Вы должны понять меня. Сами женщины виноваты, если я очерствѣлъ къ нимъ. Никогда я не встрѣ-

чалъ и, конечно, не встрѣчу женщины, у которой въ концѣ концовъ не сводились бы всѣ чувства къ самымъ пошлымъ и низкимъ инстинктамъ...

— Ни слова больше,—остановила его Быстрова. Въ глазахъ ея мелькнулъ гнѣвный огонекъ. Я думала, что имѣю дѣло съ джентльмэномъ... вижу, что ошиблась. Прощайте.—Она быстро, высоко неся голову, вышла изъ комнаты.

XII.

Въ то время, какъ Быстрова сидѣла въ кабинетикѣ съ Михайловскимъ, Вероника, оживленная, взвинченная слегка угарной атмосферой, болтала съ подходившими къ ней мужчинами, смѣялась, острила, поддразнивала, безобидно подсмѣивалась.

— А-а, здравствуйте, баронъ. И вы здѣсь?—Слова ея относились къ подошедшему къ ней брюнету, одѣтому съ изысканной тщательностью, съ некрасивымъ, но въ высшей степени оригинальнымъ и интереснымъ лицомъ, съ розовой гвоздикой въ петлицѣ смокинга. Опытный глазъ могъ подмѣтить едва замѣтную подрисовку бровей и рѣсницъ и тончайшій слой пудры на матово-блѣдномъ, подвижномъ и нервномъ лицѣ. Одна бровь, посаженная замѣтно выше другой, такъ же какъ и изгибъ скошеннаго въ одну сторону рта, придавали лицу мефистофельски-саркастическое выраженіе.

— Я всегда стремлюсь быть тамъ, гдѣ вы,—шутливо отвѣтилъ онъ, цѣлуя руку Вероники.

— Если бы и я стремилась быть тамъ, гдѣ вы,

то, думаю, это было для меня нѣсколько рискованно,— засмѣялась Вероника.

— И даже очень... Мнѣ сказали, что вы здѣсь, я васъ искалъ, искалъ, потерялъ надежду найти и отправился пьянствовать. Выпилъ залпомъ три бокала крюшона.

— По теперешнимъ временамъ это безсовѣстное злоупотребленіе гостепріимствомъ хозяевъ. Я и то удивляюсь, гдѣ они достали такое количество шампанскаго?

— За деньги и теперь можно все достать.

— Воображаю, что Зариной стоятъ эти вечера!

— Такъ и надо. Хочетъ за уши вытягивать своего мѣднолобаго супруга изъ тьмы къ свѣту, такъ и плати, угощай умныхъ людей.

— Ну, а вы то тутъ причемъ?—разсмѣялась Вероника.—Пьете ея шампанское, ѣдите устрицы и свѣжую икру, а равно ничѣмъ не способствуете вытаскиванію супруга...

— Какъ ничѣмъ?.. Довольно и того, что я украшаю ея салонъ. Разумѣется, если бы она угощала гостей своихъ яичницей и селедкой съ лукомъ, моего носу тутъ не было бы.

— Вотъ видите, какой вы эксплоататоръ!.. А меня совершенно не прельщаютъ ея ужины.

— Такъ я и повѣрю, что вы пріѣхали сюда изъ-за любви къ этой комодообразной Магдалинѣ до ея покаянія, bien entendu, или ради веселья.

— Отчасти вы правы: я пріѣхала по одному дѣлу, но не касающемуся лично меня.

— Видите, какъ я угадалъ. Сюда ѣздятъ или для

нужныхъ встрѣчъ или чтобы вкусно поѣсть. Причемъ, долженъ вамъ сознаться, я всегда ѣмъ и пью здѣсь больше, чѣмъ мнѣ хочется.

— Это почему?

— А потому, что я знаю, что комодообразная Мадонна только дѣлаетъ видъ, что она довольна, когда гости кушаютъ: въ душѣ же она злится и проклинаетъ, что у насъ есть животы и рты. Она ужаснѣйшая скареда и какъ только за послѣднимъ гостемъ захлопнется дверь, она бросается все припрятывать, смотрѣть, сколько всего осталось и ругательски насъ ругаетъ, если остается мало. Поэтому я всегда стремлюсь за ужиномъ сѣсть такъ, чтобы она меня видѣла. Ужъ я и злю ее! Ѣмъ, ѣмъ... и того, и другого, и третьяго... У нея вся душа переворачивается, когда я накладываю себѣ цѣлую гору свѣжей икры, а приходится улыбаться, ничего не подѣлаешь...

— Ну, что за ерунду вы говорите, Константинъ Викторовичъ!..

— Если не вѣрите, то прошу васъ сѣсть за ужиномъ рядомъ, и я обѣщаю доставить вамъ рѣдкое и большое удовольствіе: видѣть безсильную злобу хозяйки при видѣ гостя, безпощадно уничтожающаго ея дорогія закуски, вина и фрукты.

— Ну довольно вамъ язвить. Пойдемте лучше и сядемте гдѣ-нибудь... вотъ хоть здѣсь...

— Ни за что! Навѣрное всѣ эти золоченые стулики съ переломанными ножками. Мнѣ говорили, что когда Мадонна въ гнѣвѣ, то швыряетъ стульями въ супруга, а такъ какъ она существо нѣжное и слабое, то конечно швыряется не простыми, а золочеными.

Лучше идемте сюда. Отсюда можно наблюдать за публикой и самимъ не быть на виду. Вы однѣ здѣсь, Вероника Антоновна?

— Нѣтъ, я пріѣхала съ Быстровой.

— О-о, какимъ персонажемъ вы украсили сегодня салонъ Мадонны! То-то она себѣ сзади бантъ налѣпила! А гдѣ же Вѣра Илларіоновна? Она сегодня въ образѣ предтечи: очевидно на слѣдующій вечеръ явится и «самъ».

— Не думаю. Вѣра Илларіоновна знакомства ведетъ безъ всякой политики и, насколько я знаю, не считается съ братомъ.

— Въ такомъ случаѣ il faut chercher l' homme, котораго я уже нашелъ. Я видѣлъ здѣсь Михайловскаго и могу дать голову на отсѣченіе, что она гдѣ-нибудь въ уголку исповѣдуетъ его. Думаю, что съ Михайловскимъ этотъ номеръ не пройдетъ. Посовѣтуйте вашей reine de Sabbat обратиться лучше ко мнѣ: я могу ей посватать одного премилаго юношу.

— Перестаньте, баронъ,—серіезно остановила его Вероника.—Скажите лучше: вы хорошо знаете этого Михайловскаго?

— Встрѣчался и не разъ.

— Что это за типъ?

— Ему пальца въ ротъ не клади, а такъ ничего: толковый господинъ.

— Добрый, милый, сердечный?

— Такіе эпитеты ему абсолютно не подходятъ.

— Какіе же?

— Дѣловой... себѣ на умѣ... рѣшительный въ поступкахъ... не глупый... достаточно самоувѣренный...

— Любитель женщинъ?

— На самый короткій срокъ и, конечно, не типа вашей reine de Sabbat.

— Очень жаль,—задумчиво проговорила Вероника.

— Ровно нечего тутъ жалѣть! Разскажите мнѣ лучше о себѣ, Вероника Антоновна. Кто теперь вашъ флиртъ?

— Никто...

— Этого не можетъ быть. Вы не можете не имѣть флирта. А Антошинъ развѣ не влюбленъ въ васъ больше?

— Ну что мнѣ за дѣло до тѣхъ, кто въ меня влюбленъ! Меня занимаютъ только тѣ, кѣмъ я заинтересована.

— Безсердечная вы сердцеѣдка! Я знаю, что Антошинъ готовъ растаять у вашихъ ногъ, образовавъ цѣлую бочку растопленнаго сала и столько же жира, а по военному времени жиры въ цѣнѣ... Ну извольте, отбросимъ Антошина. А генералъ готическаго стиля? А неотразимый Лоэнгринъ?

— Увѣряю васъ, баронъ, что все это меня теперь не занимаетъ...

— Почему? Съ какихъ поръ? Значитъ настала полоса разочарованія?

— Можетъ быть...

— Ну, это вамъ не къ лицу. Не вашъ genre. Хотите я васъ вылечу?

— Попробуйте. Какими же средствами?

— Вамъ надо нѣсколько дозъ остраго лекарства, которое васъ хорошенько встряхнуло бы, отвлекло бы отъ... разочарованія.

— А у васъ имѣется такое лекарство?

— Представьте себѣ, что есть.

— Интересно знать, какъ оно называется?

— Таинственнымъ клубомъ свободной радости и красоты.

— Это что же такое?

— Никакихъ объясненій давать не уполномоченъ, такъ какъ состою членомъ этого таинственнаго учрежденія, а, если угодно, свезти васъ туда могу.

— Вы увѣрены, что это можетъ меня встряхнуть?

— Во всякомъ случаѣ отвлечетъ и дастъ фантазіи много красокъ. Наши дѣла и во внутренней и во внѣшней политикѣ до того плохи, такая идетъ неразбериха, и столько пророчатъ грознаго впереди, что является потребность забыться, убѣжать отъ реальной жизни. Вотъ и основываются теперь такія учрежденія. Во всякомъ случаѣ обѣщаю, что встрѣтите тамъ интересныхъ людей и ровно ничѣмъ не рискуете, такъ какъ дамы могутъ являться въ маскахъ, и за стѣны клуба не выносится ни одно слово.

— Кто же предсѣдатель этого клуба?

— Нѣкій Асташовъ. Интересный типъ...

— Асташовъ, Валерій Романовичъ?

— Вы его знаете?

— Нѣтъ... я слышала о немъ.

— Такъ чтожь: поѣдемте въ клубъ свободной радости и красоты?

— Пожалуй...

— Прекрасно. Имѣйте въ виду, что ваше имя будетъ для всѣхъ тайной. Въ четвергъ я за вами заѣду. Члены нашего клуба—люди общества и таланта. Слѣ-

довательно, въ вашихъ эстетическихъ требованіяхъ вы шокированы быть не можете.

— Скажите, баронъ, а для свободы и радости предѣлы положены?

— Ни-ка-кихъ! Лишь бы не нарушались законы красоты.

— Это интересно... Хорошо, я поѣду, непремѣнно поѣду...

— Куда?—спросила, незамѣтно къ нимъ подошедшая, Быстрова.

— На радѣніе къ святому «старцу»,—невозмутимо серьознымъ тономъ отвѣтилъ баронъ, уступая свое мѣсто Быстровой.

— Что за глупости!—улыбнулась Вѣра Илларіоновна.

— А что-же! Я думаю его радѣнія не лишены громаднаго интереса. Иначе дамы не стремились бы такъ попасть къ нему. На дняхъ я прочелъ въ одномъ французскомъ журналѣ такую фразу, относящуюся къ нему... «tel et tel, connu sous le nom du „Vieillard", а въ скобкахъ... et pourtant très vigoureux».

— Вы неисправимы, Константинъ Викторовичъ,— укоризненно проговорила Быстрова.—Знаете который часъ?—обратилась она къ Вероникѣ.—Половина второго. Я адски устала и хочу домой ѣхать. А вы?

— И я поѣду съ вами.

Баронъ началъ протестовать, но Вероника по разстроенному лицу Быстровой поняла, что произошло нѣчто непріятное и рѣшила ѣхать съ ней. Онѣ поднялись и, стараясь быть незамѣченными хозяйкой дома, что было очень нетрудно при такомъ большомъ

количествѣ гостей, прошли къ выходу. На лѣстницѣ стояли ливрейные лакеи съ перекинутыми на рукахъ нарядными manteaux и шубками. Часть гостей, не желающая оставаться ужинать, разъѣзжалась. Министерскій автомобиль, вызванный швейцаромъ, сейчасъ же былъ поданъ къ подъѣзду, дверца захлопнулась, и онѣ помчались по широкой, ярко освѣщенной дорогѣ, искрящейся, какъ грани кристалла, только что выпавшимъ снѣгомъ.

— Вы устали, Вѣра Илларіоновна?—спросила Вероника Быстрову, прижавшуюся къ спинкѣ автомобиля, съ блѣднымъ, сразу осунувшимся, лицомъ.

— Морально я устала ужасно.—Она умолкла.

— Знаете, это очень хорошо, что я поѣхала на этотъ вечеръ,—черезъ нѣсколько минутъ заговорила она.—По крайней мѣрѣ все выяснилось... конецъ заблужденіямъ. Я слишкомъ многаго ожидала отъ дружбы съ нимъ и отъ него самого. Я идеализировала его. Мнѣ очень тяжело теперь; но когда я успокоюсь, то разскажу вамъ все подробно. Ахъ, какъ вы были правы, говоря, что хорошихъ мужчинъ мало,—горько вздохнула она.—Опять я осталась съ пустыми руками и одна.

— Развѣ это такъ страшно, Вѣра Илларіоновна? Всѣ люди одиноки, и обманываютъ себя тѣ, кто вѣритъ въ полное сліяніе душъ. Силенъ тотъ, кто имѣетъ мужество сознавать свое одиночество и не страшится его. Только большія, сильныя и гордыя птицы вьютъ свои гнѣзда подальше отъ земли, поближе къ облакамъ, въ одинокой высотѣ дикихъ скалъ.

XIII.

По обыкновенію поздно пообѣдавъ, Быстровъ только что сѣлъ къ письменному столу и началъ составлять какое то письмо, много разъ перечеркивая и поправляя написанное, какъ лакей, постучавъ въ дверь, подалъ ему на серебряномъ подносикѣ узкую небольшую визитную карточку.

— Просите, — сказалъ Быстровъ, продолжая писать.

— Можно? — раздался черезъ нѣсколько минутъ голосъ за дверью.

— Прошу.—Быстровъ не спѣша отложилъ перо и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу входившей Маріи Аполлоновнѣ.

— Я не очень помѣшала вамъ? J'ai tant de choses à vous dire... Здравствуйте Мишель. Мнѣ можно шляпку снять? У меня сегодня съ утра голова болитъ... Вы что-то пишете? Пожалуйста доканчивайте, а я сяду вотъ здѣсь и смирно посижу, погрѣюсь... у васъ тутъ такъ тепло. — Мэри, не ожидая реплики, снимала шляпу, стягивала перчатки и умащивалась въ большомъ кожаномъ креслѣ подлѣ письменнаго стола.

— Нѣтъ, я могу докончить потомъ...

— Какая чудесная бумага! И какой красивый форматъ!.. Гдѣ вы такую достали, скажите?

— Это по спеціальному заказу, и бумага и конверты. Эту бумагу я заказалъ исключительно для писемъ во дворецъ.—На лицѣ Быстрова отразилась чуть уловимая мечтательная улыбка.

— Вы писали государынѣ?.. вотъ видите, какъ я не во время... — еще глубже и удобнѣе устраиваясь въ креслѣ, произнесла Мэри.

— Пожалуйста... я имѣю сегодня достаточно времени; къ тому же, мнѣ надо отправить письма не ранѣе завтрашняго утра.

— Послушайте, Мишель, je deviens jalouse!—Мэри закурила длинную тонкую папироску и, улыбаясь, бросила выразительный взглядъ на начатое письмо.

— Я не оправдываюсь; elle est ravissante. Plus on la connait, p'us elle attire.—Быстровъ сдѣлалъ рукой красивый театральный жестъ и прищурилъ глаза, какъ бы мысленно представляя себѣ то, о чемъ говорилъ.

Мэри, продолжая курить и сильно затягиваясь, тоже щурилась и пристально смотрѣла на Быстрова, любуясь его красивымъ блѣднымъ профилемъ и спрашивая себя можетъ ли быть для нея опасно восторженное чувство придворнаго сановника къ благосклонной къ нему царицѣ.

— «Charmeur» — вспоминала она эпитетъ, который всѣ повторяли по его адресу. За послѣднее время она замѣтила, что ихъ отношенія начинали принимать слишкомъ дѣловой характеръ, что не входило въ ея конечныя цѣли, и она рѣшила мало по малу измѣнить ихъ. Часъ тому назадъ она звонила къ Быстрову, спрашивая можетъ ли онъ удѣлить ей часъ времени, такъ какъ она имѣетъ кое о чемъ переговорить съ нимъ. Это былъ предлогъ, чтобы пріѣхать къ нему и начать новую тактику.

— Послушайте, Мишель, я, какъ всегда, озябла.

Велите подать мнѣ чаю, кофе, вина—чего хотите, но только согрѣйте меня.

— Съ удовольствіемъ. Сейчасъ вамъ дадутъ и кофе, и вина, и всего, чего пожелаете.

— Я замѣчаю, Мишель, что послѣднее время вы стали какъ бы игнорировать меня.

— Милая Мэри, это ваша фантазія.

— Ничуть...—Она поджала подъ себя одну ногу, плотнѣе закуталась въ мѣховую пелеринку, нѣсколько разъ затянулась и продолжала спокойно-дѣловитымъ тономъ, мало соотвѣтствовавшимъ темѣ разговора.

— Ничуть...— повторила она.— Если я вамъ не звоню, то и вы не звоните, развѣ только, если я вамъ нужна для какого нибудь дѣла. Вы совсѣмъ не интересуетесь ни моими дѣлами, ни моей жизнью. Вѣдь это вѣрно?

— Нѣтъ, это совсѣмъ не вѣрно.—Быстровъ помогъ вошедшему съ подносомъ лакею уставить чай, вино и печеніе на уголъ письменнаго стола, подлѣ котораго сидѣла Мэри. Онъ наполнилъ два стаканчика виномъ и протянулъ ей:—le vin vous rendra plus indulgente envers moi. — Пожалуйста выпейте и согрѣйтесь:

— Moi-indulgente?! О, Мишель, развѣ можно быть больше снисходительной въ отношеніи васъ и болѣе преданной, чѣмъ я?

— Фактъ на лицо: вы предъявляете мнѣ обвиненіе въ несуществующихъ проступкахъ. Если я вамъ не звоню, то потому, что не имѣю ни секунды свободной для недѣловыхъ разговоровъ. Если не выражаю излишняго любопытства касательно вашихъ дѣлъ и вашей жизни, то не дѣлаю этого потому, что увѣренъ, что

вы сами подѣлитесь со мной тѣмъ, что вы найдете нужнымъ.

Женщины, милая Мэри, всегда нелогичны. Я къ этому привыкъ. Я совершенно опредѣленно знаю, что если бы я вторгался въ вашу личную жизнь со всякими распросами, вы бы назвали меня назойливымъ, скучнымъ и всякими другими эпитетами, которыхъ, въ такихъ случаяхъ, сколько угодно въ распоряженіи у женщинъ, а потому что я сдержанъ и тактиченъ — вы упрекаете меня въ холодности къ вамъ. Для поддержанія хорошихъ отношеній я думаю, что вторая позиція выгоднѣе.

— Если дѣло идетъ лично обо мнѣ, то я бы предпочла видѣть васъ, Мишель, въ первой позиціи.— Мэри бросила докуренную папироску въ хрустальную пепельницу, наполненную водой и протянула Быстрову стаканчикъ:— налейте, пожалуйста, еще. Прекрасное вино, гдѣ вы достали?

— Не знаю. Это мнѣ мой секретарь раздобылъ цѣлый ящикъ.

— Дайте мнѣ двѣ-три бутылки.

— Пожалуйста, возьмите. Heureux de vous être agréable.

— Ну хорошо... Скажите, Мишель, какъ обстоитъ дѣло съ вашимъ новымъ назначеніемъ?

— Прекрасно.

— Значитъ скоро будемъ подымать бокалъ за премьеръ-министра?—встрепенулась Мэри.

— Но это буду не я,—улыбнулся Быстровъ.

— Я васъ не понимаю, Мишель...

— Дѣла принимаютъ такой оборотъ, милая Мэри,

что для моей позиціи выгоднѣе оставаться тѣмъ, что я есть. Расчетъ мой вѣренъ, и я уже приблизительно намѣтилъ, кого надо посадить на этотъ постъ.

— О, Мишель, вы меня огорчили. Мнѣ непремѣнно хотѣлось видѣть васъ, именно васъ въ этой блестящей роли. Я очень честолюбива за вашъ счетъ, и мнѣ бы хотѣлось видѣть васъ на самомъ почетномъ мѣстѣ.

— Милая Мери, я не только честолюбивъ, но и дальновиденъ... Не думаете ли вы, что самое почетное мѣсто принадлежитъ тому, въ чьихъ рукахъ сконцентрирована вся власть?

— Разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ можете мнѣ повѣрить на слово, что главнымъ рычагомъ всего политическаго механизма страны буду я, и я приведу Россію къ той спасительной пристани, которая ей нужна. Прикрываясь личностью намѣченнаго мной премьера какъ щитомъ, я смогу наносить болѣе рѣшительные удары тѣмъ, кто стоитъ на моемъ пути, т. е. на пути задуманныхъ мною плановъ, спасительныхъ для Россіи и престола.

Быстровъ стоялъ передъ Мэри съ горделиво поднятой головой, съ широкимъ, какъ всегда, театрально-картиннымъ жестомъ, съ оживившимся взглядомъ подъ тяжелыми, слегка полузакрытыми вѣками.

— Я вѣрю въ васъ и въ вашу интуицію, Мишель. Вашъ путь широкъ и такимъ людямъ какъ вы не дано ошибаться въ выборѣ дорогъ, ведущихъ къ славѣ и блеску.

— Мэри, я вѣрю въ себя, а потому заставлю всѣхъ или вѣрить мнѣ или слѣпо подчиняться.

Быстровъ былъ великолѣпенъ. Отъ всей его фигуры и позы, съ надменно закинутой головой, вѣяло само-увѣренностью фанатика или искусcной игрой прирожденнаго актера, связывающаго въ такой игрѣ роль съ дѣйствительностью.

Если бы Мэри была обыкновенной, подчиняющейся мужскому вліянію женщиной, то она, глядя въ эти минуты на Быстрова, должна была бы испытать нѣчто похожее на благоговѣніе къ этому гордому, честолюбивому и увѣренному въ себѣ человѣку, но она была сродни ему по духу и, слушая его, не благоговѣла передъ нимъ, а дѣлала мысленныя выкладки, какъ и когда ей надо использовать то или другое положеніе. Она могла бы въ своемъ расчетливомъ цинизмѣ поспорить съ Быстровымъ, который, захваченный азартомъ рискованной игры, гдѣ ему ежеминутно приходилось передергивать карту, не замѣчалъ тонкой и сложной игры своей пріятельницы, рѣшившей чего бы ей это ни стоило, изъ роли друга перейти въ роль законной супруги блистательнаго сановника.

Быстровъ прошелся нѣсколько разъ по кабинету, слѣдуя ходу своихъ пестрыхъ и дерзкихъ мыслей и на секунду забывъ о присутствіи Мэри.

— Вы кажется хотѣли мнѣ что-то разсказать Мэри?—онъ остановился передъ ней, не замѣтивъ быстраго движенія, съ которымъ она откинулась на спинку кресла. Слегка подавшись впередъ, она успѣла кой-что разобрать въ перечеркнутыхъ строкахъ черновика, которымъ онъ былъ занять въ моментъ ея прихода.

— Да, Мишель, я хотѣла передать вамъ то, что

мнѣ говорилъ нашъ «старецъ». Онъ былъ у меня третьяго дня. Сидѣлъ довольно долго. У меня оставалась послѣдняя бутылка мадеры, и я угостила его. Онъ выпилъ лишнюю рамку, опьянѣлъ и былъ со мною довольно откровененъ.

Быстровъ опустился въ кресло противъ Мэри. Свѣтъ отъ лампы былъ за его спиной, и лицо его оставалось въ тѣни, тогда какъ Мэри, съ разгорѣвшимися отъ вина щеками и глазами, была въ полосѣ свѣта, падавшаго изъ подъ голубого абажура высокой лампы, установленной на малахитовой колоннѣ. Приготовившись внимательно слушать, Быстровъ закурилъ папиросу, заложилъ ногу на ногу и придалъ лицу спокойно-безразличное выраженіе.

— Онъ говорилъ о васъ, Мишель... хоть вы и считаете меня своимъ другомъ, однако не находите возможнымъ посвящать меня во всѣ свои дѣла. Я поняла это ясно изъ всего того, что услышала отъ нашего «старца». Очень жаль, Мишель, что вы все еще не вполнѣ довѣряете мнѣ... — Мэри укоризненно, съ улыбкой смотрѣла въ лицо Быстрова, ожидая съ его стороны оправданій, но онъ, поднявъ брови, молчалъ, ожидая, что она скажетъ дальше.

— Онъ говорилъ, что вы хотите провести земельную реформу:—отдать землю крестьянамъ, и что самъ онъ въ этомъ дѣлѣ принимаетъ большое участіе,— продолжала Мэри, помолчавъ немного и стараясь прочесть по выраженію лица Быстрова, какое впечатлѣніе производятъ ея слова, но ея другъ умѣлъ быть непроницаемымъ, когда ему это было нужно.

— «Старецъ» совѣтуетъ вамъ ускорить по этому

дѣлу докладъ государынѣ. Онъ говоритъ, что бесѣдовалъ съ ней на дняхъ на эту тему, что она охотно выслушиваетъ всѣ его совѣты и согласна дѣйствовать въ указанномъ направленіи; что-же касается государя, то съ нимъ труднѣе: «нынче такъ, а завтра иначе»,—какъ выразился «старецъ». Однако, онъ надѣется, что и государь дастъ въ концѣ концовъ свое согласіе, такъ какъ онъ довѣряетъ вамъ и добрымъ совѣтамъ своего сердца... Видите, Мишель, благодаря разболтавшемуся отъ лишняго стакана мадеры «старцу», я узнала то, что вы очевидно скрывали отъ меня,— лукаво улыбнулась Мэри.

— Скрывалъ? Нѣтъ... Но согласитесь сами, милая Мэри, что не могу же я докладывать вамъ всѣ дѣла. Ихъ такъ много! И по мимо того, я предпочитаю пользоваться вашимъ обществомъ для менѣе дѣловыхъ темъ...

— Н-ну... я бы этого не сказала... У меня складывается впечатлѣніе, что я нужна вамъ только для вашихъ дѣлъ...

— Vous êtes dans l'erreur, chère amie. Откуда такія мысли? Не слѣдуетъ мою озабоченность принимать за холодность.

— Съ нѣкоторыхъ поръ я не чувствую въ васъ тепла, не вижу ласки...

— Отчасти вы сами въ этомъ виноваты.

— Я виновата? Не понимаю.

— Вы сдѣлались слишкомъ дѣловой женщиной, милая Мэри...

— Въ угоду вамъ, Мишель, — горячо и искренно воскликнула Марія Аполлоновна.

— Я никогда не стремился интересную женщину промѣнять на дѣлового совѣтчика, такъ какъ женщинъ интересныхъ не такъ ужъ много, а лучшимъ совѣтчикомъ все-таки я остаюсь самъ для себя.

— Но увѣряю васъ, Мишель, что я способна совмѣщать въ себѣ и то, и другое.—Мэри быстро вскочила съ кресла и подошла къ Быстрову.

— И все таки я предпочелъ бы видѣть въ васъ больше женщину, чѣмъ дѣльца.

— Я не перестаю ею быть, Мишель...—Марія Аполлоновна опустилась на ручку кресла, на которомъ сидѣлъ Быстровъ.—Я часто грущу, видя, что вы какъ будто забываете это. Я все та же, Мишель...—Мэри обвила руками шею Быстрова.—Все такъ же люблю васъ, все такъ же думаю о васъ и скучаю, когда не вижу васъ. Я считаю васъ самымъ лучшимъ, самымъ честнымъ и добрымъ изъ всѣхъ мужчинъ, какихъ я встрѣчала. Я знаю, что разъ вы протянули женщинѣ руку, вашу сильную и честную руку, она можетъ быть спокойна и счастлива. Вы—рыцарь, вы—сильная и цѣльная натура, вы боецъ и завоеватель. Я права, Мишель?

— Да вы правы, Мэри... Не только судьбу женщины, но и судьбу цѣлой страны я понесу на плечахъ своихъ и вынесу ее...—съ пафосомъ проговорилъ Быстровъ.

— Да, Мишель, да!...—Слегка разгоряченная виномъ и взвинченная желаніемъ все крѣпче и крѣпче затянуть узелъ, случайно завязавшійся два года тому назадъ, Мэри казалась искренной не только Быстрову, но и самой себѣ. Ея эгоистичныя побужденія какъ бы

расплывались въ данный моментъ въ атмосферѣ красиваго уюта и близости къ обаятельному и всесильному сановнику. Какъ Быстрову, такъ и самой Мэри чудилось въ эту минуту, что ея ласки и возбужденіе порождены исключительно обаяніемъ его личности, а не его пьедесталомъ и тѣмъ, что его окружаетъ.

Быстровъ затушилъ недокуренную папиросу, обнялъ Мэри за талію и притянулъ къ себѣ. Она обвила его шею обѣими руками, горячо прильнула къ нему и, какъ бы опьяненная его близостью, вся затихла.

— Милый, Мишель, побалуйте меня... поѣдемте сегодня немного кутнуть, а оттуда ко мнѣ... я прошу васъ...—Марія Аполлоновна еще нѣжнѣе прильнула къ нему, обдавая его тонкимъ запахомъ фіалки, которымъ она неизмѣнно душилась.

— Подождите, мой другъ... мнѣ надо обдумать... есть кое-какія дѣла...

— Мишель, всѣ эти бумажныя дѣла, какъ всегда, и безъ васъ будутъ сдѣланы. Прошу васъ, не отказывайте мнѣ...

— Хорошо, Мэри, будетъ такъ, какъ вы желаете, но только дайте мнѣ полчаса времени, чтобы переписать письмо: я какъ разъ пишу государынѣ по тому земельному вопросу, о которомъ вамъ говорилъ нашъ «старецъ». Посидите смирно, и черезъ полчаса я буду въ вашемъ полномъ распоряженіи и на весь вечеръ.

Быстровъ розняль обвивавшія его руки, поцѣловалъ ихъ одну за другой, всталъ съ кресла и направился къ столу. Марія Аполлоновна, томно заложивъ руки подъ голову, осталась сидѣть въ томъ же креслѣ, слѣдя за каждымъ движеніемъ Быстрова, любуясь имъ,

торжествуя и уносясь во слѣдъ крылатой вереницѣ тщеславныхъ мыслей и образовъ, рисующихъ ей блескъ и почести.

XIV.

Было очень поздно когда Мэри, кутаясь въ мягкій стеганный шелковый халатъ, съ распущенными волосами и усталымъ лицомъ, проводивъ Быстрова до самой передней и закрывъ за нимъ дверь, вернулась къ себѣ въ спальню, гдѣ, подлѣ догоравшаго камина, стоялъ столъ съ недопитой бутылкой вина, остывшій кофе и вазочка съ фруктами. Матово-голубой свѣтъ падалъ изъ подъ абажура небольшой лампы датскаго фарфора, стоявшей тутъ же на столѣ.

Мэри опустилась на диванъ, откинула голову на спинку и задумалась: она чувствовала себя безконечно счастливой. Она не ожидала, что Быстровъ окажется такъ податливъ. Онъ соглашался сегодня со всѣмъ, что бы она ни говорила. Конечно она, какъ и всегда, была очень осторожна, но сегодня она впервые поняла, что онъ дѣйствительно привязанъ къ ней, что связь ихъ имѣетъ прочную основу и что всѣ ея честолюбивыя мечтанія имѣютъ вѣрный фундаментъ. Счастливая улыбка слегка приподняла углы ея рта. Она облегченно вздохнула и потянулась.

Несмотря на суматошный, усталостный день и угарно проведенный вечеръ и часть ночи, спать не хотѣлось: нервы были взвинчены и радостно вибрировали. Теперь она твердо вѣрила, что скоро придетъ конецъ ея лихорадочно-напряженной жизни. Съ самыхъ

юныхъ лѣтъ, сжигаемая огнемъ честолюбія, она мечется, порхаетъ какъ ночная бабочка вокругъ огня и если до сихъ поръ не опалила своихъ крыльевъ, то только благодаря особому счастію. Юность она провела за книгами, получила университетскій дипломъ, отецъ желалъ сдѣлать изъ нея ученую, мать англичанка хотѣла видѣть ее въ роли педагога. Сама же она мечтала о блестящей партіи, чтобы жить въ роскоши и пользоваться тѣми благами и радостями жизни, которыхъ была лишена въ скромной обстановкѣ своихъ родителей.

Счастье какъ будто бы хотѣло ей улыбнуться: въ нее влюбился крупной марки коммерсантъ, и она безъ размышленія, безъ любви дала ему согласіе. Мужъ ея оказался человѣкомъ порочнымъ, развратнымъ и безсердечнымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ бросилъ ее, оставивъ ей квартиру съ роскошной обстановкой и назначивъ ей скромное годовое содержаніе, которое аккуратно вносилъ по полугодіямъ въ банкъ. Не смотря на письма и ходатайства онъ ни на копейку не увеличивалъ своихъ взносовъ, жилъ большую часть времени заграницей и даже не отвѣчалъ на ея письма. Тогда Марія Аполлоновна, успѣвшая за годы своего замужества узнать себѣ цѣну, намѣтила себѣ твердую цѣль добиться высокихъ ступеней жизненной лѣстницы. Борьба оказалась долголѣтней и тяжелой: чтобы шагъ за шагомъ проникать въ извѣстные круги салоновъ, приходилось не гнушаться сдѣлками съ совѣстью, такъ какъ нужны были деньги для туалетовъ, для маленькихъ интимныхъ обѣдовъ съ хорошимъ виномъ, для ложи въ театрахъ. Годы шли, а съ ними росла жажда

добиться намѣченной цѣли; росла ловкость, умѣнье подходить къ людямъ, росъ опытъ въ дѣловыхъ комбинаціяхъ, не всегда удобныхъ, но зато выгодныхъ.

Мало по малу она оказалась вхожей во многіе столичные салоны, гдѣ дѣловые люди подходили къ ней съ привѣтливой улыбкой цѣловали ей ручки и бесѣдовали a parte. Одѣвалась она лучше многихъ, апломбу имѣла много, стала часто ѣздить за границу и не заботилась больше о прекратившихся взносахъ мужа.

Познакомившись за границей съ Быстровымъ, гдѣ они оказались въ одномъ отелѣ, Марія Аполлоновна сразу почувствовала и поняла, что этотъ человѣкъ можетъ завершить ту сложную постройку, на которую она истратила столько лѣтъ своей жизни. Осторожно и систематично она принялась за планъ компаніи. Быстровъ вскорѣ увлекся интересной, всегда спокойной, ровной и выдержанной женщиной, дававшей ему понять, что ему одному она отдаетъ весь запасъ любви и нѣжности, который хранился за всю жизнь нетронутымъ въ ея сердцѣ. Она рѣшилась идти съ нимъ на почти открытую связь, понявъ что въ ея годы открытая связь затягивается или завершается бракомъ.

Сегодня она поняла сердцемъ и мозгомъ, что побѣда надъ жизнью почти окончена. Быстровъ впервые заговорилъ съ ней такъ откровенно какъ никогда о тѣхъ широкихъ горизонтахъ, которые открываются передъ нимъ, которые она отгадывала, но о которыхъ онъ самъ никогда не заговаривалъ. Сегодня онъ не разъ подчеркивалъ, что, помимо всякихъ дѣлъ, она дорога ему какъ женщина, какъ другъ.

— Да, будущее въ моихъ рукахъ... теперь я спокойна... теперь я могу отдохнуть...—Марія Аполлоновна еще разъ потянулась, запахнула полы халата, протянула къ столу руку, открыла серебряный портъ-сигаръ, достала тоненькую длинную папироску и закурила ее. Спать совсѣмъ не хотѣлось.

— Все складывается чудесно, — думала она, слегка затягиваясь дымомъ, медленно выпуская его и машинально слѣдя, какъ легкими облачками онъ таялъ и расплывался передъ потухающимъ каминомъ.— Сегодняшній подарокъ Мишеля мнѣ очень кстати. Этими пятью тысячами я заплачу долгъ портнихѣ, въ англійскомъ магазинѣ и закажу себѣ новое manteau... если выгоритъ дѣло съ поставкой рельсъ, то можно будетъ купить у Мертенса горностаевую пелерину... десять тысячъ! Все равно, куплю непремѣнно... très chic и для всѣхъ случаевъ: и въ театръ и для автомобиля, а въ скоромъ будущемъ, можетъ быть, и во дворецъ...

Мэри ясно увидѣла себя въ горностаевой пелеринѣ, подымающейся по лѣстницѣ дворца.

— Je me ferai aimer et apprécier, — продолжала она думать, уже видя себя въ интимной обстановкѣ царскихъ покоевъ.—У Мишеля есть опасная сторона въ характерѣ: онъ зарывается и слишкомъ много говоритъ. Мнѣ надо будетъ зорко стоять подлѣ него на стражѣ. О, я знаю людей! Чѣмъ они выше стоятъ, тѣмъ опаснѣе ихъ кажущаяся дружба. Понемногу я многихъ устраню съ его дороги... я отлично знаю всѣхъ недоброжелателей и недоброжелательницъ Мишеля, и я съумѣю les faire taire.

Мэри закурила папироску, затушила ее о дно пепельницы, взяла со стола большой толстый конвертъ и пересчитала находившіеся внутри банковые билеты. Тамъ было пять тысячъ. Она встала, открыла зеркальную дверцу шифоньерки, достала оттуда довольно большую краснаго дерева шкатулку, поставила себѣ на колѣни, открыла ее маленькимъ, висѣвшимъ на шеѣ ключикомъ, подняла крышку и, вынувъ нѣсколько разноцвѣтной кожи футляровъ, положила деньги на дно шкатулки. Кладя обратно футляры, она открывала нѣкоторые изъ нихъ и любовно пересматривала прекрасной работы драгоцѣнности, большая часть которыхъ была ей поднесена Быстровымъ.

Сбоку въ шкатулкѣ лежалъ конвертъ; изъ него Мэри вынула аккуратно сложенныя квитанціи и росписки. Она внимательно пересмотрѣла ихъ и вложила обратно.

Во что бы то ни стало надо выудить отъ этого мошенника жида мою росписку,—озабоченно подумала Мэри, вспомнивъ объ одномъ только что законченномъ дѣлѣ довольно щекотливаго свойства, въ результатѣ котораго она добавила на свой текущій счетъ пятьдесятъ тысячъ.

— Эту росписку я должена вырвать во что бы то ни стало, хоть за деньги! Быть женой министра и сознавать такую угрозу въ карманѣ жида—невозможно... Если не удастся самой ее вытянуть, то, дѣлать нечего, придется разсказать все Мишелю и попросить его какъ нибудь воздѣйствовать. Конечно, все это пустое... вѣдь мы всесильны!..—Мэри улыбнулась промелькнувшимъ радужнымъ мыслямъ.—Однако пора спать.

Боже мой, три часа! А завтра... Что завтра?.. Ахъ да, Мишель просилъ повидать нашего «старца». Въ концѣ концовъ все же я считаю этого безграмотнаго мужика порядочной обузой для всѣхъ насъ... Мишель проситъ втолковать ему выгоды новаго проэкта. Что онъ тамъ понимаетъ?! Хорошая мадера втолкуетъ ему лучше всѣхъ моихъ поясненій. Il m'embête ce paysan!..

Мэри зѣвнула, спрятала въ шифоньеръ завѣтную шкатулку и вдругъ почувствовала страшную усталость. Вѣки отяжелѣли; захотѣлось какъ есть въ халатѣ броситься на кровать и заснуть. Подколовъ волосы, не умывшись, она скинула халатъ и затушила свѣтъ. Отдернувъ тяжелую шелковую драпировку, отдѣляющую альковъ, гдѣ помѣщалась широкая, высокая кровать, она наскоро поправила смятую постель, зябко закуталась въ пуховое одѣяло и почти моментально заснула, счастливая, безъ опредѣленныхъ мыслей, но полная сознаніемъ, что наступила новая глава въ ея жизни.

XV.

Вероника въ бѣломъ платьѣ, напоминающемъ по покрою римскій стиль, съ маской на лицѣ, стояла прижавшись спиной къ стѣнѣ зала и, чувствуя возбужденную вибрацію каждаго нерва, смотрѣла изъ подъ маски расширенными, блестящими глазами на плавно изгибающуюся въ ритмѣ музыки, танцующую фигуру женщины, тонкую и гибкую, съ точеными руками и ногами. На ней было одѣяніе римской танцовщицы, отороченное по борту краснымъ узоромъ шелковой тесьмы, съ рискованнымъ разрѣзомъ на

бедрахъ, съ шелковымъ краснымъ шнуромъ, перехватывающимъ свободный отъ корсета торсъ. Бѣлыя сандаліи съ красной шнуровкой казались надѣтыми на голую ногу, охваченную въ тончайшее тѣльнаго цвѣта трико.

Поднятыя надъ головой тонкія руки, торсъ и бедра плавно колебались, трепетали и изгибались въ танцѣ, который электризовалъ и самую исполнительницу и окружающихъ ее. Было что-то скрыто-грѣховное, ярко-чувственное въ каждомъ движеніи тѣла, въ выраженіи лица, во взглядахъ и въ ритмично-плавныхъ и гибкихъ колебаніяхъ бедеръ и груди танцующей женщины.

У рояля сидѣлъ извѣстный піанистъ. Повернувъ голову въ ея сторону онъ, казалось, весь сливался съ танцемъ, и мелодія, импровизированная имъ, лилась сама собой, вдохновленная волей, исходящей отъ каждаго движенія танца. По лощеному паркету, какъ по льду, неслышно скользили быстрыя и легкія ноги, то ускоряя, то замедляя движеніе. Казалось, танцовщица вотъ вотъ безсильная, опьяненная танцемъ, тихо склонится и упадетъ, и замретъ безъ движенія подъ умирающіе аккорды нѣжныхъ звуковъ... но изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ опять, какъ змѣйка, скользилъ лукавый взглядъ; обезсиленныя въ истомѣ руки опять подымались и взмахивали надъ головой какъ крылья; рѣзвыя ноги оживали, чуть касаясь паркета, опять скользили, унося тѣло то въ вихрѣ круга, то въ страстномъ движеніи впередъ, кому то или чему то навстрѣчу.

— Великолѣпно! C'est une vraie danseuse de Tanagra..

съ нея можно писать картину,—говорила Вероника барону, стоявшему слегка позади нея у дверей въ залѣ.—Кто она: профессіоналка?

— Я не знаю кто она, но могу держать пари, que c'est une demi-vierge. Прошлый разъ она намъ показала нѣсколько пикантнихъ номеровъ. Мы очень цѣнимъ такихъ членовъ клуба,—отвѣчалъ баронъ, одобрительно слѣдя за танцующей фигуркой.

— Какъ вамъ нравится наше заведеніе?

— Пока — очень. Красочно и стильно.

— Вы обратите вниманіе на узоры подъ потолкомъ: строжайшій римскій стиль. Всѣ эти фигуры гладіаторовъ и борцовъ рисованы нашими же членами клуба художниками.

Протянувъ руки въ призывно-напряженной позѣ, съ поднятой кверху головой, съ вытянутыми какъ стрѣлы ногами, танцующая женщина замерла вмѣстѣ съ послѣднимъ, точно сорвавшимся аккордомъ.

Залъ наполнился рукоплесканіями гостей, возлежавшихъ на низкихъ и мягкихъ диванахъ, крытыхъ шелковыми тканями и идущихъ вдоль стѣнъ. Накрытые передъ ними столы были уставлены множествомъ винъ, цвѣтовъ и всякими яствами. Въ спиртовыхъ кофейникахъ кипѣлъ кофе. Яркій электрическій свѣтъ падалъ сверху отъ матовыхъ лампочекъ, нанизанныхъ въ видѣ бордюра по карнизу потолка. Дамы были очень нарядны въ бѣлыхъ, блѣдно-голубыхъ, розовыхъ или палевыхъ платьяхъ, нѣкоторыя были въ маскахъ; мужчины въ смокингахъ или въ военной формѣ, большей частью въ ловко сшитыхъ коричневатыхъ френчахъ.

— Я устала: понесите меня, — томно заявила танцовщица, когда умолкли бурные аплодисменты.

Піанистъ, сильный брюнетъ, съ нервнымъ лицомъ и горящими глазами, сорвался отъ рояля, подбѣжалъ къ ней, ловко поднялъ на руки и легко понесъ къ диванамъ.

— Господа, сейчасъ Неронъ прочтетъ намъ стансы, восхваляющіе радости и красоту нашего клуба, — хлопая въ ладоши прокричалъ, среди всеобщаго говора и смѣха, выбѣжавшій на средину зала юркій правовѣдъ съ прилизанными височками свѣтлыхъ волосъ.

— Браво, браво!.. Ждемъ Нерона!.. — раздались одобрительныя возгласы.

Изъ боковой двери вошелъ величавой походкой, съ царственной осанкой, въ великолѣпной тогѣ царь Неронъ. Легкій гримъ добавлялъ существовавшее сходство. Ставъ въ картинно-пластичную позу, безукоризненно подражая въ движеніяхъ божественному владыкѣ Рима, вошедшій обвелъ возлежавшихъ гостей брезгливо-надменнымъ взглядомъ сквозь зеленое стеклышко, насаженное на длинную золотую ручку, и съ громаднымъ пафосомъ, въ приподнятомъ тонѣ, искусстно скандируя, началъ декламировать стихи комично-скабрезные и остроумные, въ которыхъ воспѣвалась радость и красота.

Громкіе взрывы смѣха и бурные аплодисменты не разъ прерывали блистательный пафосъ воскресшаго римскаго цезаря.

Подливаемое въ бокалы вино пьянило головы, веселье наростало, ярче и задорнѣе блестѣли глаза, громче и заразительнѣе звучалъ смѣхъ, вольнѣе становились

рѣчи, и искры желаній зажигались въ разгоряченномъ мозгу.

Неронъ, закончивъ свои стихи подъ бурю апплодисментовъ, былъ увѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ и возлегъ къ столу.

Поднялся высокій, полный и красивый брюнетъ и, потирая пухлыя руки, обратился къ окружающимъ:

— Господа, мы всѣ сейчасъ достаточно наэлектризованы весельемъ, и потому я позволю себѣ на четверть часа ввести васъ въ царство тьмы и призраковъ. Разрѣшите продемонстрировать передъ вами мою послѣднюю музыкальную фантазію, которая называется «пляска смерти».

Онъ подошелъ къ роялю. Освѣщеніе въ залѣ измѣнилось. Изъ четырехъ высокихъ амфоръ, стоявшихъ въ углахъ, полился тихій свѣтъ. Залъ потонулъ въ сине-фіолетовыхъ, таинственныхъ и жуткихъ лучахъ Лица присутствовавшихъ сдѣлались мертвенно блѣдными, губы безкровными, глаза потухли.

— ... О-о-о... какъ таинственно... дайте руку, мнѣ становится страшно!..

— Господа, готовтесь къ смерти...

— Я хочу умереть съ вами, съ тобой божественная Мессалина.

— ... Отодвинтесь, отодвинтесь сейчасъ же или я васъ оболью виномъ... — слышались возгласы и шопотъ.

Раздался аккордъ, странно диссонирующій, бьющій по нервамъ, точно выжидающій... Второй аккордъ, тревожный и вопрошающій прозвучалъ и замеръ... потомъ тихій, какъ шелестъ листьевъ, вздохъ пронесся надъ клавишами... Въ комнату, будто крадучись изъ

боковой двери, вплыла высокая тѣнь, вся покрытая пепельнаго цвѣта тканью, легко спадающей глубокими складками съ головы по плечамъ, вдоль тѣла. Она подняла руки и казалось, что крылья громадной летучей мыши взмахнули въ воздухѣ. Полились странные звуки, рисующіе неясные образы чего-то фантастически-жуткаго, непріемлемаго для жизни, для свѣта солнца. Раздвигались таинственные горизонты мистическихъ возможностей, пробуждалось въ воображеніи что то подсказанное не то далекими дѣтскими сказками, не то легендами, не то живущими гдѣ то въ подсознаніи намеками на иной, невѣдомый намъ, но существующій міръ... Беззвучная тѣнь то дико шмыгала въ мертво-фіолетовомъ свѣтѣ, то кружилась, то торжествующая и алчная, мчалась въ вихрѣ дикихъ пьяныхъ звуковъ, то крадучись изгибалась, прислушиваясь къ умирающимъ стонамъ, плакавшимъ жалобно, затихающимъ и трепещущимъ подъ наэлектризованными пальцами композитора.

— Жутко, ужасно жутко, но великолѣпно... — говорила Вероника барону. У нея по спинѣ, по затылку, подъ корнями волосъ бѣгали мурашки. Странная обстановка, странная музыка, освѣщеніе и танцы били по нервамъ и электризовали. Она все еще стояла у стѣны. Съ ея мѣста живописная картина возлежавшихъ гостей, красиво убраннаго стола и всего происходящаго была полнѣе. Между мужчинами она уже узнала два-три знакомыхъ лица. Ей нравилось быть никѣмъ неузнаваемой и въ то же время участвовать въ общемъ весельи. Она искала глазами Асташова, но его не было.

Опять зажгли электрическій карнизъ. Яркій свѣтъ,

будто бѣлымъ крыломъ смахнулъ, отогналъ темное настроеніе, навѣянное пляской смерти. Апплодировали и шумно одобряли благодушно улыбающагося композитора. Мрачная фигура смерти исчезла вмѣстѣ съ фіолетовыми лучами, исходившими изъ узкихъ, античныхъ амфоръ.

Къ барону подошла группа мужчинъ, прося представить ихъ новой гостьѣ. Хотя маска и скрывала лицо Вероники, однако въ стройныхъ линіяхъ ея тѣла и въ движеніяхъ была притягивающая грація. Цѣлуя ее надушенную руку, пахнувшую странными незабываемыми духами, мужчины пристально вглядывались въ блестѣвшіе черезъ узкіе разрѣзы сѣро-зеленые глаза, силясь отгадать то, что скрывалъ шелкъ маски.

Вероника быстро завладѣла вниманіемъ подошедшихъ къ ней мужчинъ. Звучалъ смѣхъ, сыпались остроты, фривольныя шутки и bons mots.

Она бросала реплики то колкія, то остроумныя, отвѣчала то звонкимъ смѣхомъ, то молчаливымъ насмѣшливымъ огонькомъ, задорно блиставшимъ черезъ прорѣзъ маски.

— Привѣтствую ваше появленіе въ нашемъ храмѣ веселья, — подавая бокалъ съ шампанскимъ, мягко проговорилъ, лаская взглядомъ ея фигуру, полный брюнетъ, только что исполнявшій «пляску смерти».

— А я привѣтствую вашу красочную, музыкальную фантазію, — отвѣтила Вероника, дотрагиваясь краемъ бакала до его бокала.

Ей показалось что кто то вошелъ и сталъ совсѣмъ близко за ея спиной.

Невольно она повернула голову и увидѣла Асташова.

— Une fois, une seule, aimable et douce femme,
A mon bras votre bras poli
S'appuya. Sur le fond ténébreux de mon âme
Ce souvenir n'est point pâli,—продекламировалъ онъ въ преувеличенно низкомъ поклонѣ склонившись передъ Вероникой.

...— Асташовъ!.. браво!.. дальше, просимъ до конца продекламировать,—послышались одобрительные возгласы въ то время, какъ онъ, зорко всматриваясь въ улыбающіеся глаза Вероники, цѣловалъ ей руку.

— Pardon, вы ошиблись... мы не знакомы...— попробовала она его сбить.

— Духи, ваши духи, прелестная маска, всегда васъ выдадутъ,—отвѣтилъ онъ такъ, что разслышать его могла только Вероника.

— Валерій Романовичъ, мы ждемъ декламаціи... тише, тише господа! Silence!—Хлопалъ въ ладоши и суетился веселый правовѣдъ съ прилизанными височками.

— Пожалуйста... я присоединяюсь къ общей просьбѣ,—обратилась къ Асташову Вероника.

— Я принадлежу міру... а потому все, что во мнѣ—достояніе его... извольте...

Асташовъ, съ граціозной вычурностью, съ пластично изучёнымъ жестомъ, съ изяществомъ, гармонирующимъ съ его внѣшностю, продекламировалъ стихотвореніе Боделера «Confession,» съ первыми строками котораго онъ обратился къ Вероникѣ. Декламировалъ онъ мастерски, хотя нѣсколько преувеличивалъ приподнятость тона школы модернистовъ. Бросалось въ глаза врожденное изящество его жестовъ, позы всей

его личности, колоритно соотвѣтствовавшее утонченной щколѣ цинизма и разврата, учителемъ которой онъ именовалъ себя.

— Vous êtes farsi de talents, — обратилась къ нему Вероника, когда онъ окончилъ.

— Mais vous n'en connaissez qu'un seul.

— А вашъ художественный вкусъ! Комната хризантемъ много дней тревожила мое воображеніе, — вполголоса отвѣтила Вероника.

Появленіе Асташова еще больше приподняло общее настроеніе. Очевидно предсѣдатель клуба веселья былъ любимъ его членами, какъ талантливый и опытный организаторъ.

— Сейчасъ, сію минуту скажите мнѣ, Валерій Романовичъ, что нибудь бѣшенно-веселое и остроумное,—подбѣжала къ нему высокая, крупная блондинка, ъ короткомъ блѣдно-сиреневомъ, сильно оголявшемъ спину и грудь туалетѣ, съ коротко остриженными завитыми волосами, падавшими мелкими локончиками на лобъ до самыхъ бровей, съ небольшими, какъ будто всегда прищуренными, веселыми и безстыдными глазами, съ чувственнымъ ртомъ и красивыми, бѣлыми большими руками, унизанными слишкомъ большимъ количествомъ колецъ.

— Что вы хотите отъ меня, Мессалина non satiata: прозу или поэзію?

— Конечно, поэзію!.. и сейчасъ же, экспромтомъ.

— Извольте...—Асташовъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону и, отдалившись отъ Вероники, ставъ въ почтительно церемонную позу предъ блондинкой, окруженной группой мужчинъ, началъ что-то въ пол-

голоса говорить ей. Мужчины, со взрывомъ хохота, шарахнулись всторону. Блондинка съ удивленнымъ, вопрошающимъ взглядомъ стояла передъ Асташовымъ, силясь понять смыслъ его поэзіи.

— Что это такое?.. Я плохо понимаю... О-о!. Фу, какой вы—свинья. Убирайтесь!.. — Она круто повернулась на высокихъ каблучкахъ черныхъ лакированныхъ туфель и, зажимая ротъ кружевнымъ платкомъ, сдерживая хохотъ, побѣжала въ другой конецъ зала.

— Не уходите Мессалина—sorcière au flanc d'ébène, enfant de noirs minuits, — протянулъ ей вслѣдъ руку Асташовъ.

— Triple essence свинья!..—съ хохотомъ еще разъ бросила ему черезъ плечо блондинка.

Асташовъ, съ видомъ комичнаго отчаянія, пожалъ плечами и подошелъ къ Вероникѣ.

— Вы говорили этой дѣвушкѣ что-то ужасное!—обратилась она къ нему, прерывая разговоръ съ молодымъ красавцемъ военнымъ.

— Ужасное?.. Въ жизни ничего нѣтъ ужаснаго кромѣ глупости, а стихи мои одобряются многими.

— По-ло-жимъ!..—протянулъ съ улыбкой военный.

— И вы рѣшаетесь говорить всякіе цинизмы дѣвушкѣ?—допрашивала Вероника.

— Она менѣе, чѣмъ дѣвушка: c'est une demi-vierge. Постановленіе нашего клуба кисейныхъ барышень исключаетъ.

— Мы ждемъ лекціи... обѣщанной лекціи... Асташовъ!.. Валерій Романовичъ!—раздались голоса съ другого конца зала...—Пожалуйте на предсѣдательское мѣсто... сюда... къ намъ!».

— Пройдемте къ столу.—Асташевъ подалъ Вероникѣ руку и опустился рядомъ съ ней на мягкій, цвѣта павлиньяго пера шелкъ, покрывавшій бархатныя скамейки, идущія вокругъ стола.

— Messieurs et mesdames,—обратился онъ къ умолкнувшей въ веселомъ ожиданіи публикѣ, — рѣчь моя не будетъ слишкомъ длинна, но выразительна. Въ полусвѣтѣ блѣдныхъ лучей, она будетъ колоритнѣе. Прошу дать лунное освѣщеніе.

Опять погасили яркій карнизъ. Сверху, изъ выпукло-круглаго диска разлился зелено-голубоватый, какъ лунное сіяніе, свѣтъ, окутавшій весь залъ и всѣхъ присутствовавшихъ фантастическимъ сказочнымъ колоритомъ.

Асташовъ поднялся, помолчалъ, обвелъ гостей взглядомъ, сдѣлалъ правой рукой картинно-театральный жестъ и заговорилъ мягкимъ, слегка носовымъ, съ гибкими модуляціями, голосомъ:

— Сегодня я прочту небольшую лекцію на тему— femmes qui se donnent facilement.

— Браво!.. Великолѣпно!..

— Mesdames, au bon entendeur—salut! — продолжалъ Асташовъ, склонивъ гибкій станъ въ сторону дамъ.

— Pourquoi prendre une femme belle, si on la veut vertueuse? Sois un mari complaisant, ton èpouse te donnera beaucoup d'amis; cultivé-les et tu auras un grand crédit.

Лекція Асташова была блестяща, остроумна и полна цинизма: онъ прерывалъ ее короткими паузами, наполняя виномъ бокалъ Вероники и свой. Закончи-

лась она приглашеніемъ въ сторону дамъ испробовать легкій, полный очаровательныхъ ощущеній, наркозъ, который подъ звуки музыки будетъ имъ предложенъ отъ широко-доброжелательнаго сердца предсѣдателя клуба. Асташовъ съ легкимъ поклономъ опустился на свое мѣсто.

Дамы всполошились. Предложеніе испробовать наркозъ соотвѣтствовало крайне приподнятому у всѣхъ настроенію. Захвативъ съ собою бокалы, большая часть гостей перешла въ сосѣднюю комнату, обставленную по стѣнамъ низкими турецкими диванами и маленькими переносными столиками. Полъ былъ почти сплошь покрытъ медвѣжьими шкурами. Стѣны, обтянутыя сѣро-зеленоватой матеріей, служили выгоднымъ фономъ для груды шелковыхъ всѣхъ цвѣтовъ подушекъ, разбросанныхъ на диванахъ и на медвѣжьихъ шкурахъ. Алый свѣтъ лился изъ громаднаго квадратнаго фонаря, прикрѣпленнаго къ потолку цѣпями изъ темной бронзы. Горѣлъ каминъ. Въ комнатѣ пахло какимъ-то одуряющимъ ароматомъ. На диванахъ и на шкурахъ гости расположились группами и парами. Асташовъ, несмотря на попытки красиваго офицера и полнаго брюнета-композитора завладѣть вниманіемъ Вероники, увлекъ ее въ «красную» комнату, бросилъ передъ каминомъ нѣсколько ярко-оранжевыхъ, зеленыхъ, красныхъ и голубыхъ пуховыхъ подушекъ и пригласилъ опуститься рядомъ съ нимъ на медвѣжью шкуру.

Алые отблески огня, пылавшаго въ каминѣ, зажигались искорками и отливали металломъ блестящій ворсъ мѣха. Казалось, будто расплавленная красно-

коричневая мѣдь разлилась по шкурамъ, отражая переливы пламени въ каминѣ.

Такія же искорки зажигались въ рыжевато-бронзовыхъ волосахъ Вероники, пышной и упругой волной украшавшей ея склоненную на руку голову. Вся ея фигура до пояса тонула въ мягкомъ шелку подушекъ. Было странно видѣть черную маску вмѣсто лица, и въ то же время эта таинственность, эта живая загадка дразнила воображеніе и гармонировала съ фантастической обстановкой низкихъ дивановъ, медвѣжьихъ шкуръ, алаго свѣта, дурманящаго аромата, раскаленныхъ углей громаднаго камина и хрустальныхъ бокаловъ съ пьяной влагой.

— ...Васинька Дроздовъ! Идите къ намъ!.. нѣтъ къ намъ!.. сюда въ подушки... вина ему... дайте ему вина!.. Васинька милый, начинайте... — раздались ласковыя привѣтствія незамѣтно вошедшему въ «красную комнату» маленькому, худенькому, щуплому какъ ребенокъ, человѣчку съ блѣднымъ лицомъ, гладко расчесанными съ боку на бокъ волосами, добрыми дѣтскими глазами и робкими тихими манерами.

— Вы слышали Дроздова? — спросилъ Асташовъ Веронику.

— Да, въ концертахъ.

— Ну, такъ настоящаго Дроздова вы услышите только сейчасъ. Въ концертахъ онъ даетъ половину себя, а въ интимной обстановкѣ онъ можетъ съ ума свести. У него въ пальцахъ чертъ сидитъ. Голоса нѣтъ, а вотъ запоетъ, и люди на стѣну лѣзутъ.

— Васинька Дроздовъ, садитесь рядомъ съ нами...

Я васъ «и обож-е-гу и у-у-то-ме-лю»—томно пропѣла блондинка съ безстыжими глазами, очищая ему мѣсто на диванѣ, гдѣ она полулежала въ небрежной позѣ, обнявшись съ худенькой, миніатюрной, все время вздыхающей француженкой Colette, извѣстной парижской исполнительницей шансонетокъ. Пріѣхавъ въ Петроградъ, Colette по уши влюбилась въ гвардейца, мечтала выйти за него замужъ, перестала выступать передъ публикой, силилась пріобрѣсти манеры дамы общества, принимала томно-разочарованный тонъ, все время вздыхала и закатывала глаза, но часто срывалась и изъ плохо разыгрываемой роли dame du monde переходила въ естественную роль шансонеточной пѣвицы.

— Oui, mon mignon Wassinka, viens auprès de nous... je t'aime bien... tu es gentil et tu as beaucoup de talent,—позвала она Дроздова, который улыбнулся на призывъ смущавшей его скромную и чистую фантазію—француженки и, осторожно неся свою цѣнную гитару, сталъ пробираться между лежавшихъ на полу группъ.

— Дайте и намъ вина, — задержалъ Асташовъ за обшлагъ рукава проходившаго мимо правовѣда съ бутылкой шампанскаго въ рукахъ.

— Наливайте себѣ, мнѣ больше не надо,—отстранила свой бокалъ Вероника. — Я и безъ того пьянѣю отъ всей этой красочной, по нервамъ бьющей атмосферы.

— Пейте, прошу васъ пейте, прелестная маска. Нашъ клубъ основанъ на нервахъ, на весельи, на яркихъ, бьющихъ каскадами колоритахъ, на тайнахъ и на невысказанныхъ и высказанныхъ желаньяхъ.

Здѣсь есть еще болѣе колоритные уголки, еще болѣе таинственные и пьянящіе фантазію... Если вы захотите—я покажу вамъ.

— Конечно, захочу.

— Хорошо, потомъ... а теперь пейте. Вотъ такъ!.. Я хотѣлъ бы видѣть ваши глаза и вашъ ротъ.

— Зачѣмъ?

— Я узналъ бы тогда—развратны ли вы?

— Нѣтъ я не развратна.

— Mille regrets.

— Почему?

— Значитъ вы не свободны отъ условностей буржуазной морали.

— Я свободна, потому что я принадлежу искусству, горизонты котораго далеко уходятъ за кругъ, въ которомъ толчется обыкновенная людская толпа. Зачѣмъ вы хотите навязать мнѣ понятіе о развратѣ? Я не ищу названій и марокъ моимъ страстямъ. Я исповѣдую красоту во всякихъ ея формахъ, я люблю страсть во всѣхъ ея проявленіяхъ, я иду только туда, гдѣ горитъ огонь жизни.

— И вы мечетесь, страдаете, ищете...

— Вѣроятно.

— А я, по примѣру древнихъ мудрецовъ, безстрастенъ, холоденъ, равнодушенъ, спокоенъ...

— И развратенъ,—вставила Вероника.

— Если доставлять людямъ плотскую радость—это развратъ, то я конечно широко—развратенъ. Лично же для меня ничего не надо. Я отошелъ отъ жизни и смотрю на нее какъ сквозь стекло мчащагося поѣзда.

Вероника взглянула на Асташова. Онъ полулежалъ

на шкурѣ, окрашенной горячимъ отсвѣтомъ пылающаго камина, въ непринужденно-красивой позѣ. Въ его глазахъ, загадочно пустыхъ, устремленныхъ на огонь, не было жизни, не было веселья, которое онъ такъ легко и остроумно разсыпалъ людямъ.

— Вамъ холодно?—задумчиво спросила Вероника.

— Какъ холодно? Тутъ—у камина?

— Нѣтъ—въ жизни?

— Мнѣ безразлично.

— А вы бы хотѣли, чтобы стало не безразлично?

— Пожалуй... Но это невозможно. Я на другомъ берегу, съ котораго уйти ужъ невозможно.

Въ комнатѣ раздался тихій, мягкій шелестъ. Васинька Дроздовъ провелъ осторожной рукой по струнамъ гитары... рука на секунду замерла на нихъ, потомъ, какъ бы въ задумчивой нерѣшительности, пальцы взяли нѣсколько аккордовъ, льющихся теплой струей въ аломъ свѣтѣ... они замерли, слились съ тѣнями, убѣгающими отъ камина, спрятались съ ними вмѣстѣ въ отдаленныхъ углахъ комнаты, проникли въ мягкія груды разбросанныхъ подушекъ, прильнули къ мѣхамъ медвѣжьихъ шкуръ и насторожили чуткія струны человѣческаго сердца... Потомъ вынырнули и полились стройными, сладкими, томными и грустными вздохами со струнъ гитары...

...«Страстныя рѣчи... глаза утомленные... смятыя розы... въ бокалахъ... шампанское...» разливались, расплывались звуки безискусственнаго, какъ весенній день, чистаго голоса Васеньки, подъ ропотъ струнъ гитары. Было что то горячее, невыносимо жгучее и въ то же время до боли, до слезъ щемящее, простое и печаль-

ное въ этихъ тихихъ созвучьяхъ струнъ и голоса. Какая затаенная тоска лежала въ нихъ и что будили эти грустныя простыя слова въ сердцахъ пресыщенныхъ радостями жизни, нарядныхъ, избалованныхъ людей, собравшихся для утонченныхъ и вредныхъ переживаній? Тихо, тихо было въ комнатахъ. Всѣ точно замерли. Пылалъ огонь въ каминѣ, притягивая къ себѣ взоры за минуту передъ этимъ горящіе грѣховнымъ возбужденіемъ, теперь же—углубленные въ себя, широко-открытые, что то вопрошающіе, почти скорбные...

«Чуть позабудешься... ночью морозною... взглянешь на небо... луной озаренное»... пѣлъ Васенька Дроздовъ, закинувъ слегка голову и глядя куда то въ пространство вдохновенными, какъ у отрока чистыми и свѣтлыми глазами. Мало интересное лицо просвѣтлѣло и стало прекраснымъ, тщедушная фигурка казалась значительной, таящей въ себѣ не всѣмъ доступную и понятную внутреннюю силу.

Colette вся съежилась, сдѣлалась еще меньше, прижалась головой къ плечу Васеньки и большими, недоумѣвающими глазами смотрѣла на пламя камина. Блондинка, вытянувшись на диванѣ и выставляя красивыя большія ноги, съ запрокинутой на подушки головой, запустивъ пальцы бѣлыхъ, оголенныхъ рукъ въ короткіе завитки свѣтлыхъ, густыхъ волосъ, лежала съ полузакрытыми глазами, чувствуя какъ какая то горячая лава подступала отъ груди къ горлу и вотъ-вотъ готова была вылиться въ громкихъ рыданіяхъ перевозбужденныхъ, до крайности взвинченныхъ нервовъ. Вероника, окутанная тепломъ, идущимъ

отъ камина, вся залитая алымъ, трепѣтнымъ и яркимъ свѣтомъ огня, играющаго фантастическими переливами въ ея рыже-бронзовыхъ волосахъ, подхваченная волной звуковъ, унеслась въ міръ сновъ, творческихъ, красочныхъ, волнующихъ, смѣняющихся, то сжимающихъ жгучимъ кольцомъ пылающую мысль, то навѣвающихъ тихую и сладкую истому неясныхъ, никому невысказанныхъ мечтаній и грезъ...

...и во всемъ, что кругомъ и въ лучахъ, и во тьмѣ, и въ огнѣ
«только сонъ, только сны, безъ конца открываются мнѣ»...

Пронеслось у нея въ мысляхъ. Она взглянула на Асташова. Онъ полулежалъ въ той же небрежно-живописной позѣ и, устремивъ взглядъ на носокъ своей лакированной туфли, безостановочно наматывалъ и сматывалъ черный шелковый шнурокъ монокля на указательный палецъ. Неопредѣленная улыбка, застывшая въ углахъ рта, скрывала что чувствовалъ или думалъ онъ въ эти минуты.

— Хотите?—произнесъ кто-то шопотомъ за спиной Вероники. Она обернулась. Красивый офицеръ, съ неподвижнымъ лицомъ камеи, предлагалъ ей на серебряномъ подносѣ какой то флаконъ. Тутъ же лежалъ кусокъ ваты.

— Что это такое?

— Эѳиръ. Чудесное средство для полу-опьяненія... наркозъ.

— Вы увѣрены, что это хорошо?—Не рѣшаясь испробовать предлогаемое, спросила Вероника, протягивая въ то же время руку къ флакону.

— Здѣсь предлогаются пути только къ наслажденію. Позвольте мнѣ помочь вамъ. Вы можете взять слиш-

комъ много, а для перваго раза требуется самая незначительная доза.—Асташовъ взялъ флаконъ, слегка намочилъ кусокъ ваты и передалъ Вероникѣ.—Устройтесь поудобнѣе на подушкахъ и нюхайте... вамъ будетъ очень, очень хорошо.

Она приложила намоченный кусокъ ваты къ носу. Ощущеніе холода сразу проникло внутрь дыхательныхъ органовъ. Вероника потянула воздухъ еще и еще. Ея голова, опиравшаяся о подушки, точно вдругъ потеряла вѣсъ; тѣло становилось легче и легче и въ то же время теряло волю къ движеніямъ. Глаза устремленные на огонь камина, стали тухнуть, и тяжелыя вѣки сами собой смыкаться. Легкое и безвольное тѣло, согрѣтое и окутанное тепломъ отъ камина, въ сладостной и чутко-обостренной истомѣ, потеряло ощущеніе собственной матеріи. Въ мозгу легкія и прозрачныя мысли проносились какъ гряда перламутрово-розовыхъ, гонимыхъ легкимъ дуновеніемъ, облаковъ въ свѣтломъ эфирѣ высокаго голубого неба, которому нѣтъ конца, нѣтъ края, нѣтъ измѣренія. Раздвинулись и расширились горизонты, и крылья легкія и воздушныя, неслышно взмахнувъ, медленно и планомѣрно стали уносить куда-то вверхъ, гдѣ широта, гдѣ свѣтъ, гдѣ нѣтъ размышленій и вопросовъ и гдѣ легко, легко до блаженства... Въ то же время сознаніе не терялось. До слуха долетали жалобные и замирающіе, ласковые, крадущіеся въ душу аккорды, какъ изъ пригоршни разсыпающихся перловъ, куда-то катящіеся и исчезающіе... «Рѣчи такъ... страстно... такъ жадно... ловимыя...» влились въ самую душу теплыя, слегка вибрирующія высокія ноты Васиньки Дроздова — этого

»пѣвца любви, пѣвца своей печали». Что-то схороненное и запрятанное въ глубинѣ сердца тихонько всколыхнулось и, какъ призрачный туманъ, медленно поплыло къ мозгу, коснулось задремавшихъ, убаюканныхъ волей и разсудкомъ воспоминаній, отразило ихъ въ зеркалѣ фантазіи и оживило недавно минувшее, болѣзненно пережитое и все-таки живое и дорогое. Слабый вздохъ слетѣлъ съ полуоткрытыхъ устъ Вероники.

— Вамъ хорошо? — разслышала она надъ собой тихій голосъ.

— Да... очень... хорошо,— чуть слышно отвѣтила она и съ усиліемъ открыла глаза.

Близко, близко надъ собой она увидѣла пустые и странные глаза, притягивающіе и отталкивающіе, совсѣмъ не похожіе на глаза того, кто такъ настойчиво и властно тревожилъ покой души, ничего не требуя и ничего не давая... Образъ князя Сурова выплылъ изъ тумана...

— Ахъ!.. — тихо и глубоко вздохнула Вероника и закрыла глаза.

— Что съ вами?—опять разслышала она вопросъ, произнесенный подлѣ самаго уха.

Она не отвѣтила. Сухая рука, съ длинными и сильными пальцами, коснулась ея руки, и она, какъ бы ища опоры или силы, обвила похолодѣвшими пальцами эту руку, силясь пожать ее. Рука отвѣтила властнымъ и долгимъ пожатіемъ. Въ легкой и теплой пустотѣ, въ которой было безвольно погружено все тѣло, хотѣлось чувствовать чью нибудь ласковую силу, и Вероника, сжимая слабѣющими пальцами руку Асташова, не выпускала ее.

Colette, боясь простудить легкія, понюхала самую ничтожную дозу эфира. Голова ея, склоненная на плечо Васиньки Дроздова, только слегка ослабѣла и затуманилась; это давало ей сладостную истому, и она прильнувъ плотнѣе къ пѣвцу и ощущая теплоту его вздрагивающаго, смущеннаго ея близостью тѣла, думала о томъ, кто затмѣвалъ въ ея воображеніи всѣхъ ея пылкихъ соотечественниковъ, которымъ она измѣняла въ угоду балованнаго и красиваго кутилы, безпечно сорящаго деньгами на берегахъ Невы, какъ онъ сорилъ ими до войны на берегахъ Сены.

Блондинка, обвивъ руками шею полнаго композитора и упавъ къ нему на грудь курчавой головой, полубезсознательно подставляла ему для поцѣлуевъ влажныя полуоткрытыя губы. Вся атмосфера комнаты была пресыщена перелившейся черезъ край пѣной дурмана...

Одинъ Васинька Дроздовъ, никогда не пьющій ни капли вина и не знающій никакихъ дурмановъ, кромѣ дурмана звуковъ, оставался одинокимъ въ этой комнатѣ, гдѣ руки искали встрѣчи, гдѣ глаза горѣли желаніемъ, гдѣ губы шептали пьяныя слова. Робкій и чистый, онъ отдавалъ звукамъ все то, чѣмъ переполнялось его сердце и душа. Цѣльной и чистой струей, нетронутой плотскими вожделѣніями, она лилась въ душу каждаго, бередила, мучила и волновала.

Онъ умолкъ. Colette провела маленькой, смуглой, съ короткими пальцами, рукой по его гладко припомаженнымъ волосамъ:

Oh, tu chantes comme un соловушка... mon petit coco... вели подайть одну чашка кофе, ça me dégourdira,—ломаннымъ акцентомъ проговорила она, потягиваясь и ежась.

— Дроздовъ голубчикъ, велите и намъ подать кофе,—отозвалось нѣсколько голосовъ.

Каминъ догоралъ. Отъ пылающихъ угольевъ свѣтъ казался еще алѣе, и яркіе блики на мѣхахъ шкуръ смѣнились горячими темными бликами. Вероника открыла глаза. Ей было душно подъ маской. Слабость начала таять, мозгъ прояснился. Она взяла брошенный ею на полъ темно-фіолетовый муслиновый шарфъ, сложила его вдвое, накрыла имъ голову и сняла маску. Сквозь темную ткань черты лица оставались скрытыми. Она вздохнула съ облегченіемъ и, проведя рукой по лбу и щекамъ, силилась отогнать послѣдніе признаки сковавшаго ее дурмана.

— Вы пришли въ себя?—спросилъ Асташовъ.

Почти... еще есть странное состояніе слабости.

Асташевъ полулежалъ совсѣмъ близко отъ нея и, молча улыбаясь, смотрѣлъ въ ея закутанное газомъ лицо.

— Что вы думаете? Не смотрите такъ... мнѣ жутко...—проговорила Вероника, протягивая впередъ руку, какъ бы отстраняя отъ себя этотъ пустой, леденящій и настойчивый взглядъ.

Асташевъ осторожно отвелъ ея руку, задержалъ въ своей, еще ближе придвинулся, нагнулся близко къ ея лицу и, красиво скандируя, произнесъ:

... «Et je te donnerai, ma brune,
Des baisers froids comme la lune,
Et des caresses de serpent
Autour d'une fosse rampant...
Comme d'autres par la tendresse,
Sur ta vie et sur ta jeunesse
Moi, je veux régner par l'effroi!».

Что то холодное проползло изъ глазъ Асташова и наполнило внезапнымъ испугомъ сердце Вероники. Она отшатнулась и закрыла лицо руками:

— Я не хочу, чтобы вы говорили мнѣ такія рѣчи...— прошептала она.

— Я больше не повторю, потому что вы ихъ не забудете,—безъ улыбки, медленно проговорилъ Асташовъ.

— Это внушеніе?

— Да...

— Для чего?

— Я хочу притянуть васъ на свой берегъ

— Лучше идите на мой,—вздохнула Вероника.

— На вашемъ берегу я уже былъ и ушелъ, а вы на моемъ не были.

— Вашъ берегъ жуткій. Объ этомъ говорятъ мнѣ ваши глаза.

— Принесите немного тепла и свѣта и, быть можетъ, глаза мои скажутъ иное...

— Вамъ нужно тепло? Вы ищете его?—съ живостью спросила Вероника.

— Мертвые ничего не ищутъ, однако живые все же зажигаютъ лампады у изголовья ихъ могилъ...— загадочно отвѣтилъ Асташовъ. На одно мгновеніе какъ будто тѣнь легла на его черты.

— Нѣтъ, вы не мертвецъ, Валерій Романовичъ. Вы только сами себя заморозили.

— Попробуйте отогрѣть,—опять близко нагнулся къ ней Асташовъ.

— Вамъ это надо?

— Быть можетъ и у меня мелькаютъ иногда сомненія...—уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Къ цыганамъ!.. господа, ѣдемте къ цыганамъ!... я все устроилъ и подготовилъ,—суетилъ публику только что пріѣхавшій морякъ, съ живыми темными глазами, красиваго южнаго типа лицомъ и обоятельной доброй улыбкой.

— Вы ѣдете, Асташовъ?—Онъ пожалъ ему руку и поклонился Вероникѣ, которую не узналъ, хотя встрѣчался съ ней не разъ.

— Я—къ цыганамъ?!..—Асташовъ изобразилъ лицомъ и жестомъ преувеличенное изумленіе.—Къ какой школѣ вы меня причисляете, капитанъ?

— Къ школѣ наслажденія, конечно,—какъ и вашъ покорный слуга.

— Ѣхать къ цыганамъ это не наслажденіе, а разгулъ и даже не рафинированный.

— Нѣтъ, нѣтъ, не согласенъ: очень рафинированный. Цыганъ выдумали мы—русскіе, мы—les barbares raffinés... Такъ вы не ѣдете? Очень жаль!... Господа, кто ѣдетъ — прошу собираться, такъ какъ насъ ждутъ...—морякъ мимоходомъ наполнилъ себѣ бокалъ виномъ, выпилъ залпомъ и помчался вонъ изъ комнаты.

— Быть можетъ вамъ угодно ѣхать?—обратился Асташовъ къ Вероникѣ.

— Нѣтъ, довольно впечатлѣній. Я поѣду домой. Отыщите пожалуйста барона.

— А я не смѣю проводить васъ?

— Невозможно. Я хочу остаться для васъ тайной.

— Какъ прикажете... А позвонить мнѣ завтра вы захотите?

— Хорошо, я вамъ позвоню.

— И въ комнату хризантемъ пріѣдете?

— Быть можетъ... если у мертвеца проснется желаніе.

— Чего?

— Теплаго луча.

Подошелъ баронъ. Вероника поднялась, протянула руку Асташову и, узнавъ, что баронъ, проводивъ ее, поѣдетъ къ цыганамъ, поспѣшила къ выходу.

XVI

Пробило половина двѣнадцатаго, когда изъ спальни Быстрова раздался звонокъ, и молодой лакей, шустрый, красивый приближенный къ нему парень, бросился на зовъ, неся давно вычищенное платье, ботинки и, приготовленное рукой Вѣры Илларіоновны, свѣжее бѣлье.

— Сегодня у насъ что: пятница?—спросилъ Быстровъ, вставая съ кровати и просовывая руки въ рукава шолковаго восточнаго халата.

— Точно такъ-съ: пятница,—отвѣчалъ лакей.— Игнатъ сказывалъ, что посѣтителей много уже съѣхалось. Товарищъ министра юстиціи сію секунду подъѣхали. Генераловъ тоже, говоритъ, много понабралось.

— Ага...—разсѣянно промычалъ Быстровъ, подходя къ зеркалу и проводя щеткой по всклокоченнымъ послѣ сна волосамъ.—Дай мнѣ, пожалуйста, стаканъ боржому... Анна Николаевна здѣсь?

— Давно дожидаются-съ.

— Который теперь можетъ быть часъ?

— Скоро двѣнадцать.

— Однако я проспалъ немного. Давай поскорѣе умываться.—Быстровъ прошелъ къ умывальнику и сталъ не торопясь умываться, тщательно намыливая душистымъ мыломъ лицо, шею и руки и подолгу чистя щеточкой ногти. Вытираясь мохнатымъ полотенцемъ передъ большимъ, вдѣланнымъ въ шифоньеръ, зеркаломъ, онъ внимательно разглядывалъ свое лицо, красивое, матово-блѣдное, съ холоднымъ выраженіемъ свѣтлыхъ, еще полныхъ жизни глазъ. Надѣвъ ботинки, онъ въ халатѣ прошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ туалетъ, громадный гардеробный шкафъ, столъ съ принадлежностями для бритья, диванъ, мягкая мебель и столъ, на которомъ былъ сервированъ утренній кофе.

— Здравствуйте Анна Николаевна. Вы давно ждете? Пожалуйста, я готовъ. Это которое вспрыскиваніе?.. Кажется десятое?...—говорилъ Быстровъ, протягивая руку сѣдоватой особѣ въ скромномъ черномъ платьѣ, вставшей при его появленіи съ дивана.

— Да, десятое. Садитесь пожалуйста.—Она торопливо стала вынимать изъ черной кожанной сумочки шприцъ и бутылочку съ жидкостью.

— Я очень доволенъ этими вспрыскиваніями,—продолжалъ Быстровъ, закатывая выше локтя широкій рукавъ халата и тонкой сорочки.—Очень бодритъ, и я совсѣмъ не устаю къ вечеру. Вчера легъ Богъ знаетъ въ которомъ часу, а спалъ отлично и чувствую себя совершенно бодро... и цвѣтъ лица у меня лучше. Вы какъ находите Анна Николаевна?

— Безусловно, вы отлично выглядите. — Анна Николаевна отвѣчала почти машинально, думая о томъ, что ей необходимо къ часу поспѣть въ клинику.

— Вчера у меня былъ профессоръ. Я въ восторгѣ отъ его сеансовъ. Онъ, знаете ли, говоритъ, что я прекрасно поддаюсь его гипнозу. Я и самъ чувствую это. Его внушенія дѣйствуютъ на меня прекрасно. Вчера я подробно разсказывалъ объ этихъ сеансахъ государю...

Докторша зажала кожу повыше локтя и вонзила шприцъ. Быстровъ поморщился отъ ощущенія легкаго укола.

— Да, такъ вотъ государь очень заинтересовался и много разспрашивалъ меня. Я совѣтовалъ ему прибѣгнуть къ этому средству противъ головныхъ болей. Вы не можете себѣ представить, что это за обоятельный человѣкъ! — съ оживленіемъ заговорилъ Быстровъ.

Докторша, знавшая по опыту, что разговоръ на тему о царѣ и царицѣ будетъ нескончаемъ, поспѣшила прервать его, чтобы не опоздать въ клинику:

— Михаилъ Илларіоновичъ, спросите на всякій случай у профессора не сдѣлать ли дня на три перерывъ вспрыскиваній? Вѣдь доза у насъ внушительная...

— А, хорошо, хорошо. Я спрошу. Ты, Тихонъ, напомни мнѣ, а то я забуду... Вы чтоже, Анна Николаевна, уже уходите? А чашечку кофе не желаете?

— Нѣтъ, Михаилъ Илларіоновичъ, благодарю васъ; я очень спѣшу.

Быстровъ привѣтливо подалъ руку докторшѣ и велѣлъ лакею позвать парикмахера.

— Проси, если кто пріѣхалъ, — прибавилъ онъ, усаживаясь въ кресло передъ столомъ съ бритвенными принадлежностями.

Только что парикмахеръ—облизанный, вертлявый и ловкій блондинъ, съ малокровнымъ цвѣтомъ лица и завитыми кончиками подкрученныхъ усовъ,—намылилъ Быстрову обѣ щеки, какъ одинъ за другимъ вошли обычные, во время утреннихъ часовъ, посѣтители—друзья и интимные совѣтчики министра. Всѣ они свободно размѣстились за столомъ, на которомъ былъ поданъ кофе, сливки, масло и домашняя свѣжая булка. Когда парикмахеръ вышелъ, скоро и ловко приведя лицо министра въ надлежащій видъ, Быстровъ присоединился къ столу и съ аппетитомъ принялся за свой поздній кофе. Оживленно разговаривая, перескакивая съ темъ политическаго характера на темы общія, онъ беззаботно пилъ кофе, шутилъ, курилъ, мягко развалясь въ удобномъ креслѣ, не проявляя никакой озабоченности, что въ пріемномъ залѣ давно собрались посѣтители и ждутъ пріема. Беззаботность его была вполнѣ искренной. Увлекаясь разговорами до безконечности, онъ забывалъ о дѣлѣ и людяхъ не изъ пренебреженія, а изъ легкомыслія, изъ причинъ, лежащихъ въ той области, которой вѣдалъ и интересовался профессоръ лейбъ-медикъ, наблюдавшій своего паціента съ глубокимъ интересомъ ученаго психіатра.

Люди, изъ которыхъ состояла въ данный моментъ компанія, каждый по своему выражали свою дружбу Быстрову, руководимые однако не одними чисто дружескими чувствами и симпатіями.

Сидѣвшій рядомъ съ министромъ среднихъ лѣтъ генералъ-лейтенантъ, съ обрюзгшимъ, нездорово-желтымъ цвѣтомъ лица, молчаливо и сосредоточенно курившій сигару и медленными глотками отпивавшій

изъ чашки черный кофе, былъ совѣтчикомъ Быстрова въ министерскихъ дѣлахъ. До постигшей его катастрофы, сильно скомпрометировавшей его и сломавшей ему карьеру, онъ былъ виднымъ сановникомъ, посвященнымъ во всѣ тайны внутренней политики. Онъ надѣялся, что всемогущая рука давнишняго товарища, теперь министра, въ концѣ концовъ вытянетъ его изъ мрака.

Противъ Быстрова, отвалясь на спинку дивана, сидѣлъ щегольски одѣтый, выхоленный шатенъ, съ легкой просѣдью, мягкими, лѣнивыми движеніями и тонкимъ профилемъ. Бывшій гвардеецъ Латуковъ пользовался репутаціей скандальнаго поведенія, слѣдствіемъ котораго оказался наслѣдникомъ громаднаго состоянія, завѣщаннаго ему однимъ изъ извѣстнѣйшихъ въ свое время людей столицы. Большія средства не мѣшали ему однако заниматься какими то странными и темными дѣлами, о свойствахъ которыхъ Быстровъ, быть можетъ, по присущимъ ему легкомыслію и безпечности, не зналъ, но давалъ ему возможность протираться въ сферы, необходимыя для обдѣлыванія этихъ дѣлъ. Латуковъ же со своей стороны оказался полезнымъ, составляя ему всякаго рода письма, предназначенныя для Царскаго Села. Будучи до крайности лѣнивъ и безалаберенъ, Быстровъ, не успѣвая составлять письма самъ, переписывалъ черновики, тщательно приготовленные для него рукой Латукова.

Тутъ же сидѣла сестра милосердія, незначительной наружности шатенка, приносившая министру всѣ новости изъ Царскаго Села, гдѣ она состояла въ лазаретѣ, принадлежавшемъ лицу, съ которымъ очень дружила и которое въ свою очередь было очень близко къ

царствовавшему дому. Такимъ образомъ Быстровъ съутра зналъ все, что касалось царской семьи, передъ которой онъ благоговѣлъ. Сестра милосердія много говорила, передавая Быстрову все, что съ вечера ей было поручено пересказать министру, ставшему съ недавнихъ поръ еще ближе ко двору.

Наиболѣе характернымъ типомъ, изъ окружавшихъ Быстрова друзей, былъ монгольскаго типа человѣкъ, съ сѣдыми ежикомъ подстриженными волосами, небольшого роста, довольно полный, съ узкими, всегда прищуренными хитрыми и умными глазами, которые онъ умѣлъ прятать отъ взгляда собесѣдника. Хотя онъ былъ въ обыкновенномъ сюртукѣ, но платье казалось на немъ какъ то странно и неуклюже сидѣвшимъ, такъ же какъ и слишкомъ просторный крахмальный воротникъ казался не на мѣстѣ на длинной желтой шеѣ. Онъ пилъ кофе, сохраняя на лѣвой рукѣ бѣлую лайковую перчатку, совершенно не соотвѣтствовавшую всей фигурѣ восточнаго эскулапа. Этотъ странный докторъ, лечившій зельями, велъ тайную и неуклонную политику, вмѣшиваясь въ государственные вопросы и лукаво проводя черезъ министра, задуманные извѣстной кучкой людей, планы.

Неожиданно и шумно распахнулась дверь и безъ предупрежденія въ комнату быстро вошла Вѣра Илларіоновна въ черномъ платьѣ, съ озабоченнымъ и недовольнымъ лицомъ:

— Миша, да что же ты опять дѣлаешь?. Вѣдь половина перваго! Пора завтр кать, залъ полонъ публики, а ты сидишь тутъ въ халатѣ. Здравствуйте, — обратилась Вѣра Илларіоновна къ поднявшимся при

ея появленіи мужчинамъ и подавая первой руку сестрѣ милосердія.—Нѣтъ, это же такъ невозможно! Ты положительно забываешь, что ты министръ, а не предводитель дворянства... Ну, что же теперь будетъ?—волновалась Вѣра Илларіоновна, останавливаясь передъ Быстровымъ.

— Ничего особеннаго...—улыбнулся онъ, перекладывая удобнѣе ногу на ногу и запахивая плотнѣе халатъ.—Вели Тихону заявить, что я очень занятъ спѣшными дѣлами.

— Да онъ ужъ докладывалъ. Вѣдь съ десяти часовъ ждутъ... два товарища министра, генералы...

— Вели подавать завтракъ, вызови Павла Ивановича и скажи ему, чтобы публику поважнѣе попросилъ бы къ столу, а я тѣмъ временемъ одѣнусь.

— Нѣтъ, Миша, ты просто невозможенъ!—пожала плечами Вѣра Илларіоновна.—А тебѣ завтракъ сюда прислать?

— Да, попозже. Впрочемъ... я самъ распоряжусь. Такъ ты, Вѣрочка, устрой пожалуйста и накорми кого тамъ надо.

Вѣра Илларіоновна вышла, а Быстровъ, улыбнувшись вслѣдъ ушедшей сестрѣ, продолжалъ курить сигару, картинно откидывая голову, пуская кольцами дымъ и возобновляя прерванный разговоръ.

Около трехъ часовъ уютная компанія разошлась. Послѣднимъ ушелъ докторъ—монголъ, предварительно вручивъ министру какія то записки и настоятельно прося его просмотрѣть и дать имъ ходъ. Только что Быстровъ хотѣлъ начать одѣваться, какъ ему доложили, что пріѣхалъ пользовавшій его профессоръ.

Вошелъ средняго роста, въ военной формѣ, съ генеральскими погонами лейбъ-медикъ, съ длинной неопрятной сѣдоватой бородой, съ очень простоватымъ лицомъ, казавшимся еще проще отъ подстриженныхъ въ скобку русыхъ волосъ, безпорядочно нависавшихъ низко на лобъ и на уши.

— Мнѣ передали въ академіи, что вы звонили ко мнѣ, Михаилъ Илларіоновичъ, и просили пріѣхать,— заговорилъ профессоръ, опускаясь безъ приглашенія на стулъ и проводя ладонью по бородѣ.

— Да, дорогой профессоръ, я просилъ васъ заѣхать сегодня, такъ какъ завтра у меня докладъ государю. Я ѣду съ утра и не знаю въ какое время освобожусь.

— Ну, можно было одинъ день и пропустить...

— Нѣтъ, я не согласенъ на это.—Быстровъ протянулъ профессору золотой массивный портъ-сигаръ, предлагая папиросу.

— Но вѣдь у васъ сегодня пріемъ и, кажется, очень многочисленный?

— Это ничего... Скажите мнѣ, дорогой мой, не думаете ли вы, что ваши внушенія могли бы освободить государя отъ его приступовъ головной боли? Я говорилъ объ этомъ, и государь очень заинтересовался. Вѣдь я настолько чувствую себя лучше, что всѣ это замѣчаютъ.

Лейбъ-медикъ молчалъ, разсѣянно глядя на Быстрова и что то обдумывая.

— Ну, что же... тогда начнемте?—поднялся онъ, какъ бы отрываясь отъ своихъ мыслей.—Въ спальню пройдемте или тутъ не помѣшаютъ?

— Да, да, въ спальню. Я велю, чтобы никто не входилъ.

Прежде, чѣмъ начался сеансъ внушенія, Быстровъ, держа профессора за пуговицу сюртука, многорѣчиво и подробно сталъ разсказывать ему о своемъ столкновеніи съ предсѣдателемъ Государственной Думы.

Было четыре часа, когда уѣхалъ лейбъ-медикъ и когда Быстровъ наконецъ принялся за свой туалетъ. Въ это время чиновникъ особыхъ порученій докладывалъ публикѣ, дожидавшейся пріема съ десяти часовъ утра, что министръ очень занятъ срочными дѣлами.

Одѣваясь, Быстровъ нѣсколько разъ подходилъ къ телефону и велъ длинныя бесѣды. Затѣмъ онъ торопливо прошелъ въ столовую, гдѣ ему былъ поданъ завтракъ. Въ шестомъ часу вечера онъ вспомнилъ, что назначилъ дѣловое свиданіе у Кюба одному свитскому генералу, а потому велѣлъ немедля подать автомобиль и объявить публикѣ, что пріемъ не состоится, такъ какъ онъ спѣшно выѣзжаетъ въ Царское Село по вызову.

XVII.

— Значитъ въ васъ кипитъ жизнь, значитъ вы живете полной силъ и энергіи жизнью, если у васъ является желаніе бороться съ омертвѣлостью другихъ людей, а я устала, устала до изнеможенія... Я хочу забвенія, только забвенія и уйти какъ можно подальше отъ этой, вотъ до сихъ поръ опротивѣвшей мнѣ жизни...

Вѣра Илларіоновна сдѣлала выразительный жестъ, проведя указательнымъ пальцемъ поперекъ горла. Лицо ея пылало, и глаза были красны отъ слезъ. Она шумно сморкалась въ большой тонкій батистовый платокъ, съ громадными иниціалами гладью въ углу. Заложивъ ногу

на ногу, она сидѣла на полукругломъ диванчикѣ изъ карельской березы, крытомъ розовато-желтымъ шелкомъ и, поминутно оправляя слабо подколотые волосы, закидывала руки, при чемъ широкіе рукава японскаго кимоно изъ ярко краснаго шелка сползали почти до плечъ и оголяли пышныя бѣлыя руки, украшенныя браслетами. На креслѣ подлѣ нея сидѣла Вероника въ строгомъ черномъ бархатномъ платьи, въ такой же большой шляпѣ, отдѣланной страусовымъ перомъ. Между ними стоялъ передвижной столикъ со стекляннымъ верхомъ, на которомъ былъ сервированъ чай и всякія сласти—большая рѣдкость въ виду запрещенія торговли сладкимъ и непомѣрно высокой цѣнѣ.

— Вы видите на что я стала похожа!—продолжала Вѣра Илларіоновна, обмахивая платкомъ заплаканное и разгоряченное лицо.—Я никуда не показываюсь, никого къ себѣ не впускаю, цѣлые дни сижу въ халатѣ и не знаю что съ собой дѣлать, куда себя дѣть... Все опостылѣло. Не могу больше выносить этихъ пышныхъ комнатъ, этихъ громадныхъ залъ, этого холодящаго душу блеска. Я кончена для жизни...

— Слишкомъ рано и слишкомъ быстро вы хороните себя, Вѣра Илларіоновна,—ласково заговорила Вероника.—Я понимаю лучше, чѣмъ кто либо ваше душевное состояніе, но все таки ваше разочарованіе въ личности Михайловскаго не стоитъ того, чтобы вы себя хоронили.

— Нѣтъ, стоитъ, милочка моя, очень стоитъ. Вы—натура артистическая; вы много разъ и сами увлекались и вами увлекались; ваши разочарованія уплываютъ какъ дымъ на фонѣ яркаго неба, потому что

ваша горячая фантазія создаетъ вамъ новыя увлеченія. Разочарованія вамъ не такъ ужъ страшны, потому что у васъ есть живая, всепоглощающая сила творчества. А я что? Сперва жила подъ строгимъ руководствомъ мама и ждала принца изъ тысячи и одной ночи, который полюбитъ меня, а не мое приданое и громадную протекцію для его карьеры. Потомъ, въ роли старой дѣвы, стала скромнѣе и мечтала ужъ не о принцѣ, а только о добромъ и честномъ человѣкѣ, способномъ на серьезное и большое чувство. Отказывала пошлымъ и корыстнымъ искателямъ моей руки, прожила почти сорокъ лѣтъ въ сутолокѣ выѣздовъ и переодѣваній туалетовъ по три раза въ день, жила для мама, потомъ для брата и когда наконецъ всей душой, всѣмъ существомъ моимъ повѣрила, что тотъ, котораго я искала въ жизни подошелъ ко мнѣ и тоже ищетъ меня, тогда судьба, скорчивъ мнѣ гримасу, злорадно захохотала, сорвавъ маску съ лица этого человѣка и открывъ его настоящій обликъ черстваго, неискренняго и эгоистичнаго человѣка. Я никогда не идеализировала людей и не требовала отъ нихъ больше, чѣмъ они могутъ дать, но въ личности Михайловскаго я видѣла все, все иначе, чѣмъ онъ есть. Въ его большомъ тѣлѣ, я была увѣрена, должна была жить большая душа и благородное сердце, а оказалось... Я вся разбита, руль мой сломанъ и паруса порваны. Уѣхать, какъ нибудь забыть...

— Съ того вечера вы больше не видались съ нимъ?

— Онъ хотѣлъ для чего то видѣть меня, позвонилъ по телефону, я говорила съ нимъ больше часу и окончательно убѣдилась, что, какъ и его внѣшній

видъ, все въ немъ тяжеловѣсно, все основано на реализмѣ, и онъ готовъ сложнѣйшія и тончайшія струны души измѣрять пудами и саженями.

— А раньше вы этого не замѣчали въ немъ?

— Нѣтъ. Онъ умѣлъ говорить другимъ языкомъ. До ссоры съ братомъ, очевидно, я могла играть какую то роль въ его жизни, теперь же ему этого не нужно, и онъ не стѣсняется быть тѣмъ, чѣмъ есть... А я-то, я-то какъ привязалась къ мысли, что онъ большой, хорошій, прямой человѣкъ, который дастъ мнѣ наконецъ счастье и радость!

— Бѣдная вы, какъ мнѣ больно за васъ, Вѣра Илларіоновна,—задушевно проговорила Вероника, пересаживаясь къ ней на диванъ и обнимая ея плечи.

— Вѣдь мнѣ сорокъ лѣтъ, дорогая моя... вѣдь я отлично понимаю, что въ мои годы глупо и дико мечтать о романахъ. Михайловскій былъ для меня не мечтой романа, а цѣльной и чистой привязанностью. За эти дни я постарѣла на десять лѣтъ. Посмотрите сколько сѣдыхъ волосъ. Теперь мнѣ все безразлично. Я уѣду, я рѣшила, что уѣду.

— Куда же вы ѣдете?

— На фронтъ сестрой милосердія. Въ Японскую войну я была сестрой въ лазаретѣ, состоящемъ подъ покровительствомъ отца. Меня примутъ куда угодно.

— Разумѣется. Еще бы васъ да не приняли! Вы хотите скоро уѣхать?

— Очень скоро.

— А братъ что говоритъ?

— Сегодня я переговорю съ нимъ. Онъ еще ничего не знаетъ.

— Будетъ протестовать.

— Навѣрное, но я твердо рѣшила уѣхать и не уступлю. Я устала до отчаянія.

— Тамъ устанете еще больше.

— Это будетъ другая усталость, которой я хочу и буду рада ей.

— Я думаю, что ваше рѣшеніе совершенно правильно: вамъ необходимо, послѣ постигшаго васъ удара, уйти въ иную, непохожую на эту, жизнь.

— Тамъ жизнь моя будетъ нужна страдающимъ, которымъ я смогу отдать весь запасъ моей ласки и заботливости, а здѣсь нѣтъ даже паршивой собаченки, которой нужно бы было прійти и, прижавшись, свернуться клубочкомъ у моихъ ногъ.—Вѣра Илларіоновна начала шумно сморкаться и откровенно вытирать крупныя слезы, скатывавшіяся по поблѣднѣвшему, осунувшемуся лицу.—Если не уѣду на фронтъ, то вотъ и буду все такъ сидѣть и плакать.

— Да, да, уѣзжайте и поскорѣе. Устройтесь на Юго-Западномъ фронтѣ. Братъ Коля тамъ начальникомъ штаба; онъ окажетъ вамъ всяческое содѣйствіе.

— Это вѣрно. Обращусь къ нему.

— А я, если хотите, сегодня же напишу ему.

— Напишите, моя хорошая.

— Ну вотъ отлично: поѣзжайте, можетъ быть мы съ вами тамъ увидимся, такъ какъ я непремѣнно хочу лѣтомъ туда поѣхать. Когда я была прошлой осенью у брата въ штабѣ, то командующій арміей—генералъ Силовъ приглашалъ меня еще разъ пріѣхать и обѣщалъ въ интересахъ моего творчества многое мнѣ показать. Конечно, я воспользуюсь приглашеніемъ

и поѣду. Найду васъ тамъ бодрой и веселой... Какой нибудь интересный генералъ влюбится въ васъ...

— Ну да, еще бы! Кто теперь влюбится въ такую руину съ сѣдѣющими волосами?! Вотъ полюбуйтесь сколько морщинокъ вокругъ глазъ появилось. Говорю вамъ—старухой стала.

— Ахъ, идея!—оживленно воскликнула Вероника.—Хотите поѣдемте къ гадалкѣ? Поразительная, удивительная гадалка! Меня уговорила поѣхать къ ней одна моя пріятельница. Ради шутки я согласилась и уѣхала отъ этой колдуньи въ полномъ недоумѣніи. Она не только разсказала мнѣ массу подробностей изъ прошлаго, но уже есть кое что сбывшееся изъ того, что она предсказала. Право, поѣдемте.

— Далеко она?

— Порядочно, на Петроградской сторонѣ.

— Когда же поѣхать?

— Сейчасъ. Еще только три часа. Мигомъ одѣвайтесь и велите подать автомобиль. Васъ это и отвлечетъ и очень заинтересуетъ,—я увѣрена.

— Ну, хорошо. Я одѣнусь скоро. Не уходите. Я только переколю волосы и надѣну первое попавшееся платье. Ахъ, у васъ, Вероника Антоновна, удивительная способность и умѣніе подбодрить и отвлечь человѣка въ его печаляхъ. Въ васъ живетъ какой то свѣтлый и теплый лучъ. Вы всегда такая свѣтлая, энергичная и живая.

— Думаете ли вы, Вѣра Илларіоновна, что я живу безъ печалей и разочарованій? И у меня есть мои сердечныя и душевныя бобо, но, правда, что они тонутъ въ мірѣ красокъ и фантазій.

— Въ этомъ и кроется ваше счастье и спасеніе отъ унынія и тоски, которымъ подвержены всѣ мы— простые смертные.

Вѣра Илларіоновна, обильно напудривъ лицо и слегка припухшіе глаза, наскоро взбила надо лбомъ волосы, подколола ихъ, надѣла гладкое темно-сѣрое суконное платье, ловко охватывавшее ея полную фигуру, прикрыла лицо густой черной вуалеткой, натянула желтыя перчатки, надавила пуговку звонка и, привыкшая прятать отъ людей свои печали, вышла вмѣстѣ съ Вероникой въ вестибюль со спокойнымъ лицомъ и обычной горделивой осанкой.

Автомобиль остановился у воротъ большого дома. Вѣра Илларіоновна и Вероника прошли узкій и длинный дворъ, въ концѣ котораго подлѣ угла ютилась грязноватая дверь на темную промозглую лѣстницу, съ сѣро-бурыми стѣнами, облѣзлыми, облупившимися и покрытыми пятнами сырости. Задребезжалъ разбитый звонокъ и, не снятая съ цѣпочки, дверь слегка пріотворилась.

— Жозефина Антоновна, пожалуйста откройте. Вы узнаете меня? Я привезла къ вамъ мою пріятельницу.

— А-а.... Узнаю, узнаю васъ... покорно прошу, входите... Я какъ разъ одна и совершенно свободна. Тише, тише... тутъ темно, не оступитесь.

Небольшого роста, полная, сѣдая, съ живыми черными и умными глазами и распологающей улыбкой, старуха стояла съ жестяной керосиновой лампочкой въ рукѣ, высоко поднявъ ее надъ головой, чтобы лучше освѣтить крошечную, убогую, заваленную всякимъ

хламомъ и скарбомъ, переднюю. На ней былъ повязанъ накрестъ теплый вязанный песочнаго цвѣта платокъ; въ углу рта дымилась папироска. Акцентъ былъ не русскій. Все кругомъ было темно, низко и грязновато-бѣдно, но добрый и ласковый голосъ хозяйки заставлялъ не замѣчать окружающаго, концентрируя вниманіе только на ней.

— Кому угодно первой гадать?—Спросила она, ласково оглядывая обѣихъ посѣтительницъ.

— Идите вы первая, я подожду,—предложила Вероникѣ Вѣра Илларіоновна.

— Тогда я попрошу васъ поскучать въ этой кухнѣ. У меня только одна комната и кухня. Но это ничего. Я вижу по глазамъ вашимъ, что вы хоть и важная гостья, но умѣете быть снисходительной ко всѣмъ. Прошу васъ сюда. Скамейка чистая.

Вѣра Илларіоновна опустилась на деревянный табуретъ передъ простымъ деревяннымъ столомъ. Черезъ небольшое грязное оконце проникалъ мутно-желтоватый свѣтъ со двора. Въ холодной, нетопленной и грязной кухнѣ царилъ невообразимый хаосъ отъ всякаго, грудами наваленнаго во всѣхъ углахъ, домашняго скарба и пришедшихъ въ полную вѣтхость вещей, негодныхъ къ употребленію. Рядомъ со столомъ у стѣны стояло подобье когда то бывшаго турецкаго дивана, теперь облѣзлаго до того, что нельзя было рѣшить какого цвѣта были на немъ оставшіеся лоскутки обивки, сквозь прорванныя мѣста которой торчалъ деревянный остовъ. На немъ была свалена охапка дровъ, сломанный жестяной чайникъ и брошена газета. Рядомъ съ диваномъ въ углу высилась пирамида облѣзлыхъ красно-

бурыхъ сундуковъ и корзинъ перевязанныхъ толстыми веревками. На самомъ верху былъ опрокинутъ безногій стулъ, когда то обитый гранатовымъ плюшомъ, теперь выцвѣтшій, порыжѣлый и истертый. На плитѣ валялось все, что только можно себѣ представить: треснутыя грязноватыя тарелки, щепки, керосинка, сковородки, ящикъ отъ сигаръ, ломанные ножи, жестяная коробка съ какимъ то порошкомъ, плетеная корзинка съ тряпками, недоѣденная колбаса на тарелочкѣ... Подлѣ раковины, проржавѣвшей и до невѣроятія грязной, ютилось мягкое будуарное кресло, тоже обитое когда то гранатовымъ плюшомъ. Бахрома внизу была частью оборвана и висѣла клочьями. Сѣрый котъ, мерцая зеленоватыми зрачками, стоялъ на немъ насторожившись, прижавшись къ спинкѣ и выгнувъ дугой сухощавую, ощетинившуюся спину. Паутина залегла во всѣхъ углахъ, и тусклый зимній день, съ трудомъ проникая въ закопченое, годами не мытое стекло, казалось на все набрасывалъ сѣрую паутину бѣдности, нерадѣнія и безразличія къ уюту.

...— Вы оставили ваши мысли о немъ и вамъ стало на душѣ полегче,—говорила гадалка, открывая совершенно потемнѣвшія отъ времени, утерявшія краски, карты со странными рисунками.—Онъ не думаетъ о васъ и занятъ своими дѣлами...хорошо...очень хорошо... Возьмите теперь лѣвой рукой одну карту, но сперва хорошенько подумайте. Положите не открывая. Такъ. Еще одну. Теперь откроемъ. Какая карта! Здѣсь я вижу, что кто то другой занимаетъ ваши мысли. а вы—его. Еще карту... Аполлонъ! Отлично! Много солнца будетъ, но берегитесь этого человѣка! онъ за-

хочетъ побѣдить васъ, захочетъ присвоить себѣ вашу душу... Теперь я разложу другія карты, а вы думайте сильно, и я дамъ вамъ отвѣтъ. Ахъ, сколько блеска и сколько пестрыхъ дней, но... опять этотъ человѣкъ странно близокъ къ вамъ и въ то же время — далекъ. Если поддадитесь ему — будете страдать. Какая то борьба... тучи... а потомъ далекій путь и разлука, но на сердцѣ покой... Странныя карты у васъ... въ близкомъ будущемъ интересный разговоръ во время свиданія съ нимъ... и любовь... сейчасъ власть въ вашихъ рукахъ, не упустите ее.

Вероника встала и положила на столъ десятирублевую бумажку.

— Благодарю васъ, а вы меня не благодарите. Теперь я попрошу вашу знакомую. Ахъ, какая королева!...

Вероника хотѣла выйти изъ комнаты, но Вѣра Илларіонова удержала ее:

— Не уходите, вѣдь вы знаете о чемъ я пріѣхала гадать.

Она опустилась на стулъ передъ обитымъ коричневой клеенкой столомъ, на которомъ горѣла небольшая лампа подъ зеленымъ колпакомъ, лежала газета „Копейка", стояла большая чашка съ недопитымъ холоднымъ чаемъ, какія то коробочки, бумажки и карты.

Комната была маленькая, но сравнительно чистая. Тутъ же стояла опрятная кровать съ горкой подушекъ, у стѣны мягкій диванъ съ высокой спинкой, два кресла и этажерка съ посудой, самоваромъ, книгами и разными вещами.

— Посмотримъ, посмотримъ что вамъ скажутъ карты, королева! Вы можете теперь ни о чемъ не думать, я буду разсказывать вамъ, что мнѣ видно. Если непонятно будетъ, то прошу спросить меня. Я вижу, что жизнь ваша очень пышная, и вы живете въ большой толпѣ людей. Много денегъ, и заботъ нѣтъ. Близкій вамъ человѣкъ имѣетъ большую силу и власть, но для сердца вашего онъ далекъ. Мысли у васъ печальныя и личной радости и счастья у васъ не было. А вотъ и король... Ай-ай!.. изъ за него и мысли ваши печальныя... Онъ носитъ форму и вокругъ него много дѣлъ и людей. Ваше сердце очень лежитъ къ нему... Перетасуйте карты. Снимите къ себѣ три раза. Теперь думайте и выберете пять картъ. Такъ... Карта выходитъ очень опредѣленная... ваши пути расходятся, вамъ предстоитъ скорая дорога, но эта карта никогда не лжетъ: опять дороги ваши сойдутся. Онъ самъ будетъ искать васъ... сердечная радость... полное исполненіе желанія... для дому перемѣна и для жизни полная перемѣна... Всѣ тучки разойдутся, и солнышко ярко засвѣтитъ для вашей жизни... я вижу счастливый бракъ и это не за горами...

Вѣра Илларіоновна, положивъ голову на ладонь облокоченной руки, съ волненіемъ вслушивалась въ каждое слово гадалки. Свѣтъ лампы изъ подъ зеленаго колпака озарялъ ея лицо. Подъ густой вуалью печальные и добрые глаза съ надеждой и вѣрой смотрѣли на добродушное веселое лицо старухи. При послѣднихъ словахъ гадалки слабая улыбка освѣтила ея лицо, и она съ облегченіемъ вздохнула.

XVIII.

— Честное слово даю вамъ, что я не встрѣчалъ въ жизни моей женщинъ, похожихъ на васъ, Марія Аполлоновна,—говорилъ самодовольный, полный господинъ, съ громкимъ захлебывающимся хохотомъ, большими на выкатѣ карими глазами, толстой шеей и рыжими, слегка вьющимися волосами. Онъ безостановочно и утомительно жестикулировалъ, передвигался въ креслѣ, вскакивалъ и отъ души забавлялъ, самъ того не подозрѣвая, свою собесѣдницу, къ которой сталъ наѣзжать все чаще и чаще, прослышавъ, что черезъ нее можно имѣть сильную протекцію къ Быстрову. Антонъ Алексѣевичъ Роговъ былъ типичный провинціалъ, недавно попалъ какимъ то фуксомъ въ столицу и рѣшилъ во что бы то ни стало сдѣлать блестящую карьеру. Онъ бросался во всевозможные благотворительные комитеты, ѣздилъ на поклоненіе къ митрополитамъ и епископамъ, втирался въ салоны, гдѣ, руководимый провинціальной довѣрчивостью и апломбомъ, не замѣчалъ насмѣшливыхъ взглядовъ и колкихъ рѣчей по своему адресу. Остановясь на мысли богатаго и выгоднаго, съ точки зрѣнія карьеры, брака и, не имѣя никакой выдержки, онъ забавлялъ собой столичныхъ избалованныхъ барышень и вдовушекъ, которыхъ намѣчалъ жертвой своихъ назойливыхъ и безцеремонныхъ ухаживан й.

Съ нѣкоторыхъ поръ онъ очень участилъ свои визиты къ Маріи Аполлоновнѣ. Она подсмѣивалась надъ нимъ, слегка третировала его, пользовалась его мелкими

услугами, которыя онъ расточалъ ей въ видѣ залога за тѣ крупныя, которыя имѣлъ въ мысляхъ получить отъ нея въ будущемъ. Ея роскошная обстановка внушала ему уваженіе, такъ же какъ и люди, которыхъ онъ встрѣчалъ у нея.

— Чтожъ во мнѣ особеннаго? — спросила Мэри, полулежа на кушеткѣ и, по обыкновенію, куря одну за другой тоненькія, длинныя папироски. Въ небрежной позѣ и вызывающей улыбкѣ было много намѣреннаго и дразнящаго кокетства.

— Въ васъ все особенное. Вы изящны, умны, оригинальны . . .

— Ну, что же еще?

— Въ васъ есть что то притягивающее, что то по нервамъ бьющее . . .

— Ого! . . . — Мэри закинула голору и стала кольцами выпускать изо рта дымъ.

— Иной разъ хочется схватить васъ и эгакъ всю смять и зажать.

— Ну, этого пробовать я не совѣтую.

— Вы слишкомъ избалованы.

— Вѣроятно.

— Вы не чувствуете надъ собой власти . . .

— Никогда и никакой.

— А не мѣшало бы испробовать!

— Не вашей ли? — скашивая въ сторону Рогова насмѣшливые глаза, бросила Мэри.

— А почему вы этого не допускаете? Скажите — почему?

— Допустить все можно.

— Вотъ видите... Ну, представьте себѣ, что я... я вашъ...

— Властелинъ, — дѣлая серьезную мину, подсказала Мэри. — Что же дальше?

— Я бы съумѣлъ заставить васъ жить моей жизнью и мыслить моими мыслями.

— Напримѣръ?

— Я бы отучилъ васъ отъ куренія, отъ слишкомъ свѣтскихъ привычекъ, отъ частыхъ поѣздокъ въ рестораны... вы жили бы только для меня.

— Ну, конечно! Цѣлый день я валялась бы на диванѣ въ вашемъ кабинетѣ, въ халатѣ, съ горящими отъ неутолимой къ вамъ страсти глазами и, трепеща, умирала бы отъ счастья заключать по сорокъ разъ въ сутки вашу драгоцѣнную и жирную особу въ свои объятія...

— Ну, ужъ и по сорокъ разъ! — захлебываясь и шумно хохоча сорвался съ кресла Роговъ. — А насчетъ халата и дивана въ кабинетѣ — это въ моемъ вкусѣ. Нѣтъ, вы прелесть, настоящая прелесть...

— Я прелесть, а вы потрудитесь отодвинуться и вообще я предпочитаю видѣть васъ въ креслѣ противъ себя, а не рядомъ съ собой.

— Ну, я немножко...

— Я вамъ сказала — пересядьте... иначе я разсержусь.

— Извольте: ушолъ, только не сердитесь. Я хотѣлъ многое сказать вамъ сегодня.

— Я слушаю. Начинайте.

— Позвольте — развѣ я машина? Мнѣ нужно настроеніе.

— Какое? По нервамъ бьющее?

— Именно, именно...

— И для этого вамъ надо сидѣть со мной рядомъ на диванѣ?

— Конечно. Позвольте хоть немного придвинуть къ вамъ кресло, очаровательная мучительница.

— Ровно на полъ аршина. Довольно. Надѣюсь, теперь вы можете говорить?

— Попробую. Знаете ли вы, Марія Аполлоновна, что я до глупости думаю о васъ день и ночь? Я увѣренъ, что во всемъ понимаю васъ, а меня вамъ понять —не трудно.

— О, даже очень легко,—звонко разсмѣялась Мэри.

— Ну, вотъ видите. Я живой, здоровый и энергичный человѣкъ...

— Катаррами не страдаете?

— Никакими катаррами я не страдаю.

— А, это очень важно... Дальше.

— Моя карьера на отличномъ пути. Не сомнѣваюсь, что черезъ годъ или два мнѣ предложатъ мѣсто губернатора. Придворный чинъ я имѣю...

— Какой?

— Камеръ-юнкера.

— Ну, милый другъ, это только для похоронъ и купеческихъ свадебъ имѣетъ значеніе, а для салоновъ, раутовъ и парадовъ хороши мундиры только камергеровъ и шталмейстеровъ.

— Не въ этомъ дѣло. Я хочу сказать вамъ, что въ чинахъ не застряну, что добьюсь своего въ жизни, но одному жить и трудно и скучно.

— Нисколько. Вотъ я же живу.

— Ужъ извините! Какое это одиночестго, коли вокругъ васъ вѣчная толчея.

— Я думала, что вы про одиночество души,— протянула съ наивнымъ видомъ Мэри.

— А развѣ и вы душевно одиноки?—обрадовался Роговъ.

— Ужасно!..,—закатывая глаза, вздохнула Мэри, еле сдерживая желаніе разразиться хохотомъ.

— Голубушка, Марія Аполлоновна, но вѣдь тогда...

— Что тогда?... Прошу васъ, голубушка Антонъ Алексѣевичъ, всетаки сѣсть на ваше мѣсто... Вы слышите?...

— Ну, пересѣлъ, пересѣлъ... Какая вы капризница!

— Отвѣчайте: что же тогда?

— Тогда я хотѣлъ бы...

— Ну что же? Что? договаривайте...

— Чертъ его знаетъ что! У меня путаются мысли въ головѣ.

— Хотите, я помогу вамъ? Я буду задавать вамъ вопросы, а вы отвѣчайте. Но только на чистоту, иначе я разсержусь и сейчасъ же прогоню васъ.

— Я согласенъ.

— Вы влюблены въ меня?

— Больше, гораздо больше.

— Ого!... Значитъ, вы меня любите?

— Да.

— И хотѣли бы жениться на мнѣ?

— Да.—Роговъ вскочилъ съ кресла, но Мэри жестомъ руки опять усадила его.

— При какихъ бы то ни было условіяхъ?

— Я васъ не понимаю.

— Ну вотъ, напримѣръ: вы думаете, вѣроятно, что я богата, а у меня ровно ничего нѣтъ, — солгала Мэри, — и я живу на то, что мнѣ даетъ дядя, конечно только до дня моего новаго замужества.

Пылъ Рогова замѣтно упалъ. Онъ взъерошилъ копну рыжихъ волосъ, всталъ и молча зашагалъ по комнатѣ. Мэри, забавляясь, слѣдила за нимъ, тоже молчала и курила.

— И все-таки я люблю васъ, — наконецъ проговорилъ Роговъ, останавливаясь передъ ней съ заложенными въ карманы панталонъ руками.

— Но ужъ не женясь? — спокойно спросила Мэри.

— Да, не женясь.

— Вы предпочли бы въ данномъ случаѣ связь?

— Да.

— Длительную?

— Что за вопросъ, Марія Аполлоновна!

— Вопросъ вполнѣ основательный, такъ какъ на длительную со мной связь, я думаю, у васъ не достало бы средствъ.

— Что вы говорите!... Какъ вы можете о себѣ такъ говорить!

— А вы предпочитаете что бы, не предупредивъ васъ, я предъявила бы вамъ требованія? Какъ видите, я партнеръ честный. И такъ, вопросъ о бракѣ и длительной связи отпадаетъ. Тогда, можетъ быть, вамъ хотѣлось бы короткой и бѣшенной страсти?...

— Да, о да, ... хотъ это...

— Чтожь... я могу подарить вамъ недѣльку моей жизни... вамъ это обойдется не больше... какъ...

пара крупныхъ бриллiантовыхъ серегъ отъ Фаберже... тысячъ въ пятнадцать... двадцать...

— Но вѣдь это торговля!... Марiя Аполлоновна, я возмущенъ...

— Вы нисколько не возмущены, а вамъ и это не по карману. Тогда я могу подарить вамъ нѣсколько часовъ... хотите?... Вы мнѣ привезете кольцо тысячи въ двѣ-три, и мы останемся добрыми товарищами.

— Нѣтъ, довольно! Я ухожу... довольно...

— Подождите еще не все исчерпано,—Мэри встала, взяла со стола коробку со спичками и, кусая губы отъ смѣха, стала медленно раскуривать потухшую папироску, въ то время какъ Роговъ грузно опустился въ кресло и, не глядя на нее, сопѣлъ.

— У насъ въ резервѣ осталось еще одно чувство, которое не оплачивается: дружба. Не желаете ли помириться на немъ? Хотите быть моимъ другомъ?

— Марiя Аполлоновна, дайте мнѣ хоть это...— гробовымъ голосомъ изрекъ Роговъ, не находя для себя другого выхода.

— Идетъ. Я согласна. И такъ, Антонъ Алексѣевичъ, съ этой минуты вы мой другъ. Ваша обязанность будетъ заключаться въ томъ, чтобы исполнять мои прихоти, баловать меня...

— Я не хочу быть въ роли раба.

— Я не навязываю ее вамъ.

— А ваши обязанности въ чемъ же будутъ заключаться?

— Говорить вамъ правду, предостерегать васъ отъ ложныхъ шаговъ. Нѣтъ, положительно я въ восторгѣ, что сегодняшнiй разговоръ привелъ васъ къ рѣшенiю

быть моимъ другомъ. Другу все сказать можно, подѣлиться и печалями и радостями, выразить свои желанія... Не правда ли?

— Конечно...

— И такъ, мой другъ, вотъ какое у меня сейчасъ желаніе: пришлите мнѣ завтра алыхъ розъ на длинныхъ стебляхъ. Теперь это немного дорого—рубля три, четыре придется заплатить за розу, но вы можете прислать мнѣ всего штукъ десять-пятнадцать. Потомъ, пришлите мнѣ отъ Кузнецова корзину фруктовъ и шоколаду отъ Крафта, такъ какъ конфектъ почти нигдѣ нѣтъ...

Въ сосѣдней комнатѣ раздался звонокъ телефона. Мэри оборвала свою рѣчь и поспѣшила къ аппарату. Говорилъ Быстровъ:

— Могу ли я черезъ полъ часа заѣхать къ вамъ по дѣлу, милая Мэри?

— Конечно, мой другъ.

— Вы однѣ?

— Нѣтъ.

— Постарайтесь сплавить вашего гостя, такъ какъ къ вамъ пріѣдетъ кромѣ меня и нашъ другъ. Вы понимаете о комъ я говорю? Очень серьезное дѣло. Необходимо посовѣтоваться съ нимъ, кое-что узнать и дать ему кое-какіе директивы. Завтра онъ будетъ въ Царскомъ; время, какъ видите, не терпитъ.

— Хорошо. Я жду васъ черезъ полъ часа и дамъ приказаніе швейцару никого не принимать.

— Цѣлую вашу ручку пока заочно.

— Trés bien.

— Кто тамъ у васъ сидитъ?

— Мой новый обожатель и другъ.

— Это еще кто?

Роговъ слышалъ отъ слова до слова всѣ отвѣты Мэри, которые она нарочно давала полнымъ голосомъ. Онъ былъ заинтригованъ, такъ какъ по натурѣ отличался самымъ мелочнымъ любопытствомъ.

— Очевидно я долженъ раскланяться съ вами, Марія Аполлоновна, такъ какъ вы кого-то ждете и даже отдадите приказаніе никого не принимать. Если прикажете, я могу передать это вашему швейцару.

— Прошу васъ.

— И такъ, не хочу быть лишнимъ и ухожу. Мое почтеніе.

— До свиданія, мой новый другъ...

— И обожатель, какъ вы только что кому-то отрекомендовали меня. Можно узнать—кому?

— Зачѣмъ вамъ знать?.. И такъ я жду розъ, шоколаду и фруктовъ,—бросила ему въ догонку Мэри, забавляясь при мысли, что ея желаніе должно было вызвать тайный протестъ со стороны Рогова, извѣстнаго своей скупостью.

Крайне недовольный результатомъ своего визита, Роговъ спустился по лѣстницѣ, мысленно рѣшивъ выраженную ему такъ безцеремонно просьбу забыть и никакихъ фруктовъ и розъ не присылать. Его любопытство было задѣто до крайности вопросомъ съ кѣмъ только что говорила Марія Аполлоновна, называя другомъ и дѣйствительно ли вѣрно, что друзья ея принадлежатъ къ высшему и сановному кругу. Роговъ рѣшилъ это провѣрить. Онъ посмотрѣлъ на часы, прошелъ нѣсколько кварталовъ, зашелъ въ писчебу-

мажный магазинъ, купилъ, не торопясь, пачку конвертовъ и бумаги и, медленно шагая, пошелъ обратно. Съ противоположнаго конца улицы быстро мчался черный лакированный щегольской автомобиль. Сразу замедливъ ходъ, онъ остановился передъ подъѣздомъ Мэри. Швейцаръ, почтительно кланяясь, распахнулъ дверцу и, въ быстро промелькнувшей фигурѣ, Роговъ узналъ всесильнаго министра. Ни минуты не медля, онъ взялъ извозчика, приказалъ ему сперва ѣхать на Италіанскую къ Крафту, затѣмъ на Невскій. Надписавъ на визитной карточкѣ «отъ вѣрнаго друга», онъ велѣлъ въ цвѣточномъ магазинѣ сейчасъ же отправить Мэри вмѣстѣ съ розами, дорого стоившую ему коробку съ конфектами, въ вѣрномъ расчетѣ, что она получитъ все это въ присутствіи Быстрова, который такимъ образомъ кое что узнаетъ о немъ и, въ нужную минуту быть можетъ, вспомнитъ его щедрую дружбу къ Маріи Аполлоновнѣ.

XIX.

Быстровъ вернулся домой поздно, чувствовалъ себя усталымъ и, не заходя въ кабинетъ, хотѣлъ пройти прямо къ себѣ въ спальню, но лакей доложилъ ему, что Вѣра Илларіоновна ждетъ его возвращенія и проситъ пройти на ея половину.

— Это ты, Миша?—обозвала она его изъ спальни, гдѣ давно поджидала въ одномъ халатѣ съ книгой въ рукахъ, которую читала неохотно и разсѣянно. Ее волновало какъ братъ отнесется къ ея безповоротному рѣшенію уѣхать на фронтъ, и то, что она

пережила за послѣднее время, и то, что ей сегодня предсказала гадалка и чему повѣрила она безъ разсужденія и критики. Повѣривъ предсказанію, она уже находила въ сердцѣ своемъ прощеніе и оправданіе жестокому поведенію Михайловскаго.

— Какъ ты любишь, Вѣрочка, ночные разговоры,— проговорилъ Быстровъ цѣлуясь съ сестрой и устало опускаясь въ кресло.

— Что же мнѣ дѣлать, если днемъ тебя нельзя поймать.

— Отъ трехъ до пяти я былъ сегодня свободенъ и даже къ тебѣ заходилъ, но тебя не было дома.

— Да, я выѣзжала... по дѣлу.

— Вотъ видишь, значитъ виноватъ не я. Ты что — нездорова? У тебя нехорошій видъ,—замѣтилъ Быстровъ, вглядываясь въ осунувшееся и блѣдное лицо сестры, которое онъ привыкъ видѣть цвѣтущимъ и оживленнымъ.

— Я разстроена и хотѣла серіозно переговорить съ тобой, Миша.

— Пожалуйста. Въ чемъ дѣло?

— У меня случилась крупная непріятность... съ Михайловскимъ, и я рѣшила уѣхать сестрой милосердія на фронтъ.

— Этого еще не доставало!..—Быстровъ развелъ руками и положилъ обратно на столъ спичечницу, готовясь закурить папиросу.—Изъ за Михайловскаго ты будешь коверкать свою жизнь и мчаться на фронтъ, котораго многіе теперь стремятся избѣжать.

— Я ѣду на фронтъ, такъ какъ тамъ мнѣ будетъ легче всего забыться... и забыть.

— Послушай, Вѣрочка, у тебя натянуты нервы—это очевидно, и принимать такія серіозныя рѣшенія въ подобномъ состояніи—чистѣйшій абсурдъ.

—Нѣтъ, Миша, рѣшеніе мое обдумано и взвѣшено со всѣхъ сторонъ. Я уѣду, я не могу оставаться здѣсь и вести этотъ образъ жизни. Мнѣ все это стало противно, и я устала морально.

— Да что у тебя съ нимъ произошло? Ты можешь разсказать мнѣ?

— Недавно я встрѣтилась съ нимъ и имѣла длинное объясненіе, изъ котораго заключила, что я увлекалась имъ гораздо больше, чѣмъ онъ мной... Конечно, Богъ съ нимъ...—У Вѣры Илларіоновны опять закапали крупныя слезы,—но... ты долженъ понять, что мнѣ это не легко... кромѣ задѣтаго самолюбія мнѣ больно это... потому что... у меня было къ нему серьезное чувство...

— Котораго онъ не стоитъ. И что ты могла найти въ немъ?! Вотъ ужъ понять не могу! Можетъ быть для провинціальныхъ дамъ у него имѣются attractions, но чтобы женщина нашего круга, съ твоимъ образованіемъ, окруженная блестящимъ обществомъ, могла бы увлечься имъ, это для меня загадка.

— Ахъ, Миша, ты на все смотришь съ какой то внѣшней точки зрѣнія. Ну да, онъ мѣшковатъ, грубоватъ, не обладаетъ утонченными манерами, не блещетъ элегантностью, не умѣетъ въ салонахъ пересыпать свою рѣчь иностранными bons mots, но вѣдь не въ этомъ же только оцѣнка личности. Надо искать въ человѣкѣ нѣчто болѣе глубокое...

- Какъ будто этой самой глубины въ человѣкѣ болѣе утонченномъ во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ Михайловскій, найти нельзя? Сколько угодно! Но, воля твоя, не вижу прелести этихъ утонченныхъ особенностей въ грубомъ медвѣдѣ, который развѣ тѣмъ только хорошъ, что, ломаетъ все то, что его медвѣжьимъ чувствамъ не понятно. У васъ, женщинъ общества, есть удивительная способность видѣть нѣчто особенное, непонятное и недоступное для каждаго здравомыслящаго человѣка, въ самыхъ вульгарныхъ субъектахъ, а тѣми, кто достоинъ вашего вниманія вы пренебрегаете. Откровенно говоря, никакъ не думалъ, что бы твое увлеченіе этимъ сибирскимъ медвѣдемъ было серіозно, а потому я больше подсмѣивался, чѣмъ принималъ къ сердцу. Мнѣ ни на минуту не могло прійти въ голову, что ты считаешь его достойнымъ своей руки... Сестра министра и Михайловскій! C'est ridicule...

— Ну да, ну да, ты не можешь отрѣшиться отъ своей точки зрѣнія.

— Не могу и не нужно этого. Ты могла-бы сдѣлать прекрасную партію...

— Укажи, пожалуйста, кто этотъ избранникъ?

— Ихъ—сколько угодно. Жениться на сестрѣ Быстрова желающихъ найдется не мало.

— А я хочу, что бы женились на мнѣ, понимашь ли,—на Вѣрѣ Илларіоновнѣ, вотъ на этой старой дѣвѣ, съ сѣдѣющими волосами и морщинками подлѣ глазъ. Что бы меня, меня полюбили,—Вѣра Илларіоновна нѣсколько разъ ударила себя въ грудь,—а не сестру министра.

— Напрасно ты такъ волнуешься, это во первыхъ, а во вторыхъ нельзя отъ людей, живущихъ на землѣ, требовать, чтобы они отрѣшались отъ земныхъ интересовъ. Можно любить лично тебя и въ то время учитывать твое соціальное положеніе. Каждый мужчина это дѣлаетъ, когда рѣшаетъ жениться.

— Въ такомъ случаѣ Михайловскій составляетъ исключеніе, такъ какъ, не смотря на то, что я твоя сестра, жениться на мнѣ не собирается.

— Привѣтствую его недальновидность, избавляющую мою сестру отъ mésalliance'а, а меня отъ нежелательнаго родства.

— Для серіознаго чувства, Миша, mésalliance'а быть не можетъ.

— Ну хорошо, Вѣрочка, на этой точкѣ зрѣнія наши взгляды діаметрально противоположны и спорить не стоитъ. Поговоримъ лично о тебѣ. Довѣрься моему жизненному опыту и знанію женской психологіи и позволь вылечить тебя болѣе радикальнымъ средствомъ, чѣмъ твоя затѣя поѣздки на фронтъ. Хочешь?

— Чтожъ это за средство?

— Я выдамъ тебя замужъ.

— За кого? Опять за Валинскаго?

— Нѣтъ... Этотъ номеръ по нѣкоторымъ причинамъ, пожалуй, и не пройдетъ.

— Не пожалуй, а навѣрное.

— У меня есть въ виду кое кто другой.

— Миша, или ты не хочешь или ты дѣйствительно не можешь понять, что могутъ существовать сердечныя раны. Я ранена и такъ глубоко, что вылечить меня можетъ только время. Я смирилась съ мыслію, что не

судьба мнѣ, какъ видно, узнать радости семейнаго очага. Ну, что же дѣлать: умру въ званіи старой дѣвы, но хочу облегчить боль сердца и потому уѣзжаю.

— Сдѣлай одолженіе, Вѣрочка, не рѣшай этого безповоротно. Кромѣ того, что я привыкъ къ тебѣ, но отъѣздъ твой изъ моего дома крайне нежелателенъ по многимъ причинамъ . . .

— Это я знаю, Миша. Я удобна тебѣ для пріемовъ и раутовъ, для визитовъ, для ложи въ театрѣ, для многаго въ этомъ же родѣ, но я устала и больше не могу жертвовать собой для твоихъ интересовъ, которыхъ я, ты самъ знаешь, не раздѣляю и . . . не уважаю.

— Удивительно, какъ у васъ — женщинъ отсутствуетъ широта взгляда, и вообще вашъ мозгъ абсолютно не приспособленъ къ дальновидной критикѣ въ вопросахъ государственнаго строительства. — Быстровъ, отвалясь на спинку кресла, съ обычной аффектаціей, плавно жестикулировалъ, слегка въ носъ растягивая слова и, казалось, не переставая любовался собой.

— Опять эти громкія слова, — поморщилась Вѣра Илларіоновна.

— Пусть громкія, но все же я считаю съ твоей стороны большимъ эгоизмомъ, изъ за нелѣпаго къ тебѣ отношенія какого то тамъ Михайловскаго, нарушать строй моей жизни, имѣющій въ данный моментъ колоссальное значеніе для моего положенія. Безъ опытной хозяйки, безъ этого неуловимаго вліянія женщины умной и свѣтской, какъ ты, я сяду на мель во многихъ случаяхъ.

— Возлѣ тебя, Миша, есть женщина, очевидно, прекрасно понимающая дальновидность твоихъ „госу-

дарственныхъ» замысловъ, такъ какъ ты близокъ съ ней и откровененъ. Женись на ней.

Быстровъ вопросительно поднялъ брови:

— Ты это о комъ?

— Конечно объ Маріи Аполлоновнѣ.

— Удивленъ. Ты же ее чуть ли ни бойкотируешь, и вдругъ такое великодушіе, — улыбнулся Быстровъ, бережно отряхивая пепелъ въ стоящую у него на колѣняхъ пепельницу.

— Причемъ тутъ великодушіе! Она мнѣ не нравилась и продолжаетъ не нравиться, но если она подходитъ тебѣ, то почему же на ней ни жениться? И принять у себя, и вести въ салонахъ тонкую политическую игру — она конечно съумѣетъ гораздо лучше меня, потому что она вполнѣ раздѣляетъ твои взгляды и стремленія.

— Это безспорно.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Женись..

— Русская пословица говоритъ, что отъ добра добра не ищутъ. Я себя чувствовалъ отлично въ этомъ домѣ, гдѣ зналъ, что ты, въ роли любезной и умной хозяйки, съумѣешь и принять, и что нужно сказать и тамъ гдѣ слѣдуетъ — промолчать...

— Да, но вѣдь я уѣзжаю, Миша.

— Et après moi—le déluge, — не такъ ли?

— Совсѣмъ нѣтъ; оттого я и совѣтую тебѣ жениться.

— Когда же и куда ты ѣдешь?

— На юго-западный фронтъ и какъ только устрою всѣ свои дѣла.

— Да ужъ, очень у насъ съ тобой разныя натуры. Меня хоть золотымъ дождемъ осыпь, а я и на два

шага не подойду къ этому нашему народу въ образѣ солдата. Pardon pour l'expression, сволочь все это ужасная, а ты изъ за какой то тамъ блажи собираешься возиться съ ихъ гнойными тѣлами. Продажный и грубый народъ. Ихъ надо держать вотъ какъ! — Быстровъ энергично потрясъ кулакомъ, — а не разводить съ ними сантименты, какъ наши дамы благотворительницы. Если ихъ во время не скрутить, они такого покажутъ... Однако, поздно уже: скоро два. Пора спать. Очень сокрушенъ всѣмъ, что отъ тебя услышалъ, Вѣрочка. Буду надѣяться, что авось ты еще и передумаешь.

— Нѣтъ, Миша, я не передумаю.

Въ такомъ случаѣ, если могу помочь тебѣ — сдѣлай одолженіе...

— Благодарю тебя. Спокойной ночи. А насчетъ моего совѣта объ Маріи Аполлоновнѣ — ты подумай, — улыбнулась Вѣра Илларіоновна, цѣлуя брата въ голову.

— Тутъ и думать нечего, — мысленно разсуждалъ съ собой Быстровъ, идя отъ сестры на свою половину. — Разумѣется я долженъ жениться и женюсь, конечно, на Мэри. Преподнесу ей это въ видѣ новогодняго подарка.

XX.

Анна Федоровна Рязанцева еще болѣе похудѣвшая, со строгимъ лицомъ и грустными, какъ будто вглубь себя глядящими, глазами, сидѣла въ углу громадной гостинной, обставленной красивыми, но безпорядочно смѣшанными всякаго стиля, вещами, гдѣ чувствовалось, какъ и во всей квартирѣ, отсутствіе заботливой руки хозяйки.

Въ другомъ концѣ гостинной на широкомъ турецкомъ диванѣ, крытомъ прекраснымъ шолковымъ персидскимъ ковромъ, сидѣли скучившись три сестры милосердія. Оживленно болтая и перебивая другъ друга, онѣ разсказывали подробности своей жизни на фронтѣ, иллюстрируя ее массой фотографій, которыя лежали тутъ же на диванѣ въ большой деревянной коробкѣ. Подлѣ нихъ, верхомъ на золоченномъ стуликѣ, сидѣлъ не по чину молодой полковникъ генеральнаго штаба, свѣтлый блондинъ, съ бѣлымъ и румянымъ лицомъ, блещущими весельемъ и жизнью голубыми глазами, извѣстный сперва въ полку, а затѣмъ въ штабѣ кутила, всегда влюбленный, безпечный, широко пользующійся жизнью и дѣлающій карьеру не мозгомъ и трудомъ, а умѣніемъ быть пріятнымъ, легкимъ, шустрымъ и отгадывающимъ что любитъ и чего не любитъ начальство; причемъ онъ дѣлалъ все это просто и безъ униженія собственнаго достоинства, какъ будто иначе дѣлать не могъ и не умѣлъ. Товарищи его любили, такъ какъ онъ никогда никому поперекъ дороги не становился и былъ порядочнымъ и честнымъ въ правилахъ жизни. Фамилія его была Патрикѣевъ, но въ полку и въ обществѣ онъ былъ извѣстенъ подъ кличкою „Трикъ", которая такъ привилась къ нему, что не только за глаза, но и въ глаза его иначе не называли.

Старый генералъ, съ круглой, коротко остриженной головой и добродушнымъ, простоватымъ лицомъ, храбрый герой, извѣстный осадой и взятіемъ Перемышля, уже перешедшаго обратно въ руки непріятеля, сидѣлъ поодаль отъ группы сестеръ и, вертя большими пальцами сложенныхъ на животѣ рукъ, о чемъ то

думалъ, посматривая съ лаской въ отцвѣтшихъ старческихъ глазахъ на свою единственную любимую дочь, пріѣхавщую изъ Ксеніевскаго отряда краснаго креста погостить на короткое время къ отцу. Татьяна Андреевна была замужемъ за генераломъ, дѣтей не имѣла и до войны жила врозь съ мужемъ въ домѣ отца. Она была очень миловидна, высока и стройна, съ лицомъ дѣвушки, несмотря на свои тридцать слишкомъ лѣтъ. Съ самаго начала войны она надѣла форму сестры милосердія и вмѣстѣ съ отрядомъ работала въ Карпатахъ въ арміи, которой командовалъ отецъ. За три года войны она впервые воспользовалась отпускомъ, чтобы повидать отца, недавно ушедшаго въ отставку. Двѣ сестры, сидѣвшія рядомъ на диванѣ, были ея пріятельницами по лазарету, такъ же какъ и она пріѣхавшія на короткое время въ отпускъ.

— А вы помните, Трикъ, Надю Ельшину? Такая высокая, красивая брюнетка. Ну та, что безпрестанно дерзила доктору... пѣла цыганскіе романсы, — помните? — разсматривая фотографіи спросила Татьяна Андреевна.

— А-а, помню, помню. Не красивая, а красавица. Еще бы не помнить!

— Если-бы вы знали, что съ ней случилось! — вздохнула Татьяна Андреевна. — Она сгорѣла.

— Что?.. — привскочилъ Трикъ.

— Ужасная смерть. Ты ее помнишь, папа?

— Помню отлично. Милая была и храбрая дѣвушка. Да, да сгорѣла, — генералъ нечально покачалъ головой.

— Какимъ образомъ? Разскажите же толкомъ, генеральша.—Трикъ—постучалъ нетерпѣливо объ полъ ножкой стула, на которомъ сидѣлъ.

— Пошла въ амбулаторную поѣзда мыть голову бензиномъ, а тамъ была адски натоплена печь, возлѣ которой она и расположилась. Бензинъ вспыхнулъ въ мискѣ и мгновенно перешолъ на волоса. Она начала метаться и кричать, толкнулась къ двери, которую кто-то, не зная, что она тамъ, заперъ. Пока ее услышали и прибѣжали — было поздно... Она мучилась ужасно и скоро умерла... Вотъ посмотрите, она очень хорошо вышла на этой группѣ. Здѣсь мы сидимъ за чинкой бѣлья, а она читаетъ намъ вслухъ. Что это она читала тогда, Лизанька, вы не помните?—обратилась Татьяна Андреевна къ полной, всегда веселой сестрѣ, боевой и рѣшительной—Лизѣ Бутояровой.

— Не помню.

— Les contes de Boccacio,—разсмѣялся Трикъ.

— Что за глупости! Ирина, а вы не помните?

— Подождите, я вспомнила. Кажется мы тогда читали Анну Каренину. Ну да, конечно. Еще Женя Маслова увѣряла, что Каренина любила Вронскаго низменной любовью, а Надя Ельшина разсердилась, но ничего не могла доказать, только книгой объ столъ стучала,—жестикулируя, блестя глазами, юной дѣвичьей улыбкой и всѣмъ своимъ милымъ и необыкновенно притягательнымъ существомъ, быстро заговорила княжна Ирина Сурова—двоюродная сестра князя Сергѣя Львовича Сурова. Она только что пріѣхала въ отпускъ и на три дня остановилась у Татьяны Андреевны, чтобы повидать въ Петроградѣ своихъ род-

ныхъ и друзей, а затѣмъ на все время отпуска собиралась уѣхать къ матери въ имѣніе, недалеко отъ Москвы. Она, какъ и ея обѣ пріятельницы, была одѣта въ простенькое темное платье, казавшееся имъ особенно пріятнымъ послѣ долгаго безсмѣннаго ношенія форменнаго костюма сестры милосердія. У всѣхъ троихъ, до войны избалованныхъ жизнью, привычками комфорта и уходомъ за своимъ тѣломъ, теперь странно поражали огрубѣвшія, красноватыя руки, пострадавшія отъ частаго употребленія сулимы и отъ жестокихъ морозовъ. Только руки говорили о той новой жизни, которой добровольно обрекли себя онѣ и столько другихъ хрупкихъ, нѣжныхъ, привыкшихъ къ холѣ и довольству русскихъ дѣвушекъ и женщинъ. Лица ихъ были оживленны и рѣчи веселы, какъ будто бы онѣ не несли за спиной своей трехъ лѣтъ тяжелой, полной печальныхъ и трагическихъ воспоминаній—жизни. Такъ же, какъ онѣ просто веселились прежде, такъ же просто теперь онѣ жили среди лишеній, отдавая себя на служеніе ближнему.

— Скажите, княжна, ваша пріятельница Маруся Риммъ по прежнему съ ума сводитъ генерала Шеринга?—спросилъ Трикъ.

— Не она его сводитъ, а самъ онъ сводится.

— Это все равно. Милѣйшій генералъ. Я его очень люблю. Помните, какъ онъ на Карпатахъ при первомъ наступленіи горячку пороль, чтобы сестеръ усадить получше въ эшелоны... Какъ онъ волновался тогда, руками размахивалъ какъ крыльями, бѣгалъ какъ влюбленный юноша по платформѣ, суетился, шумѣлъ...

— Романъ Андреевичъ славный. Мы его очень любимъ...

— И Маруся Риммъ тоже любитъ?..—расхохотался Трикъ и подпрыгнулъ на стулѣ какъ на лошади въ сѣдлѣ.

— Трикъ, это наши лазаретныя дѣла и васъ не касаются. Передайте мнѣ лучше отъ папы спички,— сваливая въ коробку лѣжавшія у нея на колѣняхъ фотографіи и усаживаясь вглубь оттоманки, проговорила Татьяна Андреевна, выставляя изъ подъ скромной черной юбки щегольскіе лакированные ботфорты.

— Какъ вы много курите. Больше меня. — Трикъ протянулъ ей зажженую спичку.

— Это послѣ Карпатъ. Такое было количество раненыхъ съ отмороженными руками и ногами, и такой ужасный запахъ шелъ отъ нихъ, когда отмороженныя части оттаявали, что только и можно было спасаться куреніемъ, иначе не выдержали бы...

— Ахъ, помните, Таня, этого несчастнаго съ отмороженной ступней? Представьте себѣ, Трикъ,—обратилась къ нему княжна, съ лицомъ, на которомъ отразилось волненіе, при воспоминаніи пережитаго, — его ступня отвалилась прямо ко мнѣ на колѣни, въ то время, какъ я осторожно разбинтовывала...

Въ углу гостинной, далеко отъ группы сестеръ милосердія, Анэта Рязанцева, слегка понизивъ голосъ, вела длинный разговоръ съ княземъ Сергѣемъ Суровымъ, съ которымъ познакомилась недавно въ этомъ же домѣ. Ея любимый братъ болѣлъ и умеръ въ лазаретѣ на рукахъ присутствовавшихъ здѣсь сестеръ милосердія. Рязанцева успѣла пріѣхать къ послѣднимъ

часамъ умирающаго и первые дни остраго отчаянія провела седи нихъ, опекаемая ихъ ласками и заботами. Съ тѣхъ поръ она сошлась, переписывалась съ ними и, узнавъ объ ихъ пріѣздѣ, часто бывала у нихъ. Кромѣ теплой благодарности, у нея было къ нимъ чувство близости, перенесенное любовію къ умершему на ихъ рукахъ единственному брату.

Неожиданная встрѣча съ Суровымъ, котораго она хорошо знала по разсказамъ Вероники, очень заинтересовала ее. Она знала, что, не смотря на всѣ усилія воли, Вероника не забыла его и, наружно ведя разсѣянную жизнь, въ сердцѣ своемъ хранитъ любовь къ князю. Она способствовала всѣми силами, чтобы отвлечь Веронику отъ навязчивой мысли о Суровѣ, которая владѣла ею въ такой мѣрѣ, что было время, когда она забрасывала кисти и краски, т. е. то, чѣмъ она жила и дышала, что составляло ея индивидуальность, что возвышало ее надъ толпой. Однажды, до послѣдняго объясненія Вероники съ княземъ, Рязанцева была свидѣтельницей какъ сильная, всегда умѣющая собой владѣть Вероника, разразилась при ней неудержимыми слезами, послѣ холодныхъ словъ, сказанныхъ ей по телефону. Рязанцева, рѣшивъ ни однимъ словомъ не проговориться князю о своей близкости къ Вероникѣ, непремѣнно хотѣла какъ можно ближе узнать того, кто имѣлъ такое властное и рѣшающее вліяніе на жизнь сердца ея пріятельницы.

Суровъ, почувствовавъ къ себѣ интересъ незаурядной по внѣшности и уму женщины, безъ протеста поддался желанію Рязанцовой перейти отъ мало инте-

реснаго свѣтскаго разговора къ болѣе пріятному и интимному.

Безъ утрировки, но, какъ всегда щегольски одѣтый, являя собой типъ настоящаго европейца, въ удобной и непринужденной позѣ, Суровъ расположился въ креслѣ подлѣ дивана, на которомъ, положивъ подбородокъ на ладонь и облокотясь о маленькій, стоявшій передъ ней столикъ, сидѣла, слегка подавшись впередъ, Анэта Рязанцева и, внимательными глазами глядя въ лицо князя, старалась отгадать, гдѣ у него начиналась рисовка и гдѣ кончалась искренность.

— Неужели вы допускаете, князь, что я повѣрю, будто вы живете какимъ то отшельникомъ, монахомъ? Вы еще молоды и, конечно, жизнь вашего сердца еще не окончена,—говорила она низкимъ, почти мужскимъ голосомъ.

— П'остите, но вы путаете чисто внѣшнюю жизнь съ пе'еживаніями се'дца,—картавилъ князь, мягко продолжая споръ.—Когда я говорю, что похоронилъ свое сердце, значитъ я не допускаю возможоости никакихъ сильныхъ чувствъ, значитъ я ерешелъ къ жизни мозга.

Рязанцева невольно улыбнулась, вспомнивъ, что эту его фразу передавала ей, въ минуты сердечной жалобы, Вероника.

— Хорошо, значитъ у васъ нѣтъ любви къ женщинамъ?

— Нѣтъ.

— У васъ нѣтъ связи прошлыхъ лѣтъ? Вы отошли въ абсолютное одиночество? Что хотите, князь, но это не вяжется съ дѣйствительностью.

— Быть можетъ я и не порвалъ съ прошлымъ, быть можетъ оно и входитъ въ мою настоящую жизнь, но это пепелъ... пепелъ былыхъ пожаровъ.

— И вы не способны больше влюбиться, потерят голову?

— Нѣтъ, не способенъ.

— А я утверждаю, хоть и очень мало знаю васъ, что на все это вы способны и способны даже страдать, ужасно страдать... вы сами себя гипнотизируете, князь. Для чего вы это дѣлаете, я не знаю.

— Нельзя молиться двумъ богамъ. Я знаю, что теперь я долженъ быть только мозгомъ, чтобы достигнуть желаемыхъ предѣловъ.

— Надо молиться вселенной, надо совмѣщать въ себѣ способности реагировать на все, что дается жизнью и только тогда человѣкъ можетъ завоевать первое мѣсто. Только всеобъемлющія натуры завоевывали высшія ступени человѣческаго существованія, только тѣ, которыя не скупились тратить всего себя на праздникѣ жизни, были отмѣчены въ сѣрой толпѣ и имѣли широкія крылья и могучіе взмахи. Имѣйте въ виду, князь, что эти мысли принадлежатъ не лично мнѣ. Недавно я слышала ихъ отъ одной женщины, отрицающей ту односторонность жизни, которую проповѣдуете вы. Она говорила именно этими словами, и я невольно запомнила ихъ, до такой степени они показались мнѣ вѣрными.—Рязанцева повторила то, что не разъ слышала отъ Вероники.

— Женщины иначе разсуждать не могутъ, такъ какъ въ сердечныхъ переживаніяхъ у нихъ со-

сосредотачивается вся жизнь, — это такъ и должно быть.

— А мужчина черствѣетъ, теряетъ краски мысли и творчества и становится одностороннимъ мыслителемъ, когда концентрируетъ свою жизнь на точкахъ, имѣющихъ соприкосновеніе только съ мозгомъ. Скажите мнѣ откровенно, князь, вы можете страдать?

Князь, желая провѣрить себя, отвѣтилъ не сразу. Умѣетъ ли онъ страдать? Конечно, умѣетъ... Одаренный чрезмѣрнымъ самолюбіемъ и впечатлительностью, онъ съ дѣтства больше страдалъ, чѣмъ радовался и какъ ни отгонялъ жизнь съ ея неизбѣжными послѣдствіями въ одно окно, она незамѣтно врывалась къ нему въ другое.

— Да, я могу страдать,—отвѣтилъ онъ.

— Значитъ сердце въ васъ живетъ, князь, и что бы вы ни говорили, какъ бы ни увѣряли себя и другихъ,—оно будетъ участвовать въ вашей жизни и это хорошо: безъ этого вы ничего не достигнете, такъ какъ иначе будете мертвымъ человѣкомъ.

— Нѣтъ, Анна Федоровна, я сосредотачиваю въ фокусѣ мозга всего себя, изгоняя изъ жизни всѣ запросы сердца.

— Обманываете себя и хотите обмануть другихъ,—пожала плечами Рязанцева.—Не разсердитесь на меня, князь, за сравненіе, но право же это напоминаетъ мнѣ мальчика, который, вымазавъ лицо углемъ и надѣвъ на голову пѣтушиныя перья, убѣждаетъ себя и окружающихъ, что онъ не Ваня или Федя, а людоѣдъ или индѣецъ.

— Живописное сравненіе...—улыбнулся Суровъ.

— ...Милый мой,—думала въ это время, глядя на него, Рязанцева,—напрасно Вероника не подошла къ тебѣ проще, съ болѣе спокойной критикой и менѣе кипучей фантазіей; тогда она разглядѣла бы, какъ и я, что хоть ты и очень милый человѣкъ, но совсѣмъ не такой загадочный и сложный—... И пафосъ и картавость, такъ чарующе дѣйствовавшіе на нервы Вероники, совсѣмъ не нравились Рязанцевой, и ей казалось, что безъ нихъ князь выигралъ бы. Всѣми этими впечатлѣніями она рѣшила на другой же день подѣлиться съ Вероникой, надѣясь, что они подѣйствуютъ на нее охлаждающимъ образомъ.

Подали чай, и всѣ перешли въ столовую. Трикъ выразилъ бурную радость при видѣ бутылки Мартелевскаго коньяку.

— Ваше высокопревосходительство, прикажете налить?—обратился онъ къ хозяину дома.

— Нѣтъ, я на ночь избѣгаю этихъ напитковъ,—отвѣтилъ генералъ, принимая изъ рукъ дочери вмѣстительную чашку съ чаемъ.

— Разрѣшите тогда вашу порцію присоединить къ моей,—попросилъ Трикъ, съ удовольствіемъ наполняя коньякомъ большую рюмку.

— Вы и безъ моего разрѣшенія полъ бутылки выхлещете. Ты присмотри за нимъ, Таничка, а то онъ, я увѣренъ, пощады коньяку не дастъ,—смѣялся генералъ, добродушно глядя на милыя лица щебечущихъ вокругъ него сестеръ, которыхъ онъ привыкъ видѣть въ иной обстановкѣ.

За столомъ царило оживленіе и та душевная простота въ отношеніяхъ, которая можетъ быть пріобрѣ-

тена людьми, связанными не только жизнью подъ одной кровлей, но общими страданіями, грозными переживаніями и сознаніемъ того, что каждый изъ нихъ каждый день и часъ готовъ взглянуть въ глаза смерти, дыханіемъ которой пресыщена вся окружающая ихъ атмосфера.

— Въ нашъ отрядъ скоро прибавится новая сестра милосердія и очень милая,—обратилась Татьяна Андреевна къ Трику.—Вѣроятно вы знаете ее: Вѣра Иларіоновна Быстрова, сестра министра.

— Какъ же. Не разъ танцовали котильонъ vis-á-vis и даже вмѣстѣ кутили гдѣ то въ прошломъ году. Въ костюмѣ сестры милосердія она будетъ импозантна, какъ Исаакіевскій соборъ. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, она, дѣйствительно, премилый человѣкъ; очень живая и даже для флирта не вредная...

— Это для меня новость. Я не знала, что она собирается на фронтъ,—отозвалась Рязанцева.—Не такъ давно я встрѣтилась съ ней въ одномъ домѣ,—Рязанцева чуть было ни проговорилась, желая назвать фамилію Вероники, но во время спохватилась, взглянувъ на князя. — Она даже не упомянула о томъ, что уѣзжаетъ. Отчего это ей въ голову пришло? Вѣдь она живетъ вмѣстѣ съ братомъ, много выѣзжаетъ, всегда веселая и, какъ будто, довольная жизнью.

— Я слышалъ, что тутъ какое то случилось обстоятельство сердечнаго характера,—неспѣша заговорилъ генералъ.—Министра этого я, сознаться, не очень то жалую, а она хорошая и добрая дѣвушка. О ней всѣ хорошо отзываются. Жаль, что замужъ не вышла...

— Ну, это еще вопросъ... такъ, можетъ быть, она и счастливѣе,—задумчиво проговорила Рязанцева.

— Ничего, мы ее тамъ замужъ выдадимъ за какого нибудь бравого гвардейскаго генерала,—наполняя рюмку коньякомъ и набивая ротъ кускомъ булки съ икрой, проговорилъ Трикъ.

— Не такъ то это легко. Она изъ разборчивыхъ,—продолжалъ генералъ.—Я бывалъ въ домѣ у нихъ при покойной ея матери. Жениховъ было не мало, но она не удостаивала согласіемъ.

— Ахъ, то было раннею весной...—съ комичнымъ вздохомъ продекламировалъ Трикъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. Ей тогда уже было лѣтъ тридцать, а можетъ быть и больше. Искала человѣка по душѣ, да вотъ видно до сихъ поръ не нашла.

— Найдемъ, найдемъ, ваше высокопревосходительство, ручаюсь этой бутылкой рома, что найдемъ ей жениха на фронтѣ.

— И безъ вашихъ хлопотъ ее тамъ замѣтятъ. Сестра министра да еще такая belle femme!

— Боюсь, какъ бы она въ нашего красавца ни влюбилась. Ну, тогда ей крышка: будетъ страдать безнадежно.

— Это вы о комъ?

— Объ нашемъ начальникѣ штаба—генералѣ Дунинѣ.

— А это вѣрно, что красивъ, очень красивъ. Будь я женщина, не такой старой конечно каковъ есть, я бы влюбился непремѣнно. Вы, княжна, знаете его?

— Немного знаю, т. е. нѣсколько разъ видѣла.

— И не влюблены?

— Нѣтъ, нисколько...

— Ну, каменное же у васъ сердце.

— А вы знаете, господа, кто его сестра по матери отъ перваго брака? Художница Вероника Кампіони. Очень талантливая. На выставкѣ ея громадное полотно— одна изъ лучшихъ вещей. Прошлой осенью она пріѣзжала къ брату на фронтъ. Очень интересная, не только какъ художница, но и какъ женщина.

— Какъ жаль, что она дальше не проѣхала поближе къ намъ,—отозвалась княжна Сурова,—я большая ея поклонница и очень бы хотѣла увидѣть какая она.

— Вѣрьте на слово, княжна, что очень и очень интересная.

— Я вамъ не вѣрю: вамъ всегда нравятся тѣ, кого я нахожу совсѣмъ не красивыми.

— Позвольте, княжна, это всегда касалось мужчинъ.

— Не все ли равно. Словомъ я вашему вкусу не довѣряю.

— А моему довѣряешь?—спросилъ Суровъ.

— Да, пожалуй.

— Въ такомъ случаѣ, я схожусь съ мнѣніемъ полковника. Съ Кампіони я случайно и мимолетно встрѣтился и вынесъ о ней такое же впечатлѣніе.

— Что же ты мнѣ этого не говорилъ, Сергѣй? Я ея такая ярая поклонница.

— Къ слову не пришлось.

— Пожалуйста познакомь меня съ ней.

— Право не могу... она вѣроятно забыла, что я существую...

— Очень жаль.

— Ничего, княжна, я вамъ это дѣло устрою. Хоть и не много, но я знакомъ съ нею, будучи представленъ ей въ штабѣ. Я позвоню ей, и мы вмѣстѣ поговоримъ.

— Отлично. Я сошлюсь на знакомство съ Сергѣемъ. Можно, ты разрѣшишь?

— Пожалуйста, но, я повторяю, знакомство было мимолетное.

— Ну, это все равно.

Рязанцева молча слушала разговоръ. Имя, которое она избѣгала въ этотъ вечеръ произнести, все таки случайно всплыло и о Вероникѣ заговорила не она, а самъ князь.

Когда, простившись съ хозяевами, гости вышли на улицу, Суровъ проводилъ Рязанцеву до извозчика.

— Прощайте, князь,—протянула она ему руку,— я бы хотѣла встрѣтиться съ вами, когда вы, достигнувъ желаемыхъ предѣловъ, все таки признаете необходимымъ участіе въ жизни не только ума, но и сердца.

XXI.

— Какъ, вы только что встали? Милая моя, да вѣдь скоро два часа. Что за развратъ! И съ какихъ поръ вы усвоили себѣ такія позорныя привычки?—говорила Анэта Рязанцева, постучавъ къ Вероникѣ въ дверь спальни и затѣмъ, пріоткрывъ ее.

— Милая Анэточка, входите. Какой сюрпризъ! Какъ я рада вамъ. Совсѣмъ я не только что встала. Я давно вышла изъ ванны; какъ видите, причесана и занимаюсь ногтями. Садитесь вотъ сюда, снимайте

шляпку. Я велю подать кофе и съ вами выпью еще разъ.

— Нѣтъ, скажите мнѣ сперва, милочка, почему вы стали такъ поздно выходить изъ спальни? Навѣрное Богъ знаетъ когда спать ложитесь: кутите гдѣ нибудь. Вѣдь да?

— Я и сама не знаю что дѣлаю. Не муштруйте меня, Анэточка, такъ какъ я сама не довольна собой. Вчера легла спать въ четыре часа утра и знаете почему? Съ двухъ до четырехъ ночи я говорила по телефону.

— Что-о-о?? По телефону? Да вы рехнулись, Ника... Честное слово. Съ кѣмъ же вы говорили?

— Съ кѣмъ?...—Вероника, какъ бы иронизируя самое себя, улыбнулась и пожала плечами.—Съ Астаповымъ...

— Съ этимъ циникомъ, у котораго вы были подъ маской?

— Вотъ именно.

— О чемъ же вы говорите съ нимъ?

— О многомъ, Анэточка, очень о многомъ.—Вероника опустила на колѣни пилочку, которой оттачивала ногти и, устремивъ взглядъ куда то мимо Рязанцевой, задумалась.

— Вотъ какъ...—протянула та,—значитъ у васъ флиртъ?...

— Не флиртъ, а что то странное.

Онъ нравится вамъ?

— Онъ жуткій, мертвый, холодный... у него умерла душа, онъ весь какой то пустой, но я вѣрю, что его душу можно воскресить, и тогда онъ вернется къ жизни.

Мнѣ жаль его, Анэточка, страшно жаль. Вы не можете себѣ представить, какіе у него бываютъ печальные глаза.

— Отвѣтьте мнѣ на вопросъ: онъ вамъ нравится?

— Не могу отвѣтить однимъ словомъ, такъ какъ мое чувство очень сложное. Мнѣ кажется, что глядя на него, я люблю мою мечту переродить его и тогда онъ будетъ мнѣ страшно нравиться.

— Ну, ужъ и фантазерка вы! Что жъ, вы часто съ нимъ видитесь?

— Не очень, но мы безпрестанно говоримъ по телефону... по ночамъ. Ахъ, онъ иногда говоритъ мнѣ такія вещи, что я заснуть потомъ не могу и встаю утромъ совершенно разбитая...—на подвижныя черты Вероники легла тѣнь. Она продолжала сидѣть въ неподвижно-задумчивой позѣ.

— Можно узнать, что же напримѣръ онъ говоритъ вамъ такого, что васъ разстраиваетъ?

— Хорошо, я вамъ скажу. Сегодня ночью онъ такъ тонко, такъ умѣло и жестоко подрывалъ во мнѣ вѣру въ мой талантъ! Онъ говоритъ, Анэточка, что въ моей кисти нѣтъ индивидуальности...

— Вретъ,—бросила Рязанцева, принимая отъ горничной подносикъ съ двумя чашками кофе и печеньемъ.

— Что мои картины имѣютъ такой успѣхъ потому, что онѣ по плечу всей толпѣ, что онѣ слишкомъ всѣмъ понятны...

— Что по плечу всей толпѣ—тоже вретъ, а если онѣ понятны очень многимъ, то это доказываетъ, что вашимъ тонкимъ художественнымъ талантомъ вы изо-

бражаетъ то простое и великое, что объемлетъ человѣчество.

— Онъ говоритъ, что если бы я стояла выше толпы, то меня мало бы понимали и цѣнили.

— Парадоксъ... А вы скажите ему, что только идущій впереди своего вѣка непонятенъ толпѣ и умираетъ одинокимъ и непризнаннымъ, если же талантъ идетъ объ руку со своимъ вѣкомъ, то всѣ понимаютъ и признаютъ его: и человѣчество и толпа.

— Пожалуй это вѣрно...—задумчиво произнесла Вероника.

— Такъ же вѣрно какъ и то, что какъ толпа не пойметъ идущаго впереди вѣка генія, такъ же она будетъ недоумѣвать передъ картиной футуриста, изображающаго кусокъ растягая на домовой трубѣ. Я все таки не понимаю, зачѣмъ Асташову понадобилось подрывать вашу вѣру въ свои силы? Это жестоко...

— Для его мертвой души я слишкомъ полна жизни.

— Чтожъ это: зависть?

— О нѣтъ. Онъ слишкомъ инертенъ для такихъ острыхъ чувствъ. Я думаю, что со своей точки зрѣнія ему кажется смѣшнымъ заблужденіемъ всякое проявленіе жизненной энергіи.

— Такъ пусть и наслаждается своей мертвечиной! До васъ то какое ему дѣло?

— Онъ чувствуетъ, что я повела противъ него атаку, что я хочу разбудить, воскресить его.

— Вотъ ужъ охота!.. А я пришла къ вамъ, желая разсказать кое что интересное... кого то я видѣла вчера и даже говорила съ нимъ...

— Какъ... неужели вы говорили съ княземъ Суровымъ?..—Вероника вся встрепенулась, и на лицѣ ея выразился какъ будто бы даже испугъ.

— Да, я познакомилась съ нимъ совершенно неожиданно, и вчера весь вечеръ мы проговорили.

— Нѣтъ... это не можетъ быть!.. вы нарочно меня обманываете...

Рязанцева разсмѣялась:

— Вотъ потѣшная! Что за раритетъ такой князь Суровъ, что бы съ нимъ невозможно было случайно встрѣтиться?!

— Да, да, конечно... Ну разскажите же мнѣ поскорѣе.

— Ника, мыслимо ли такъ волноваться... Вотъ ужъ настоящій порохъ...

— Да разскажите же, не мучьте меня,—перебила Вероника.

Рязанцева подробно и обстоятельно передала пріятельницѣ всѣ свои впечатлѣнія. Вероника слушала напряженно, не спуская съ нея глазъ. Опять передъ ней всталъ образъ Сурова, опять съ прежней силой тянулъ къ себѣ, и она завидовала Рязанцевой, что та видѣла его, слышала его голосъ, этотъ картавый голосъ, полный то торжественныхъ, то мягкихъ интонацій.

— Онъ очень симпатичный, очень культурный и милый человѣкъ, но во мнѣ онъ ни въ какомъ случаѣ не вызвалъ бы вашего coup de foudre. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе крайне самолюбиваго, честолюбиваго и себялюбиваго человѣка. Всѣ его анализы сводятся къ личной особѣ и если онъ, какъ говорилъ вамъ, отходитъ отъ жизни сердца, то, думаю, больше

всего изъ расчетовъ эгоистическаго характера: онъ увѣренъ, что при такихъ условіяхъ вѣрнѣе достигнетъ конечной цѣли. Знаете, милочка, какъ посмотрю я: люди—все тѣ же, одни и тѣ же люди. Напрасно вы видите въ нихъ какія то загадки, какія то исключительныя пучины, волнующія вашу впечатлительную фантазію. Часто человѣкъ бываетъ молчаливъ, потому что онъ не выспался; бываетъ разсѣянъ, потому что мысленно припоминаетъ куда истратилъ недостающіе двадцать рублей; среди разговора вдругъ оборветъ рѣчь, потому что у него сдѣлается колика въ боку, а вы начинаете благоговѣть передъ этими явленіями, причина которыхъ до смѣшного проста и реальна и ищите въ нихъ чего то неразгаданнаго, сложнаго и утонченнаго, дразните этимъ вашу фантазію и разжигаете ее. Такъ и съ княземъ Суровымъ: Vous cherchez midi à quatorze heures et en souffrez, я же ко всѣмъ людямъ подхожу очень просто и реально et je n'en souffre pas.

— Все это такъ, Анэточка, но не въ моей власти измѣнить, вложенную мнѣ природой болѣзненно-острую впечатлительность и, рисующую всякіе узоры, фантазію. Если бы у меня была ваша здоровая впечатлительность и реальная фантазія, то не была бы я художницей, которая живетъ въ мірѣ красокъ и витающихъ вокругъ нее образовъ.

— Это вѣрно, дитя мое.

Скажите, онъ все такой же? Такіе же глаза и голосъ?...

— Ну, почемъ я знаю какимъ онъ былъ?—разсмѣялась Анэта.—Вотъ чудачка, право...

— Ахъ, это роковое второе сентября—день нашей встрѣчи!.. Зачѣмъ я не сѣла въ поѣздъ днемъ раньше или позже?—неожиданно Вероника закрыла руками лицо и склонилась на край стола.

— Что съ вами, Ника? Неужели вы плачете

— Нѣтъ... глухо отвѣтила она.

— Что за исторія! Опять взялись за старое?—укоризненно проговорила Рязанцева, кладя руку на склоненное плечо подруги.

Вероника выпрямилась, тяжело вздохнула и, откинувъ назадъ голову, заговорила измѣнившимся отъ внутренняго волненія голосомъ.

— Я думала, что улеглось, что я пересилю себя, забуду, отойду, а вотъ стоило вамъ сказать, что вы видѣли его, и все опять ожило и всколыхнулось съ прежней силой... Вы говорите, что я кучу, удивляетесь моимъ ночнымъ разговорамъ съ Асташовымъ, упрекаете зачѣмъ я вожусь съ нимъ, но мнѣ надо, мнѣ необходимо уйти отъ себя самой, чтобы забыть то, что глубоко засѣло въ сердцѣ. Если я не найду возможности забываться, то опять начнутся тѣ же мученія. Вѣдь по его отвѣту двоюродной сестрѣ совершенно ясно, что онъ избѣгаетъ всякой возможности встрѣтиться со мной и даже разговаривать. Я это отлично понимаю и потому должна какими бы то ни было средствами одурманивать свой мозгъ, чтобы напрасно не мучиться, не страдать, не стоять съ лихорадочной борьбой подлѣ телефоннаго аппарата, съ безумнымъ желаніемъ надавить кнопку, чтобы хоть на одну минуту услышать его голосъ. Вѣдь это же ужасно, Анночка, изо дня въ день отравлять свое существованіе

безплодными страданіями и мыслями о томъ, кто даже и думать о васъ забылъ.

— Да, милочка, не все коту масляннница, бываетъ и великій постъ,—пошутила Рязанцева, мысленно въ то же время укоряя себя за то, что затѣяла весь этотъ разговоръ, который вмѣсто облегченія, только растравилъ сердечную рану.—Слишкомъ вы привыкли вертѣть головы, вотъ и сами попались за наказаніе.

— Ахъ, какъ попалась!—тяжело вздохнула Вероника.

— Въ такомъ случаѣ конечно продолжайте ваши salte mortale съ Асташовымъ, но, на этотъ разъ, я серіозно предостерегаю васъ: будьте осторожны. Асташовъ опасенъ тѣмъ, что хоть онъ и мертвый, но къ живымъ не совсѣмъ равнодушенъ, и ему доставитъ громадное и утонченное удовольствіе дышать на вашу живую душу холодомъ смерти, чтобы наблюдать ея медленное разрушеніе. Самъ онъ ничего не можетъ вамъ дать, но отъ васъ можетъ отнять все.

— Я достаточно сильна, и запасъ жизненной энергіи у меня громадный.

— Смерть сильнѣе жизни... помните это и съ Асташовымъ будьте осторожны.

— Скажите, вы гадали на него?

— Я смотрѣла въ хрусталикъ тогда же, послѣ вашей встрѣчи съ нимъ въ клубѣ.

— Что жъ, не очень хорошо?

— Да, не хорошо. Онъ очень темный, и власть его темная, но большая, могущая поглотить вашу волю.

— Тогда пусть такъ и будетъ. По крайней мѣрѣ я избавлюсь отъ мыслей о князѣ и, можетъ быть, хоть забудусь.

— Не попасть бы изъ огня да въ полымя.

На минуту обѣ замолчали.

— Скажите, Ника, вы ничего не знаете о Быстровой?—прервала молчаніе Рязанцева.—Вчера говорили, будто она уѣзжаетъ на фронтъ сестрой милосердія. Вѣрно это?

— Да, вѣрно.

— Говорятъ, что причиной—histoire d'amour.

— Вѣрнѣе, разочарованіе.

— Господи, что это за повальная болѣзнь! Всѣхъ обуяло разочарованіе. И Быстрова, и вы...

— Я не разочарована. Какъ разъ наоборотъ: я слишкомъ очарована,—улыбнулась Вероника.—Какъ вы думаете, вы встрѣтитесь еще съ княземъ? — помолчавъ, спросила она.

— Это вполнѣ возможно.

— Если встрѣтитесь — заговорите съ нимъ обо мнѣ; хорошо?

— Хорошо, но я увѣрена, что онъ не выскажется, а если и скажетъ что нибудь, то навѣрное такое, что не будетъ имѣть для васъ интереса.

— Это правда... Ахъ, Анэточка, какъ бы мнѣ хотѣлось встрѣтиться съ нимъ ... поговорить ... — Вероника подавила вздохъ.

— Вы встрѣтитесь.

— Когда?

— Не очень скоро.

— Почему вы такъ думаете?

— Я знаю... вижу это...

— И что же будетъ? — опять вся встрепенулась Вероника.

— Не знаю... но вижу, что страданія для вась не будетъ.

— А радости?

— Еще не вижу этихъ подробностей... ничего не могу сказать вамъ.

— Анэточка, милая, изъ за этой роковой встрѣчи съ Суровымъ я положительно стала ненормальной. Почемъ вы можете знать, что будетъ и чего не будетъ, а я ужъ готова вѣрить вамъ и жить надеждой, что гдѣ то тамъ, далеко впереди меня ждетъ большой, солнечный день, когда онъ опять прійдетъ ко мнѣ и, быть можетъ, будетъ ласковъ ко мнѣ и пойметъ меня.

— А можетъ быть пыль времени ляжетъ слоями на прошедшее, и вы разлюбите и забудете вашего князя.

— Разлюблю ли его — не знаю, но забыть не смогу никогда. Такія чувства и сильные порывы — не забываются. Не помню, я гдѣ то читала или слышала очень вѣрную мысль: l'amor si puo uccidere, ma non — dimenticare.

XXII.

Былъ часъ пополудни, когда тусклый, зимвій день заглянулъ между только что отдернутыхъ тяжелыхъ драпировокъ въ окно большой спальни Асташова. Сѣрое небо, бѣлыя, покрытыя тяжелымъ слоемъ снѣга, крыши, бѣлыя улицы, сѣро-мутный туманъ, невеселыя лица, кутающихся отъ мороза людей — все было однотонно и уныло, какъ расплывшаяся краска сѣровато-бѣлой пастэли. Асташовъ не выносилъ этихъ мутныхъ

колоритовъ глухой зимы и старался выходить изъ своей спальни тогда, когда зажигались вечерніе огни.

— Не надо. Задерни драппировки и зажги свѣтъ, — приказалъ Асташовъ старому лакею, морщась, какъ отъ боли, отъ этого желто-мутнаго свѣта дня, успѣвшаго робко прокрасться вь богатую опочивальню изнѣженнаго и капризнаго европейца, съ большимъ трудомъ преодолѣвающаго необходимость сидѣть безвыѣздно въ Россіи третій годъ войны.

— Прикажете ванну приготовить?—спросилъ лакей, опять задергивая темно-сѣрыя драппировки такъ, что бы дневной свѣтъ не могъ проникнуть ни въ одну щолку.

— Нѣтъ еще. Подай мнѣ со стола книгу и принеси почту изъ кабинета.

Асташовъ зажегъ подлѣ кровати небольшую электрическую лампочку съ желтымъ абажуромъ, взялъ изъ рукъ лакея толстый большой томъ, въ великолѣпномъ сафьяновомъ переплетѣ съ тесненымъ золотомъ и, перелистывая страницы, началъ читать. Это было старинное французское изданіе XVII-го вѣка, гдѣ подробно трактовалось о черныхъ мессахъ и черной магіи.

Асташовъ, получившій за границей широкое образованіе, будучи умнымъ и воспріимчивымъ ко всему, что имѣло отношеніе къ искусству, въ то же время отличался нѣкоторой узкостью взглядовъ, привитыхъ ему отчасти послѣдними вѣяніями новыхъ школъ, отчасти выработанными сознательно изъ желанія отмежевать отъ окружающихъ свою личную точку зрѣнія, оригинальную, не всѣми признаваемую, спорную, но не шаблонную. Въ глубинѣ души онъ относился почти

равнодушно къ тому, что отстаивалъ какъ лично себѣ присвоенное міровоззрѣніе, но дѣлалъ это для «стиля» и для позы. Такъ же какъ покрой сюртука и пальто, какъ цвѣтъ галстуха и носковъ, разъ навсегда усвоенные имъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующіе стилю его особы, такъ же усвоилъ онъ по отношенію людей извѣстный стиль взглядовъ, который неуклонно долженъ былъ выражать его индивидуальность въ опредѣленной формѣ. Онъ былъ циниченъ по натурѣ, но, съ годами, сознательно усугубилъ и талантливо пріумножилъ во всевозможныхъ разновидностяхъ тотъ излишекъ цинизма, который люди, по привычкѣ все преувеличивать и изъ мухи дѣлать слона, навязали ему.

— Ахъ, вы наградили меня этимъ?.. Такъ получите же вдвое больше,—какъ будто бы говорилъ онъ людямъ, часто издѣваясь надъ ними и надъ ихъ готовностью взвинтить его до крайнихъ предѣловъ, чтобы потомъ имѣть возможность критиковать, изумляться и возмущаться.

Понявъ очень скоро психологію скучающей салонной толпы, Асташовъ, пріѣзжая на два-три зимнихъ мѣсяца изъ за границы въ свой особнякъ, такъ сказать «перепрыгнулъ» всѣ ожиданія тѣхъ, кто его окружалъ и сталъ проповѣдывать такую ересь и продѣлывать такіе курбеты, которыхъ не ожидали отъ него и самые смѣлые. То, что допускалось говорить шопотомъ, то Асташовъ сталъ проповѣдывать во всеуслышаніе; то, что считалось запретнымъ, онъ объявилъ единственно допустимымъ; то, что считалось развратомъ и порокомъ, онъ объявилъ классической школой для избранныхъ утонченныхъ натуръ.

Задрапировавшись въ тогу авгура, онъ принялъ безаппеляціонный тонъ и, безъ тѣни улыбки, высокимъ слогомъ трактовалъ такія темы, что трудно было понять: высмѣиваетъ ли онъ своихъ слушателей безпощадно и зло или же дѣйствительно онъ усвоилъ себѣ такую точку зрѣнія. Неопытные слушали его развѣсивъ уши, а болѣе опытные разражались гомерическимъ хохотомъ и отъ словъ предлагали перейти къ дѣйствіямъ. Асташовъ и тутъ «перепрыгнулъ» ихъ ожиданія: онъ, безъ тѣни колебанія, основалъ цѣлую школу «высшихъ курсовъ», гдѣ происходили, среди избранныхъ и утонченныхъ адептовъ, оргіи, которымъ позавидовалъ бы и древній Римъ.

Мало по малу самаго Асташова это перестало занимать и тутъ-то во всей силѣ проявился его настоящій, природный цинизмъ: истрепавъ свою фантазію, свою душу и сердце, извѣрившись въ людяхъ и презирая ихъ, онъ, даже не для забавы, а для препровожденія времени, съ жестокостью вивисектора, опытной рукой прививалъ ядъ разложенія тѣмъ, кто имѣлъ здоровую душу, пылкую фантазію и любовь къ красотѣ. Дѣлалъ онъ это безъ всякой системы, безъ жажды Мефистофельской побѣды, безъ любви къ своей жертвѣ, а такъ—мимоходомъ, какъ иной разъ топчутся цвѣты тѣми, кто ихъ не любитъ и кому они не нужны. Люди давно стали казаться ему скучны и мало интересны. Въ особенности женщины. Онъ зналъ наизусть ихъ психологію и тѣ пріемы, которые надо было пускать въ ходъ, чтобы возбудить къ себѣ интересъ, а затѣмъ и большее. Чѣмъ циничнѣе исповѣдывалъ онъ свои безпощадные принципы, тѣмъ больше имѣлъ успѣха.

Это ему надоѣло, и онъ пересталъ интересоваться женщинами. Когда же онѣ требовали его вниманія къ себѣ, то онъ беззастѣнчиво предлагалъ имъ свои «услуги», предупреждая, что съ нѣкотораго времени перешелъ исключительно на «благотворительность» или на роль juri для тѣхъ, кто прошелъ высшую школу; учениковъ же себѣ не беретъ за неимѣніемъ времени. Дамы охали, ахали, негодовали, но заинтересовывались имъ еще больше и въ концѣ концовъ готовы были принять благотворительную дань издѣвающагося надъ ними циника.

На серебряномъ подносикѣ лакей подалъ Асташову утреннюю почту. Отложивъ на желтое шелковое одѣяло толстый фоліантъ, онъ равнодушной рукой перебиралъ полученные журналы, газету, извѣщенія, прейсъ-куранты, счетъ отъ портного, билетъ на открытіе выставки, заграничную открытку съ привѣтомъ издалека отъ пріятеля, уѣхавшаго военнымъ агентомъ на фронтъ союзной державы. Подъ самымъ низомъ лежалъ небольшой длинный конвертъ, съ незнакомымъ женскимъ почеркомъ лиловыми чернилами. Асташовъ вскрылъ конвертъ и на него пахнуло ароматомъ странныхъ знакомыхъ ему духовъ.

«Прохожій, я ухожу, потому что не могу справиться съ противорѣчіями, осаждающими мой мозгъ и сердце. Я не смогу перепрыгнуть черезъ пропасть, отдѣляющую мой берегъ отъ вашего. Ваши уроки жестоко-безотрадны. Боюсь, они мнѣ не подъ силу. Лучше прощайте.

Асташовъ былъ удивленъ. Онъ не ожидалъ такого поворота только что начинающаго развертываться

эпизода, который, онъ самъ этого не ожидалъ, заинтересовалъ его отсутствіемъ пошлости, ломанія и ординарныхъ, давно надоѣвшихъ ему, пріемовъ кокетства. Въ отношеніяхъ къ нему Вероники было что то незаурядное и острое, что будило его застывшую фантазію. Не такъ давно она сняла передъ нимъ маску и сказала ему кто она. Ея лицо было оригинально и интересно, ея имя было извѣстно, но ни то, ни другое не играло для него особеннаго значенія: его интересовала ея сложная натура, утонченная, гибкая и въ то же время порывистая, широкая, бурливая, довѣрчивая и цѣльная. Ему начинало доставлять острое наслажденіе смущать и отравлять ея вѣрованія, зарождать сомнѣнія, то притягивать къ себѣ мимолетной лаской, то, будто невзначай сорвавшейся жалобой, задѣвать струну ея отзывчиваго сердца, подавать смутныя и неясныя надежды на возможность своего духовнаго возрожденія при особыхъ условіяхъ горячей, могущей согрѣть его мертвое сердце, любви, или неожиданно отталкивать протянутую къ нему руку и высмѣивать ея порывъ. Онъ понималъ, что Вероника стояла выше пошлыхъ забавъ для препровожденія времени и, цѣня ея умъ и талантъ, онъ радовался сознанію своей нарождающейся въ ихъ отношеніяхъ власти; власть тьмы надъ свѣтомъ, могильнаго холода надъ солнечнымъ лучомъ, всеотрицанія передъ вѣрой въ жизнь, подавляющую власть безразличія передъ горячимъ порывомъ сердца. Асташова занимала нѣмая борьба, возникшая въ ихъ отношеніяхъ. Онъ понималъ, что пылкая натура Вероники не могла примириться съ проповѣдуемыми имъ догматами и, чѣмъ настой-

чивѣе онъ ихъ повторялъ, тѣмъ сильнѣе разжигалъ въ ней желаніе доказать, побѣдить, воскресить и согрѣть. Она не знала, а онъ не находилъ нужнымъ выяснять, что доказывать ему нечего, такъ какъ онъ зналъ не хуже ее, что догматы его—пустой звонъ. Побѣждать, воскрешать и согрѣвать было нечего, такъ какъ въ душѣ онъ признавалъ все то, что наружно отрицалъ, но цѣны этому не придавалъ, имѣя вялую, истрепанную и инертную душу. На фонѣ тусклыхъ дней постепенно замирающей столичной жизни, Асташова привлекала перспектива осложняющихся отношеній между нимъ и Вероникой, которыя, въ виду ея сложной натуры, занимали его, какъ занимаютъ шахматиста оригинальные ходы партнера.

Онъ еще разъ перечелъ записочку, поднесъ къ лицу бумагу, втянулъ ароматъ отдѣляющихся отъ нея духовъ, закрылъ глаза и, ясно представивъ себѣ лицо, фигуру, голосъ Вероники, рѣшилъ, что конецъ продиктованъ ею преждевременно, такъ какъ его интересъ далеко еще не изсякъ, и онъ не желаетъ лишать себя доли острыхъ переживаній, которыхъ онъ такъ давно не испытывалъ. Веронику онъ считалъ прекраснымъ инструментомъ, изъ котораго можно было извлечь своеобразныя, бьющія по нервамъ мелодіи.

Протянувъ руку къ телефонному аппарату, стоявшему тутъ же на ночномъ столикѣ, онъ поднесъ къ уху трубку и нажалъ кнопку:

— Вероника Антоновна?

— Да, я.

— Здравствуйте. Только что прочелъ вашу записочку, держу ее въ рукѣ, слышу запахъ вашихъ ду-

ховъ... Вы меня очень огорчили... Зачѣмъ эта записочка?

— Мертвые безразличны, Валерій Романовичъ...

— Однако я огорченъ. Зачѣмъ это отступленіе, это бѣгство? Неужели вы способны такъ быстро складывать оружіе?

— Какая цѣль бороться съ вѣтрянной мельницей, которая къ тому же, задѣвъ крыломъ, можетъ причинить вредъ?

— Такъ вы боитесь меня? Я не подозрѣвалъ, что могу быть вамъ опасенъ,—съ ироніей въ голосѣ протянулъ Асташовъ.

— Я боюсь не васъ, а того, что безцѣльно могу исчерпать слишкомъ много энергіи.

— Увѣрены ли вы, что безцѣльно?.. А если нѣтъ?!.

— Вы мертвецъ, вы сами это знаете.

— Да, я мертвецъ, однако... я огорченъ вашей запиской. Кто знаетъ, быть можетъ вы и съумѣли бы пробудить во мнѣ что нибудь...—говорилъ Асташовъ, поддразнивая и въ то же время лаская голосомъ.

— На меня отвратительно дѣйствуютъ ваши издѣвательства надъ тѣмъ, что для меня свято и что я исповѣдую...

— Я это дѣлаю нарочно...

— Зачѣмъ?

— Вы еще не разобрались?.. Вѣдь я садистъ утонченнаго калибра: Я люблю мучить душу...

— А я этого не хочу.

— Ну, я больше не буду... Я буду пай... Хорошо? Я раскопалъ въ своей библіотекѣ очень старинный и интересный для васъ фолліантъ. Вы какъ увидите

его—изъ рукъ не выпустите. Лазилъ на лѣстницу, рылся на верхнихъ полкахъ, чтобы разыскать его для васъ..· Помните, я вамъ о мистеріяхъ говорилъ? Такъ вотъ въ этой книгѣ все что угодно найдете.

— Привезите ее, мнѣ очень интересно.

— Assolutamente impossibile! Толстѣйшій фолліантъ. Faites moi l'honneur: venez ce soir. Записочку я возвращу вамъ, забывъ ея содержаніе. Гравюры я тоже нашелъ. Вы будете въ восторгѣ. Я увѣренъ, что это именно то, что вамъ надо было. A propos: я только что получилъ билетъ на выставку передвижниковъ. Вы завтра тамъ будете?

— Непремѣнно.

— Поѣдемте вмѣстѣ. Опять будемъ кусаться...

— Я не буду.

— Это почему же: презираете мои сужденія?

— Не раздѣляю.

— Милая Вероника Антоновна, зачѣмъ у васъ такой строгій тонъ? Я не хочу.

— Я брала уроки у васъ не безъ пользы: я тоже начинаю замерзать.

— И этого тоже я не хочу.

— Но вѣдь тогда я прійду на вашъ берегъ.

— Оставайтесь лучше на своемъ, только не выпускайте изъ моей руки вашу руку.

— Для чего?..

Такимъ образомъ, дразня и притягивая, Асташовъ добился согласія Вероники пріѣхать вечеромъ къ нему. Заложивъ подъ голову обѣ руки, лѣниво протянувшись въ нагрѣтой постели, Асташовъ медлилъ вставать, предаваясь излюбленному состоянію покоя тѣла и

мыслей, которыя плыли медленной чередой въ его мозгу, не волнуя и не вызывая сложныхъ размышленій. Взглядъ его безразлично скользилъ по знакомымъ предметамъ спальни, къ которымъ онъ относился не вполнѣ безразлично, такъ какъ любилъ обставлять свою особу съ возможно большимъ комфортомъ и красотой.

Спѣшныхъ дѣлъ у него не было, и потому онъ не торопился вставать. Довольный результатомъ переговоровъ съ Вероникой, онъ придумывалъ какъ бы вновь завладѣть ея фантазіей, очевидно утомленной его безнадежными проповѣдями. Учитывая психологію художницы, онъ рѣшилъ поразить ея воображеніе, дать ему новую пищу, захватить фантазію чѣмъ нибудь острымъ, яркимъ и новымъ. Взглядъ Асташова упалъ на раскрытую страницу фолліанта. Онъ улыбнулся и закрылъ глаза, что то обдумывая; затѣмъ лѣниво протянулъ руку къ звонку. Вошелъ лакей.

— Ванну и халатъ,—проговорилъ онъ не открывая глазъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Асташовъ входилъ въ большую комнату съ зеркальными стѣнами, съ объемистой мраморной ванной, мраморнымъ туалетнымъ столомъ, уставленнымъ хрустальными флаконами съ разноцвѣтными пахучими жидкостями и широкой, длинной, низкой и мягкой кушеткой, на которой была приготовлена разложенная мохнатная простыня. Только что налитая вода, наполнявшая мраморную ванну, слегка колыхаясь, блестѣла и переливалась отраженіемъ яркихъ электрическихъ лампъ, освѣщавшихъ комнату на двухъ противоположныхъ стѣнахъ.

Сбросивъ съ себя подбитый шолкомъ темно-зеленый бархатный халатъ, опушенный сѣрымъ мѣхомъ, Асташовъ, окутанный нагрѣтымъ воздухомъ, съ удовольствіемъ погрузилъ тѣло въ прозрачную, заманчиво блестящую теплую воду. Ванна освѣжала, бодрила его, снимала съ лица налетъ усталости отъ безсонныхъ ночей и успокаивала тонко заостренные нервы. Не спѣша и ни на чемъ не останавливая мыслей, онъ началъ одѣваться, долго и тщательно занимаясь усами и проборомъ на головѣ. Бѣлье его было очень тонкое и продушенное легкимъ запахомъ сашэ, платье было изъ тончайшаго сукна и отъ лучшаго портного. Онъ съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что почти неизбѣжная перспектива зачисленія въ армію была отложена для него до осени.

Послѣ отступленія нашихъ войскъ въ Галиціи и возвращенія непріятелю всего, съ такими жертвами завоеваннаго нами, патріотическій пылъ сильно упалъ въ Россіи. Всѣ неудачи, пораженія и отступленія объяснялись нѣмецкимъ засиліемъ и вліяніемъ нѣмецкаго элемента въ нашихъ высшихъ кругахъ. Слово измѣна и продажность повторялись на всѣ лады, въ особенности послѣ отстраненія отъ должности военнаго министра и суда надъ Мясоѣдовымъ. Вмѣсто подъема у всѣхъ чувствовалась усталость и не было больше вѣры въ благополучный исходъ войны.

Окончивъ туалетъ, Асташовъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ его ожидалъ, поданный на небольшомъ столикѣ, кофе. Онъ просмотрѣлъ газеты, перелисталъ журналы, провѣрилъ по записной книжкѣ росписаніе дня, переговорилъ съ кѣмъ надо было по телефону

вызвалъ повара, заказалъ ему къ половинѣ двѣнадцатаго ужинъ, распорядился по телефону прислать изъ цвѣточнаго магазина всѣхъ оттѣнковъ хризантемъ и поѣхалъ на засѣданіе того общества, въ которомъ игралъ видную роль. Въ семь часовъ онъ былъ у «Медвѣдя», гдѣ часто обѣдалъ, если некогда было возвращаться домой, встрѣтилъ кое-кого изъ знакомыхъ, пообѣдалъ, браня испортившуюся кухню и въ девять часовъ былъ дома. На письменномъ столѣ его ожидала записка съ тѣми же лиловыми чернилами, которыя были утромъ на конвертѣ Вероники. Онъ съ досадой разорвалъ конвертъ, предвидя ея отказъ пріѣхать и впередъ негодуя за испорченный ему вечеръ, оставленный свободнымъ для нея.

«Должна ѣхать въ балетъ. Невозможно было отговориться, а потому пріѣду къ вамъ позже, чѣмъ желала, прямо изъ театра».

В. К.

Складка досады разгладилась на лбу Асташова. Онъ терпѣть не могъ, когда разстраивались его планы. Въ особенности сегодняшній вечеръ представлялъ для него интересъ новизны. Онъ переодѣлся въ смокингъ, поправилъ прическу, остался доволенъ элегантнымъ силуэтомъ своей хорошо изученной фигуры, брызнулъ на свѣжій носовой платокъ струю легкихъ, едва уловимыхъ духовъ, отдалъ лакею точныя распоряженія относительно ужина и вина и прошелъ въ комнату хризантемъ, гдѣ долго съ чѣмъ то возился и что то устраивалъ; затѣмъ отправился въ кабинетъ, рѣшивъ до пріѣзда Вероники заняться скучными отчетами по двумъ имѣніямъ, присланными управляющимъ. Въ

половинѣ двѣнадцатаго Асташовъ услышалъ стукъ хлопнувшей внизу двери и, отбросивъ бумаги, поспѣшилъ черезъ рядъ комнатъ къ боковой лѣстницѣ, по которой должна была подняться Вероника. Онъ встрѣтилъ ее на той же площадкѣ, на которой увидѣлъ въ первый разъ, когда она, вмѣстѣ съ Мэри, подымалась къ нему въ бѣломъ парикѣ и черной маскѣ.

Сквозь распахнутую шубу виднѣлось темно-фіолетовое платье, гладкое, открывавшее часть груди и спину. Лицо улыбалось, слегка растрѣпавшіеся бронзово-рыжеватые волосы оттѣняли глубину зеленыхъ, съ черными точками, зрачковъ.

— Мученіе, одно мученіе теперь съ извозчиками!— говорила Вероника, сбрасывая на руки Асташова шубку и поправляя у зеркала прическу.—Кромѣ баснословной цѣны они еще и ѣхать не хотятъ.

— Если бы вы предупредили меня, что будете въ театрѣ, то я позволилъ бы себѣ прислать за вами карету.—Говоря это Асташовъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на ту часть вырѣза на спинѣ Вероники, гдѣ красиво обрисовывалась углубленная линія между лопатокъ отъ приподнятыхъ и закинутыхъ на затылокъ рукъ. Онъ любилъ красоту, и ему нравилось, что въ ней все было гармонично, красиво, пластично и потому просто. Движенія, жесты, интонація голоса, мимика подвижного лица—соотвѣтствовали одно другому, нравились и притягивали.

Разрѣшите проводить васъ къ моему туалетному столу,—тамъ вамъ будетъ удобнѣе поправить прическу.

Асташовъ довелъ ее до двери своей спальни, отдѣланной со вкусомъ хорошаго барства. Залитая свѣтомъ

зеркальная комната ванны и понравилась и удивила Веронику. Она вспомнила разсказы, слышанные ею объ его оргіяхъ. Поправляя и перекалывая передъ зеркаломъ волосы, она думала объ Асташовѣ среди этой, странно-плѣняющей воображеніе, обстановки, съ неожиданно выплывшимъ откуда то новымъ чувствомъ остраго любопытства и желанія осторожно отогнуть завѣсу и заглянуть поглубже въ его интимную, мало понятную ей, жизнь.

— Если вамъ угодно, пройдемте въ столовую,— встрѣтилъ ее Асташовъ.

— А комната хризантемъ? Мнѣ хочется еще разъ видѣть ее...

— Это потомъ. Сегодня вы увидите ее въ другомъ видѣ.

— Что это: сюрпризъ?

— Да, спеціально для васъ приготовленный...

Они вошли въ столовую въ средне-вѣковомъ стилѣ съ потолкомъ изъ темнаго разукрашеннаго дерева, съ рѣзными фризами по стѣнамъ, съ массивными стульями изъ bois sculpté, обитыми темной кожей; такой же буфетъ, громадныя фигуры рыцарей въ доспѣхахъ по угламъ комнаты, тяжелыми драпировками задернутыя окна, посреди столъ, нарядно убранный цвѣтами, и ослѣпительно яркій, дерзкій свѣтъ, падающій сверху изъ громадной хрустальной люстры.

Столъ былъ накрытъ на два прибора. Серебро и хрусталь блестѣли холодно и нарядно. Сѣли къ столу. Вкусныя блюда дразнили глазъ, крѣпкое хорошее вино пьянило мозгъ, и фантазія Вероники разгоралась отъ увлекательной бесѣды и блестящихъ, то насмѣшливыми,

то ласковыми искорками, глазъ Асташова. Волны загадочныхъ рѣчей и дразнящаго смѣха переплетались съ нѣжно и остро-красочными волнами свѣтовыхъ эффектовъ. Блѣдно-розовые тюльпаны, съ упругими и блестящими какъ морскія раковины—лепестками, разбросанные по холодному фону скатерти, оранжевые, матово-зеленые, алые фрукты въ переливающемся искрами хрусталѣ, вѣтки желтой пушистой мимозы, нѣжно дурманящей, мягко склоненной въ холодныхъ объятіяхъ зеленаго хрусталя, алмазныя иглы электрическаго свѣта, сыплющіяся сверху и повторяющіяся, отражающіяся въ сотняхъ изгибовъ бокаловъ, пьяный запахъ духовъ, смѣшанный съ тонкимъ ароматомъ мимозы, окутывающій волнами дурмана, черезъ край бѣгущая, какъ топазъ прозрачная, холодная и желтая пѣна шампанскаго—все сливалось въ одну звенящую, яркую и побѣдную ноту гимна радости чувствъ.

— О, знаю, все это я знаю,—говорила Вероника яркимъ, какъ вокругъ нея звенящая нота, голосомъ. Глаза ея зеленые, точно пустые, до того глубокіе, потемнѣли и загорѣлись.—Я не хочу идти на вашъ берегъ, потому что всѣ вы никогда ничего не дали и не дадите мнѣ. Я могу протягивать къ вамъ руку, но лишь для того, чтобы сыпать, всегда сыпать всѣмъ вамъ мои цвѣты. Я привыкла давать и дамъ еще много.

— Однако, я замѣчаю, что вы начинаете говорить обо мнѣ въ собирательномъ смыслѣ, Вероника Антоновна. Но, увѣряю васъ, я не толпа.

— Толпа?!.—Вероника повела плечами, глядя куда то далеко.—Безпокойная, лживая и стадная толпа. И

все таки я опираюсь на нее какъ на рычагъ моихъ силъ. Я знаю, навѣрное знаю, что путь мой еще не оконченъ: главное и самое большое еще впереди...

— О, да — впереди...— загадочно произнесъ Асташовъ, устремляя на нее прищуренный и циничный взглядъ, котораго она не замѣтила.

— Профэтесса, я пью за то, что ждетъ васъ,— Асташовъ отпилъ изъ бокала, взялъ руку Вероники и приложилъ къ ея ладони влажныя отъ шампанскаго губы.

— Зачѣмъ вы цѣлуете такъ мою рукъ?—Вероника отдернула ее.

— Изъ вѣжливости... То, что другіе дѣлали изъ любви къ вамъ, я дѣлаю изъ вѣжливости.—Асташовъ откинулся на спинку стула и, прищуривъ глаза, отпивалъ изъ бакала.

Вероника взлрогнула.

— Quoi, vous êtes tellement frileuse? Но вѣдь здѣсь очень тепло...—блестя насмѣшливыми глазами, проговорилъ онъ.

— Вы отлично понимаете что вашъ поцѣлуй былъ невѣжливъ.

Асташовъ всталъ со своего мѣста, подошелъ къ Вероникѣ, опустился на одно колѣно, осторожно поднесъ къ губамъ край ея подола и, не поднимая склоненной головы, произнесъ медленно и ласково, съ теплой интонаціей въ голосѣ:

— Я у вашихъ ногъ, профэтесса; у вашихъ коварныхъ, узкихъ ножекъ, которыя такъ трусливо боятся перешагнуть на мой берегъ.

— Встаньте, Валерій Романовичъ, — Вероника, слегка смущенная его странной выходкой, смотрѣла на него недоумѣвающими и строгими глазами.

Асташовъ, не подымаясь съ колѣнъ, протянулъ руку, взялъ со стола цвѣтокъ, оборвалъ его нежные, влажно-розовые лепестки, приложилъ ихъ на нѣсколько секундъ къ своимъ губамъ и затѣмъ осыпалъ ими выставленныя изъ подъ платья, стройныя ножки Вероники.

— Что это значитъ? Я не понимаю васъ, Валерій Романовичъ...

— Это дань кросотѣ. — Онъ поднялся съ колѣна, сѣлъ къ столу и, какъ будто ничего не произошло, продолжалъ смѣяться, острить и занимать свою гостью.

Хотя онъ пилъ вина много, оно его не пьянило, а лишь подхлестывало его остроуміе и находчивость. У Вероники слегка кружилась голова и не столько отъ вина, сколько отъ атмосферы чего-то непонятнаго, загадочно-красиваго и слегка жуткаго.

— Теперь мы перейдемъ въ комнату хризантемъ. Тамъ ждетъ насъ кофе и другая бутылка шампанскаго,—предложилъ Асташовъ.

Они прошли кабинетъ и залъ. У порога онъ приподнялъ портьеру, предлагая Вероники войти. Она сдѣлала шагъ впередъ и, очарованная, остановилась.

Комната тонула въ нѣжно опаловыхъ волнахъ свѣта, льющихся изъ гигантской раковины, какъ будто брошенной въ стоявшій на полу пышный кустъ цвѣтовъ. Весь полъ, усѣянный хризантемами, сливался въ пестромъ рисункѣ съ цвѣтами стѣнъ, потолка и всей сбстановки. Посреди комнаты бронзовая зеленовато-

сѣрая змѣя, вытянувшись вверхъ на хвостѣ, держала въ открытой пасти плоскій сосудъ, вливая въ него ядъ черезъ длинное высунутое жало. Красновато-желтое пламя, ровнымъ, овально-выпуклымъ лепесткомъ, подымалось изъ сосуда, распространяя вокругъ тонкій запахъ чего-то ароматнаго и нѣжнаго, что, смѣшиваясь съ тепличнымъ запахомъ разбросанныхъ всюду цвѣтовъ, слегка туманило и волновало.

— Это сказка...— прошептала Вероника, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ и останавливаясь подлѣ свѣтильника. Отъ движенія воздуха, пламя колыхнулось и едва замѣтныя нѣжныя свѣто-тѣни, робко скользнувъ по разбросанному ковру живыхъ цвѣтовъ, проплыли отъ полу къ стѣнамъ, ожививъ мертвыя краски узорныхъ цвѣтовъ. Цвѣты дрогнули, затрепетавъ лепестками и будто посыпались съ потолка и стѣнъ навстрѣчу живымъ, умирающимъ цвѣтамъ.

— Вамъ нравится? Вы довольны?—Асташовъ близко подошелъ къ Вероникѣ и заглянулъ ей въ глаза. Отъ робко заколыхавшагося пламени, по лицу его тоже пробѣжали, какъ дыханіе, тонкія и прозрачныя тѣни, на минуту ожививъ холодные глаза и тонкія, слишкомъ опредѣленныя черты съ сухимъ, слегка выдавшимся впередъ тупымъ, гладко выбритымъ подбородкомъ, раздѣленнымъ какъ бы на двое продольнымъ углубленіемъ.

— Я очарована...— Вероника стояла не шевелясь, глядя передъ собой расширенными потемнѣвшими зрачками. Легкій фіолетовый шарфъ, соскользнувъ съ одного плеча, вился мягкими складками вдоль спины и падалъ полупрозрачной дымкой на пестрыя и пышныя головки задыхающихся на полу цвѣтовъ.

Оба молчали. Было красиво и тихо. Асташовъ, скрестивъ на груди руки, смотрѣлъ на Веронику.

— Въ этой обстановкѣ, съ этимъ ниспадающимъ на цвѣты газомъ и ореоломъ отражающагося пламени въ вашихъ бронзовыхъ волосахъ, вы—мистичны.

— Здѣсь все мистично,—отвѣтила Вероника.

— Сядьте. Будемте пить кофе и вино.

— О, не топчите же такъ цвѣты!..—Вероника протянула впередъ руку, какъ бы прося имъ пощады.

— Я для того ихъ и разсыпалъ.

— Чтобъ растоптать?

— Чтобы ходить по нимъ.

— Это одно и тоже.

— Нѣтъ: въ стремленіи растоптать цвѣтокъ нѣтъ красоты. Въ желаніи ступать по ковру цвѣтовъ—красота есть. Пейте вино и вѣрьте, что сегодня на моемъ мертвомъ берегу все застыло въ формахъ красоты. Надо умѣть раздвинуть рамки и тогда красоту усмотрѣть можно даже въ уродствѣ.

— Напримѣръ?

— Ну вотъ, первый попавшійся примѣръ: шутъ Риголетто смѣшонъ и уродливъ, но онъ прекрасенъ въ любви къ дочери. Можно найти красоту въ преступленіи, въ развратѣ, въ чемъ угодно.

Асташовъ, сидя близко противъ Вероники, какъ бы фиксируя ее, смотрѣлъ ей въ глаза, съ удовольствіемъ отмѣчая, что задуманная имъ обстановка сильно дѣйствовала на нее. Лицо ея отъ потемнѣвшихъ глазъ измѣнилось, губы были полуоткрыты, машинальнымъ движеніемъ она часто проводила рукой вдоль лба, какъ бы успокаивая теченіе мыслей.

— Не смотрите на меня такими глазами,—тихо произнесла она, откидывая голову на мягкую спинку кресла.

— Какими?—Асташовъ нагнулся впередъ, приблизившись къ ней еще больше.

— Такими пустыми, холодными... никого и ничего нелюбящими.

— Есть вещи, которыя я все таки люблю,—вѣско и раздѣльно произнесъ онъ.

— Какія же?—Вероника медленно сняла голову со спинки кресла, взглянула на Асташова и встрѣтила его жуткій настойчивый взглядъ. Какія же?—повторила она тише и закрыла глаза.

— Я люблю тѣло мертвецовъ и кровь живыхъ людей.

Вероника вздрогнула и обѣими руками взялась за лицо:

— Боже мой, что вы говорите!.. я не понимаю...

Асташовъ еще ближе пригнулся къ Вероникѣ и, продолжая смотрѣть ей въ глаза неподвижнымъ гипнотизирующимъ взглядомъ, осторожно взялъ ея руку, отвелъ отъ лица и, крѣпко сжимая, проговорилъ:

— Ваше тѣло живой, бьющейся въ жизненныхъ конвульсіяхъ, женщины меня не тянетъ, но ваша кровь, алая кровь, въ которой разлитъ источникъ этой жизни, меня зоветъ и манитъ... Я бы хотѣлъ пить ее, какъ пью это вино... я или ожилъ бы самъ, или... умертвилъ бы жизнь и въ васъ...

— Это... аллегорія?—съ волненіемъ переводя дыханіе, почти шопотомъ спросила Вероника.

— Нѣтъ, я говорю въ буквальномъ смыслѣ словъ.

— Какъ это жутко!..

— Конечно, какъ и всякая тайна. Но тайна крови—самая глубокая и самая страшная. Во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, кровь—эта таинственная горячая влага жизни, играла важнѣйшую роль въ религіозныхъ ритуалахъ до христіанства включительно. Это единственная тайна, единственная сила, которую я признаю... Я хочу, чтобы въ этой мистической обстановкѣ, вы услышали таинственный шепотъ дальнихъ вѣковъ, который пробудилъ бы въ васъ сознаніе, вѣрнѣе—признаніе этой тайны и подчиненіе ей.

— Зачѣмъ?—напряженно подавшись впередъ, отвѣчая пристальнымъ взглядомъ на взглядъ Асташова, чуть слышно произнесла Вероника.

— Чтобы ожить самому или... взять васъ мертвою на свой берегъ.

— А если вы оживете?

— Я буду вашъ.

— Это какой то бредъ!..

— Нѣтъ, не бредъ. Вы не хотите?.. вы боитесь?..

— Чего боюсь?

— Оживить меня.

— О, нѣтъ! Этого я хочу,—пылко вырвалось у Вероники. Въ порывѣ она протянула ему обѣ руки.

— Милая женщина...—Асташовъ взялъ обѣ протянутыя къ нему руки и медленно, одну за другой, поцѣловалъ ихъ.

— Я выпью горячія алыя капли вашей крови, волью въ себя источникъ вашей жизни, завяжу таин-

ственный узелъ тончайшихъ флюидовъ вашего и моего я...

— Но къ чему? Къ чему все это?—Какъ бы силясь отогнать какое то навожденіе, произнесла Вероника, порывисто вставая съ кресла и подходя къ свѣтильнику, въ которомъ пламя, горѣвшее неподвижнымъ цвѣткомъ, колыхнулось, забилось и заметалось тѣнями по полу, стѣнамъ и потолку... Забились и заметались вмѣстѣ съ тѣнями отовсюду сыпавшіеся цвѣты.

— Я хочу испытать чья сила властнѣе: ваша или моя? Вѣдь вы пріѣхали сюда потому, что вѣрите въ себя, въ свою власть жизни надъ смертью моего сердца и моей души. Я же вѣрю во власть моей тьмы. Тайна вашей крови разрѣшитъ нашу борьбу; но, предупреждаю васъ: тайна сія великая есть... ее знали во всѣ вѣка и всѣ культы...

Асташовъ говорилъ торжественно и тихо. Пламя, чуть колеблясь, больше не билось, и тѣни не метались. Опаловый свѣтъ лился таинственно и ровно. Ароматъ цвѣтовъ и чего то, идущаго отъ пламени свѣтильника, насыщалъ все больше и больше неподвижную теплую атмосферу комнаты. Вероника прижала пальцы къ пылающему лбу.

— Это бредъ, красивый бредъ...

— Пусть будетъ такъ, но зачѣмъ его не воспринять, если онъ красивъ.

Асташовъ, неслышно ступая по упругимъ лепесткамъ, подошелъ къ Вероникѣ. Въ его рукѣ блеснулъ острый тонкій стилетъ. Холодный блескъ и остріе стали ворвались въ гармонію мистической сказки отле-

тѣвшихъ вѣковъ, какъ стальная высокая нота, повисшая въ воздухѣ и призывающая разсудокъ или отогнать бредовую сказку, или, въ остромъ созвучіи ея дикаго вопля, уловить нѣчто призывное и страшное, чтобы, затаивъ отъ жути дыханіе, съ трепетнымъ сердцемъ, идти впередъ, во слѣдъ призыву и съ затуманеннымъ мозгомъ окунуться безъ остатка въ ту пучину жестокой и властной красоты мистики, изъ-за спины которой выглядываетъ безуміе или смерть. Такъ было во всѣ вѣка и во всѣ времена, когда люди, ликуя, бросали въ пылающую печь Молоха своихъ нѣжныхъ младенцевъ, когда фанатики сжигали на кострахъ фанатиковъ, когда на арену выталкивались сотни хрупкихъ юношей и дѣвушекъ, когда опьяненная толпа распяла кроткую истину... Въ пучинѣ мистики звенитъ стальная, холодная струна— призывъ къ смерти, къ крови. Прислушиваясь къ ней, вбирая въ себя ея леденящій, тревожащій душу вопль, одни пьянѣютъ и, жаждая крови, толкаютъ на смерть, другіе—умираютъ.

Вероника слегка отшатнулась, но стальная острая нота звенѣла властно, призывая къ чему-то таинственному, что стоитъ на грани смерти.

— Только нѣсколько капель... спустите съ плеча платье... не шевелитесь...

Острая сталь врѣзалась въ руку пониже плеча. Вероника вздрогнула. Рубиновыя капли тонкой струйкой окрасили бѣлизну кожи. Асташовъ приникъ къ ней губами. Вероника закрыла глаза. У нея туманился мозгъ, и сердце замирало. Ей казалось, что гранатовыми каплями она вливаетъ въ Асташова частицу своей

бурливой, мятежной души, своей свѣтлой красками жизни,—радостной, ищущей красоты.

Со всѣхъ сторонъ, въ опалово-розовомъ туманѣ, льющемся изъ гигантской раковины, баюканной сотню лѣтъ сказками морскихъ пучинъ, сыпались на Веронику дивные цвѣты, отраженіе живыхъ, кротко умирающихъ у ея ногъ. Зелено-сѣрая змѣя, въ неподвижномъ изгибѣ чешуйчатаго тѣла, упиралась хвостомъ въ коверъ цвѣтовъ, бережно держа въ открытой пасти сосудъ, гдѣ живое, горячее пламя дышало пьянымъ дурманомъ.

У Вероники слабѣли ноги. Она покачнулась и протянула руку, ища опоры. Асташовъ обнялъ ея станъ и, заглянувъ въ глаза, прочелъ въ нихъ недоумѣніе и испугъ. Въ тишинѣ комнаты прозвучалъ циничный дьявольскій смѣхъ, проникшій въ сердцѣ Вероники, какъ струя дикаго ледяного вихря. Она ахнула и качнулась еще разъ... Поплыли цвѣты, сыпясь и переплетаясь зелеными стеблями... Поплыла раковина въ тонкой дымкѣ опаловыхъ волнъ... Колыхаясь, поплыло пламя свѣтильника... Вытянулась гибкая зеленая змѣя и, отдѣлившись отъ пола медленно вплелась въ гирлянды сыпавшихся дождемъ и куда-то уплывающихъ хризантемъ... Потомъ дрогнулъ полъ и, плавно ускользая изъ подъ ногъ, завертѣлся, унося съ собой все, что было на немъ...

Асташовъ осторожно помогъ Вероникѣ опуститься на кресло. Глаза ея были закрыты, лицо блѣдно и руки холодны. Дурманъ вина, цвѣтовъ, ароматовъ и послѣдняя звенящая нота острой стали и діявольскаго смѣха свое дѣло сдѣлали. Асташовъ понялъ, что власть осталась за нимъ.

XXIII.

Для Вероники настали странные дни: она чувствовала надъ собой гипнозъ темной власти Асташова и не умѣла, не могла противодѣйствовать ему. Передъ ней вставала, какъ сказка отдаленныхъ временъ, какъ вырванная страница таинственнаго фоліанта мистическихъ ритуаловъ, сцена въ благовонной, дурманящей атмосферѣ при свѣтѣ священнаго огня, когда горячія капли ея крови вливались въ уста пробудившагося къ желаніямъ жизни человѣка. Ей стало казаться, что тончайшая связь, какъ невидимыя нити паутины, потянулись отъ нея къ нему, что по этимъ нитямъ токъ жизни и желаній долженъ перелиться въ него, и она побѣдитъ смерть, восторжествуетъ надъ ней, зальетъ потоками горячихъ лучей его холодное сердце, и онъ,— ожившій ея силой и волей, протянетъ къ ней благодарныя руки. Въ своей фантазіи она видѣла другого Асташова, съ блескомъ въ глазахъ, съ живой улыбкой на устахъ, энергичнаго, спѣшащаго заполнить пробѣлы, потерянныя на мертвую спячку жизни. Съ чувствомъ радостнаго предчувствія она любила свою мечту, одѣвая ее въ пестрыя краски причудливой фантазіи.

Асташовъ подтверждалъ возникновеніе душевной связи безпрестанными телефонами. Онъ звонилъ ей каждую ночь; звонилъ такъ, чтобы общеніе съ нимъ было бы послѣднимъ изъ ея общеній со всѣми остальными. Мало по малу онъ сдѣлалъ эти ночныя бесѣды обязательными и зналъ, что она ждетъ ихъ, не смотря

ни на какой поздній часъ. Онъ зналъ, что она не сниметъ трубку съ аппарата и не ляжетъ спать хоть до утра, пока не раздастся его призывный звонокъ. И онъ звонилъ ей, какъ бы поздно ни вернулся домой: въ часъ, въ два и въ три часа ночи. Она говорила ему о себѣ, о своихъ переживаніяхъ, надеждахъ и мечтахъ. Онъ слушалъ, не противорѣча, то лаская голосомъ, то однимъ словомъ вливая ядъ сомнѣнія, который терзалъ и мучилъ ее до слѣдующаго разговора, когда онъ опять однимъ словомъ умѣлъ разогнать эти сомнѣнія и дать новыя надежды.

Внутренняя жизнь Вероники стала походить на отливы и приливы морской волны. И безсонныя ночи, и безсмѣнное напряженіе души стало отражаться на ея нервной системѣ и на работѣ. Она бралась за кисти и работала порывисто, запоемъ или же ходила съ опущенными руками, съ пустой головой, усталая и разбитая. Въ минуты яснаго критическаго анализа она недоумѣвала надъ тѣмъ положеніемъ, что создалось въ ея отношеніяхъ къ Асташову и ничего больше не желала, какъ оборвать ихъ, но приходила ночь, и она не снимала трубки съ аппарата и не ложилась спать. Она негодовала на себя за отсутствіе крѣпкой воли, не отдавая себѣ отчета, что въ ней говорила артистическая натура художницы, творящая фантазія, жаждущая отъ жизни яркихъ красокъ и сложныхъ положеній, которыхъ реальная жизнь дать не можетъ. Она творила ихъ сама, навязывая людямъ то, чего они, со своей мертвой разсудочной критикой и отсутствіемъ красокъ фантазіи, ни понять ни дать не могутъ. Такимъ образомъ Вероника была страдающей

жертвой своихъ собственныхъ творческихъ порывовъ, и чѣмъ больше люди упирались въ нежеланіи раздѣлять ея сказочныя фантастичныя мечты, тѣмъ болѣе разжигалось ея упрямство создать, довести до конца это художественное произведеніе ея, безсознательно вливающагося въ жизнь, творчества.

Асташовъ, обладавшій достаточно тонкимъ художественнымъ чутьемъ, понялъ роль, которую ему надлежало занять въ этомъ, забавляющемъ его, турнирѣ. Онъ не только не упирался, но съ охотой и изобрѣтательностью давалъ пищу для пестраго рисунка, который, нескончаемо-усложняющимся узоромъ, наросталъ все въ новыхъ и новыхъ краскахъ.

Однажды, возвращаясь изъ оперы, гдѣ они были вмѣстѣ, вся еще во власти звуковъ и приподнятаго настроенія, немного усталая, съ непрестанно взвинченными нервами, Вероника позволила Асташову проводить себя домой въ его каретѣ. Была снѣжная метель. Сквозь окна кареты виднѣлась бѣлая, кругомъ все окутавшая, пелена. Беззвучно падали, кружась и искрясь при свѣтѣ электрическихъ фонарей, снѣжныя пушинки. Карета покачивалась, ровно подвигаясь вдоль набережной въ мягко падающемъ, мелькающемъ морѣ снѣговыхъ бабочекъ. Откинувшись вглубину кареты, слѣдя сквозь стекло за непрерывнымъ порханіемъ бросающихъ алмазныя искры, пушинокъ, всюду, вокругъ и вверху рѣющихъ какъ сказочный алмазный дождь, Вероника думала о томъ, что жизнь ея полна блестокъ и сказокъ, какъ эта снѣжная зимняя ночь. Она чувствовала устремленный на нее взглядъ Асташова, слегка насмѣшливый, но ласковый и хорошій.

Въ глубинѣ ея сердца шевельнулось что то горячее, поднялось выше, выше и вылилось внѣзапнымъ, для самой себя неожиданнымъ порывомъ. Обернувъ пылающія глаза къ Асташову, она положила ему на рукавъ затянутую въ перчатку руку:

— Хотите, я скажу вамъ сейчасъ что то большое?

— Хочу.

— Ma prego, non ridete... (но прошу—не смѣйтесь).

— No, non riderò. (нѣтъ, не буду смѣяться).

— Не знаю, что будетъ завтра, но сегодня я такъ люблю васъ, милый... такъ горячо люблю васъ...

— Grazia, cara...—Онъ снялъ съ рукава своей шинели ея руку и поднесъ къ губамъ.

Вероника закрыла глаза. Ясно, до мелочей отчетливо, какъ наяву въ ея воображеніи вдругъ предсталъ образъ князя Сурова, который не умирая жилъ въ сердцѣ ея, къ которому, заглушенные и задавленные усиліемъ воли, рвались ея порывы, выливаясь въ осязательной формѣ на личность Асташова. Такъ, задержанный въ своемъ теченіи, потокъ заливаетъ берега, обильно орошая все, что попадается на пути его бурливаго теченія.

Утромъ, она отправила Асташову письмо, написанное ею тотчасъ же, по возвращеніи наканунѣ домой:

«Какъ жаль, что вы не могли отвѣтить мнѣ вчера на мой порывъ такимъ же порывомъ. Мнѣ жаль, что этого нѣтъ, не для себя, а жаль какъ эстету, глядящему печальнымъ взоромъ сожалѣнія, на разсыпавшійся жемчугъ у ногъ безразличнаго прохожаго. Мнѣ, какъ артисту, жаль тонкой, сложной, страстно бурной рапсодіи, разливающейся то мощными, то нѣжными

волнами въ пустомъ и холодномъ храмѣ въ то время, какъ безразличный прохожій, идя мимо, не слышитъ ее. Но и въ этомъ, и въ этомъ я улавливаю тончайшую отвлеченную красоту. Въ моихъ порывахъ безотвѣтнаго чувства, я усматриваю мощь и энергію моей душевной организаціи. Налетъ грусти и сожалѣнія, что моя рапсодія звучитъ въ пустомъ храмѣ, что мой жемчугъ сыпется незамѣченный, даетъ какой то хрустально чистый фонъ убѣгающей въ пространство будущаго, неразгаданной перспективѣ. Сейчасъ я ничего не жду и мнѣ ничего не надо, но развѣ некрасивъ мой жертвенный огонь на алтарѣ отсутствующаго бога? Развѣ я не знаю, что этому огню суждено отгорѣть, какъ отгораетъ свѣтильникъ, въ который осторожная рука не подливаетъ жертвеннаго масла! Пусть отгоритъ хоть завтра, но сегодня онъ пылаетъ волею творческихъ боговъ».

Бывали дни, когда Вероника, вглядываясь въ пустые и холодные глаза Асташова, находила въ нихъ отраженіе затаенной тоски. Ей становилось его до боли жаль; она осторожно старалась подойти къ нему, вызвать его на душевную, простую бесѣду, чтобы прильнуть ласковыми врачующими пальцами къ его душѣ; но онъ ловко парировалъ эти поползновенія къ интимной и задушевной бесѣдѣ высмѣиваніемъ ея сентиментальности. Тогда, съ недоумѣніемъ и досадой она пожимала плечами въ отвѣтъ на его циничныя насмѣшки:

— Знаете ли вы, Валерій Романовичъ, что въ васъ глубоко засѣла болѣзнь славянской натуры, тонко подмѣченная Достоевскимъ? Въ васъ въѣлась Карама-

зовщина, алчная къ глумленію не только надъ душой близкаго, но и надъ своей собственной. Ваша душа точно вихляется и безудержно гримасничаетъ. Не понимаю, кому это надо? Увѣрена, что всего менѣе вамъ самимъ,—сказала она ему однажды въ минуту накопившейся досады.

— А вотъ вамъ такъ очень надо,—лукаво улыбнулся Асташовъ.—Иначе не пришлось бы вамъ скорбѣть, умиляться и углубляться въ мою звонкую пустоту.

— Мнѣ жаль васъ,—серьезно возразила Вероника.

— Жаль? Менѣе всего мнѣ приходило въ голову, что я способенъ вызвать въ комъ нибудь такое... примитивное чувство.

— Да жаль. Я чувствую усталость вашей души и мнѣ хочется взять ея бремя, чтобы облегчить ее.

— Господи, что за фантазіи приходятъ вамъ въ голову! Когда же наконецъ вы убѣдитесь, что я пустое мѣсто, что у меня нѣтъ ни тоски, ни желаній, ни сожалѣній, что всякія чувства по отношенію меня—безплодный посѣвъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ надо уйти,—строго и рѣшительно проговорила Вероника.

— Нѣтъ, не уходите. Мнѣ тепло и уютно съ вами. Мнѣ пріятно сознаніе вашихъ чувствъ ко мнѣ... Я ихъ очень цѣню.

— Если они вамъ не нужны, то и я ихъ не хочу.

— Можетъ быть настанетъ день, когда они будутъ нужны мнѣ...

— А что же вамъ нужно теперь?—горячо допрашивала его Вероника.

— Ваше присутствіе.

— Но зачѣмъ?

— Вы вѣдь знаете... „sur ta vie et sur ta jêunesse, moi, je veux régner par l'effroi!..“

Случилось, что Асташовъ серіозно занемогъ. Недѣлю они не видѣлись и не разговаривали по телефону. Вероника посылала ему коротенькія записочки, скучала безъ него и въ то же время отдыхала, рано ложась спать и не взвинчивая нервовъ дразнящими разговорами. Она перечитывала «Войну и миръ», находя въ этомъ произведеніи все новые и новые перлы красоты. Съ увлеченіемъ принялась за работу небольшого этюда; бралась за краски съ утра, едва успѣвая на скорую руку умыться и накинуть на себя халатъ. Будто струя свѣжаго воздуха ворвалась въ ея жизнь.—Неужели я опять бодра и полна энергіи потому, что не вижу его?—спрашивала себя Вероника, но не хотѣла этому вѣрить, потому что въ то же время ей хотѣлось видѣть Асташова. Въ одинъ изъ этихъ дней, дѣлая покупки въ Англійскомъ магазинѣ, она услышала за спиной своей сдержанный разговоръ:

— Которая Кампіони? Гдѣ?

— Да вотъ, въ котиковой шубкѣ, направо.

— На послѣдней выставкѣ ея большое прекрасное полотно...

Вероника обернулась и встрѣтилась взглядомъ съ двумя дамами, смотрѣвшими на нее ласковыми, любопытными глазами.

Какъ въ былое время ей стало тепло и радостно отъ этихъ ласковыхъ взглядовъ, которыми ее иногад

провожали въ толпѣ. Она мысленно благословляла свою творческую силу, дарившую ей столько счастливыхъ, никому невѣдомыхъ переживаній, столько экстазовъ, столько умиленныхъ общеній съ природой и красотой. Въ ея сердцѣ дрогнуло хорошо знакомое ей, глубоко запрятанное отъ людей, чувство радостной благодарности къ Богу, и, выйдя изъ магазина, она поспѣшила въ Казанскій соборъ.

Подлѣ темной и небольшой боковой двери тѣснились монашки и собиратели на Божій храмъ, монотонно пѣвучимъ голосомъ призывающіе православныхъ удѣлить лепту на добрыя дѣла. Постукивая каблучками мѣховыхъ ботинокъ о каменныя плиты храма, Вероника, охваченная наплывомъ благоговѣйныхъ чувствъ, купила толстую свѣчу и прошла впередъ къ иконѣ Божьей Матери. Ярко и дружно горѣли свѣчи, за послѣдній годъ на мѣсто бѣлыхъ, изъ темнаго воска, въ тяжоломъ серебряномъ паникадилѣ. Нѣсколько военныхъ въ формѣ и группа дамъ колѣнопреклоненные горячо, беззвучно молились передъ чудотворнымъ образомъ, озареннымъ теплымъ колыхающимся пламенемъ свѣчей. Не было словъ, не было молитвенныхъ напѣвовъ, но волна горячихъ или полныхъ надеждъ, или полныхъ скорби воздыханій неслась, какъ бы видимая, какъ бы осязаемая подъ темные своды храма. Здѣсь склонялись передъ ликомъ Богоматери покорныя головы страждущихъ матерей, женъ и престарѣлыхъ отцовъ, въ горячей молитвѣ за тѣхъ, кто, въ упорной и многолѣтней борьбѣ съ врагомъ, былъ оторванъ отъ домашняго очага, отъ заботы и ласки близкихъ. Тухли надежды и, въ тоскѣ за будущее, опускались головы многихъ

и многихъ изъ тѣхъ, кто еще недавно бодро шелъ впередъ, полный вѣры въ блестящій исходъ войны...

Вероника затеплила свою свѣчу и опустилась на колѣни подлѣ серебряной рѣшетки. У нея не было словъ для молитвы. Она молилась въ эти минуты всѣмъ своимъ существомъ, каждымъ біеніемъ сердца, дыханіемъ, каждой мыслію. Въ застывшей неподвижной позѣ, съ опущенными руками, съ устремленными на ликъ Богоматери глазами, она ничего не чувствовала, ничего не знала и не видѣла, кромѣ полета души куда то вверхъ, куда то въ глубину неизвѣданнаго, бездоннаго и свѣтлаго... Забывъ свое я и все, что съ нимъ связано, она мысленно взывала: «Господи, Господи!..» и въ этомъ словѣ выливался изъ души ея беззвучный здѣсь, звучащій торжественными созвучіями гдѣ то тамъ — гимнъ хвалы, гимнъ необъятной благодарной радости. Медленно заполнились слезой глубокіе, свѣтлые глаза Вероники. Острые лучи, идущіе отъ поникадила, перекрещиваясь отражались въ горячей каплѣ повисшей на рѣсницѣ. Слеза скатилась по щекѣ и упала на холодную каменную плиту, какъ падали тысячи, милліоны такихъ капель на эти вѣками безмолвные плиты, свидѣтели цѣлаго океана скорбей, принесенныхъ сюда бѣдными, затерянными пылинками великаго космоса...

Долго стояла такъ Вероника со звучащей душой, унесенная въ безымянныя дали безымянныхъ міровъ, доступныхъ только полету души. Она очнулась, встала, постояла еще немного и, съ легкой свѣтлой душой, тихо направилась къ выходу.

Отъ боковой коллоны отдѣлилась мужская фигура, направляясь въ ея сторону. Вероника почувствовала, что вся кровь прилила къ сердцу:

— Князь Суровъ!.. Онъ... Онъ... — кричало ея сердце въ радостной тревогѣ.

Они поровнялись. Она ошиблась: это былъ кто то, напоминавшій его издали. Вероника перевела дыханіе, силясь успокоить учащенное біеніе сердца.

— Такъ вотъ къ чему приводятъ всѣ ея старанія забыть его,—думала она, выходя изъ храма на площадку, обвѣянную свѣже-выпавшимъ хрустящимъ подъ ногой снѣгомъ. — Значитъ онъ живъ, живъ въ ея сердцѣ, и любовію, принадлежащей ему, она жалѣетъ и воображаетъ, что любитъ Асташова.

Вернувшись домой, Вероника только что собиралась, при особой электрической лампочкѣ, засѣсть за начатый этюдъ, какъ раздался звонокъ телефона. Асташовъ, чувствовавшій себя гораздо лучше, просилъ ее навѣстить его.

— Я соскучился безъ васъ, — пріѣзжайте хоть на часокъ, сдѣлайте это для больного.

— Хорошо я пріѣду попозже.

— Нѣтъ сейчасъ.

— Невозможно никакъ, — отвѣтила Вероника, чувствуя, что ей необходимо побыть одной, чтобы дать улечься всколыхнувшимся въ ея сердцѣ волнамъ.

Вечеромъ она поѣхала къ Асташову, ждавшему ее если не съ нетерпѣніемъ, то съ пріятнымъ чувствомъ, съ какимъ ожидаетъ шахматистъ хорошаго партнера.

Вероника нашла его слегка похудѣвшимъ, съ осунувшимся лицомъ и увеличенными глазами отъ продол-

жительнаго жара. Это ему шло такъ же, какъ и нѣкоторая вялость движеній и легкая слабость.

— Divina profetessa, если ожидать вашего появленія и радоваться ему — значитъ оживать, то я оживаю, — цѣлуя руки Вероники говорилъ Асташовъ, вводя ее въ комнату хризантемъ, гдѣ опять голубовато-опаловый свѣтъ наполнялъ ее мягкими и теплыми волнами. Онъ подошелъ къ бѣлой фарфоровой лампѣ и зажегъ электричество.

— Какое у васъ сегодня особенное лицо... Что съ вами, Вероника Антоновна? Вы похорошѣли, глаза блестятъ... Можно узнать причину?

— Причина простая: у меня легко и радостно на душѣ отъ ничего... отъ совокупности маленькихъ, хорошихъ переживаній.

— Какихъ же?

— Вы будете смѣяться... но извольте, я скажу вамъ. Во первыхъ, я ложусь рано, и мнѣ снятся хорошіе сны; во вторыхъ, я перечитываю «Войну и миръ» и просто упиваюсь. Какой широкій размахъ! Какая сила красокъ! Какіе мощные мазки!

— Такъ... дальше...—иронически улыбнулся Асташовъ.

Вероника поймала эту улыбку, но заставила себя не обратить на нее вниманіе, чтобы не нарушить уравновѣшеннаго, хорошаго состоянія души.

— Дальше, — продолжала она, — у меня отлично ложатся краски, и я добилась за эти дни интересныхъ свѣтовыхъ эффектовъ въ моемъ послѣднемъ этюдѣ...

— Мгм...—промычалъ Асташовъ, съ видомъ комичнаго одобренія наклоняя голову.

— Затѣмъ сегодня я слышала за моей спиной два ласковыхъ голоса, называющихъ мое имя съ похвалой художницѣ. А послѣ всего этого въ полумракѣ храма, подлѣ жарко горящихъ у образа Богоматери свѣчей, я окунулась въ иную жизнь... жизнь души... и давно мнѣ не было такъ легко, такъ свѣтло какъ теперь.

Ну чтожъ, чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало, — проговорилъ Асташовъ, не переставая улыбаться чуть замѣтной, холодной улыбкой, дѣлающей его лицо сухимъ и далекимъ.

— Я не вижу, въ чемъ же собственно заключается мое тѣшеніе? — Вероника сдвинула брови.

— Отъ начала до конца. Перечитываніе хлама вродѣ «Война и миръ», отъ котораго давно бы пора русской литературѣ открреститься, васъ приводитъ въ восторгъ.

— Что такое?.. «Война и миръ» хламъ?

— Наичистѣйшій, вѣрнѣе наигрязнѣйшій. Если случайно, эти книжонки попадаются мнѣ подъ руку, я спѣшу обмыть руки сулемой. Публика охаетъ и ахаетъ надъ всякой дрянью, но это еще не резонъ соглашаться съ мнѣніемъ ословъ. Изъ произведеній Толстого сдѣлали себѣ какой то классическій образецъ, которому надлежитъ подражать, у котораго надо учиться! Помилуйте, что тамъ хорошаго?.. Шаблонный стиль, шаблонная образность, герои набитые трухой...

— Ну, вы это говорите на зло кому то или ради духа противорѣчія, или изъ желанія оригинальничать. Все это пустяки, Валерій Романовичъ. Вмѣсто того, чтобы тратить сулему на ваши руки, дайте я вымою

ею мои уши послѣ этихъ вашихъ словъ. — Вероника разсмѣялась, однако поняла, что Асташовъ не ограничится одними нападками на Толстого.

— Я еще не кончилъ. Или вамъ неугодно, чтобы я говорилъ?

— Пожалуйста, — пожала плечами Вероника.

— Вы испытываете удовлетвореніе вашихъ художественныхъ стремленій оттого, что нашли свѣтовые эффекты, которые уже всѣмъ надоѣли, потому что это школа отжившая. Надо искать новыхъ путей...

— Вродѣ футуризма?.. — подсказала Вероника.

— Хотя бы.

— И рисовать паштеты или шо-фруа на египетскихъ пирамидахъ?..

— И это будетъ новѣе, чѣмъ вашъ раненный на носилкахъ...

— Ну, хорошо. Продолжайте дальше, — заглушая въ себѣ чувство досады, перебила его Вероника.

— А дальше ужъ и совсѣмъ наивно. Васъ умиляютъ восхваляющіе вашъ талантъ неизвѣстные вамъ люди, быть можетъ круглые невѣжды, не умѣющіе отличить Рафаэля отъ мазни Маковскаго, и вы мчитесь въ Божій храмъ, вѣроятно, роняете тамъ благодарную слезу... умиленно возносите молитвы...

— А теперь довольно... вы слышите, Валерій Романовичъ? я говорю вамъ—довольно.

— Это что же: я, по вашему, не достоинъ произносить имя Божіе? Совершенно напрасно. Я вѣрный слуга католической церкви и святѣйшей главы ея— папы и конечно умѣю чтить его не хуже, чѣмъ вы

вашихъ попишончиковъ. Et puis, j'aime le petit yésus... pendant l'elévation je...

— Если вы не перестанете, сейчасъ же не прекратите разговоръ на эту тему, то я уѣду... я говорю вамъ серьозно.

— Dieu, que vous êtes colère!—извольте, я могу говорить и о другомъ, но только не о Толстомъ, Маковскомъ, Рѣпинѣ и всей этой рухляди.

— Я вижу, что болѣзнь сдѣлала васъ злымъ. Это очень жаль. Вы мнѣ не нравитесь такимъ.

— Чтобы угодить моей гостьѣ, я согласенъ говорить подъ ея диктовку.—Асташовъ разсмѣялся и, съ жестомъ примиренія, пересѣлъ въ кресло, стоявшее рядомъ съ Вероникой.

Она старалась заглушить въ себѣ досаду за то, что онъ съумѣлъ нѣсколькими словами спугнуть ея свѣтлое, чистое настроеніе, но ей это не удавалось. Настроеніе ея упало, не было желанія дѣлиться мыслями или спорить, не было чувства жалости къ пустымъ, холоднымъ и, минутами, печальнымъ глазамъ. Невольно вспоминались недавно пережитыя минуты сердечной тревоги и радости, когда показалось, что отъ темной колонны отдѣлилась и знакомая, и чужая, и близкая сердцу, и далекая фигура князя Сурова. Какъ непохожи были ея сердечныя переживанія къ князю съ тѣмъ, что переживается ею къ личности Асташова! Тамъ хоть и была боль сердца и боль обиды, но безъ примѣси какихъ то сложныхъ, искусственно созданныхъ царапинъ сердцу, сквозь которыя исподволь вползала не то тоска, не то усталость, которыхъ Вероника никогда въ своей жизни не знала.

Асташовъ, удовлетворенный разрушительнымъ дѣйствіемъ своихъ рѣчей, сдѣлался ласковымъ, какъ будто въ благодарность за то послушаніе, съ которымъ впечатлительность Вероники поддавалась его вліянію. Ему нравилось видѣть ее сразу притихшей, съ потухшими глазами, какъ будто усталой, съ вялыми движеніями и вялой рѣчью.

— Теперь вы мнѣ милѣе, чѣмъ когда вошли... такая вы тянете меня больше,—наклоняясь къ ней, прошепталъ Асташовъ.

— Мнѣ это все равно,—устало отвѣтила она.

— Вотъ въ этомъ «все равно», созданномъ мной и заключается особый charme.—Асташовъ опустился на колѣни, взялъ холодную, инертную руку Вероники и положилъ себѣ на голову.

— Зачѣмъ это? Вѣдь вы пустой... мертвый.—Она хотѣла снять свою руку съ наклоненной головы Асташова.

— И вы сейчасъ вѣдь мертвая,—удерживая ея руку, проговорилъ онъ.

— Вы думаете?

— Я увѣренъ.

Асташовъ приникъ еще ближе къ ней, обвилъ ея станъ руками и неожиданно съ силой прижалъ ее къ себѣ. Въ глазахъ его загорѣлись незнакомыя для нея искорки. Что то черствое, почти жестокое отразилось въ чертахъ его лица. Вероника сдѣлала усиліе, чтобы освободиться, но руки Асташова сомкнулись плотнѣе, жестокая складка искривила тонкую линію рта, и незнакомые огоньки вспыхнули ярче въ жутко-пустыхъ холодныхъ глазахъ.

— Не противтесь. Все роавн вы никуда отъ меня не уйдете,—прошепталъ ѳнъ приникая губами къ ея губамъ.

— Нѣтъ, ни за что!..—она съ силой оттолкнула отъ себя Асташова, разомкнула его руки и поднялась съ кресла. Опять передъ ней всталъ образъ Сурова, живой, близкій, манящій...

— Нѣтъ, я не мертвая. Жизнь бьетъ во мнѣ ключомъ... Вы ошиблись, Валерій Романовичъ.

— Тѣмъ хуже для васъ... процессъ умиранія тяжелѣе смерти. Если вамъ это нравится—будемъ его затягивать.

— Валерій Романовичъ, я уйду отъ васъ... довольно!

— Нѣтъ, не уйдете. Завтра ночью я позвоню вамъ, милая, строптивая ученица моя, и вы будете говорить со мной, потому что я скажу вамъ хорошія слова. Сегодня же, за то что вы не захотѣли моихъ ласкъ, я сознаюсь вамъ, что больше думалъ конечно о васъ, чѣмъ о себѣ. Я заморозилъ васъ и хотѣлъ немножко отогрѣть.

— Какъ видите, мнѣ этого не надо.—Вероника, сдерживая себя, отвѣчала совершенно равнодушнымъ и спокойнымъ голосомъ, но пальцы, въ которыхъ она вертѣла вынутый изъ вазы цвѣтокъ, замѣтно дрожали.

— А если я вамъ скажу, что мнѣ нужна не ласка, а нѣчто большее...

— Что же?

Асташовъ подошелъ къ Вероникѣ, осторожно взялъ у нея цвѣтокъ и молча поднесъ къ губамъ. Нельзя

было отгадать, былъ ли это жестъ машинальный или преднамѣренный.

— Мнѣ нужна ваша любовь, потому что я самъ, кажется, готовъ полюбить васъ.

— Я вамъ не вѣрю.—Она медленно покачала головой.

— Если захочу, то заставлю васъ повѣрить...

Вероника уѣхала отъ Асташова еще больше сбитая съ толку, чѣмъ была раньше. Она рѣшила хоть на время прекратить съ нимъ видѣться и говорить; но на другой день раздался звонокъ телефона гораздо раньше, чѣмъ обыкновенно. Она подошла къ аппарату, и Асташовъ опять завлекъ ее въ заколдованный кругъ, въ которомъ, лаская и мучая, не отпускалъ отъ себя.

XIV.

Быстровъ до послѣдняго дня былъ увѣренъ, что Вѣра Илларіоновна ограничится одними сборами и разговорами и потому былъ крайне раздосадованъ, когда она, назначивъ день отъѣзда, объявила ему объ этомъ.

— Только женщины изъ-за любовной блажи способны, ни съ чѣмъ не считаясь, коверкать жизнь и себѣ и другимъ,—досадливо повелъ онъ плечами въ отвѣтъ на ея заявленіе.—И кого ты хочешь этимъ удивить? Повѣрь мнѣ, что менѣе всего отъѣздъ подѣйствуетъ на твоего толстокожаго героя...

— Хорошо, хорошо, Миша, оставь пожалуйста...—замахала руками Быстрова.—Ты ровно ничего не понимаешь; ну и не надо... и не будемъ объ этомъ говорить.

— Ахъ вотъ какъ! Дѣлаешь мнѣ каверзу, и я же долженъ молчать... Женская логика.

Друзья, которыхъ у Быстровой было много, отнеслись къ ея отъѣзду очень сочувственно. Многіе догадывались что побудило ее такъ внезапно и рѣшительно бѣжать отъ привычной жизни и тѣмъ болѣе подчеркивали свои симпатіи къ ней, не оправдывая Михайловскаго, ухаживанія котораго одно время были замѣчены многими.

Вѣра Илларіоновна упорно избѣгала возможностей съ нимъ встрѣтиться, послѣ рѣшительнаго разговора на вечерѣ, такъ какъ чувствовала, что, не смотря на всѣ упреки, въ глубинѣ души она простила ему измѣну чувствъ, и, при свиданіи, могла бы выдать себя.

Наканунѣ отъѣзда она была у Вероники, которая, поддерживая въ ней бодрость духа, сочувственно относилась къ ея рѣшенію уѣхать и, не умѣя когда надо, успокоить себя, отлично дѣйствовала на другихъ.

— Пишите мнѣ, милочка, какъ можно чаще пишите,—просила ее Быстрова.—Я уѣзжаю съ очень тяжелымъ сердцемъ не только изъ за всего пережитого, но, скажу вамъ по секрету, меня серьозно безпокоитъ Миша. Я не вмѣшиваюсь, политикой не занимаюсь, но ушей заткнуть не могу и слышу такія вещи, что не знаю ужь, что мнѣ и думать... Или Миша ослѣпленъ своей властью и не видитъ подъ ногами пропасти, или у него есть комбинаціи, которыхъ онъ, быть можетъ, не хочетъ или не можетъ открывать... Скажите мнѣ откровенно, что вы думаете объ этомъ?

— Я думаю, что онъ дѣйствительно ослѣпленъ властью и потому не понимаетъ, что его политика, а

также близость и солидарность въ дѣлахъ со «старцемъ» могутъ погубить не только его, но и гораздо, гораздо большее,—отвѣтила Вероника.—На дняхъ я была у тети Анастасіи Ивановны; она говорила, что дядя очень взволнованъ настоящимъ положеніемъ вещей и негодуетъ на вашего брата. Скажите мнѣ, вы ничего за нимъ не подмѣчали: онъ здоровъ?

— То есть, какъ это?—На лицѣ Быстровой выразилось изумленіе.

— Тетя говорила мнѣ, что нѣкоторыя лица, имѣющія съ нимъ близкое соприкосновеніе, начинаютъ думать, что онъ не вполнѣ нормаленъ, до такой степени его поступки дерзки и опасны для Россіи.

— Боже мой, что вы говорите, Вероника Антоновна! Неужели Миша зарвался въ такой степени?.. Отчего же вашъ дядя или ну хоть Зарянко, или кто нибудь изъ достойныхъ всеобщаго уваженія людей не поговорятъ съ нимъ откровенно, не докажутъ ему?

— Все это уже было и ни къ чему не привело, кромѣ какъ къ обостреннымъ отношеніямъ.

— Но Миша вѣдь не злой человѣкъ. Je commence à perdre mon latin avec tout ce qui le concerne. Вы спрашиваете, не боленъ ли онъ? Такая мысль мнѣ никогда и въ голову не приходила. Онъ всегда казался мнѣ человѣкомъ очень разсудительнымъ. Да, пожалуй, нѣкоторая неуравновѣшенность у него есть... Онъ иногда можетъ много и безостановочно говорить... бросается на новыя знакомства... хватается за голову, что у него дѣлъ выше горла и въ тоже время возится съ ногтями или со своимъ туалетомъ битый часъ... бываетъ порывистъ, но вѣдь все это еще не есть признакъ ненор-

мальности. Многіе изъ насъ страдаютъ и многорѣчивостью и суетливостью. Самое яркое, что въ немъ всегда было и что я сильно осуждала,—это страсть къ блеску и безумная жажда быть поближе къ высокимъ особамъ; но опять таки въ этомъ нѣтъ ничего ненормальнаго, или преступнаго.

— Дядя говоритъ, что вашъ братъ тянетъ Россію въ пропасть. Вѣра Илларіоновна милая, попробуйте передъ отъѣздомъ поговорить съ нимъ,—нерѣшительно посовѣтовала Вероника.

— Хорошо, я скажу ему, но знаю, что толку изъ моихъ словъ выйдетъ мало, такъ какъ Миша считаетъ меня отсталой, чуждой политическимъ интересамъ, близорукой, словомъ—ровно ничего не понимающей.

— Тогда... попробуйте поговорить съ его пріятельницей—Маріей Аполлоновной. Откройте ей глаза, пусть она повліяетъ на него.

— Съ этой интриганткой? Вотъ ужъ настоящая шельма! Я не сомнѣваюсь, что она преслѣдуетъ исключительно одну цѣль—женить на себѣ брата, а остальное ей въ высокой степени безразлично: хоть тутъ вся Россія провались... Иначе она не принимала бы у себя этого колдуна въ поддевкѣ и не устраивала бы Мишины совѣщанія съ нимъ. Кромѣ того, она преисполнена громаднаго самомнѣнія. Я ее, сознаться, терпѣть не могу. Сейчасъ она поетъ Мишѣ въ тонъ и врядъ ли захочетъ перечить ему. Если ей удастся окрутить Мишу, быть можетъ тогда она съумѣетъ быть разумной ему совѣтчицей.

— Ну, до этого долго ждать, а время не терпитъ.

— Въ такомъ случаѣ, не лучше ли будетъ, если

я поговорю только съ ней. Мои урезониванія будутъ дѣйствовать на Мишу, какъ горохъ объ стѣну, а если эта Мэри и наговоритъ мнѣ всякихъ колкостей, то меня это мало трогаетъ, тѣмъ болѣе что я уѣзжаю. Значитъ рѣшено: я поговорю съ ней и по телефону скажу о результатахъ. Досвиданія, милочка, жду васъ на фронтъ въ тѣ мѣста, гдѣ буду сама.

— Ну, ужъ это трудно предрѣшить. Я буду хлопотать и увѣрена, что мнѣ удастся поѣхать, а куда именно—Богъ знаетъ. Пожалуйста передайте, если сами увидите, а если нѣтъ, то перешлите тамъ брату Никѣ это письмо и посылочку. Онъ очень просилъ меня прислать какао и végétal, а я приложила еще нѣсколько плитокъ шеколаду и заплатила уже десять рублей за фунтъ. Разскажите ему про меня все, что знаете и скажите, что весной хочу прикатить на фронтъ.

— Хорошо, я передамъ непремѣнно. И вотъ еще что: когда увидите Михайловскаго, то, между прочимъ такъ—въ разговорѣ, скажите ему, что я... а впрочемъ, нѣтъ... ничего не надо говорить. Коли не судьба, то словами не поможешь.

Вѣра Илларіоновна поспѣшно вынула изъ муфты носовой платокъ и отерла выступившія на глазахъ слезы.

— Дорогая моя, не плачьте,—не стоитъ,—попробовала ее утѣшить Вероника.

— Какъ не стоитъ! Это вы такъ говорите потому, что вамъ все въ жизни удается.

— Ахъ, Вѣра Илларіоновна,—все ли?...—сокрушенно покачала головой Вероника.

Вернувшись домой, Вѣра Илларіоновна хотѣла пройти къ брату, но узнавъ, что у него сидитъ Марія Аполлоновна, передумала и приказала лакею попросить Марію Аполлоновну на ея половину, когда та будетъ уѣзжать.

Черезъ часъ Мэри, зябко кутаясь въ широкій скунсовый этоль—подарокъ Быстрова,—и нервно передергивая плечами, входила въ гостинную на половинѣ Вѣры Илларіоновны, очень заинтригованная такимъ неожиданнымъ приглашеніемъ. Хотя наружно отношенія ихъ были вполнѣ корректны, однако онѣ сторонились другъ друга, не чувствуя взаимной симпатіи.

— Часа полтора тому назадъ я заѣзжала къ вамъ, Марія Аполлоновна, желая, передъ отъѣздомъ повидать васъ и поговорить съ вами. Завтра я уѣзжаю и не успѣла бы вторично быть у васъ, потому и просила васъ зайти ко мнѣ.

Вѣра Илларіоновна говорила совершенно спокойно и увѣренно. Онѣ сѣли на диванъ въ неуютномъ углу слишкомъ большой, оффиціальнаго вида гостинной.

— Да, я только что узнала отъ Михаила Илларіоновича, что завтра вы уѣзжаете. И это безповоротно? Какая, право, нехорошая! Михаилъ Илларіоновичъ мнѣ жаловался на васъ. Онъ очень огорченъ вашимъ отъѣздомъ.

— Что же дѣлать... Каждому свое.

— Но ваше присутствіе въ этомъ домѣ такъ необходимо для вашего брата...

— Миша преувеличиваетъ. Отлично все устроится и безъ меня, хотя, сознаюсь, я уѣзжаю съ нѣкоторой тревогой за брата.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Именно объ этомъ я и хочу серьезно поговорить съ вами передъ отъѣздомъ.

Мэри насторожилась. Вѣра Илларіоновна, не называя именъ, передала ей все, что слышала отъ Вероники, отъ Михайловскаго и что доходило до ея ушей съ другихъ сторонъ.

— Вы дружны съ Мишей, и вы должны предостеречь его отъ бѣды,—докончила она свою длинную рѣчь.

— Михаилъ Илларіоновичъ не только не нуждается въ совѣтахъ, но обладаетъ, по моему, такимъ государственнымъ умомъ, что не намъ съ вами учить его, милая Вѣра Илларіоновна.—Мэри слушала Быстрову съ усмѣшкой, какъ будто напередъ все отгадывающей, что бы ей ни сказали.

— Никогда у Миши государственнаго ума не было и быть не можетъ, а если вы его увѣряете въ этомъ, то поступаете крайне неосторожно, потому что брата надо удерживать, а не наталкивать на безразсудства,— горячо возразила Быстрова.

— Позвольте, Вѣра Илларіоновна, при чемъ же тутъ я?

— Не будемте играть въ прятки, Марія Аполлоновна. И я, и многіе другіе знаютъ не только о вашей дружбѣ съ братомъ, но и о вашемъ участіи въ нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся его дѣятельности.

— Не понимаю...—холодно произнесла Мэри, поднявъ брови и принимая церемонный видъ.

— Если хотите je mettrai les points sur les i, — пожала плечами Быстрова.—Вы ведете самыя разнородныя дѣла, опираясь на близость вашу къ брату, а главное, вы способствуете его опасной дружбѣ съ этимъ

проходимцемъ—мужикомъ. Неужели вы не понимаете, Марія Аполлоновна, что вооружая противъ себя все общественное мнѣніе, братъ роетъ себѣ яму. Если всѣ противъ него, значитъ въ его образѣ дѣйствій есть нѣчто предосудительное, опасное...

— Я слишкомъ вѣрю и уважаю Михаила Илларіоновича, чтобы критиковать его дѣятельность.

— А я люблю брата и потому повторяю вамъ, не толкайте его къ краю пропасти.

— Вѣра Илларіоновна, вашъ тонъ и всѣ ваши эти порицанія я не принимаю близко къ сердцу, такъ какъ отгадываю ихъ истинную причину: въ ваши годы у дѣвушекъ бываетъ сильно развито чувство ревности къ братьямъ, если имъ некого ревновать иного.—Мэри поднялась съ дивана.

— Ваши слова совсѣмъ неумѣстны, а потому нисколько меня не обижаютъ. Не далѣе какъ недѣли двѣ тому назадъ я же совѣтовала брату жениться на васъ. Думаю, что въ вашихъ же интересахъ удержать его отъ покушеній сломать себѣ шею.

Мэри хотѣла что то возразить, но въ эту минуту съ шумомъ распахнулась дверь, и Быстровъ, съ блѣднымъ перепуганнымъ лицомъ, вбѣжалъ въ гостинную, упалъ на первое попавшееся кресло и, схватившись за голову, съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ закричалъ:

— Боже мой, что они надѣлали!.. Что они надѣлали!...

Обѣ женщины бросились къ нему:

— Что такое?... Что случилось?...

— Они убили его... нашего друга... старца убили... скорѣй велите подать автомобиль... я ѣду туда... къ ней... въ Царское...

XXV.

Пріемный залъ въ министерскомъ домѣ былъ полонъ публики. Съ бѣлыхъ стѣнъ глядѣли въ большихъ золоченыхъ рамахъ сановныя лица всѣхъ министровъ, начиная съ самаго основанія министерства. Публика, ожидавшая выхода министра чуть ли ни полъ дня, сидѣла, стояла по одиночкѣ, прислонясь къ стѣнѣ или же, небольшими группами, тихо переговаривалась. Нѣкоторые, не имѣя возможности ждать дольше, устало поднимались, съ недовольными лицами переговаривались съ секретаремъ и уѣзжали. Были тутъ сановники въ звѣздахъ и орденахъ, заслуженные генералы въ походной формѣ, только что пріѣхавшіе съ фронта, губернаторы изъ далекихъ губерній, были разные просители неопредѣленныхъ званій и положеній, коммерсанты, дамы въ глубокомъ трауръ, молчаливыя и печальныя, нарядныя дамы, бойкія, что то щебечущія франтоватому, съ иголочки одѣтому, прилизанному и припомаженному секретарю, недавно выпущенному со скамьи привилегированнаго заведенія и получившаго, благодаря усерднымъ хлопотамъ мамаши или тетушекъ, этотъ, какъ ему казалось, блестящій, полный отвѣтственности и хлопотъ, постъ. Нѣсколько женщинъ въ простыхъ платьяхъ и платкахъ робко жались подлѣ входной двери, съ любопытствомъ и изумленіемъ разглядывая важныхъ особъ. У широкой стѣны противъ оконъ сидѣло человѣкъ десять азіатскихъ кочевниковъ, оживляя своими яркими пестрыми костюмами общую картину однообразно темныхъ тоновъ. Они вполголоса

переговаривались, бросая быстрыя и живыя взгляды на двухъ юныхъ монахинь, скромно сидѣвшихъ неподалеку отъ нихъ со смиренно и неуклонно опущенными внизъ взорами. Наблюдательный взглядъ могъ бы уловить едва замѣтную, чуть порхающую въ углахъ яркихъ губъ улыбку у одной изъ нихъ, юной, съ матовымъ цвѣтомъ лица и раскидистыми, какъ кистью художника обрисованными черными бровями и длинными рѣсницами. Подлѣ сидѣвшей въ креслѣ престарѣлой игуменьи, съ золотымъ крестомъ на груди, стояла въ почтительной позѣ молодая келейница, то и дѣло скашивавшая глаза въ сторону пестрыхъ—алыхъ и желтыхъ азіатскихъ халатовъ и тюрбановъ, когда изъ общаго сдержаннаго полушопота вырывались отдѣльные звуки ихъ гортаннаго колоритнаго говора.

Благообразный курьеръ, съ длинными сѣдыми баками, наконецъ распахнулъ дверь министерскаго кабинета. Быстровъ, потирая ладони рукъ, на одну минуту, съ явнымъ расчетомъ на эффектъ, задержался у порога, обвелъ глазами поднявшуюся при его входѣ публику и затѣмъ началъ обходить просителей. Къ каждому онъ былъ устало-внимателенъ, то молча, склонивъ на бокъ голову, выслушивая просьбу, то задавалъ два три вопроса тягучимъ, слегка въ носъ голосомъ, то съ первыхъ же словъ, дѣлая безнадежный жестъ, разводилъ руками и со словами: безсиленъ, безсиленъ... подайте прошеніе въ Сенатъ... обратитесь непосредственно къ министру юстиціи... подайте записку...—шелъ къ слѣдующимъ. Дамъ онъ выслушивалъ съ оттѣнкомъ свѣтской учтивости, по привычкѣ шармируя взглядомъ, жестомъ, интонаціей го-

лоса. Однако съ нѣкоторыми лицами онъ былъ сухъ и почти надмѣненъ. Это были тѣ, которыхъ онъ считалъ своими врагами, т. е. тѣ, которые остались на своихъ прежнихъ позиціяхъ и не послѣдовали за нимъ. Глядя на него со стороны, приходило въ голову, что этотъ человѣкъ, съ прекрасными, мягкими театральными движеніями, въ данный моментъ занятъ не серьезнымъ, отвѣтственнымъ дѣломъ, а талантливо демонстрируетъ передъ публикой прекрасно выученную роль блестящаго министра.

Выслушавъ сбивчивую просьбу женщины въ платкѣ, низко, съ причитаніями отвѣшивавшую ему поклоны, Быстровъ, неожиданно для всѣхъ, поднялъ руку кверху и громко, такъ что бы слышали это и другіе, воздѣвъ очи къ потолку, произнесъ:

— Молись, молись, касатка...

Выходившій въ это время толстякъ въ походной формѣ, котораго Быстровъ теперь не удостоилъ даже взглядомъ и не подалъ руки, не такъ давно близкій сотрудникъ и единомышленникъ,—круто обернулся и, съ изумленіемъ и негодованіемъ, замѣтилъ шедшему съ нимъ рядомъ старичку:

— Это что же еще?..Подражаніе убіенному пророку?.. Тоже въ старцы записывается... Ну и скоморохъ!..—развелъ онъ руками и презрительно покачалъ головой.

— Не будетъ добра отъ такого министра... Россія не игрушка ему, не побрякушка для его шутовского колпака...—зашепталъ старичокъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ и, хотя никого не было подлѣ, прикрывая рукой ротъ, чтобы заглушить и безъ того тихо сказанныя слова.

Обойдя всѣхъ просителей, Быстровъ направился къ двери своего кабинета. Ни на минуту не забывая, что онъ еще на сценѣ, онъ широкимъ красивымъ и усталымъ жестомъ провелъ вдоль лба, какъ бы освѣжая обремененную дѣлами голову. Въ то же самое время онъ думалъ о томъ, что золотая пломба, поставленная вчера дантистомъ въ боковой зубъ, портитъ его улыбку.

Войдя въ кабинетъ, Быстровъ прямо подошелъ къ зеркалу, провелъ рукой по волосамъ, еще разъ, съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на блестящій золотой зубъ, взялъ съ рядомъ стоящаго круглаго столика въ его отсутствіе принесенную корреспонденцію, увидѣлъ письмо отъ Вѣры Илларіоновны, хотѣлъ вскрыть, но передумалъ и переложилъ его на письменный столъ, сѣлъ въ кресло, поточилъ тоненькой пилочкой миндалевидные ногти, потомъ слегка отодвинувшись отъ стола, заложилъ ногу на ногу, придалъ лицу оффиціально-пріятное выраженіе, полу-закрылъ глаза и нажалъ пуговку эмалеваго плоскаго звонка. Неслышно открылась громадная половина темной подъ орѣхъ двери, и вошелъ высокій бравый генералъ съ темно-синей лентой Бѣлаго Орла черезъ плечо, съ орлинымъ носомъ и надмѣннымъ выраженіемъ прекрасныхъ голубыхъ глазъ. Быстровъ, съ предупредительнымъ движеніемъ, поднялся ему на встрѣчу.

Вслѣдъ за генераломъ входили въ кабинетъ министра одинъ за другимъ просѣтители, которымъ былъ назначенъ особый пріемъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Быстровъ вступалъ въ безконечные разговоры частнаго характера, совершенно забывая, что въ залѣ ждутъ остальные посѣтители, измученные безконечнымъ ожи-

даніемъ и потерявшіе всякое терпѣніе. Послѣднимъ вошелъ въ кабинетъ чиновникъ почтоваго вѣдомства съ Владиміромъ въ петлицѣ, солиднаго вида человѣкъ, бережно несшій объемистый портфель, въ которомъ находились цѣлыми пачками, тщательно разсортированныя и особыми спеціалистами перлюстрованныя письма, телеграммы и телефонограммы должностныхъ и частныхъ лицъ, иногда очень высокаго положенія. Такимъ образомъ Быстрову, не выходя изъ своего кабинета, удавалось улавливать этимъ беззастѣнчивымъ и нечистоплотнымъ способомъ врыванія въ интимную жизнь общественныхъ дѣятелей и близкихъ къ нимъ людямъ, много необходимыхъ свѣдѣній и важнаго матеріала для истинной оцѣнки полезныхъ для него людей и опасныхъ враговъ.

Покончивъ съ дѣлами, Быстровъ всталъ, потеръ руки, внимательно и задумчиво оглядѣлъ ногти и надавилъ кнопку звонка. У двери появился съ сѣдыми баками курьеръ.

— Попроси къ обѣду Павла Ивановича.—Быстровъ въ пріемные дни обыкновенно приглашалъ къ столу своего секретаря.—Какъ только пріѣдетъ Яроцкій— пусть подаютъ... Да, вотъ еще что: скажи Павлу Ивановичу, чтобы далъ знать въ охранку, что въ девять мнѣ будетъ поданъ автомобиль.

— Слушаю-съ.—Курьеръ скрылся, но черезъ минуту, распахивая дверь, негромко, но ясно, съ оттѣнкомъ почтительности произнесъ:

— Его превосходительство господинъ товарищъ министра Гоголь-Яроцкій.

Алексѣй Семеновичъ Гоголь-Яроцкій былъ неболь-

шого роста, худощавый, сухой, спокойный и не торопливый въ движеніяхъ и въ рѣчахъ человѣкъ. Сѣдые волосы были гладко причесаны, подбородокъ аккуратно выбритъ, сѣрые глаза, уже потухшіе, смотрѣли умно и безстрастно, а глубокія морщины подлѣ глазъ и вдоль лба свидѣтельствовали о прожитыхъ не безъ заботы годахъ. Одѣтъ онъ былъ въ скромный темный костюмъ безъ всякаго щегольства.

Не смотря на незначительную внѣшность, Алексѣй Семеновичъ съ первыхъ же словъ внушалъ чувство симпатіи и уваженія. Въ немъ было нѣчто выпукло-опредѣленное и глубоко порядочное, что заявляло себя и въ тонѣ рѣчи, и въ манерахъ и въ спокойномъ открытомъ взглядѣ выцвѣтшихъ глазъ. Онъ принадлежалъ къ разорившейся барской семьѣ, унаслѣдовавъ отъ предковъ лучшія ихъ традиціи чести, гуманности и благородства. Оставшись въ юные годы безъ средствъ онъ, тѣмъ не менѣе, руководимый чувствомъ чести, взялъ на себя уплату отцовскихъ долговъ, юридически спорныхъ, систематически выплачивая ихъ изъ скромнаго чиновничьяго жалованія. Выросшій съ колыбели въ роскоши, онъ безропотно подавилъ въ себѣ всѣ привычки барства и сдѣлался тружеником двадцатаго числа.

Женился онъ рано на красавицѣ княжнѣ стариннаго, какъ и онъ самъ, рода. Въ приданное она принесла ему свою экзотическую красоту, вліятельныя связи, которыми Яроцкій никогда не воспользовался, кристаллически-чистую, благородную натуру и ни копейки денегъ. Она, какъ и онъ, склонилась передъ необходимостью жить скромно, въ тѣни и была истиннымъ другомъ своему мужу.

Черезъ десять лѣтъ упорнаго труда, Яроцкій, получилъ назначеніе директора департамента и на этомъ мѣстѣ застрялъ, такъ какъ чуждъ былъ всякихъ происковъ, подслуживаній и протекцій. Неуклонно идя по одному и тому же служебному пути, онъ переслужилъ десятокъ министровъ и еще большее количество ихъ товарищей, выработалъ въ себѣ строгую служебную дисциплину и обширное личное знакомство со множествомъ лицъ, изъ среды всей служащей и правящей Россіи и опредѣленное представленіе объ этой средѣ, во время многократныхъ служебныхъ поѣздокъ въ командировки по провинціямъ.

Убѣжденія Яроцкій имѣлъ вполнѣ опредѣленныя, усвоенныя имъ съ дѣтства и всю жизнь ихъ держался твердо. Онъ убѣжденно вѣровалъ въ истину формъ общественной жизни, выработанной вѣками исторической культуры, въ послѣдовательность ихъ преобразованія и въ необходимость существующаго для Россіи порядка высшаго управленія. Все что могло вызвать революціонное движеніе, онъ называлъ бунтомъ и недопускалъ попущенія, считая это преступнымъ безсиліемъ власти.

Проработавъ цѣлую жизнь въ узкой атмосферѣ бюрократической этики и дисциплины, Яроцкій въ концѣ концовъ утратилъ во многомъ свободу сужденій и взглядовъ. Прекрасно разбираясь въ самыхъ сложныхъ государственныхъ вопросахъ, онъ, въ то же время, утерялъ разумную свободу критики велѣній начальства, которые по закону обязанъ исполнять.

Мечтая о справедливо заслуженномъ отдыхѣ, Яроцкій, совершенно неожиданно для него самаго, былъ призванъ на постъ товарища министра.

Онъ отнесся къ этому внезапному назначенію вполнѣ хладнокровно, такъ какъ существовавшее обостренное положеніе породило, по выраженію одного изъ думцевъ, политическую игру въ чехарду, и сановники смѣняли на своихъ постахъ одинъ другого съ кинематографической быстротой. Ему не приходило въ голову, что въ желаніи Быстрова имѣть своимъ помощникомъ хорошо и давно извѣстнаго ему Яроцкаго, лежалъ очень тонкій и искусный замыселъ.

Съ первыхъ же словъ своего разговора, Быстровъ объявилъ Яроцкому, что видитъ въ немъ не только сотрудника, но и совѣтчика и даже больше: главную машину сложнаго бюрократическаго механизма.

— Я чиновникъ плохой, Алексѣй Семеновичъ и, сознаться, даже плохо понимаю всю эту систему управленія. Вы же человѣкъ опытный и прекрасно знающій каждый винтъ, каждый гвоздь этой машины, въ лицѣ отдѣльныхъ ея группъ и лицъ. Прошу васъ, возьмите въ свое безконтрольное вѣдѣніе всѣ эти кипы бумагъ и располагайте росчеркомъ моего пера подъ каждой, прошедшей черезъ ваши руки, бумагой. Я довѣряю вамъ безусловно и во всемъ. Моя роль ограничивается лишь общимъ направленіемъ министерской политики, при чемъ, хочу надѣяться, что и въ этомъ дѣлѣ вы будете мнѣ совѣтчикомъ. Основныя точки зрѣнія, знаю, у насъ однѣ и тѣ же, слѣдовательно разногласій у насъ получиться не можетъ.

Такимъ образомъ Быстровъ, сваливъ на плечи своего товарища всѣ тяготы управленія, скрылъ отъ него самое главное: всю глубину истинныхъ мотивовъ своей

политики и сущность своихъ личныхъ интригъ, составляющихъ изнанку дѣла. Кромѣ того, онъ тщательно скрывалъ отъ Яроцкаго тѣ беззастѣнчивые способы, которые пускалъ въ ходъ, не задумываясь надъ ихъ послѣдствіями. Быстровъ пользовался не только совѣтами Яроцкаго, но и безпокоилъ его ежечастно, чуть ли—ни ежеминутно. То онъ вызывалъ его для пустячныхъ справокъ, то для пріема безчисленнаго количества, мало интересующихъ его самаго, лицъ, то заставлялъ его объясняться въ законодательныхъ палатахъ по дѣламъ, которыя были имъ запутаны и послѣднее слово по которымъ ловко оставлялъ за собой, прячясь за спину своего помощника.

Въ ту минуту, какъ въ кабинетѣ Быстрова громадные часы работы Нортона, въ длинномъ изъ краснаго дерева футлярѣ, тягуче пробили четверть восьмого, лакей доложилъ, что кушать подано, и Быстровъ, интимнымъ жестомъ взявъ Яроцкаго подъ руку, прошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ столовую, огромную, расписанную по золотому фону al fresco, палату въ русско-византійскомъ древнемъ стилѣ. Когда-то эта комната устраивалась однимъ изъ предшественниковъ Быстрова съ особенной заботливостью и любовью для пріема въ ней царя; но въ таинственныхъ глубинахъ рока готовилось иное: устроитель блестящаго торжества внезапно палъ отъ руки анархиста, и день, предназначенный для пира, былъ днемъ унынія и скорби, когда тѣло преждевременно отошедшаго въ могилу сановника, лежало въ этой самой, устроенной имъ, палатѣ, въ которую царь пріѣхалъ не пировать, а отдать послѣдній долгъ своему преданному слугѣ.

Съ отъѣздомъ Вѣры Илларіоновны, обѣды Быстрова утеряли семейный непринужденный характеръ, и хотя Быстровъ былъ любезнымъ и радушнымъ хозяиномъ, однако сильно чувствовалось отсутствіе хозяйки дома съ ея веселой, беззаботной болтовней и смѣхомъ. Обѣды приняли оффиціальный и скучноватый оттѣнокъ.

Столъ былъ накрытъ на десять лицъ, состоявшихъ при министрѣ и обычно обѣдавшихъ у него: генералъ, завѣдывавшій охраннымъ отдѣленіемъ, жандармскій полковникъ, смотритель зданія, секретарь и нѣсколько чиновниковъ особыхъ порученій.

Сервировка была безъ особой роскоши, и обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ безъ мяса, такъ какъ закономъ съ недавнихъ поръ два раза въ недѣлю была запрещена продажа мяса. Какъ разъ день былъ не мясной и, въ подражаніе принятому за царскимъ столомъ правилу, Быстровъ установилъ и у себя въ домѣ въ эти дни меню изъ овощей, рыбы и молочныхъ блюдъ.

Во время обѣда Быстровъ больше молчалъ, занятый какими то размышленіями. Яроцкій бесѣдовалъ съ генераломъ, а молодежь, сдержанно переговариваясь, съ удовольствіемъ доканчивала графинъ съ легкимъ виномъ, радушно передвинутый хозяиномъ въ ихъ сторону.

Черезъ часъ, выпивъ кофе и, по примѣру хозяина, перекрестясь на большой образъ въ золотой оправѣ, висѣвшій въ углу комнаты съ теплящейся передъ нимъ лампадой, гости встали изъ за стола. Быстровъ и Яроцкій направились въ кабинетъ. На небольшомъ столѣ подлѣ массивныхъ глубокихъ креселъ, которыя

такъ любила и въ которыхъ такъ часто тонула Мэри, была приготовлена бутылка хорошаго краснаго вина и два хрустальныхъ стаканчика.

— Алексѣй Семеновичъ, я знаю, что вы любитель хорошаго вина. Прошу васъ отвѣдать. Мнѣ сегодня прислали изъ имѣнія. Это старый Шамбертэнъ. A votre santé!..—Быстровъ наполнилъ оба стаканчика и чекнулся.

Какъ бы отгадывая теченіе мыслей Яроцкаго, Быстровъ заговорилъ о томъ, что озабочивало Алексѣя Семеновича и о чемъ онъ хотѣлъ переговорить съ нимъ при первомъ же удобномъ случаѣ:

— Вѣроятно вы сѣтуете на меня, дорогой Алексѣй Семеновичъ, за то, что я, не пріѣхавъ сегодня самъ, предалъ васъ на растерзаніе; но послѣ того, какъ они позволили себѣ на миліограммѣ распространить по всей Россіи мое интимное съ ними объясненіе,—я больше ни шагу не сдѣлаю въ Думу. Пусть негодуютъ... entre nous soit dit—je m'en moque. Всему этому пора положить конецъ, потому что дальше такъ продолжаться не можетъ.

— Однако, Михаилъ Илларіоновичъ, въ сегодняшнемъ дѣлѣ, по которому я былъ дважды подвергнутъ травлѣ—и въ Маріинскомъ дворцѣ у старцевъ, и затѣмъ въ Таврическомъ,—правда далеко не на нашей сторонѣ.—Не торопливо и увѣренно возразилъ Яроцкій, протягивая по ковру скрещенныя ноги и устало кладя руки на высокія удобныя ручки кресла. — Положеніе мое было невыносимое, тѣмъ болѣе, что какъ разъ передъ этимъ были получены шифрованныя депеши отъ начальника края. На мое счастіе о нихъ еще не знали,

но для меня была очень тяжела эта освѣдомленность... Правительствомъ допущена непоправимая ошибка... кровь и гибель нѣсколькихъ тысячъ семействъ съ обѣихъ сторонъ...—Яроцкій сокрушенно вздохнулъ и тихо покачалъ головой.

— Да, вы объ этомъ призывѣ сартовъ!.. — разсѣянно, очевидно думая о чемъ то другомъ, проговорилъ Быстровъ. — Конечно, тутъ вышла нѣкоторая оплошность... я ошибся... надо было слѣдовать вашему совѣту и спорить съ военнымъ вѣдомствомъ, но ссориться съ военнымъ министромъ, тогда вновь назначеннымъ, было неудобно,—онъ усмотрѣлъ бы въ моихъ доводахъ какіе нибудь личные мотивы.

— Но вѣдь я тогда же докладывалъ вамъ, что этихъ людей, совершенно неспособныхъ къ войнѣ, не надо брать, что рабочихъ изъ ихъ среды можно заполучить и привезти сколько угодно. Я предупреждалъ, что послѣдствія могутъ быть очень серьезны, но все же не предвидѣлъ такого ужаса... Знаете ли вы, что въ двухъ уѣздахъ все русское населеніе звѣрски разгромлено, а потомъ обратной волной сметены съ лица земли цѣлыя сотни...

— Да... да... конечно это очень досадно. Я какъ то не успѣлъ тогда вникнуть въ эту справку... въ Совѣтѣ рѣшили утвердительно, я не хотѣлъ спорить... тѣмъ болѣе, что тогда это былъ его первый приказъ. Неужели дѣйствительно такое количество жертвъ? Вы, Алексѣй Семеновичъ, примите мѣры, чтобы въ печать не проникло. Впрочемъ наши новаторы-законодатели заняты теперь новой игрушкой—партіей блока. Надоѣло это превыше головы и такъ или иначе должно окончиться. Для Россіи такія забавы грозятъ гибелью.

Быстровъ, по мѣрѣ того какъ говорилъ, взвинчивалъ себя все больше и больше и наконецъ въ его полуприкрытыхъ тяжелыми вѣками глазахъ, вспыхнулъ огонекъ благороднаго гнѣва. Онъ поднялся съ кресла, прошелъ къ камину, сталъ въ театральную позу, облокотился о край полки надъ каминомъ и, поднявъ горделиво голову и дотрагиваясь рукой до груди, облеченной въ тончайшее англійское сукно, вѣско произнесъ:

— Я потребую, чтобы эти палаты умалишенныхъ были бы въ самомъ непродолжительномъ времени распущены.

Яроцкій съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Быстрова, ожидая дальнѣйшаго, но министръ молчалъ, какъ бы любуясь произведеннымъ эффектомъ сказанныхъ имъ словъ.

— Значитъ слухи, дошедшіе до меня—не ложны? Я говорю о вашемъ новомъ назначеніи, Михаилъ Илларіоновичъ. Je suis indiscret,—je vous en demande pardon.

— Pas le moins du monde,—прервалъ Яроцкаго министръ.—Ни о какомъ новомъ назначеніи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ я его ни въ какомъ случаѣ не желаю, и мнѣ стоило не малаго труда отъ него отдѣлаться. Вы, Алексѣй Семеновичъ, съ вашимъ умомъ и дальновидностью поймете меня.—Быстровъ вернулся на прежнее мѣсто, долилъ виномъ стаканъ Яроцкаго и нѣсколько минутъ помолчалъ, какъ бы готовясь высказать нѣчто очень важное. Яроцкій пристально смотрѣлъ въ лицо Быстрова.

— Вы понимаете, Алексѣй Семеновичъ, что судьба, вѣрнѣе Господь поставилъ меня волею своей стражникомъ счастія Россіи и того, кто царствуетъ надъ ней

Мы переживаемъ опаснѣйшій моментъ, но чувствуя силы свои, я спасу Россію отъ захвата власти людьми, которые все равно удержать въ своихъ рукахъ ее не съумѣютъ. Они доказываютъ это сейчасъ, сдѣлавъ изъ парламента какую то говорильню. Да и какой тамъ парламентъ!.. До парламента мы еще не доросли. Тутъ врагъ у воротъ стоитъ, а у насъ идетъ игра въ политику и борьба за власть. Пусть думаютъ, что я добиваюсь власти,—мнѣ это безразлично... не власти я добиваюсь, а возможности спасти Россію какой бы цѣной мнѣ это ни стоило, и тогда исторія покажетъ какія цѣли я преслѣдовалъ.—Быстровъ на минуту умолкъ, провелъ ладонью по волосамъ и вздохнулъ. Яроцкій тоже молчалъ. По лицу его было замѣтно, что онъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слушая Быстрова, въ то же время вдумывается въ какую то свою трудную и сложную думу.

— Такъ вотъ, Алексѣй Семеновичъ, на постъ премьеръ-министра мною выбранъ князь Гавріилъ Григорьевичъ. Это вполнѣ подходящій для насъ человѣкъ. Вы его знаете и понимаете, что помѣхой онъ не будетъ. Палаты будутъ распущены его именемъ... такой путь—самый удобный. Мнѣ еще многое придется взять на свои плечи и за свой рискъ, и я возьму, но это еще впереди. Да, я вижу впереди многое...

Быстровъ опять поднялся съ кресла. Ему хотѣлось говорить, хотѣлось до конца открыть перспективы будущаго, но тайный голосъ шепнулъ ему, что до конца высказываться передъ Яроцкимъ онъ не долженъ. Онъ умолчалъ о брошенной съ его согласія опасной искрѣ, готовой, по его мановенію, со дня на день вспыхнуть

на улицахъ столицы въ опаснѣйшій пожаръ, оторыйъ онъ же съумѣетъ затушить. Усмиривъ непокорныхк, хотя бы и кровавой цѣной, онъ вдвинетъ укладъ политической жизни въ рамки, которыя дадутъ твердую опору и непоколебимый авторитетъ для власти.

— Я долженъ убѣдить государя, что роспускъ палатъ необходимъ,—продолжалъ Быстровъ.—Въ данный моментъ настроеніе умовъ очень повышенное, и наша законодательная говорильня только разжигаетъ его. Необходимо выждать улучшенія нашихъ военныхъ дѣйствій. Лично я глубоко увѣренъ въ побѣдѣ.

— Несомнѣнно, — подтвердилъ Яроцкій. Онъ собирался еще что то сказать, какъ раздался звонокъ телефона, соединявшаго кабинетъ министра съ Царскимъ Селомъ. Быстровъ поспѣшилъ къ аппарату, стоявшему на письменномъ столѣ. Яроцкій поднялся съ кресла. Министръ наскоро протянулъ ему руку и крѣпко пожалъ:

— Завтра увидимся, — торопливо проговорилъ онъ, прикладывая къ уху трубку аппарата.

— Доложите ея величеству, что я у аппарата. — Лицо Быстрова мгновенно измѣнилось. Въ глазахъ зажглись теплые огоньки, въ углахъ рта исчезла холодная складка.

XXVI.

Вероника заболѣла. Докторъ опредѣлилъ сильное общее нервное разстройство. Блѣдная, съ потухшимъ взглядомъ, вялая и апатичная она третій день полулежала на диванѣ, съ тупой болью въ груди, съ тяжелой,

какъ свинцомъ налитой головой, и съ такими приступами тоски, что, не будучи въ силахъ совладать съ собой, она громко, протяжно стонала, роняя безъ конца слезы на безвольно сложенныя на колѣняхъ ослабѣвшія руки.

За послѣднее время ея отношенія съ Асташовымъ приняли совершенно фантастическій характеръ. Сознавая полную безполезность борьбы съ человѣкомъ, душа котораго умерла для здоровыхъ и радостныхъ воспріятій жизни, Вероника, будто околдованная какой то тайной силой, не могла порвать связавшаго ихъ узла, чтобы отойти. Чѣмъ яснѣе выражалось ея подчиненіе странной и темной власти Асташова, тѣмъ сильнѣе проявлялась эта власть съ его стороны, тѣмъ становилась она жестче, требовательнѣе, съ утонченными, лукаво придуманными мученіями для души и сердца. Доведенная до послѣдней границы испытаній, Вероника поклялась себѣ хоть на время отойти отъ этого кошмара чувствъ. Она настойчиво потребовала отъ Асташова, чтобы онъ прекратилъ ночные разговоры и не звонилъ бы ей, пока она сама не позвонитъ.

— А пріѣхать повидать васъ можно будетъ? — съ лукавой усмѣшкой на тонко обрисованныхъ губахъ, спросилъ Асташовъ.

— Пріѣхать можно, — отвѣтила она, спѣша заручиться возможностью, если не достанетъ силъ, опять связать разорванные концы нити. Асташовъ исполнилъ ея желаніе и пересталъ звонить ей не только по ночамъ, но и днемъ. Вмѣсто ожидаемаго покоя, странная тревога мало по малу начала овладѣвать ею. Проходили дни за днями, и тревога усиливалась, потому что Асташовъ не подавалъ признаковъ

жизни. Съ напряженіемъ всей нервной системы Вероника ежеминутно поджидала, что вотъ—вотъ, вслѣдъ за раздавшимся звонкомъ, она услышитъ голосъ Асташова, но каждый звонокъ днемъ приносилъ ей разочарованіе, а ночью, плѣнницей безконечно-ползущихъ тоскливыхъ часовъ, она напрасно напрягала слухъ, надѣясь, что въ жуткой тьмѣ ночи рѣзко ворвется мучительный и желанный призывъ. Все было тихо... только кровь сердца то бурливо приливала, то отливала совсѣмъ. Выдерживая день за днемъ данную себѣ клятву, она напрягла въ такой мѣрѣ нервную систему, что заболѣла. Отъ безсонницы и безостановочнаго перевозбужденія у нея начались странныя головныя и сердечныя боли. На третій день болѣзни совершенно неожиданно, когда она безъ движенія и безъ силъ лежала на диванѣ въ своемъ кабинетѣ съ опущенными шторами, закутанная въ мѣха, — ей доложили что пріѣхалъ Асташовъ и проситъ его принять. Съ Вероникой чуть было ни сдѣлался истерическій припадокъ. Она протянула къ нему руки, едва онъ переступилъ порогъ, и громко разрыдалась:

— Наконецъ то... наконецъ вы пріѣхали! Какая жестокость... — сквозь рыданія разслышалъ Асташовъ.

— Отчего — наконецъ? Развѣ вы звали меня? Наоборотъ: вы же не желали говорить со мной; я только исполнилъ ваше желаніе, — отвѣтилъ онъ, придвигая кресло къ дивану. Вероника, закрывъ лицо руками, тихо плакала.

— Однако, я вижу, что вы изрядно разбили себѣ нервы.

— Не я, а вы ихъ мнѣ разбили.

— Тѣмъ, что не звонилъ?

— И тѣмъ, что не звонили и тѣмъ что звонили...

— Вотъ это ужъ чисто по женски, — разсмѣялся Асташовъ.

Онъ не предполагалъ застать Веронику въ такомъ состояніи подавленности. Отъ безсонницы она потеряла краски, подъ глазами лежали тѣни, губы пересохли. Асташовъ нашелъ ее сильно подурнѣвшей. Вмѣсто чувства жалости она своимъ видомъ вызвала въ немъ чувство досады за то, что своей болѣзнью нарушила приведеніе въ исполненіе всякихъ ловко задуманныхъ комбинацій интересной игры въ мышку и кошку. Черствый и эгоистичный, онъ не любилъ вида больныхъ или страдающихъ жизненными невзгодами людей. Онъ любилъ выраженія только тѣхъ страданій, которыя причинялъ самъ съ извѣстнымъ расчетомъ на преполагаемый имъ эффектъ. Болѣзнь Вероники не входила въ его планы, и больная, она совсѣмъ ему не нравилась.

Когда, просидѣвъ полъ часа, онъ поднялся, чтобы уѣхать, она задержала его руку въ своей рукѣ.

— Вы пріѣдете? Вы скоро пріѣдете?

— Когда вы выздоровѣете.

— Какъ вы безжалостны, Валерій Романовичъ...

— Если бы я былъ жалостливъ, то не былъ бы вамъ интересенъ, — пожалъ онъ плечами. — Когда вамъ будетъ лучше, позвоните, и я пріѣду.

— Чтобы опять меня мучить?

— Вѣроятно и для этого. Ну, поправляйтесь скорѣе. Болѣть скучно и ни для кого не интересно. Если бы я когда нибудь серьозно влюбился, то поставилъ бы

первымъ условіемъ, чтобы эта женщина никогда не была больна.

— Какіе пустяки вы говорите, — слабо улыбнулась Вероника, въ то же время испытывая острую боль отъ того, что въ намѣренно сказанныхъ словахъ почувствовала желаніе даже теперь, когда она больна и слаба, причинить ей муку.

Когда Асташовъ уѣхалъ, Веронику охватила такая тоска и душевная пустота, что, не въ силахъ оставаться одна, она велѣла горничной позвонить къ Рязанцовой и попросить ее поскорѣе пріѣхать къ ней.

Рязанцева пріѣхала тотчасъ же. Ее поразилъ видъ пріятельницы. Безъ вопросовъ и соболѣзнованій, участіемъ и лаской, которыя въ нужную минуту умѣютъ въ изобиліи расточать женщины, кажущіяся строгими и холодными, она понемногу успокоила Веронику и разсѣяла ея тоску.

— Можете ли вы, милочка, подѣлиться теперь со мной вашими печалями? Я догадываюсь, что болѣзнь имѣетъ отвлеченную причину... и догадываюсь какую. Я права?

— Да... — тяжело вздохнула Вероника.

— Асташовъ — я угадала?

Вероника утвердительно нагнула голову. Слабо подхваченные въ узелъ волоса разсыпались по плечамъ. Въ ихъ бронзово-рыжей рамкѣ лицо казалось блѣднѣе, а прозрачно-зеленоватые глаза — глубже и свѣтлѣе.

— Настоящая mater dolorosa, — шутливо замѣтила Рязанцева, любуясь тонкой линіей профиля и теплыми тонами, падавшими отъ лампы на склоненную голову, окутанную распустившимися прядями волосъ.—

Вамъ бы не мѣшало взглянуть на себя въ зеркало. Хотите, я принесу? Такого лица вы у себя не увидите въ другой разъ, а для вашей кисти очень пригодится.

— Ахъ нѣтъ, Анэточка, всѣ эти дни во мнѣ умерла художница; есть только слабая потерявшая равновѣсіе женщина. Когда я думаю объ этомъ, мнѣ больно за насъ—женщинъ: какими бы талантами и дарованіями насъ ни осыпала судьба, сколько бы ни было въ насъ душевной силы и энергіи, мы все таки остаемся слабыми, подчиняющимися велѣніямъ сердца существами. Оттого что жестокій и холодный человѣкъ мучитъ мое сердце, я теряю надъ собой волю и во мнѣ тухнетъ сила художественнаго творчества. Для красокъ, для энергичныхъ и вдохновенныхъ мазковъ, мнѣ нужно солнце и радость сердца. Чтобы тамъ ни говорили, а мужчина сильнѣе насъ. Онъ бѣжитъ отъ мученій сердца, а мы, какъ тонкіе стебли, гнемся, а иногда и ломаемся... Часъ тому назадъ Асташовъ былъ здѣсь. Я такъ обрадовалась ему, такъ на минуту стало свѣтло и радостно на душѣ, но онъ пришелъ для того, чтобы влить еще лишнюю каплю яду въ наболѣвшую душу...

Вероника, слово за слово, разсказала Рязанцовой все, что переживала она за послѣднее время въ своихъ сложныхъ отношеніяхъ съ Асташовымъ, свое рѣшеніе хоть на время освободиться отъ страшнаго и мучительнаго гнета его власти и послѣдствія этого рѣшенія—полнѣйшее разстройство нервовъ и болѣзнь.

— Ника, вспомните: вѣдь я остерегала васъ противъ Асташова. Хоть мои посвященія въ оккультныя науки и не очень глубоки, однако я кое что усматри-

вала вредное и даже опасное для васъ въ сближеніи съ этимъ человѣкомъ. У него темная воля и темная власть, способная затмить ваши свѣтлые лучи. Борьба безполезна. Или вы будете побѣждены и погибнете, или вамъ надо во что бы то ни стало освободиться отъ него. Вы согласны со мной?

— Да, я это сама поняла. Не такъ давно въ минуту душевной боли, я рѣшила во что бы то ни стало все это бросить. Я рѣшила уѣхать и сказала ему, что уѣзжаю.—Нѣтъ, вы никуда не уѣдете. Я не хочу этого, а если и уѣдете, то все равно вернетесь,—сказалъ Асташовъ, и я не уѣхала. Безволіе... слабость... Да, да. Съ этимъ страннымъ, отталкивающимъ, холоднымъ и въ то же время притягивающимъ человѣкомъ я стала безвольной, больной духомъ. Вѣдь нашла же я въ себѣ силу отойти отъ князя Сурова. Почему же тутъ я не могу?—Вероника задумалась, откинувъ голову на подушки и тоскливо глядя предъ собой.

— Дитя мое, хотите я устрою такъ, что къ вамъ пріѣдетъ князь Суровъ?—спросила Рязанцева послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Что вы, что вы выдумали, Анэточка!—всполошилась Вероника.—Развѣ возможно, чтобы теперь мы встрѣтились!

— Возможно. Я берусь вамъ это устроить.

— Ни за что! Это... это будетъ какое то святотатство.

— Какое тамъ святотатство!.. Что вы бредите,—пожала плечами Рязанцева, отошла въ другой конецъ комнаты и закурила папироску.—Я немножко курну.

— Господи, когда вы бросите эту привычку ку

рить!..—воскликнула Вероника съ легкой брезгливостью, глядя на синеватыя струйки дыма, вылетавшія изо рта Рязанцевой.—Никогда я не позвала бы васъ и Марію Аполлоновну вмѣстѣ. Можно задохнуться въ клубахъ вашего дыма.

— Слава Богу, что у меня есть гарантія не быть въ вашемъ домѣ съ ней вмѣстѣ,—разсмѣялась Рязанцева.—A propos, я кое что слышала о ней. Говорятъ, что она выходитъ замужъ за Быстрова. Но вернемся къ вопросу о князѣ. Объясните мнѣ, почему вы не хотите его видѣть? Выдохся для васъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Мнѣ очень трудно объяснить вамъ въ чемъ дѣло, но мои свѣтлыя чувства къ Сурову, схороненныя гдѣ то глубоко, глубоко въ сердцѣ, не смѣютъ выплыть оттуда теперь, когда меня залила темная и мутная волна. Вѣдь я знаю, что все, что со мной происходитъ—темно и безотрадно... Что будетъ дальше, я не знаю...

— Я знаю: вы уйдете отъ Асташова.

— Ахъ... ужъ я не вѣрю въ свои силы,—вздохнула Вероника.

— Вамъ помогутъ.

— Кто?

— Не спрашивайте меня, но знайте, что очень скоро вы отойдете отъ Асташова и будете по прежнему спокойны и жизнерадостны, возметесь за ваши кисти и все будетъ забыто.

— Анэточка, затушите вашу фабричную трубу, подойдите ко мнѣ и объясните ваши слова,—съ удивленіемъ глядя на Рязанцеву, проговорила Вероника.

— Многаго я вамъ сказать не могу, но вы, ко-

нечно, вѣрите, что я говорю вполнѣ серьезно. Я уже говорила о васъ съ однимъ очень сильнымъ въ знаніи оккультныхъ наукъ человѣкомъ. Назвать его вамъ я не смѣю. Сегодня я его увижу и знаю, что онъ поможетъ вамъ, прекративъ на васъ темное вліяніе Асташова.

— Какъ же онъ это сдѣлаетъ: за глаза?

— Я не знаю. Это его дѣло.

— А отчего вы съ нимъ заговорили обо мнѣ?

— Онъ самъ заговорилъ. Я думала о васъ, сидя у него; онъ же, прочтя мои мысли, сказалъ, что поможетъ вамъ освободиться отъ темнаго вліянія, когда вы этого сами захотите. Вѣдь вы хотите?

— О да, конечно. Я такъ устала... Скажите ему, Анэточка, что я страшно устала, до... до... желанія умереть.

— Христосъ съ вами! Что за ерунда.

— А онъ хорошій—этотъ вашъ... волшебникъ?

— Очень хорошій и очень добрый.

— Какъ это странно, однако, что онъ могъ видѣть ваши мысли и самъ вызвался помочь мнѣ,—задумчиво проговорила Вероника.

— Непосвященнымъ многое кажется страннымъ изъ того, что происходитъ вокругъ насъ.

— А вы, Анэточка, во многое посвящены?

— Нѣтъ, это очень трудно и требуетъ особой жизни и громадной подготовки. Теперь я васъ оставляю, мое дитя, и вы будете опять свободны и веселы.—Рязанцева поднялась, надѣвая перчатки.

— Вы столько разъ говорили мнѣ относительно Асташова правду, что я вѣрю вамъ, Анэточка.

Рязанцева ушла, оставивъ Веронику въ болѣе спокойномъ состояніи, чѣмъ ее застала. Къ ночи она почувствовала себя совсѣмъ лучше, не поджидала съ лихорадочнымъ напряженіемъ телефоннаго звонка, спала крѣпко и на утро встала почти здоровой. Она помнила, что Асташовъ обѣщалъ пріѣхать, какъ только она сообщитъ ему о своемъ выздоровленіи, однако, удивляясь самой себѣ, она не звонила и не чувствовала желанія его видѣть.

XXVII.

Холодные, но уже яркіе лучи солнца ворвались неожиданно въ квартиру Вероники, все освѣтили, обласкали каждую пылинку и наполнили радостнымъ здоровымъ чувствомъ ея встрепенувшуюся душу. Ей показалось страннымъ, что вчера еще она лежала больная и слабая въ этой комнатѣ отъ того, что Асташовъ измучилъ ея сердце. Отчего же сегодня, сейчасъ она такъ спокойна и бодра? Ее потянуло на воздухъ. Было безотчетное желаніе дышать морознымъ пронизаннымъ лучами солнца, воздухомъ, смѣшаться съ толпой, идти безъ цѣли, куда потянетъ. Она одѣлась и вышла. Въ свѣтлый зимній день закралось первое дуновеніе весны. Кое гдѣ начиналъ рыхлѣть снѣгъ. Изъ переполненныхъ кадокъ подъ водосточными трубами стекала на панели мутная вода. Лица прохожихъ казались веселыми. Солнце еще не грѣло, но ласкало и обѣщало скоро, скоро разлиться по всей природѣ потоками свѣта, тепла, зноя, ароматовъ и красокъ.

Вероника шла впередъ, дыша полной грудью, сча-

стливая, что она здорова, что свѣтитъ солнце и что пахнетъ первымъ дыханіемъ весны. На одной изъ центральныхъ улицъ она свернула за уголъ, прошла нѣсколько кварталовъ и, думая о недоконченномъ этюдѣ, почему то остановилась передъ большой аркой, ведущей въ обширный, крытый асфальтомъ дворъ, посреди котораго виднѣлся обвѣянный тающимъ снѣгомъ бездѣйствующій фонтанъ, съ небольшими колонками вокругъ переполненнаго снѣгомъ маленькаго водоема. Было что то колоритное въ этихъ колонкахъ среди большого темнаго двора, обнесеннаго высокими стѣнами громаднаго дома. Веронику потянуло туда. Она вошла. Чисто убранный отъ снѣга дворъ былъ пустъ. Она медленно обошла вокругъ гранитнаго водоема, увидѣла массивную дверь громаднаго подъѣзда, не отдавая себѣ отчета, открыла ее и очутилась передъ широкой мраморной лѣстницей, крытой алымъ ковромъ. Сбоку подлѣ зеркала, облокотясь спиной о столъ, стоялъ, скрестивъ на груди руки, человѣкъ съ бронзовымъ цвѣтомъ лица и бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ. Онъ поклонился Вероникѣ съ достоинствомъ восточнаго племени и, какъ бы ожидая ея появленія, не произнеся ни слова повелъ наверхъ, указывая дорогу. Вероника шла какъ во снѣ, не спрашивая себя зачѣмъ и какъ она сюда попала. Поднявшись на площадку, человѣкъ въ тюрбанѣ открылъ передъ ней одну за другой три большія двери, съ матовыми стеклами, отдѣленными другъ отъ друга продолженіемъ большой мраморной лѣстницы. Послѣдняя дверь привела ихъ въ громадную, крытую ковромъ комнату, изъ которой былъ виденъ цѣлый рядъ, тянущихся пестрой, нарядной анфиладой, комнатъ, кры-

тыхъ восточными пушистыми коврами, обставленныхъ низкими диванами, обитыми яркими матеріями съ причудливыми узорами. Окна были узкія и высокія, готической формы, съ цвѣтными стеклами.

Только что Вероника вступила въ первую комнату, какъ въ глубинѣ ея медленно поднялась тяжелая драпировка. Придерживая рукой ея край и пристально глядя на Веронику, въ дверяхъ стоялъ, ожидая ея приближенія, высокій, худой человѣкъ, съ матово-блѣднымъ цвѣтомъ лица, остроконечной, довольно большой изсиня черной бородой и такими же волнистыми, блестящими волосами. Черные, пристально устремленные на Веронику, глаза сіяли ровнымъ, спокойнымъ, лучистымъ свѣтомъ. Казалось, будто за роговой оболочкой скрытъ былъ непрерывный источникъ свѣта.

Вероника шла навстрѣчу этому сіяющему взгляду съ радостнымъ и легкимъ чувствомъ. Пропустивъ ее впередъ, онъ вошелъ вслѣдъ за ней въ большой кабинетъ, такъ же съ готическими разноцвѣтными окнами. Полъ былъ сплошь устланъ восточнымъ ковромъ. Стѣны заставлены громадными книжными шкапами. Кое гдѣ въ промежуткахъ виднѣлись начерченные на бѣломъ фонѣ магическія изображенія пентаграммъ, круговъ и звѣздъ. Подлѣ широкаго, покрытаго большимъ количествомъ книгъ и рукописей, письменнаго стола стояли низкія мягкія кресла, съ такими высокими, прямыми спинками, что Вероникѣ показалось, опустившись въ одно изъ нихъ, что она совсѣмъ утонула въ немъ и стала крошечной.

— Я доволенъ, что вы пришли на мой зовъ,—заговорилъ по французски незнакомецъ, не отрывая отъ

Вероники успокаивающаго, проницательнаго взгляда, стремящагося, какъ бы пронизать своими лучами.

— Да, учитель, я пришла и мнѣ хорошо и спокойно здѣсь,—отвѣтила Вероника, не только не удивляясь тому, что онъ сказалъ что звалъ ее, но даже какъ бы подтверждая это. Она назвала его учителемъ не ища словъ и какъ будто давно зная, что съ этимъ именемъ къ нему надо обращаться.—Я хочу, чтобы мнѣ было такъ же легко и спокойно на душѣ, когда я уйду отъ васъ, — продолжала она, чувствуя все больше и больше довѣрія къ этому совершенно чужому незнакомому ей человѣку.

— Такъ это и будетъ,—отвѣтилъ онъ ей.

— Я очень страдаю и безуспѣшно борюсь съ силой захватившей мою волю. Случилось что-то странное, непонятное въ моей жизни...

— То, что случилось съ вами понятно для меня и имѣетъ свои причины въ далекихъ вѣкахъ прошлаго. Герметическія науки могутъ открыть, вѣрнѣе приподнять завѣсу передъ глазами посвященнаго, и въ лабиринтѣ вѣковъ, въ отраженіи безконечнаго ряда зеркалъ онъ можетъ найти послѣдствія настоящаго въ причинахъ предидущихъ существованій. Я знаю, кто мучаетъ вашу душу и отчего ему это надо.

— Вамъ что нибудь разсказывала моя пріятельница?—робко спросила Вероника.

— Мнѣ не надо ничего разсказывать,—откидываясь на спинку кресла, спокойно и увѣренно проговорилъ мудрецъ.

— Прошу васъ, учитель, скажите мнѣ отчего все это случилось? Отчего я—всегда счастливая, бодрая и

сильная, стала такъ слаба и такъ несчастна?—Вероника проговорила послѣднія слова почти шепотомъ и по лицу ея скользнули тѣни.

Учитель молчалъ. Хотя глаза его, по прежнему были устремлены на Веронику, но было ясно, что онъ ее не видитъ, что онъ смотритъ куда-то въ глубину невидимыхъ намъ міровъ. Вероника, какъ подъ гипнозомъ, не спуская съ него глазъ, хранила молчаніе.

— Да, вы это можете узнать, я покажу вамъ. На короткій срокъ я отогну передъ вами уголъ таинственной завѣсы. Не для каждаго я могу это сдѣлать. Вы— натура исключительная... вамъ можно и должно знать многое...

Учитель поднялся съ кресла, въ которомъ чрезмѣрно высокая прямая спинка готическаго стиля умаляла высокій ростъ его худощаво-легкой, гибкой фигуры. Онъ подошелъ къ Вероникѣ и взялъ ея, покоившуюся на ручкѣ кресла, руку.

— Дайте мнѣ вашу руку, и я поведу васъ туда, гдѣ вы когда-то были. Будьте спокойны я не отойду отъ васъ.

Вероника довѣрчиво протянула ему руку, оперла голову о спинку кресла и почувствовала какъ изъ устремленныхъ на нее глазъ, вмѣстѣ съ лучами свѣта, потекли струи волевыя. Эти глаза приказывали ей потонуть, раствориться, куда-то уйти... И она стала тонуть, растворяться въ невѣданной ей сферѣ тишины, безмолвнаго удаленія въ безконечность... Что-то отдѣлило ее отъ чего-то связующаго. Съ неизвѣданной, непостижимой легкостью она начала исчезать въ безмолвіи страшныхъ глубинъ. Въ то мгновеніе, когда

мелькнулъ передъ ней, какъ остріе иглы, ужасъ сознанія своего одинокаго я, оторваннаго отъ жизни и ввергнутаго въ бездонную неподвижность, въ то же мгновеніе вспыхнули лучи устремленныхъ на нее, охраняющихъ ее глазъ.

И вдругъ она увидѣла ночь, спускающуюся надъ большимъ, торжественно-великолѣпнымъ древнимъ городомъ. На фонѣ Палатинскаго Холма, въ послѣднихъ умирающихъ отблескахъ вечерняго неба, вырисовываются странные силуэты пышныхъ растеній далеко раскинувшагося сада, благоухающаго пьяными запахами розъ, геліотропа, лилій, туберозы, вербены, гвоздикъ и другихъ, привезенныхъ изъ-за морей, диковинныхъ и нѣжныхъ цвѣтовъ востока. Среди этихъ ароматовъ горятъ яркіе факелы, бросающіе причудливые алые блики на усыпанныя желтымъ пескомъ дорожки, на пышные газоны и на кусты мимозъ и орхидей, окаймляющихъ главную аллею. Она видитъ себя подымающейся по широкимъ отлогимъ ступенямъ полукруглаго, съ бѣлыми мраморными колонками, портика. Трепетно и тревожно бьется у нея сердце и замираетъ дыханіе. Она видитъ себя юной и нѣжной, какъ цвѣтокъ лиліи. Легкая, какъ дымка прозрачная матерія, осыпанная золотыми блестками, окутываетъ ея гибкое тѣло; распущенные волосы темными кольцами вьются вдоль стана, охваченнаго золотистымъ поясомъ въ видѣ змѣи съ блестящими глазами изъ аметиста. На плечѣ фіолетовая дымка газа перехвачена изумрудной пряжкой. Легкія сандаліи стягиваютъ стройныя ноги, на рукахъ выше локтя матовыя золотыя змѣйки. Она появляется подъ звуки флейтъ и

фанфаръ. На ложахъ, покрытыхъ пурпуромъ, передъ столами, украшенными рѣдчайшими оттѣнками пышныхъ розъ, патриціи и женщины, увѣнчанные гирляндами изъ миртъ, возлежатъ въ соблазнительныхъ позахъ, съ улыбками на подкрашенныхъ устахъ, съ возбужденнымъ взоромъ въ подведенныхъ синей охрой глазахъ.

Она знаетъ, что любимецъ цезаря — Корнелій, устраивающій этотъ праздникъ, съ первыхъ же минутъ ея появленія, не спускаетъ съ нея настойчиваго и алчнаго взгляда, но глаза ея, опушенные четкими, длинными зазубринами темныхъ рѣсницъ, опущены, и она не рѣшается поднять ихъ, чтобы не встрѣтиться съ мучительнымъ, холоднымъ, притягивающимъ и отталкивающимъ взглядомъ пустыхъ и жуткихъ глазъ. Ей кажется, что на днѣ пропасти этихъ глазъ лежитъ что то роковое, предназначенное ей судьбой...

Она танцуетъ, подхвативъ двумя руками края фіолетовой, осыпанной золотомъ, дымки. Какъ бабочка носится она въ атмосферѣ, насыщенной испареніями благовоній, вина и возбужденіемъ отъ веселія и порока женскихъ и мужскихъ тѣлъ. Въ ея движеніяхъ легкая и воздушная грація какъ будто неземного существа. Ея ноги почти не касаются мраморныхъ плитъ пола, усыпаннаго лепестками розъ. Она кажется живымъ цвѣткомъ, мелькающимъ, кружащимся, уносящимся, опьяняющимъ всей чарующей прелестью первой нетронутой весны. Пластичное тѣло античной красоты въ плавныхъ или бѣшенно-быстрыхъ движеніяхъ сквозитъ подъ прозрачнымъ покровомъ, окутывающимъ ее какъ легкое, трепещущее облако. Она танцуетъ, забывъ на

мгновеніе въ вихрѣ пляски устремленный на нее, всюду преслѣдующій ее, взоръ...

Танецъ оконченъ, и она, опустивъ руки, порывисто дыша, останавливается. Поднявъ глаза она встрѣчается съ глазами Корнелія. Въ небрежной позѣ онъ полулежитъ на пурпурѣ. На немъ роскошная тога изъ бѣлаго дама, отдѣланная сиреневымъ бортомъ. Свѣтлые волосы картинно перехвачэны золотымъ обручемъ. Гладкое красивое лицо съ тонкимъ профилемъ и сухимъ, слегка выдавшимся подбородкомъ—надменно. Онъ поймалъ взглядъ танцовщицы и поманилъ ее къ себѣ красивымъ жестомъ руки, въ которой во все время ея танца держалъ пышную алую розу, то нервно поднося ее къ лицу, то перебирая пальцами свѣжіе влажно-душистые лепестки.

Въ нерѣшительности она приближается къ нему. Корнелій беретъ ея руку и молча, съ мелькающей на тонкихъ красивыхъ губахъ улыбкой, указываетъ мѣсто подлѣ сэбя. Она медлитъ исполнить его приказаніе.

— Лэнія, я хочу, чтобы ты была рядомъ со мной. Ты не должна меня бояться, маленькая богиня. Развѣ ты не знаешь, что я могу осыпать всю тебя алмазами, рубинами, топазами, изумрудами, аметистами и бериллами! Развѣ ты не хочешь имѣть лучшіе и драгоцѣннѣйшіе пояса изъ жемчуговъ и сапфировъ, которые, охвативъ твой воздушный станъ, сдѣлаютъ тебя божественной! Развѣ ты не видишь, Лэнія, что я, любимецъ Цезаря, сенаторъ, я—Корнелій, извѣстный всей странѣ, хочу сложить у твоихъ маленькихъ ножекъ, мою власть?!—Корнелій обнявъ станъ Лэніи и приблизивъ

ее къ себѣ, старается заглянуть въ ея опущенные глаза.—Пей изъ моего кубка. Я хочу, чтобы твои глаза загорѣлись блескомъ радости и желанія. Пей, Лэнія, я такъ хочу...

Онъ подноситъ къ ея губамъ наполненный кубокъ и заставляетъ пить алую влагу рѣдкаго, дорогого вина.

— Приди ко мнѣ сегодня послѣ пира, и я буду молиться тебѣ, какъ молятся богинѣ. На моемъ ложѣ я осыплю тебя ласками, какихъ не знаютъ смертные... Лэнія, ты слышишь меня?.. Нагнись, дай мнѣ твои губы... Я хочу цѣловать ихъ...

Съ испугомъ въ глазахъ, она отрицательно качаетъ головой, стараясь отстраниться отъ объятій Корнелія.

Звучатъ флейты и фанфары... Въ кубки льется вино... Изъ подъ рѣсницъ змѣятся страстью раскаленные взоры... смѣхъ и вольныя рѣчи звучатъ призывно и дерзко... мелькаютъ обнаженныя руки, плечи и бедра... вѣетъ зноемъ южной ночи въ вихрѣ порочнаго, утонченнаго разгула.

— Ты придешь ко мнѣ, Лэнія? Я буду ждать тебя, маленькая танцовщица, послѣ пира въ этомъ опустѣломъ триклиніи...—шепчетъ Корнелій, силясь прижать къ сердцу испуганно-глядящую мимо пустыхъ, холодныхъ глазъ—Лэнію.

— Нѣтъ... нѣтъ... я не приду,—чуть слышно доносится до слуха Корнелія.

— Я хочу, я приказываю тебѣ придти, Ленія,—сдвигаетъ онъ тонкія брови.

— Я не приду... ты знаешь, что я не могу... мое сердце принадлежитъ иному.

— Опять ты повторяешь слова этого безумнаго бреда! Лэнія, берегись! Ты должна забыть его, иначе мое терпѣніе истощится.

— Я не могу забыть, потому что жизнь моя принадлежитъ Ему, какъ и мое сердце.

— Или ты забыла, безумная, что однимъ движеніемъ руки я могу отдать твою жизнь дикимъ звѣрямъ на аренѣ Колизея, гдѣ ты, въ мученіяхъ и позорѣ, подъ вой одобренія толпы, умрешь вмѣстѣ съ подобными тебѣ обезумѣвшими фанатиками.

— Пусть!—срывается изъ поблѣднѣвшихъ устъ маленькой танцовщицы.

— Лэнія, берегись... я могу быть жестокъ...—въ глазахъ Корнелія зажигаются страшныя искры, ноздри античнаго носа дрожатъ отъ гнѣва.

— Что жъ... я умру для Него... я готова...—шепчетъ Лэнія, дрожа какъ листокъ розы, осыпающейся въ рукахъ Корнелія.

Гнѣвный и страшный онъ подымается съ ложа. Стальными пальцами сжимая тонкую дрожащую руку Лэніи, онъ смотритъ взглядомъ палача въ ея кроткіе глаза, и въ глазахъ его она читаетъ приговоръ, уже начертанный въ его сердцѣ.

— Лэнія, въ послѣдній разъ: или сегодня ты будешь со мной или сейчасъ передъ тобой откроются тяжелые засовы темницъ Колизея... Я жду...

— Да будетъ воля Его.. —покорно шепчутъ помертвѣлыя уста.

Корнелій ударяетъ три сухихъ удара ладони. Умолкаютъ флейты, фанфары, смѣхъ и рѣчи.

— Бросьте эту отступницу въ темницу для народныхъ забавъ Колизея!..—слышитъ Лэнія страшныя, леденящія душу слова... ее хватаютъ грубые преторіанцы... все гибнетъ, все кончено... ужасный взглядъ вонзился какъ остріе клинка въ ея душу, и въ немъ она читаетъ смертельный приговоръ. Нарядная бабочка, нѣжный цвѣтокъ едва пробудившейся весны, погибнетъ въ мукахъ на аренѣ Колизея...

Опять глубина необъятнаго пространства какъ бы повисла надъ Вероникой, и новымъ, незнакомымъ для жизни чувствомъ, она постигла, что въ глубинѣ этой сокрыты протекшіе изо дня въ день громады вѣковъ. Какъ будто разступились края пропасти, и передъ ней опять открылась одна изъ далей прошлаго, поглащеннаго вѣками.

Синее, синее, какъ темная эмаль, небо. Милліоны звѣздъ трепещутъ острыми лучами. Горячее дыханіе ночи окутываетъ спящій городъ съ узенькими улицами, раскрытыми ставнями оконъ, балкончиками и террасками, обвитыми ползучими розами. Вдали синѣетъ море. На его зыбкой глади колеблется синяя, усѣянная звѣздами эмаль. На краю города свѣтятся два окна таверны. Въ густую и душную тьму пустынной улицы на минуту врывается полоса мутно-желтаго свѣта изъ распахнутой двери, и легкая тѣнь, окутанная пестрой шалью, мелькнувъ на порогѣ, скользитъ, мчится вдоль высокихъ, молчаливыхъ, погруженныхъ во тьму стѣнъ. Звенятъ въ тишинѣ ночи металлическія украшенія на запястьяхъ и на шеѣ. Это она—мчится какъ легкій вѣтеръ... Стройныя ноги, не чувствуя подъ собой каменныхъ плитъ улицы, несутъ ее впередъ, все впе-

редъ, прочь отъ таверны. Страшный человѣкъ вошелъ туда и увидѣлъ ее. Глаза, пустые и холодные какъ дно пропасти, загорѣлись злобой и дикой ревностью. Никакими соблазнами онъ не можетъ добиться ея благосклонности. Злоба и ревность отточили остріе его клинка. Какъ злой духъ онъ появляется въ разгарѣ веселья, и неподвижный взглядъ, какъ змѣиное жало, впивается въ ея сердце и сулитъ ей смерть. Сейчасъ должно свершиться то страшное и неотвратимое, что она прочла въ его глазахъ въ ту минуту, когда бросилась вонъ изъ таверны.

Изъ за угла дома однимъ прыжкомъ дикаго звѣря темная страшная тѣнь преграждаетъ ея бѣгъ. Желѣзная рука хватаетъ ее за шею. Мгновеніе, и остріе клинка вонзается подъ сердце. Беззвучно, съ ужасомъ въ остановившихся глазахъ, она падаетъ на теплыя, неостывшія отъ дневного зноя, каменныя плиты.

Помутившійся взоръ уже не видитъ перекошеннаго злобой лица, съ тонкимъ профилемъ и страшными, знакомыми ея душѣ глазами, въ которыхъ уже однажды ею былъ прочтенъ смертный приговоръ...

Проходятъ мгновенія... Вероника открыла глаза, полные смертельнаго ужаса. На нее лились ласковые и успокоительные лучи темныхъ глазъ, казавшихся свѣтлыми, сіяющими. Она была блѣдна. Рука, зажатая въ рукѣ учителя, дрожала.

— Боже мой, какія страшныя видѣнія...—прошептала она, содрагаясь, силясь отогнать только что видѣнные сны, казавшіеся ей пережитыми со всѣми мельчайшими подробностями реальной жизни.

Учитель молча отошелъ. Скрестивъ на груди руки, онъ стоялъ облокотясь спиной о книжный шкапъ и, опустивъ глаза, о чемъ то сосредоточенно думалъ. Лицо его, неосвѣщенное взглядомъ, казалось теперь строгимъ, таившимъ что то значительное. Прошло нѣсколько минутъ въ полной тишинѣ.

— Учитель, учитель!..—вдругъ воскликнула Вероника и въ смятеніи и тревогѣ протянула къ нему руки.—Но вѣдь это были его глаза! Корнелій... да, да я видѣла во снѣ, что его звали Корнелій,—это тотъ же, что убилъ меня... и тотъ же, что теперь мучаетъ меня.

— Да, это онъ.

— Какой ужасъ! —Вероника закрыла лицо руками.—Такъ вотъ отчего, съ первой минуты нашей встрѣчи, отъ его глазъ повѣяло мнѣ въ душу такимъ холодомъ... Какое страшное прошлое связываетъ наши жизни! Учитель, помогите мнѣ уйти отъ него.

— Для этого я и позвалъ васъ. Его я позвать не могу. Темныя силы, завладѣвшія имъ, тѣснымъ кольцомъ сомкнули его душу. Онъ знаетъ это и не ищетъ отъ нихъ освобожденія. Когда вы выйдете изъ этихъ дверей, все будетъ покончено, и вы будете свободны.

Опять онъ подошелъ къ ней и, пристально и властно глядя въ глаза, положилъ легкую руку ей на лобъ. Какъ будто сонная теплота начала струиться отъ его руки и проникать во все ея тѣло. Тяжелѣли вѣки, руки и ноги; тяжелѣли мысли, парализованныя въ своемъ молніеносномъ полетѣ и, какъ гряда густыхъ облаковъ, осѣдали на мозгъ, таяли и расплывались, оставляя ничѣмъ не заполненную темную пустоту.

Мало по малу исчезло все, мысли оцѣпенѣли и сковались. Тѣло застыло въ мертвой неподвижности, похожей на смерть.

— Я хочу, чтобы воля моя была исполнена,—раздался въ тишинѣ четкій и напряженный, какъ ударъ металла, голосъ учителя.

...—была исполнена...—отозвалось эхомъ гдѣ то въ пропасти сознанія Вероники.

— Ты должна волею моей забыть его власть надъ собой.

...—забыть его власть надъ собой...—грознымъ и далекимъ эхомъ прозвучало въ глубинахъ оцѣпенѣлаго сознанія.

— Онъ долженъ быть чуждъ и безразличенъ тебѣ на вѣки.

...—безразличенъ на вѣки...

— Велѣніе мое благо и останется нерушимо.

...—останется нерушимо...—отозвалось эхо непреклонно суровымъ отзвукомъ...

— Проснись!—властно произнесъ учитель и снялъ руку со лба Вероники.

XXVIII.

Марія Аполлоновна, запыхавшаяся и радостно-возбужденная, небрежно сбросила на руки прислуги свою шубку и вошла въ кабинетъ Вероники, волоча по полу конецъ crêpe de chin'оваго шарфа, наброшеннаго сверхъ блузки англійскаго покроя. Такого же покроя короткая юбка и небольшая круглая шляпка—все очень простое и очень дорогое—молодили ее. Она усвоила себѣ англійскій стиль въ одеждѣ и нѣкоторую развязность въ манерахъ и выраженіяхъ, считая и это принадлежностью

англійскаго стиля. Съ недавнихъ поръ прибавилась еще нѣкоторая горделивость въ жестахъ и движеніяхъ, явившаяся слѣдствіемъ сознанія, что въ самомъ недалекомъ будущемъ передъ ней распахнутся двери министерскаго дома, какъ передъ сановной супругой. При мысли объ этомъ, у Мэри захватывало отъ радости дыханіе. Цѣлыми днями она ѣздила теперь по магазинамъ, портнихамъ и модисткамъ, заказывая себѣ туалеты, шляпки и роскошное бѣлье.

Появленіе Маріи Аполлоновны нарушило тихую бесѣду Вероники съ ея теткой Анастасіей Ивановной, съ большимъ трудомъ и съ большими сборами выбравшуюся къ племянницѣ, послѣ долгихъ недѣль безвыходнаго сидѣнья дома. Каждый выѣздъ Анастасіи Ивановны сопровождался такими сборами и волненіями, что имѣлъ видъ приготовленій въ далекое путешествіе. Случалось это раза три въ зиму, и каждый разъ нарушало на нѣсколько дней покой мирнаго существованія стариковъ.

Узнавъ о болѣзни племянницы нѣжно-любимой ею, Анастасія Ивановна принялась за сборы, чтобы навѣстить ее, но къ тому времени, какъ сборы были закончены, Вероника выздоровѣла; однако, разъ принятое рѣшеніе не измѣнялось, и Анастасія Ивановна, осторожно поддерживаемая подъ локоть горничной, усѣлась вмѣстѣ съ нею въ карету и, послѣ многократныхъ наказовъ кучеру ѣхать не скоро, выжидать проѣзда трамваевъ и въ особенности автомобилей, уже усталая отъ сборовъ и волненій, была счастлива спокойно усѣсться въ креслѣ у племянницы, чтобы нѣсколько часовъ провести у нея. Анастасія Ивановна пріѣхала рано,—тот-

часъ же послѣ завтрака, чтобы никто не мѣшалъ ихъ бесѣдѣ и послѣ волненій выѣзда опять вернулось къ ней присущее ей спокойное, уравновѣшенное состояніе души.

Марія Аполлоновна, считавшая себя большимъ и тонкимъ дипломатомъ, была очень довольна неожиданной встрѣчѣ съ женой всѣмъ извѣстнаго и имѣющаго вѣсъ сенатора. Она знала, что къ Быстрову и къ ней старики относились очень критически и задалась цѣлью во что бы то ни стало перетянуть ихъ въ свой лагерь путемъ ласки, вниманія и лести, не замѣчая, что эти фальшивые пріемы еще больше увеличивали холодное къ ней отношеніе.

— Милая Анастасія Ивановна, вы не можете себѣ представить какъ я рада васъ видѣть!—заговорила Мэри, быстро подходя къ ней и обѣими руками, затянутыми въ узкія лайковыя перчатки, пожимая слабую и маленькую ручку сенаторши.—Я два раза стучалась въ вашу дверь и меня не впустили.

— Да, я очень извиняюсь. У меня оба раза были сильные сердечные припадки, и я совсѣмъ не могла говорить,—слабымъ, какъ у ребенка голосомъ, отвѣтила Анастасія Ивановна.

— А я совсѣмъ затормошилась сегодня, — обратилась Мэри къ Вероникѣ, усаживаясь на диванѣ подлѣ стола, сервированнаго для чая.—Съ удовольствіемъ выпью чашку. Ужасно устала! Съ утра рыскаю по магазинамъ и портнихамъ. Я хочу подѣлиться съ вами моей радостью: я выхожу замужъ за Михаила Илларіоновича.

Сенаторша и Вероника сдержанно поздравили ее Какъ разъ передъ приходомъ Мэри, Анастасія Ива-

новна разсказывала племянницѣ о томъ, что «патріархъ» за послѣднее время сталъ часто задумываться и не разъ высказывалъ опасеніе, что политика Быстрова, не считающаяся ни съ общественнымъ мнѣніемъ, ни съ протестомъ Государственной Думы и министровъ, должна закончиться катастрофой, могущей потрясти основы государственнаго строя. Ни чьи предостереженія не дѣйствовали на властолюбиваго и тщеславнаго министра, ловко стянувшаго въ свои руки всѣ бразды правленія.

— Когда же свадьба?—спросила Вероника.

— Въ концѣ февраля. Это такъ скоро, что я едва успѣю приготовить все необходимое. Дороговизна страшная! Бризакъ ломитъ анекдотическія цѣны... А между тѣмъ, мнѣ необходимо имѣть нѣсколько парадныхъ туалетовъ.

— Къ чему теперь туалеты!..—тихо вздохнула Анастасія Ивановна.—Все такъ печально, все такъ неудачно складывается для бѣдной Россіи! При дворѣ пріемовъ нѣтъ. Государыня съ княжнами опять уѣхала къ государю въ ставку.

— Она скоро вернется, какъ говорилъ мнѣ Михаилъ Илларіоновичъ.

Разговоръ нѣкоторое время велся о томъ, что весь дамскій персоналъ двора посвящаетъ много времени лазаретамъ, о томъ, что великія княжны сами дѣлаютъ раненымъ перевязки, что наслѣдникъ находится теперь неотлучно при отцѣ въ Могилевѣ, что затянувшаяся война начинаетъ остро отзываться на всей жизни Россіи...

— Самое ужасное—это хвосты подлѣ лавокъ,— тихо зашуршала сенаторша.—Моя прислуга разсказываетъ мнѣ, что теперь занимаютъ очередь съ разсвѣтомъ, что многіе не выдерживаютъ этихъ стояній по нѣсколько часовъ въ морозъ и вьюгу и заболѣваютъ... Это дѣйствительно ужасно!.. Народъ начинаетъ возмущаться и валитъ всю вину на голову правительства за всѣ неотвратимыя бѣдствія, сопряженныя съ войной,— вздохнула она.

— Да, конечно, Россія устала воевать. Нуженъ миръ, потому что подъема больше нѣтъ и патріотизмъ ослабѣлъ.

— Что вы говорите, Марія Аполлоновна?!—остановила ее Вероника.—Въ темныхъ массахъ патріотизма никогда не было, а въ верхнихъ слояхъ онъ не угасалъ. Наши братья, мужья и даже отцы, сражающіеся на фронтѣ, по прежнему настаиваютъ на продолженіи войны до побѣднаго конца. Конечно, устали... всѣ устали, но о позорномъ мирѣ никто изъ нихъ и думать не хочетъ.

— Кстати, вы давно не имѣли вѣстей отъ Вѣры Илларіоновны?—перемѣнила Мэри тему разговора.— Михаилъ Илларіоновичъ давно не получалъ отъ нея писемъ и точно не знаетъ, гдѣ она сейчасъ. Я хотѣла бы написать ей, прося пріѣхать къ нашей свадьбѣ.

— Вѣра Илларіоновна находится сейчасъ въ Черновицахъ. Я имѣла отъ нея письмо на дняхъ.

— Что-жъ она пишетъ? Тоскуетъ еще или погрузилась вся въ дѣло?

— Вѣра Илларононвна ни на что не жалуется,— уклончиво отвѣтила Вероника.

— Въ концѣ концовъ я очень довольна, что ея романъ ничѣмъ не кончился. Этотъ медвѣдь Михайловскій мало подходитъ къ намъ.

— Отчего вы такъ думаете? Я находила, что изъ нихъ была бы отличная пара,—съ обычной разстановкой, тихо заговорила сенаторша.—Хоть Михайловскій и грубоватъ, и простоватъ и не безъ хитрецы, но человѣкъ онъ честный. Я его уважаю.

— Я не вполнѣ соглашаюсь съ вашимъ мнѣніемъ, милая Анастасія Ивановна,—мягко возразила Мэри.— Михайловскаго я знаю хорошо: онъ часто бывалъ у меня, называя себя другомъ Михаила Илларіоновича и былъ солидаренъ со всѣми его мнѣніями, но съ нѣкоторыхъ поръ его укусила какая то муха, и онъ рветъ и мечетъ противъ того, съ кѣмъ во всемъ раньше соглашался. Я нахожу его поведеніе настолько безтактнымъ и вызывающимъ, что послѣднее время даже и видѣть его не хочу у себя.

— Но, кажется, и онъ не хочетъ видѣться съ вами,—разсмѣялась Вероника.

— О, то что онъ хочетъ или не хочетъ—для меня въ высшей степени безразлично,—надменно повела плечами Мэри.

— А я думаю, что это напрасно,—опять заговорила Анастасія Ивановна, вынимая изъ кармана перчатки и натягивая ихъ на руки.—Михайловскій вращается во всевозможныхъ кругахъ и отлично освѣдомленъ обо всемъ, что происходитъ. Онъ не глупъ и, я замѣчала, бываетъ дальнозорокъ. Такіе люди могутъ

быть нужны и полезны. Ихъ совѣтами не слѣдуетъ пренебрегать.

— О, милая Анастасія Ивановна, vous êtes trop indulgente pour ce rustre, — снисходительно улыбнулась Мэри.

Анастасія Ивановна поднялась съ кресла и стала прощаться.

— Позвони, Ника, мою Феклушу. Она одѣнетъ меня. Я такъ накутана, что не знаю, что послѣ чего надо надѣвать. Ну, теперь ужъ до весны я не выйду изъ своихъ комнатъ...

Въ передней она успѣла шепнуть племянницѣ, что если бы ни приходъ Маріи Аполловны, она посидѣла бы еще.

— Не люблю я ее. Не искреняя и не очень добрая. Ну, да Богъ съ ней! Ты напой ей хорошенько, что ея женихъ играетъ опасную игру. Какъ бы всѣхъ насъ ни втянулъ въ пропасть...

— Какая прелесть ваша тетушка! — обратилась Мэри къ входившей въ кабинетъ Вероникѣ.—Столько въ ней мягкости и чего то неуловимо-привлекательнаго. Я знаю, что и она и вашъ дядя во многомъ порицаютъ Михаила Илларіоновича. Мнѣ это очень больно, такъ какъ я чувствую къ обоимъ старикамъ непреодолимую симпатію и вѣрю, что когда выйду замужъ за Михаила Илларіоновича, то въ качествѣ его жены, съумѣю сломить этотъ ледъ и завоевать для него ихъ симпатію. Насчетъ Михайловскаго ваша тетушка очень ошибается. Онъ совсѣмъ не дальновиденъ и грубъ. Въ послѣдній разъ, когда онъ у меня былъ, то позволилъ себѣ такъ неделикатно впутываться въ некасаю-

щіеся его вопросы и такъ осуждать дѣйствія Михаила Илларіоновича, что мнѣ пришлось его оборвать. Всѣ эти сужденія основаны на мелкомъ масштабѣ. Нельзя же, господа, управлять страной и бояться всякаго, кто не солидаренъ съ нами во мнѣніяхъ... Михаилу Илларіоновичу ставятъ въ упрекъ, что онъ не ладитъ съ Зарянко и со всей этой Думой...

— Онъ ни съ кѣмъ не ладитъ, Марія Аполлоновна если на то пошло,—сдержанно перебила ее Вероника.— Онъ даже со своими министрами не въ ладахъ.

— Это доказываетъ, что онъ не соглашается съ той политикой, которую они хотятъ вести. Не можетъ же онъ идти противъ своихъ убѣжденій!

— Но въ то же время, онъ не долженъ идти противъ общаго теченія. Разладъ со всѣми можетъ повести къ краху.

— То есть, вы хотите сказать, къ скандалу. Ну, что-жъ! Михаилъ Илларіоновичъ не боится и скандала, такъ какъ знаетъ, что такой скандалъ упадетъ на ихъ же головы. Для него важно только мнѣніе Царскаго Села, остальное же все—и не важно и не опасно.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ совѣтовала Михаилу Илларіоновичу нѣкоторую осторожность,—серьезно замѣтила Вероника.

Въ эту минуту раздвинулась портьера и на порогѣ остановился Асташовъ:

— On entre?

— Certainement!—Въ лицѣ Вероники Мэри замѣтила нѣкоторое смущеніе.Она объяснила это по своему и, просидѣвъ минутъ десять, встала:

— Мнѣ пора. Я должна еще заѣхать къ портнихѣ. En voila une cachotière,—сказала она Вероникѣ, выйдя съ ней въ переднюю.—Я и не знала, что Асташовъ у васъ бываетъ!

— Я не скрывала этого,—просто отвѣтила Вероника.

— Je l'aime bien, но, думаю, что для флирта онъ слишкомъ претенціозенъ.

Вероника промолчала. Мэри не сочла удобнымъ настаивать на этомъ разговорѣ и уѣхала.

Вероника безъ тѣни волненія вошла въ кабинетъ, гдѣ ее ждалъ Асташовъ.

— Вы опередили мои желанія, Вероника Антоновна,—обратился онъ къ ней.—Я ждалъ видѣть васъ выздоровѣвшей, а нахожу цвѣтущей, съ блескомъ въ глазахъ и преисполненной кажется избыткомъ жизненныхъ силъ.

— Да, я совершенно здорова.

— Вы обѣщали увѣдомить меня, когда выздоровѣете, но я, прождавъ напрасно нѣсколько дней, какъ видите, рѣшилъ пріѣхать безъ зова.

— Благодарю васъ,—отвѣтила Вероника, спокойно глядя въ глаза Асташову и мысленно изумляясь и своему спокойствію, и полному равнодушію къ человѣку, который еще такъ недавно имѣлъ власть волновать и мучить ее.

— Что съ вами сегодня, Вероника Антоновна? Вы были такъ лаконичны въ разговорѣ по телефону, а теперь молчите... что случилось?

— Ничего. Что же могло случиться?..—натянуто разсмѣялась она.

— Скажите мнѣ: отчего вы не позвонили? Разсер-

дились за правду, высказанную при послѣднемъ свиданіи, когда вы лежали здѣсь на диванѣ, ожидая услышать отъ меня сладкія рѣчи, совершенно мнѣ не свойственныя?

— Я не понимаю, о какихъ рѣчахъ вы говорите?— вяло произнесла Вероника, пожимая плечами.

— Не понимаете? Какъ угодно. Будемте говорить о другомъ... ну, хотя бы о томъ, что за эти дни, что мы не видѣлись и не говорили съ вами по телефону, я еще болѣе убѣдился въ безплодности вашихъ попытокъ оживить меня. Я задалъ себѣ, между прочимъ, такой вопросъ: что если ваши нервы не выдержатъ, и вы, предположимъ, покончите съ собой? Что буду испытывать я: жалость? Угрызеніе совѣсти? Сознаніе потери? И оказалось, что ровно ничего.— Асташовъ разсмѣялся непріятнымъ дѣланнымъ смѣхомъ.

Вероника молча смотрѣла на Асташова критическимъ и анализирующимъ взглядомъ, котораго онъ до сихъ поръ не зналъ у нея.

— А что было бы съ вами, если бы съ собой покончилъ я?—съ улыбкой тонкаго инквизитора вкрадчиво спросилъ Асташовъ.—Иногда и эта мысль мнѣ приходитъ въ голову.

— Тоже, вѣроятно, ничего,—съ легкой насмѣшкой въ прищуренныхъ глазахъ отвѣтила Вероника.

Асташовъ внимательно посмотрѣлъ на нее. Онъ не узнавалъ ни ея тона голоса, ни взгляда. Передъ нимъ была неволнующаяся и бурливая женщина, съ затаенными чувствами, съ обостренной впечатлительностью къ каждому его слову, а спокойно разглядывающая и слу-

шающая его, какъ будто бы они только на дняхъ познакомились.

— Какъ вижу, болѣзнь подѣйствовала на васъ отрезвляюще,—усмѣхнулся онъ.

Вероника подняла вопросительно брови.

— Вы что-же: разлюбили меня?—бросилъ онъ небрежно.

— Да, я васъ больше не люблю,—просто отвѣтила она.

— Sapristi! voyons, ca devient rigolo!.. А я пріѣхалъ къ вамъ, думая, что вы меня ждете; вѣдь вы страдали до того, что заболѣли, и я хотѣлъ знать, къ чему привели эти страданія.

— Какъ видите, къ полному спокойствію.

Но вѣдь вы же любили меня еще нѣсколько дней тому назадъ и вдругъ такая перемѣна?!. C'est curieux!

— А вы меня тоже любили, Валерій Романовичъ?

— Нѣтъ, мнѣ только нравилось проявленіе вашего чувства.

— И вы на немъ играли?

— Да, это была интересная и сложная игра... je m'amusais beaucoup. — Асташовъ ловко подбросилъ монокль, поймалъ его глазомъ и, улыбаясь откровенно циничной улыбкой, смотрѣлъ на Веронику. Она не опускала глазъ, спокойно выдерживая его взглядъ.

— Значитъ n-i ni, c'est fini?

— Да, c'est fini.

— А-а-а!—Асташовъ протянулъ по ковру щегольски обутыя ноги и заложилъ руки въ карманы.—Въ такомъ случаѣ, считаю своимъ долгомъ возвратить вамъ эти документы.—Онъ вынулъ изъ бумажника нѣсколько

сложенныхъ листковъ бумаги и протянулъ ихъ Вероникѣ. Она узнала свои записки, писанныя съ волненіемъ, всегда съ горечью, безъ радостныхъ переживаній. Она взяла эти пахучіе, аккуратно сложенные листки, запечатлѣвшіе въ немногихъ строкахъ недавно пережитый острый хаосъ чувствъ и, безъ сожалѣнія, безъ желанія перечесть еще разъ то, что было набросано лихорадочной рукой, спокойно разорвала ихъ на нѣсколько частей и, подойдя къ камину, бросила въ золу.

Асташовъ молча, съ той же улыбкой, не покидавшей его лица, слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. Онъ былъ слегка озадаченъ и очень заинтересованъ происшедшей въ отношеніяхъ къ нему перемѣной. Онъ мысленно искалъ причинъ и не находилъ ихъ.

Вероника вернулась къ своему мѣсту и сѣла. Нѣсколько минутъ оба молчали.

— Можно узнать, что вы дѣлали это время, послѣ того какъ выздоровѣли?—прервалъ молчаніе Асташовъ.

— Очень многое: писала этюдъ, была на выставкѣ, въ театрѣ была, у меня кое-кто былъ...

— А еще?

— Было и еще нѣчто... очень интересное и странное...

— Можно узнать—что?

— Конечно можно. Случайно я попала къ одному магу, ученому изъ Индіи...—Вероника остановилась и задумалась.

— Что же онъ вамъ говорилъ? Для чего вы были у него?—Асташовъ плотнѣе вдвинулъ моноколь.

— Зачѣмъ я у него была?—усмѣхнулась Вероника,—вѣроятно, чтобы имѣть возможность порвать

безъ сожалѣнія вотъ эти записочки, что брошены въ золу. Попала я къ нему, какъ мнѣ кажется, случайно, гуляя. Что онъ мнѣ говорилъ? О, очень немного, и я не могу уже припомнить хорошенько что именно. У него необыкновенные глаза. Такихъ глазъ я никогда не видѣла—какъ звѣзды... Глядя въ эти глаза, я уснула и видѣла странные и дивные сны.

— Можно узнать какіе?

— Я видѣла человѣка съ такими же холодными и пустыми глазами, какъ ваши... Этотъ человѣкъ дважды причинилъ мнѣ зло въ моемъ далекомъ прошломъ.

— Et bien quoi, ça ce peut! Это фантастично, но, быть можетъ, и возможно. И вотъ я,—человѣкъ съ холодными и пустыми глазами опять появился на вашемъ жизненномъ пути?

— Да, это такъ.

— Что бы причинять вамъ зло еще разъ?

— Вѣроятно.

— Не вѣроятно, а навѣрное. Изъ всего, что я сегодня отъ васъ слышалъ, для меня ясно, что вашъ чародѣй посредствомъ гипноза охладилъ ваши чувства ко мнѣ и тѣмъ самымъ спасъ васъ отъ моего вліянія, которое, не скрою, было направлено не въ сторону вашего благоденствія. Мнѣ онъ оказалъ плохую услугу, а васъ вылечилъ. Я изрядно мучилъ васъ и, по правдѣ сказать, жалѣю, что это окончилось. Вы какъ думаете: окончилось?

— Мнѣ кажется теперь, будто ничего не было.

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите откланяться.— Асташовъ поднялся.—Что касается вашего чародѣя,

то я рекомендую ему поступить ко мнѣ въ ученики. Мои уроки, въ соединеніи съ мудрыми науками Индіи, дали бы блестящіе и не совсѣмъ шаблонные результаты. Если увидите его, то, прошу васъ, дайте ему мой адресъ или номеръ телефона и скажите, что уроки я даю gratis,—съ циничной усмѣшкой добавилъ Асташовъ, цѣлуя руки Вероники и направляясь къ двери.— А все таки я нѣсколько раздосадованъ на этого чародѣя,—остановился онъ у порога,—онъ испортилъ мнѣ очень интересную игру.

Вероника серіезно посмотрѣла на Асташова:

— Судя по вашей улыбкѣ, хорошаго въ этой игрѣ было не много.

Она почувствовала на себѣ пустой, холодный и жуткій взглядъ Асташова. На одно мгновеніе ей показалось, что изъ этихъ глазъ глядитъ кто-то другой, темный и страшный. Шевельнулись тѣни воспоминаній, мелькнули образы видѣнныхъ недавно сновъ.

Когда Асташовъ ушелъ, она почувствовала радостное облегченіе, какъ будто бы ее освободили отъ какого-то тягостнаго сомнѣнія.

XXIX.

Быстровъ несъ свою красивую голову все выше и горделивѣе, упиваясь сознаніемъ, что онъ ближайшій другъ и совѣтчикъ монарха и что власть его неограничена. Поглощенный этимъ сознаніемъ, онъ шелъ впередъ, не заботясь ни о чемъ, не оглядываясь ни назадъ, ни по сторонамъ, не слыша того, что кругомъ твердилось, что могло показаться менѣе легкомыслен

ному человѣку угрожающимъ. Безалаберный, всюду и всегда опаздывающій, онъ жилъ въ какомъ-то чаду яркихъ впечатлѣній, не задумываясь надъ тѣмъ, что сложная машина управленія страной можетъ отъ неумѣлаго обращенія взорваться какъ паровой котелъ.

Марія Аполлоновна заранѣе захлебывалась въ надвигавшейся на нее волнѣ, такъ долго ожидаемаго счастья быть супругой всесильнаго министра, ежедневно ѣздила въ министерскій домъ, чувствуя себя въ немъ уже почти хозяйкой. Быстровъ соглашался со всѣми ея свадебными проэктами, выслушивая ихъ на лету, прерывая телефонными переговорами или перебивая ихъ повторяющимися разсказами о царской семьѣ. По прежнему онъ ложился чуть ли не подъ утро, терзая дежурнаго секретаря запоздалыми распоряженіями и неожиданными звонками въ глубокую ночь, вставалъ въ полдень, велъ безконечныя бесѣды за чашкой утренняго кофе, въ то время какъ пріемный залъ былъ полонъ публики, неожиданно мчался въ Царское Село, въ ресторанъ для дѣловой, какъ ему казалось, бесѣды и не подозрѣвалъ, что передъ нимъ открылись края пропасти и что одну ногу онъ уже занесъ надъ ней.

Онъ не придавалъ серіознаго значенія тому, что мало по малу отъ него по тѣмъ или инымъ причинамъ, откалывались нужные и вѣрные совѣтчики, на которыхъ онъ опирался или же, въ критическіе моменты, за спины которыхъ могъ прятаться. Такъ напримѣръ, Гоголь-Яроцкій добился увольненія отъ званія товарища министра, сознавая себя совершенно не способнымъ вести запутанную, непонятную для него

политику. Быстровъ въ данный моментъ не противился этой отставкѣ, понявъ, что дальше ихъ совмѣстная работа невозможна, такъ какъ открыть всѣхъ своихъ картъ Яроцкому онъ не могъ. Пассивный и не разсуждающій князь, выбранный Быстровымъ на постъ премьеръ-министра, тоже начиналъ не соотвѣтствовать возложеннымъ на него надеждамъ: онъ опредѣленно началъ клониться въ сторону общественнаго теченія, силящагося разрушить планы и замыслы министра. Наконецъ роспускъ палатъ, въ которыхъ все такъ же прочно сидѣли что-то задумавшіе ненавистные ему думцы—затянулся, и товарищи Быстрова не выражали особаго единодушія въ этомъ важномъ вопросѣ.

Такъ шли дни за днями, когда наконецъ Быстровъ рѣшилъ, что насталъ моментъ отрубить голову гидрѣ и распустить Думу. Съ нѣкоторымъ трудомъ, при помощи царицы, безвольнаго премьеръ-министра заставили скрѣпить указъ, который съ вечера былъ отправленъ въ Государственную Думу. Вернувшись домой поздно, Быстровъ съ облегченіемъ вздохнулъ, протянувъ подъ шелковымъ одѣяломъ усталое за день тѣло. Хотя секретарь, котораго онъ вернувшись видѣлъ мимоходомъ, и успѣлъ доложить ему слегка встревоженнымъ тономъ, что телефонировали изъ градоначальства о томъ, что на улицахъ не вполнѣ спокойно, однако такой пустякъ, по мнѣнію Быстрова, не могъ повліять на его радостное настроеніе. Онъ чувствовалъ себя полнымъ побѣдителемъ. Усталость слегка заволакивала яркость въ сознаніи новаго доказтаельства неограниченнаго тріумфа своей власти,

однако важность совершившагося онъ сознавалъ. Испытывая громадный наплывъ радостнаго ликованія, онъ затушилъ докуренную папиросу, не читая отложилъ на ночной столъ приготовленныя газеты и нѣсколько писемъ, пришедшихъ съ вечерней почтой, загасилъ электрическую лампочку, заложилъ руки подъ голову и, убаюкиваемый пріятными мыслями, сталъ медленно погружаться въ теплую, темную и сладостную мглу дремоты.

На другое утро онъ проснулся отъ осторожнаго, но настойчиваго голоса лакея, звавшаго его по имени. Быстровъ открылъ глаза:

— Да... что такое?.. Развѣ поздно?

— Очень настоятельно желаютъ говорить съ вами Марія Аполлоновна,—доложилъ лакей.

— Марія Аполлоновна?..—не соображалъ со сна Быстровъ.—Что такое? Вѣдь я въ кровати еще... рано...

— Я докладывалъ-съ. Говорятъ—разбуди и скажи, что надо говорить сію минуту, что дѣло важное очень.

— Да что же случилось?—приподнимаясь съ подушекъ, проговорилъ Быстровъ. Вдругъ онъ вспомнилъ свой тріумфъ. Волна радости и гордости залила его мозгъ. Рѣшивъ, что пріѣздъ Мэри имѣетъ связь съ этимъ событіемъ, онъ только слегка удивился ея поспѣшности.

— Скажи Маріи Аполлоновнѣ, что минутъ черезъ двадцать я выйду и прошу ихъ обождать въ кабинетѣ.

Лакей ушелъ, но черезъ минуту, постучавъ въ дверь, вернулся.

— Никакъ ожидать-съ онѣ не могутъ. Очень имѣютъ разстроенный видъ и приказали доложить, что

настоятельно просятъ васъ выйти въ сосѣднюю комнату какъ есть—въ халатѣ, потому, говорятъ, нельзя терять ни минуты.

— Господи, что тамъ случилось!..—пожалъ плечами Быстровъ.—Ну, поди скажи, чтобы онѣ пошли въ комнату рядомъ.—Быстровъ наскоро привелъ передъ зеркаломъ въ порядокъ волосы, освѣжилъ ихъ о-де-колономъ и въ ту минуту, какъ хотѣлъ подойти къ умывальнику, въ сосѣдней комнатѣ послышались быстрые шаги. У самой двери раздался голосъ Мэри срывающійся и взволнованный:

— Мишель... ради Бога поскорѣе выйдите... какъ есть въ халатѣ.

— Что такое, Мэри? Говорите.—Быстровъ стоялъ за дверью, чуть-чуть пріоткрывъ ее и держась за ручку.

— Сію секунду ко мнѣ пріѣзжалъ кое-кто... чтобы я предупредила васъ, Мишель... Нѣчто невѣроятное... Дума отказалась выполнить приказъ о роспускѣ... Въ Таврическомъ Дворцѣ засѣданіе продолжается...

— Что вы говорите, Мэри?!.—Быстрова какъ будто кто то толкнулъ въ грудь. Какъ былъ въ халатѣ и неумытый, онъ распахнулъ дверь и испуганно-удивленными глазами смотрѣлъ на Мэри.—Кто это вамъ сказалъ?

— Михайловскій... Я провѣрила — и это вѣрно. Мишель, нельзя терять ни минуты... Вы должны что нибудь предпринять... На улицахъ начинается какое то волненіе... быть можетъ это на почвѣ недостатка хлѣба, но... я не думаю... что то странное...

— Что же на улицахъ?..—Быстровъ поблѣднѣлъ.

— Толпы народа на тротуарахъ и на дорогѣ... масса пѣшихъ и конныхъ городовыхъ... Мнѣ пришлось ѣхать кругомъ, потому что весь Невскій запруженъ какой то разношерстной толпой...

— Однако... однако это странно... — продолжая смотрѣть въ упоръ на Мэри, съ измѣнившимся лицомъ, пробормоталъ Быстровъ. Онъ хотѣлъ что то еще сказать, какъ затрещалъ звонокъ телефона. Запахивая полы шелковаго халата, Быстровъ спѣшно подошелъ къ аппарату. Мэри, съ тревожно бьющимся сердцемъ, слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Предчувствіе чего то надвигающагося темной тучей щемило ей сердце.

— ...что вы говорите?.. Ну... ну... Да что же это?.. А Хабаловъ что же?.. Позвоните премьеръ министру... дома нѣтъ? Гдѣ же онъ? Узнайте все подробно... сообщите немедля...

Быстровъ повѣсилъ трубку. Рука его замѣтно дрожала, и онъ не сразу попалъ петлей трубки на крючокъ.

— Мэри, обернулся онъ къ Маріи Аполлоновнѣ, — уѣзжайте и не выходите больше изъ дому, прошу васъ...

— Мишель, я останусь здѣсь...

— Ни въ какомъ случаѣ. Мэри, я прошу васъ уѣзжайте. Происходитъ нѣчто... нѣчто неожиданное... Я увѣренъ, что мы все это подавимъ, но моментъ серіозный. Я долженъ быть спокоенъ за васъ, а здѣсь... въ этомъ зданіи мало ли что можетъ произойти... Вы можете звонить мнѣ или вызвать секретаря... Поѣзжайте скорѣе. Возьмите мой автомобиль. Да .. вотъ

что: сейчасъ я распоряжусь, чтобы вызвали ко мнѣ... нѣтъ не то...—Быстровъ провелъ рукой вдоль лба. Рука дрожала.

— Мишель, позвоните Яроцкому, вызовите его сюда. Онъ дастъ вамъ вѣрный и разумный совѣтъ.

— Да, да... это вѣрно... это хорошо... вотъ что: возьмите мой автомобиль, поѣзжайте домой и велите шофферу сейчасъ же ѣхать за Яроцкимъ, а я тѣмъ временемъ позвоню ему. Пожалуйста, идя мимо, скажите, что бы секретаря прислали сюда. До свиданія, мой другъ. Поѣзжайте и не выходите изъ дому: дѣйствительно на улицахъ творится что то неожиданное. Надо подавить... я подавлю, конечно...

— Мишель, вы не знаете чего мнѣ стоитъ уѣхать сейчасъ отсюда!.. Хорошо, хорошо, я уѣзжаю,—торопливо добавила Мэри, уловивъ у Быстрова легкій жестъ нетерпѣливаго протеста. Она протянула ему руку и когда онъ нагнулся, что бы поцѣловать, она стремительно обвила его шею руками:

— Берегите себя, Мишель... вы дороги не только мнѣ, но вы нужны всѣмъ намъ, всей Россіи...

— Да, Мэри, будьте спокойны. Я бодръ и спокоенъ.

Слова Маріи Аполлоновны вернули Быстрову долю его привычной самоувѣренности. Онъ проводилъ ее до двери, позвонилъ лакея и пошелъ одѣваться. Черезъ минуту постучалъ въ дверь секретарь. Лицо его было взволнованно. Быстровъ отдалъ приказаніе немедля вызвать по телефону Яроцкаго.

— Скажите ему, Павелъ Ивановичъ, что я прошу пріѣхать немедля, не теряя ни одной минуты... что

положеніе очень серіозное. Передайте, что я прошу настоятельно. Пусть въ объѣздъ ѣдетъ. Говорятъ, что по Невскому проѣхать нельзя...

— Да, ваше превосходительство, только что по телефону звонили, что настроеніе тревожное... стрѣляютъ... съ Обуховскаго завода толпы рабочихъ идутъ.

— Ну, хорошо. Позвоните скорѣе Яроцкому. Скажите, что я жду.

Быстровъ, съ несвойственной его привычкамъ поспѣшностью, сталъ одѣваться. Нѣсколько разъ звонилъ телефонъ и послѣ каждаго разговора, отрывочнаго и спѣшнаго, лицо Быстрова выражало все большее и большее волненіе. Онъ то и дѣло смотрѣлъ на стоявшіе на каминѣ часы. Ему доложили о пріѣздѣ докторши.

— Скажите, что очень извиняюсь,—принять не могу... пусть завтра пріѣдетъ.

Только что одѣвшись онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ ему доложили, что пріѣхалъ Гоголь-Яроцкій.

— Проси скорѣе... и никого пока не принимать...

Быстровъ въ волненіи поднялся съ кресла и пошелъ навстрѣчу входившему въ дверь Яроцкому, который съ присущей ему неторопливостью въ движеніяхъ, протиралъ платкомъ пенсне.

— Какъ я благодаренъ вамъ, что вы пріѣхали, дорогой Алексѣй Семеновичъ,—крѣпко пожимая обѣими руками протянутую ему руку, проговорилъ Быстровъ.— Садитесь. Хотите кофе? Я еще не пилъ. Мнѣ необходимъ вашъ совѣтъ, Алексѣй Семеновичъ. Видите, я немного взволнованъ... Происходитъ нѣчто неожидан-

ное. Надо все учесть хладнокровно и разумно. Я знаю, что вы дадите мнѣ прямой и честный совѣтъ.

Яроцкій сосредоточенно и серіозно посмотрѣлъ на взволнованное лицо Быстрова и молча, уже предчувствуя нѣчто тревожное и большое, слушалъ его прерывающуюся, сбивчивую рѣчь.

— Ночью въ Думѣ былъ полученъ указъ о роспускѣ...

Яроцкій на секунду закрылъ глаза и чуть замѣтно тихо покачалъ головой. Быстровъ прочелъ въ этомъ движеніи нѣмой укоръ.

— Вѣдь это рѣшеніе, Алексѣй Семеновичъ, созрѣло у меня давно...—какъ бы оправдываясь, нервно заговорилъ онъ.—Меня отвлекали всякія дѣла, слѣдствіе по убійству старца... но измѣнить рѣшенія я не могъ... оно было необходимо. И вотъ, произошло нѣчто невѣроятное: этотъ грузовикъ Зарянко, этотъ надутый дворянской спѣсью, Россійскаго изготовленія графъ Мирабо или, чортъ его знаетъ, кто,—вздумалъ идти противъ высочайшей воли, бунтовать... Это же уму не постижимо! Въ президенты республики гнетъ... Арестовать его надо... Самодуръ, дуракъ!.. Какое осложненіе и скандалъ... Хорошъ камергеръ! Тутъ война, а они затѣяли бунтъ .. Каково мое положеніе, Алексѣй Семеновичъ?!.—Быстровъ всталъ, нервно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ всторону, хотѣлъ налить себѣ кофе на приготовленномъ сбоку небольшомъ столикѣ, но черезъ минуту забылъ о немъ, повернулся въ сторону Яроцкаго и ждалъ отвѣта. Но Яроцкій молчалъ. Скрещенные пальцы рукъ были крѣпко стиснуты на колѣняхъ, лицо блѣдно, и въ потухшихъ глазахъ Быстровъ прочелъ явный испугъ и смятеніе.

— Алексѣй Семеновичъ, вы понимаете, что это за скандалъ и въ какое положеніе я теперь поставленъ?— повторилъ Быстровъ.

— Этого я не ожидалъ...—чуть слышно произнесъ Яроцкій, еще крѣпче стискивая худые длинные пальцы. Онъ закрылъ глаза, стараясь успокоиться и сосредоточиться и вдругъ понялъ, сразу понялъ, что случилось нѣчто ужасное и непоправимое, что сорвалась громадная лавина, которая въ своемъ стремленіи можетъ смести все... У него упало сердце; онъ понялъ, что подъ ногами Быстрова открылась пропасть, въ которую легкомысленный министръ увлечетъ и всю Россію.

— Скандалъ? Вы говорите скандалъ, Михаилъ Илларіоновичъ... Нѣтъ, тутъ дѣло не въ скандалѣ: Дума, Государственная, Дума, голосъ народа, а не улица, не кучка людей бунтуетъ... это... это можетъ быть начало конца. Вѣдь роспускъ Думы могъ быть допустимъ лишь при соглашеніи съ какой нибудь крупной партіей. Какъ могли вы, Михаилъ Ларіоновичъ, не опираясь ни на одну изъ нихъ, рискнуть на это?.. Ни въ какомъ случаѣ я не предполагалъ, что и правые и центръ пойдутъ противъ. Значитъ Князь Гавріилъ Григорьевичъ тоже противъ?.. Что же вы сдѣлали? На какой рискъ пошли? Одинъ противъ всѣхъ, противъ всего?!. Вы позвали меня, Михаилъ Илларіоновичъ, чтобы услышать правду отъ меня. Иначе быть конечно не можетъ. Вы проиграли игру и тѣмъ самымъ, быть можетъ, занесли роковой, смертельный ударъ надъ головой всей Россіи...

Быстровъ страшно поблѣднѣлъ и, съ остановившимся, не своимъ взглядомъ, опершись ладонями о

край письменнаго стола, сталъ медленно подыматься, не спуская глазъ съ лица Яроцкаго;

— Что?.. что вы сказали?..

— Михаилъ Илларіоновичъ, еще есть, быть можетъ, исходъ къ спасенію,—заговорилъ Яроцкій пересиливая волненіе.—Онъ въ вашихъ рукахъ. Вы столько разъ говорили мнѣ о вашей любви къ нашей бѣдной Россіи... во имя ее, я прошу васъ, идите на жертву... Вѣдь если Дума рѣшилась не подчиниться указу, слѣдовательно она объявляетъ войну власти. Эту войну вы можете предупредить, давъ ей гарантію, что черезъ нѣсколько дней сессіи возобновятся. Въ тоже время вы сложите съ себя всѣ полномочія, передавъ ихъ лицу, выбранному Думой.

Яроцкій, блѣдный, но увѣренный въ томъ, что диктовала ему совѣсть, смотрѣлъ въ глаза Быстрова, который медленнымъ, заученнымъ жестомъ провелъ рукой вдоль лба, тяжело вздохнулъ, выпрямился, какъ бы силясь что то стряхнуть съ себя и молча медленно отошелъ въ другой конецъ комнаты. Нѣсколько минутъ длилось тягостное молчаніе, показавшееся Яроцкому безконечнымъ. Когда Быстровъ наконецъ подошелъ опять къ Яроцкому, лицо его было хоть и блѣдно, но уже спокойно и въ немъ отражалась всегдашняя самоувѣренность. Яроцкій былъ удивленъ почти спокойному тону, съ которымъ тотъ обратился къ нему:

— Отъ души благодарю васъ, Алексѣй Семеновичъ, за вашъ честный совѣтъ. Я воспользуюсь имъ, если иного выхода не будетъ, но еще не все проиграно: у насъ есть войска, въ которыхъ никто не сомнѣвается;

что же касается рабочихъ массъ, то, какъ шефъ жандармовъ, я могу съ увѣренностью сказать, что подавить какое угодно возстаніе мы въ силахъ. Больше всего меня волнуетъ перспектива небывалаго скандала въ случаѣ необходимости ареста предсѣдателя президіума россійскаго парламента, а со всѣмъ остальнымъ я слажу... На всѣхъ фабрикахъ и заводахъ масса недовольныхъ дороговизной. Имъ всѣмъ внушено, что правительству мѣшаютъ всѣ эти наши говорильни, совѣщанія, земства и тому подобный хламъ. Въ войскахъ нѣтъ ни одной казармы, гдѣ бы не было нашихъ агентовъ. По ихъ свѣдѣніямъ за Думу никто не пойдетъ. Противъ тѣхъ, кто вздумаетъ идти за нее у насъ готовъ подробный планъ защиты пулеметами. Это та же война и задумываться надъ жертвами, хотя бы ихъ оказались сотни и даже тысячи,—не приходится. Сентиментальность хороша на бумагѣ, а въ жизни государства она ведетъ къ разложенію власти... Еще разъ повторяю вамъ, что приложу всѣ усилія, чтобы сговориться съ Думой; васъ же прошу, дорогой Алексѣй Семеновичъ, поѣзжайте къ князю Гавріилу Григорьевичу и поговорите съ нимъ на правахъ вашей давнишней дружбы. Что же это онъ затѣялъ?.. Открытый со мной разрывъ или это его тупоуміе! Мнѣ разрывъ съ нимъ не страшенъ, но, думаю, что разрывъ со мной можетъ быть для него опаснымъ... дайте ему это понять...

Ярецкій недоумѣвалъ, съ какой быстротой и легкостью Быстровъ перешелъ отъ состоянія угнетеннаго и взволнованнаго къ полному самообладанію. Опять онъ увидѣлъ передъ собой самовлюбленнаго актерствую-

щаго министра, не сомнѣвающагося ни въ своемъ успѣхѣ, ни въ своемъ вліяніи на окружающихъ.

Проводивъ Яроцкаго до двери и дружески пожавъ ему руку, Быстровъ подошелъ къ письменному столу, собираясь что то писать. Мысли кружились и вихремъ неслись въ его головѣ.

— Глупости... глупости!—успокаивалъ онъ себя,— Яроцкій всегда отличался чрезмѣрной осторожностью... Онъ трусоватъ, хотя несомнѣнно уменъ и дальновидедъ... У него нѣтъ достаточной широты государственнаго взгляда... онъ педантиченъ и рискъ для него страшное слово...—Быстровъ посмотрѣлъ на часы:— черезъ часъ поѣду въ Царское Село и все будетъ выяснено...

— Ваше высокопревосходительство!..—раздался въ дверяхъ голосъ секретаря. Быстровъ вздрогнулъ отъ неожиданности и обернулся. Секретарь стоялъ блѣдный, съ замѣтно трясущимися губами.

— Что такое, Павелъ Ивановичъ?

— Сейчасъ дали знать, что Маріинскій дворецъ въ опасности. Открыли заговоръ объ арестѣ всѣхъ министровъ...

Затрещалъ звонокъ телефона, и Быстровъ удерживая жестомъ секретаря, приложилъ трубку къ уху:

— ...приставъ убитъ?.. въ какой части?.. больше выжидать нечего, пусть дѣйствуютъ пулеметами... какъ?.. на всѣхъ улицахъ?.. хорошо... хорошо... стрѣлять безпощадно...

Опустивъ трубку аппарата, Быстровъ отдалъ приказаніе секретарю распорядиться, чтобы ему былъ

поданъ автомобиль. Онъ рѣшилъ, ни минуты не медля ѣхать въ Царское Село. Только что онъ направился къ двери, какъ въ нее безъ доклада вошелъ, почти вбѣжалъ Михайловскій.

— Не ожидалъ васъ видѣть. Что привело васъ ко мнѣ въ такой неурочный часъ?—отступая шагъ назадъ и силясь придать голосу спокойный тонъ, проговорилъ Быстровъ, въ то же время испытывая волненіе при видѣ измѣнившагося лица Михайловскаго, съ плотно сжатыми губами и острымъ, почти жосткимъ выраженіемъ близорукихъ глазъ.

— Меня привело къ вамъ, Михаилъ Илларіоновичъ, конечно не личное дѣло... Мое почтеніе.—Михайловскій, не протягивая руки, сухо, какъ бы на лету поклонился и, тяжело опершись рукой о край массивнаго стоявшаго среди комнаты круглаго стола, заговорилъ, отчеканивая каждое слово и глядя въ упоръ на Быстрова:

— Ни часу, ни минуты терять нельзя. Указъ о роспускѣ исполненъ не будетъ. Въ Таврическомъ Дворцѣ сейчасъ рѣшается вопросъ, быть можетъ, о переворотѣ, о династіи, о судьбѣ Россіи. Вы бросили вызовъ, и онъ принятъ всѣми. Вы создали катастрофическое положеніе. Осталась небольшая горсть людей, стремящихся, если еще не поздно, предотвратить ужасъ, уже нависшій надъ судьбой Россіи... Для этого я и пришелъ къ вамъ. Я говорилъ съ президіумомъ. Объявите новый указъ объ отмѣнѣ вчерашняго или же о новомъ срокѣ возобновленія сессій... Объявите о перемѣнѣ всего правительства... Вѣдь армія за насъ и здѣсь и на фронтѣ...

Быстровъ пошатнулся. Глаза его какъ бы заволакивало пеленой, лицо блѣднѣло. Онъ приложилъ руку къ сердцу, закрылъ глаза и медленно сталъ опускаться въ стоявшее позади кресло. Михайловскій быстро наполнилъ стаканъ водой, стоявшей тутъ же въ хрустальномъ графинѣ и протянулъ его министру. Быстровъ, еле удерживая его въ сильно дрожавшей рукѣ, отпилъ нѣсколько глотковъ, открылъ глаза и поставилъ стаканъ на столъ.

Ну что же? что же вы молчите? Я вамъ говорю, что сочтены минуты...

— Армія, вы сказали?.. Этого не можетъ быть!..— съ усиліемъ произнесъ Быстровъ.

— Это такъ. Армія, заводы и всѣ фабрики готовы идти на защиту Думы. Всѣ казармы въ нашихъ рукахъ. Крайнія партіи поведутъ толпу на борьбу съ тѣми изъ полковъ, которые пойдутъ противъ.

Быстровъ схватился за голову:

— Что вы мнѣ разсказываете?!. Это какой то кошмаръ!..

— А вы ровно ничего не знали!..—Михайловскій поднялъ плечи не то съ сожалѣніемъ, не то съ презрѣніемъ.

— А гвардія? А Царско-сельскій гарнизонъ?

— Этого я не знаю.. но слышалъ, что мѣры приняты повсюду.

— Не можетъ быть.., этого не можетъ быть!..— вдругъ заметался Быстровъ и бросился къ особо стоявшему на письменномъ столѣ телефону, соединявшему его кабинетъ съ Царскимъ Селомъ. Онъ нажалъ кнопку и съ нервнымъ напряженіемъ ждалъ отвѣта. Его не

было. Очевидно проводъ былъ разъединенъ, и Быстровъ понялъ, что это не случайность. Опустивъ трубку, остановившимися глазами, онъ смотрѣлъ на Михайловскаго, теряя нить мыслей. Почва уходила у него изъ подъ ногъ.

— Чего же вы ждете?!.—шагнулъ къ нему Михайловскій и въ голосѣ его прозвучало нетерпѣніе и отчаяніе.

— Но,.. что же мнѣ дѣлать?—растерянно развелъ руками Быстровъ.

— Немедля мчитесь въ Царское... указъ, новый указъ надо.

— Не могу же я объявить указъ императрицы!..

— Есть телеграфъ... наконецъ, говорятъ, что у императрицы есть заранѣе подписанные листы... рѣшайтесь на это.

— Какіе листы?! Что за чепуха!—медленно произнесъ Быстровъ, потирая рукой лобъ и настойчиво глядя въ одну точку пола на узоръ ковра, какъ будто въ немъ заключалось то, что могло разрѣшить все то непонятное, страшное и жестокое, что вдругъ навалилось всей тяжестью на его похолодѣвшее сердцѣ.

— Теперь я сказалъ все. Дѣлайте какъ знаете и рѣшайте сами... Но помните, что часы сочтены и что надѣяться на собственныя силы вы больше не должны. Прощайте. Когда то мы шли съ вами рука объ руку, и я вѣрилъ вамъ. Если вы сами еще вѣруете во что то, то спасайте это...—Михайловскій круто повернулся и быстро вышелъ.

Быстровъ хотѣлъ сосредоточиться и не терять надъ собой власти... но безпрестанные звонки по телефону,

одинъ другого тревожнѣе, не давали ему времени прійти въ себя. Сообщали. что огромныя толпы на улицахъ начали громить участковыя полицейскія управленія; что ни солдаты, ни казаки не стрѣляютъ въ буйствующую толпу, что къ Таврическому Дворцу стягиваются безконечныя массы заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ; что солдаты въ казармахъ идутъ на ихъ поддержку и расправляются съ офицерами, желающими имъ препятствовать; что Маріинскій дворецъ, откуда Совѣтъ Министровъ переѣхалъ въ Адмиралтейство, окруженъ толпой и солдатами съ красными флагами.

Поминутно прибѣгалъ то секретарь, то курьеръ съ докладами, и Быстровъ началъ терять голову. Тщетно онъ пробовалъ соединиться съ Царскимъ Селомъ— аппаратъ не дѣйствовалъ, такъ какъ провода были, очевидно, умышленно повреждены. Нѣсколько разъ онъ принимался писать докладъ въ Царское Село, но такъ какъ ходъ событій развивался съ невѣроятной быстротой, то приходилось не дописавъ доклада, начинать другой. Онъ сознавалъ, что теряетъ надъ собой власть, что мысли путаются и тренетъ роковыхъ предчувствій наполняетъ все его существо. Онъ готовъ былъ умчаться въ Царское, но, не расчитывая добраться, въ отчаяніи отказывался отъ поѣздки. Какъ въ кошмарѣ онъ метался по кабинету, отъ письменнаго стола къ телефонному аппарату или выслушивалъ доклады блѣднаго и растеряннаго секретаря.

Ему передали короткую записочку отъ Мэри. Она писала, что телефонировать ему не можетъ,—такъ какъ на станціи отказываютъ соединять; что улица у ея дома запружена народомъ; что у нея есть свѣдѣнія

о грозящей лично ему опасности, а потому она умоляетъ его въ четыре часа быть на Финляндскомъ вокзалѣ, чтобы вмѣстѣ уѣхать; если же онъ опоздаетъ къ поѣзду, то она проситъ его, не теряя времени, брать слѣдующій; она же будетъ ждать его на своей дачѣ близь Иматры.

Посланный, передавши ему въ руки письмо, просилъ отвѣта. Быстровъ лихорадочной рукой набросалъ нѣсколько словъ: «Прошу васъ уѣзжайте. Не ждите меня. Пріѣду одинъ». Сунулъ въ руку посыльнаго двадцать пять рублей и письмо, заперъ кабинетъ, опустился въ кресло, охватилъ голову руками и застылъ. Минуты бѣжали. Ему казалось, что каждый ударъ маятника большихъ Нортоновскихъ часовъ, какъ молотомъ ударяетъ въ дверь, отдѣляющую его блестящую, прекрасную жизнь отъ надвигающагося на него кошмара. Съ трепетомъ сердца онъ прислушивался къ этимъ роковымъ ударамъ минутъ, которыя вотъ—вотъ должны были разрушить, разбить въ дребезги его двери, что бы дать ворваться въ его жизнь дикому кошмару. Онъ зналъ, что въ Таврическомъ Дворцѣ идетъ совѣщаніе, что рѣшеніе должно быть принято... онъ долженъ былъ что то сдѣлать, на что то рѣшиться, такъ какъ все равно неумолимые удары минутъ свое дѣло сдѣлаютъ...

Быстровъ поднялся и позвонилъ, велѣвъ немедля подать автомобиль. Ему доложили, что автомобиль давно у подъѣзда. Съ неподвижнымъ, застывшимъ лицомъ и мутнымъ взглядомъ, Быстровъ, ни на каго не глядя спустился внизъ, машинально надѣлъ пальто и сѣлъ въ автомобиль, велѣвъ шофферу ѣхать въ Совѣтъ Министровъ.

XXX

Алексѣй Семеновичъ Гоголь-Яроцкій, выйдя изъ подъѣзда министерскаго дома, не нашолъ автомобиля, который долженъ былъ отвести его обратно домой. Онъ узналъ, что на немъ срочно уѣхалъ посланный куда то курьеръ и еще не возвращался. Рѣшивъ идти пѣшкомъ, онъ однако, прошелъ только нѣсколько кварталовъ и повернулъ обратно: отовсюду валилъ валомъ въ одну и въ другую сторону возбужденный народъ въ чуйкахъ, курткахъ, картузахъ. Это были заводскіе и фабричные. Что бы двигаться впередъ, Яроцкому нужно было слиться съ этой шумной, уже угрожающей толпой, которую онъ никогда не любилъ и не считалъ народомъ, видя въ ней лишь случайное скопленіе отдѣльныхъ и, по большей части, темныхъ единицъ тѣхъ низовъ, которые были въ своихъ привычкахъ и взглядахъ оторваны отъ настоящаго и здороваго народнаго элемента. Хотя онъ считалъ своимъ долгомъ служить и этимъ низамъ и служилъ для ихъ пользы всю свою жизнь, однако не видалъ въ нихъ, отдѣльно взятыхъ, ничего ни привлекательнаго, ни разумнаго, ни даже родного и считалъ русскую толпу безразсудной и непригодной ни къ чему безъ руководства интеллигентныхъ силъ и власти. Онъ зналъ, что въ духѣ русской толпы лежитъ разнузданность и озорство и потому всегда сторонился ее.

Вернувшись къ подъѣзду министерскаго дома и подождавъ нѣсколько минутъ, онъ взялъ возвратившійся автомобиль и поѣхалъ домой, дѣлая большіе объѣзды

и подолгу ожидая возможности пробраться черезъ густую, непрерывно движущуюся впередъ, толпу.

Яроцкая, съ тревогой ждавшая возвращенія мужа и уже освѣдомленная обо всемъ, что происходило, выбѣжала къ нему въ переднюю, зорко вглядываясь въ какъ будто потемнѣвшее, лицо мужа.

— Алексисъ, наконецъ то... Я такъ волновалась... Est-ce vrai? la révolution?... Comme jadis à Paris?.. Mais que veullent ils?

Яроцкій медленно, съ отсутствующимъ взглядомъ снялъ шляпу и перчатки, положилъ ихъ на столъ подлѣ зеркала, провелъ рукой по волосамъ, помолчалъ и поднялъ глаза на жену:

— Кто знаетъ, мой другъ, чего они хотятъ..— отвѣтилъ онъ по французски, имѣя привычку говорить дома всегда на этомъ языкѣ.—Врядъ ли они и сами знаютъ чего хотятъ...

Вмѣстѣ съ женой онъ прошелъ въ свой кабинетъ. Изъ всѣхъ комнатъ, обставленныхъ скромно, эта была наиболѣе комфортабельная и красивая. Стѣны и широкая турецкая тахта были покрыты прекрасными персидскими коврами. Такой же коверъ, вмѣсто портьеры, завѣшивалъ дверь. Нѣсколько фамильныхъ портретовъ масляными красками висѣло на стѣнахъ. Противъ письменнаго стола надъ тахтой была развѣшана коллекція древняго хевсурскаго оружія, нѣсколько щитовъ, кольчугъ, мечей и пистолетовъ съ насыпнымъ запаломъ. У окна стоялъ старинный прадѣдовскій столъ, съ такой же старинной чернильницей, песочницей и подсвѣчниками.

Только что они вошли въ кабинетъ, какъ отчетливо и гулко раздался изъ оконъ трескъ пулемета.

Яроцкая вздрогнула, и глаза ея испуганно расширились:

— О, Алексисъ... какъ это страшно!..—прошептала она и медленно перекрестилась.

— Да, страшно за Россію—отозвался Яроцкій, опускаясь въ кресло подлѣ письменнаго стола и машинально, почти автоматично, медленно вынимая папиросу изъ портсигара и раскуривая ее.

— Да, мой другъ,—тяжело вздохнувъ заговорилъ онъ,—насъ захлестываетъ громадная историческая волна, но я не вижу въ ней возможностей для обновленія Россіи. Нѣтъ... я предчувствую нѣчто стихійно—грозное. Все, что я зналъ, что понималъ и чему посвятилъ всю жизнь—все это будетъ сметено безпощадно и неразумно...—Яроцкій, опершись рукой о столъ, склонилъ голову на ладонь и глубоко задумался. Его жена сидѣла на тахтѣ и, опустивъ красивыя бѣлыя руки на колѣни, хранила молчаніе, глядя скорбными глазами на мужа и друга, съ которымъ всю жизнь дѣлила самоотверженно и честно всѣ его печали и невзгоды. Она знала, что въ его тихомъ спокойствіи таилось много мужества, и подъ ударами судьбы онъ не терялъ ни чувства собственнаго достоинства, ни врожденной благородной гордости, ни самообладанія. По его лицу и по упорному молчанію она поняла, что онъ переживаетъ нѣчто небывалое и ужасное.

Долгое молчаніе было прервано звонкомъ телефона на письменномъ столѣ. Сослуживецъ Яроцкаго сообщалъ ему, что почему то всѣ министры собрались въ Адмиралтействѣ, которое оцѣплено войсками, такъ какъ петроградскій гарнизонъ перешелъ на сторону бунтарей;

что Государственная Дума окружена и наполнена полками; что ею будто бы объявленъ уже составъ временнаго правительства, ожидающаго только утвержденія царя, которому послано требованіе объ измѣненіи порядка управленія страной... Сообщеніе передавалось сбивчиво и отрывочно и наконецъ было прервано чьимъ то голосомъ съ телефонной станціи, грубо заявившимъ, что по приказанію начальства аппаратъ выключается.

Взволнованная прислуга прибѣжала сказать, что бы ни въ какомъ случаѣ не выходили изъ дому, такъ какъ часъ отъ часу толпа становится смѣлѣе, громитъ всѣ полицейскіе участки, выпустила безъ разбора изъ всѣхъ тюремъ заключенныхъ и подожгла зданіе окружного суда, которое все охвачено огнемъ. Стрѣльба слышалась все чаще и чаще... Хотя обѣдъ былъ поданъ, но ни Яроцкій, ни жена его не могли ѣсть, и онъ былъ убранъ почти нетронутымъ. Стало темнѣть. Опять они оба сидѣли въ кабинетѣ. Сгущались тѣни, заволакивая всѣ контуры мебели и окутывая собой неподвижно сидящія фигуры мужа и жены, тихо переговаривавшихся и старавшихся поддержать взаимную бодрость другъ у друга. Наконецъ совсѣмъ стало темно и въ этой неподвижной темнотѣ звуки ружейной пальбы и, гдѣ то вдали, громъ орудій отдавались жуткими и грозными предзнаменованіями.

— Какое счастіе, Алексисъ, что ты теперь не у дѣлъ,—раздался въ темнотѣ тихій голосъ жены Яроцкаго. По звуку голоса онъ угадалъ выраженіе ея лица, которое зналъ наизусть, когда она говорила или думала о немъ, храня въ сердцѣ неостывающее къ нему чув-

ство теплоты и глубокой преданности. Онъ угадалъ, что при этихъ словахъ она на секунду закрыла глаза, большіе, еще красивые и блестящіе черные глаза, опушенные густыми рѣсницами. Угадалъ ея привычный жестъ въ этихъ случаяхъ—крѣпко сжатые скрещенные пальцы рукъ на колѣняхъ; представилъ себѣ ея небольшую, теперь утонувшую въ глубокихъ сумеркахъ, гладко и акуратно причесанную, голову, съ черными, безъ малѣйшей сѣдины густыми еще волосами, смуглымъ цвѣтомъ лица, небольшимъ съ горбинкой носомъ и пухлымъ, опушоннымъ по верхней губѣ, ртомъ. Все было въ ней красиво прочной и яркой красотой, все было цѣльно, просто и полно безискусственной сердечности. Никого въ жизни Яроцкій не любилъ такъ, какъ любилъ свою жену. Въ эти минуты полнаго душевнаго разлада, онъ еще сильнѣе почувствовалъ, что хотя бы рухнуло вокругъ него все, и вся его прошлая жизнь пошла бы на смарку, чувство къ женѣ останется нетронутымъ и одинаково сильнымъ.

— Если толпу не сумѣютъ обуздать, я боюсь, какъ бы она ни обрушилась на существующее еще министерство,—докончила свою мысль Яроцкая.

— Мой другъ, когда толпа вырываетъ у законной власти ея полномочія и вооружается силой кулака, то она стремится выразить свой протестъ всякому, кто не вливается въ ея мутный потокъ. Всѣ мы должны быть готовы... и ко всему, — тихо договаривалъ Яроцкій.

— Нѣтъ, Алексисъ, это было бы слишкомъ ужасно...

— Я не говорю, что такъ будетъ и у насъ, но вспомни страницы Французской революціи: чернь

остается одинаковой вездѣ и нѣтъ разницы въ психологіи эя звѣрскихъ инстинктовъ.

— Зажгли свѣтъ, предварительно плотно задернувъ тяжелыя драпировки на двухъ окнахъ кабинета. Отрѣзанные отъ внѣшняго міра, не имѣя возможности снестись къ кѣмъ либо изъ своихъ друзей или знакомыхъ, Яроцкимъ казался бесконечнымъ этотъ, полный тревожныхъ ожиданій и предчувствій, вечеръ. Онъ сколько ни силился, не могъ вникнуть въ содержаніе раскрытой передъ нимъ книги; у нея валилась изъ рукъ работа—шитая шелками полоса на одѣяло мужа. То на короткій срокъ стихавшая, то съ новой силой возобновлявшаяся стрѣльба не давала возможности забыть о томъ, что за стѣнами дома кошмарный призракъ разросталея и крѣпъ, готовый ежесекундно ворваться въ ихъ тихую, скромную жизнь.

Было около двухъ часовъ ночи, когда Яроцкіе рѣшились разойтись по своимъ комнатамъ. Только что онъ собирался потушить свѣтъ въ кабинетѣ, какъ послышался настойчивый, рѣзкій, непрерывный звонокъ съ парадняго входа, сопровождаемый стуками въ дверь и шумомъ многихъ голосовъ. Вбѣжала блѣдная перепуганная горничная, объявившая, что съ чернаго входа на кухню тоже стучатъ, и кухарка не знаетъ что дѣлать.

— Пусть откроетъ,—тихо проговорилъ Яроцкій и направился къ передней. Въ дверяхъ гостинной онъ увидѣлъ жену. Она стояла въ темногранатовомъ халатѣ, съ наскоро подхваченными въ тяжелый узелъ волосами, блѣдная, съ непомѣрно расширенными зрачками, съ конвульсивно прижатыми къ груди скрещенными пальцами.

— Алексисъ... Алексисъ...—бормотала она совсѣмъ поблѣднѣвшими губами.

— Calmez—vous... je vous en supplie, au nom du ciel. Soyons forts... Le sort est inévitable... — Яроцкій взялъ руки жены въ обѣ свои, глубоко заглянулъ ей въ глаза, выпрямился и, съ блѣднымъ, но спокойнымъ лицомъ, повернулся къ двери, въ которую вваливалось десятка полтора людей. У каждаго изъ нихъ за спиной было ружье.

Яроцкій, обнявъ жену за плечи, невольно отступилъ вглубь комнаты. Изъ толпы вооруженныхъ людей отдѣлился очень юный молодцоватый солдатъ въ гвардейской формѣ и, вызывающе глядя на Яроцкаго, произнесъ громко и отчетливо:

— Товарищъ министра Яроцкій я васъ арестую...

Въ ту же минуту студентъ и другой солдатъ стали по обѣ стороны Яроцкаго и его жены.

— Я не товарищъ министра, я членъ Государственнаго Совѣта,—тихо, но твердо произнесъ Яроцкій.

— Какъ же это такъ!..—съ недоумѣніемъ обратился къ своимъ товарищамъ, объявившій объ арестѣ, солдатъ. Рябой человѣкъ, съ узкими бѣгающими глазами и непріятнымъ большимъ ртомъ съ тонкими сухими губами, бросивъ на Яроцкаго косой взглядъ, протянулъ солдату какой то измятый клочокъ бумаги. Тотъ внимательно перечелъ написанное.

— Да вѣдь вы то и есть Гоголь-Яроцкій?

— Да.

— Ну, такъ ладно! Васъ надо арестовать. Какое оружіе у васъ имѣется въ домѣ? Пулеметы есть? Ружья али леворьверты?

— Ничего нѣтъ...—отвѣтилъ Яроцкій и въ то же время почувствовалъ, что жена, которую онъ крѣпко обнималъ за плечи, покачнулась назадъ. Онъ взглянулъ на нее и увидѣлъ мертво-блѣдное лицо, съ закрытыми глазами. Она пошатнулась еще разъ и стала медленно отваливаться назадъ. Стоявшая въ дверяхъ горничная бросилась къ ней въ ту минуту, когда она упала на полъ. Яроцкій опустился на колѣни передъ женой и, взявъ ея руку, тихо звалъ по имени, но двое солдатъ подняли его подъ руки и повели къ двери.

— Надѣньте пальто, васъ увезутъ сейчасъ,—проговорилъ студентъ, шедшій передъ нимъ и что то сказавшій на ухо объявившему объ арестѣ солдату.

— Ваши ключи отъ письменнаго стола и отъ шкапа,—обратился къ Яроцкому солдатъ. Тотъ молча передалъ ему ключи. Вся толпа въ шапкахъ и шинеляхъ, кромѣ оставшихся двухъ солдатъ у дверей, ввалилась въ кабинетъ и гостинную.

Яроцкій надѣлъ пальто и видя, что пока не кончится обыскъ, его не уведутъ, шагнулъ обратно въ гостиную, прося дать ему возможность проститься съ женой.

Горничная, стоя на колѣняхъ, натирала ей виски о-де-колономъ и давала нюхать нашатырный спиртъ. Толстая старая кухарка, съ добродушнымъ обрюзгшимъ лицомъ, подсунувъ барынѣ подъ голову шитую золотомъ подушку съ дивана, скрестивъ на выпяченномъ животѣ закорузлыя руки, смотрѣла безъ тѣни робости на вооруженную толпу людей, ворвавшуюся среди ночи въ мирный домъ и обшаривающую жадными руками ящики столовъ и шкаповъ.

— Ишь что затѣяли!.. Неча сказать молодцы!..— неодобрительно качала она сѣдой головой, съ негодованіемъ и любопытствомъ оглядывая каждаго изъ нихъ.

Положивъ руку на блѣдный лобъ жены, Яроцкій тихо звалъ ее по имени. Наконецъ она открыла глаза, пристально посморѣла въ лицо мужа, увидѣла всюду шарящихъ вооруженныхъ солдатъ и сразу все вспомнила. Въ лицѣ ея содрогнулась каждая черта, когда быстро поднявшись съ пола, она обвила руками шею мужа. Рыдая она припала къ нему, въ безсильномъ отчаяніи прижимала къ его груди голову и роняла скорбныя слезы... Занятые своимъ дѣломъ, солдаты не обращали на нихъ вниманія. Они выдвинули всѣ ящики письменнаго стола и шкапа, выбросили изъ нихъ всѣ бумаги, тщательно и безуспѣшно ища «преступной переписки». Денегъ у него тоже не нашлось, кромѣ нѣсколькихъ сотъ рублей, лежавшихъ въ письменномъ столѣ. Особенное вниманіе привлекъ къ себѣ ящикъ съ орденами и лентами, которыхъ было у Яроцкаго не мало. Были серебряныя и золотыя звѣзды и кресты, станиславы, анны и владимиры. Ящикъ переходилъ изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока всѣ кресты, звѣзды и ордена не оказались въ карманахъ защитниковъ свободы и насилія.

Вся мебель въ кабинетѣ и гостиной была безпорядочно сдвинута, полы и ковры загрязнены слѣдами неопрятныхъ ногъ.

Когда къ Яроцкому опять приблизились солдаты, его жена, понявъ неизбѣжность судьбы, сразу утихла, подняла голову, крѣпко обняла мужа и набожно перекрестила.

Топоча ногами и переговариваясь, толпа людей, окружавшая Яроцкаго, спустилась внизъ по лѣстницѣ. Безпорядочно толкаясь, они вышли изъ подъѣзда, подлѣ котораго стоялъ грузовой автомобиль. Морозный ночной воздухъ обдалъ лицо и шею Яроцкаго непривѣтливымъ холодомъ. Онъ передернулъ плечами, почувствовавъ какъ иглы нервнаго озноба пробѣжали вдоль спины и плечъ. Ни страха, ни отчаянія не было въ его душѣ. Только одна холодная мутная тоска. Его посадили на платформу грузовика. Ему было неудобно сидѣть на полу платформы, и онъ, чтобы не раскачиваться, схватился рукой за бортъ.

— Что господинъ, вамъ съ непривычки, кажись, этакъ сидѣть неудобно? — нагло усмѣхнулся плотно сидѣвшій подлѣ него солдатъ, закуривая у самаго его лица папиросу и пуская густой клубъ дыма въ его сторону.

—Этта ничаво, — отозвался другой.—Не все же въ треслахъ сидѣть... Дапрежъ вы сидѣли, а таперя и мы посидимъ.

XXXI.

Вернувшись наканунѣ поздно домой, Вероника вышла изъ своей спальни около часу дня и сейчасъ же узнала отъ прислуги, что на улицахъ сильное волненіе. Отовсюду, куда она звонила, ей повторяли тѣ же тревожныя извѣстія. Она попробовала выйти на улицу и увидѣла нѣчто непривычное. Громадныя толпы сѣраго люда, грузовики съ вооруженными людьми, кучки рабочихъ—все это внушало ей жуткое

чувство недовѣрія. Она не могла пересилить страха и вернулась домой, отложивъ намѣреніе поѣхать къ теткѣ Анастасіи Ивановнѣ.

Въ передней раздался настойчивый звонокъ, и, съ измѣнившимся разстроеннымъ лицомъ, къ ней въ кабинетъ почти вбѣжала Марія Аполлоновна. Поверхъ зимней шапочки былъ повязанъ узломъ у подбородка темно-фіолетовый шарфъ, изъ подъ котораго выбивалась прядь наскоро подобранныхъ волосъ. Одѣта она была съ непривычной небрежностью, лицо было блѣдно, углы рта нервно подергивались.

— Мой другъ, я къ вамъ на самый короткій срокъ... вы видите, что дѣлается...—она почти упала въ кресло и на секунду прижала къ лицу обѣ ладони. — Ужасъ... ужасъ!.. Черезъ полтора часа я уѣзжаю въ Финляндію, захвативъ лишь самое цѣнное и кое-какія бумаги. Вероника Антоновна, я знаю васъ,—вы не откажете оказать мнѣ громадную услугу... Прошу васъ...

— Конечно, съ удовольствіемъ,—поспѣшила отвѣтить Вероника, догадываясь, что дѣло будетъ касаться чего-то важнаго и срочнаго.

— Это не безпорядки,—мотнула Мэри головой по направленію оконъ, — это начинается что-то большое и опасное. Михаилъ Илларіоновичъ еще сегодня утромъ надѣялся подавить, но онъ ошибся... волна ростетъ... хотятъ арестовать все правительство... что будетъ?.. Боже мой, что будетъ?.. Я все обдумала. Его надо спасти. Онъ такъ безпечно-увѣренъ въ себѣ, что его могутъ перваго схватить... Въ толпѣ я сама слышала по его адресу угрозы... Я послала ему записку, но

этого мало... Прошу васъ, дорогая моя, послѣ трехъ часовъ настойчиво позвоните къ нему и скажите, чтобы онъ не опаздывалъ пріѣхать на вокзалъ. Если опоздаетъ къ четыремъ,—пусть ѣдетъ со слѣдующимъ поѣздомъ. Я прошу его уѣхать ко мнѣ въ Финляндію; здѣсь ему невозможно оставаться ни часу дольше... Ахъ, какъ я боюсь за него... Онъ не долженъ теперь быть здѣсь...

— Можетъ быть онъ уже уѣхалъ на вокзалъ, и вы напрасно такъ волнуетесь...

— Минутъ сорокъ тому назадъ я звонила къ нему, и мнѣ сказали, что онъ только что выѣхалъ, я помчалась на вокзалъ, — но его тамъ нѣтъ, и вотъ я прямо оттуда къ вамъ... Позвоните къ нему въ три съ половиной, дорогая, и звоните до тѣхъ поръ, пока не поймаете его къ телефону.

— Попробуемте сейчасъ еще разъ позвонить... Вызовите секретаря и спросите куда онъ уѣхалъ; это будетъ вѣрнѣе,—предложила Вероника.

— Ахъ, я такъ безумно устала... позвоните вы,— попросила Мэри, откидываясь на спинку кресла и протягивая ноги.—Вѣдь я треплюсь съ утра... потомъ эта спѣшная укладка... въ домѣ все вверхъ дномъ и такой ужасъ, такой страхъ въ душѣ.

Вероника подошла къ аппарату. Ей не скоро удалось добиться телефонной станціи. Она назвала номеръ телефона Быстрова.

— По предписанію начальства проводъ разъединенъ,—отвѣтилъ ей будто бы въ самое ухо чей-то грубый мужской голосъ. Она опустила трубку аппарата:

— Проводъ разъединенъ,—тихо проговорила она.

— Что... что такое?!.—вскочила Мэри.—Значитъ дѣло совсѣмъ плохо. Какъ же быть теперь? Какъ вы думаете, что же теперь дѣлать?..

— Поѣзжайте на вокзалъ. Напишите поскорѣе два слова, чтобы онъ пріѣзжалъ возможно скорѣе. Я отправлю съ сыномъ нашего швейцара: шустрый и расторопный парень. Онъ постарается передать ему въ руки или же въ руки его довѣреннаго лакея—Тихона. Пишите поскорѣе, я пошлю.

На листкѣ бумаги Мэри набросала нѣскокько словъ и передала ихъ Вероникѣ.

— Поѣздъ уходитъ въ четыре. Сама не знаю что мнѣ дѣлать: уѣхать ли, если его не будетъ или ждать слѣдующаго поѣзда? Ну, тамъ будетъ видно. Прощайте, дорогая, я ѣду. Если бы вы знали, до чего жутко ѣхать сейчасъ. Такъ и кажется, что схватятъ и куда-то поволокутъ. Вы знаете, что у офицеровъ отнимаютъ оружіе... Богъ знаетъ, что дѣлается. Я очень боюсь за Царское Село.

— А не туда ли уѣхалъ Михаилъ Илларіоновичъ?

— Это возможно... я не подумала. Но это все равно: с йчасъ я ѣду на Финляндскій вокзалъ и тамъ жду его.

Мэри наскоро перевязала у подбородка шарфъ, поцѣловала Веронику и уѣхала.

Сыну швейцара была отдана записка съ строгимъ наказомъ передать ее лично въ руки министра или же въ руки лакея — Тихона и постараться узнать куда уѣхалъ министръ, если его не окажется дома.

Вероника рѣшила выйти. Хотѣлось само видѣтьй, слышать и понять насколько серіозно то, что происходило. Она надѣла простенькую шубку и шапочку и вышла. Ни извозчиковъ, ни трамваевъ не было. Люди шли безпорядочными толпами по панелямъ и по дорогѣ, покрытой коричневатымъ рыхлѣющимъ снѣгомъ. Сновали автомобили съ вооруженными солдатами. Въ небольшой кучкѣ людей, похожихъ на фабричныхъ, молодой солдатъ, обтирая обшлагомъ шинели раскраснѣвшееся ни то отъ волненія, ни то отъ усердія, лицо, что-то въ попыхахъ разсказывалъ. Вероника остановилась. Солдатъ спѣшно передавалъ, что въ «Крестахъ» и въ окружномъ судѣ освободили всѣхъ заключенныхъ и подожгли архивъ, чтобы уничтожить судебныя дѣла.

— А какъ полки: многіе перешли на нашу сторону?—спросилъ одинъ изъ группы рабочихъ.

— Много. Почти что всѣ. Волынскій, Павловскій, Кексгольмскій... Сейчасъ мы освободили изъ казармъ Московскій полкъ, а офицеровъ изъ оконъ повыряли...

— Ну-у?!. молодцы!.. — ухмыльнулся одинъ изъ заводскихъ, сдвигая картузъ на затылокъ въ сознаніи наростающей власти пролетаріата.

— А коли съ архива и судъ загорится?.. — спросилъ кто-то изъ прохожихъ, прислушивавшихся къ разговору.

— А пущай его горитъ: судить будетъ негдѣ, — махнулъ солдатъ рукой. Вероника пошла дальше. Всюду у воротъ и подъѣздовъ толпился простой народъ; дворники, прислуга и лавочники одобрительно переговаривались и перебрасывались вопросами и от-

вѣтами съ пробѣгавшими мимо кучками солдатъ или рабочихъ. Слышались требованія, чтобы ворота всюду были открыты настежъ.

Осторожно пробираясь впередъ, Вероника дошла до Инженернаго замка и на минуту остановилась. Небо было розово-алаго цвѣта. Въ зимнемъ днѣ чувствовалось дуновеніе весны. Колориты были мягки и отчетливо свѣжи. Слышались ружейные залпы. Сѣрая толпа солдатъ и рабочихъ двигалась по Фонтанкѣ со стороны Невскаго. Вероника взглянула на зданіе министерскаго дома: въ верхнемъ этажѣ всѣ зеркальныя окна горѣли какъ въ пожарѣ, отражая зарево небесъ отъ заходящаго солнца. Въ этомъ аломъ отблескѣ было что-то грозное.

На Веронику началъ дѣйствовать угнетающе видъ вооруженной толпы, неспокойно и суетливо стремящейся выразить свою власть. Она повернула обратно и, не останавливаясь, не прислушиваясь къ тому что говорили, поспѣшила домой. Но дома она ни за что не могла взяться и то переговаривалась по телефону, то смотрѣла въ окно, вздрагивая отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Прислуга разбѣжалась, появляясь на минуту и принося все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти.

Заслышавъ въ передней звонокъ, на который никто изъ кухни не отзывался, Вероника пошла открыть дверь сама. Въ передней опять стояла Мэри.

— Какъ, вы не уѣхали? — удивилась Вероника.

Марія Апполоновна молча отрицательно покачала головой, вошла въ переднюю, безсильно опустилась на стулъ и, вся сгорбившись, поникла головой.

— Что съ вами? Что случилось? Говорите скорѣе, — заволновалась Вероника, замѣтивъ, что лицо Мэри было необычайно блѣдно и подъ глазами лежали синеватыя тѣни.

— Я боюсь, что произошло что нибудь страшное .. его нигдѣ нѣтъ... — глухо проговорила она.—Какой отвѣтъ принесъ посыльный?

— Ни Михаила Илларіоновича, ни Тихона онъ не засталъ и передалъ записку дворнику, такъ какъ и швейцара на мѣстѣ не оказалось. Онъ говоритъ, что въ домѣ сумбуръ и никто ничего не знаетъ.

— Я пропустила два поѣзда — его не было. Тогда я вернулась домой, но меня предупредилъ швейцаръ, чтобы я лучше не оставалась дома, такъ какъ приходили какіе то солдаты въ мою квартиру и искали его. Я рѣшилась пробраться къ нему хоть съ чернаго хода, но это оказалось ненужнымъ: вся его квартира только что наполнилась чернью и ее громятъ... Его тамъ искали и не нашли... Я не въ силахъ больше двинуться съ мѣста... пріютите меня... Какой кошмаръ! Вчера еще все было такъ ярко и хорошо... Господи, неужели же всему конецъ?!.—Мэри закрыла лицо руками и судорожно зарыдала, припикнувъ головой къ спинкѣ стула, на которомъ она сидѣла.

XXXII.

Въ это время Быстровъ, понуривъ голову и заложивъ руки въ карманы пальто, не отдавая себѣ отчета гдѣ онъ и куда идетъ, шелъ по улицамъ, не глядя по сторонамъ, ничего не видя и не слыша, весь углублен-

ный въ бѣшенную работу мыслей, срывавшихся, перегонявшихъ одна другую, несшихся вихремъ и кружившихся въ дикомъ хаосѣ.

Часъ тому назадъ онъ вышелъ изъ Маріинскаго дворца, гдѣ, блѣдный, съ растерянной обрывающейся рѣчью, сложилъ съ себя полномочія передъ не менѣе растерянными министрами и, ни на кого не глядя, ничего не спрашивая, съ холоднымъ, будто замершимъ сердцемъ, прямо глядя предъ собой остановившимися глазами, спустился внизъ, самъ надѣлъ пальто, разыскалъ свою шапку, натянулъ перчатки, систематично застегнулъ каждую пуговицу, поднялъ мѣховой воротникъ, заложилъ поглубже руки въ карманы и только что хотѣлъ выйти изъ подъѣзда, какъ къ нему подошелъ всегда сопровождавшій его жандармскій полковникъ и, рядомъ съ нимъ, его довѣренный лакей Тихонъ.

— Ваше высокопревосходительство,—замѣтно волнуясь заговорилъ полковникъ—брюнетъ восточнаго типа, очень щеголеватый, ловкій человѣкъ, быстро сдѣлавшій свою карьеру,—ради Бога уѣзжайте скорѣе и куда нибудь подальше... вотъ Тихонъ пришелъ предупредить васъ, что бы вы домой не возвращалась...

— Не возвращаться... а... что же такое?.. отчего?—съ отсутствующихъ видомъ, медленно произнося каждое слово, спросилъ Быстровъ, глядя куда то въ сторону.

— Страсть что дѣлается въ квартирѣ!.. какъ есть всю громятъ... уѣхать бы вамъ поскорѣе... по всѣмъ комнатамъ такъ и рыщутъ — васъ и ищутъ-съ... — срывающимся шопотомъ проговорилъ лакей, подходя ближе къ Быстрову.

— Уѣхать... да, да конечно... — съ неожиданной торопливостью, скороговоркой произнесъ Быстровъ, чувствуя непреодолимую потребность быть одному.— Пожалуйста че сопровождайте меня, Борисъ Игнатьевичъ,—обратился онъ къ полковнику, — я отправлюсь одинъ, къ тому же, думаю, для васъ не совсѣмъ безопасно быть подлѣ меня.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство...— поспѣшилъ забормотать полковникъ, очень довольный въ душѣ заявленію Быстрова.

— Прощайте, Борисъ Игнатьевичъ... всего лучшаго...—Быстровъ наскоро, не глядя ему въ лицо, протянулъ полковнику руку, круто повернулся и пошелъ къ выходной двери, не обращая вниманія на лакея, послѣдовавшаго за нимъ.

Онъ перешелъ площадь и направился мимо Германскаго посольства къ Исаакію, самъ не зная куда онъ идетъ. Вокругъ него улица шумѣла, толкалась, автобусы, полные вооруженныхъ людей въ солдатскихъ шинеляхъ и простыхъ черныхъ пальто пересѣкали ему дорогу. Онъ останавливался и опять машинально шелъ впередъ.

— Ваше высокопревосходительство, лучше бы вамъ укрыться куда, чѣмъ по улицѣ идти, — зашепталъ ему лакей, услышавъ въ толпѣ отборную брань по адресу министра, яко бы куда то скрывшагося. — Того и гляди кто нибудь признаетъ въ лицо . . . не лучше ли къ братцу Василію Илларіоновичу? . . . Они тутъ сейчасъ, рукой подать . . .

— Къ брату? . . . Да, да . . . это вѣрно. Надо пойти къ брату, — встрепенулся Быстровъ и пошелъ вслѣдъ за лакеемъ.

Пройдя нѣсколько домовъ онъ толкнулъ тяжелую дверь большого дома и, поднявшись въ первый этажъ, позвонилъ. Дверь открыла нарядная горничная, предварительно заглянувъ черезъ щель и не снимая цѣпи.

— Братъ дома?

— Пожалуйте съ.

Быстровъ вошелъ, снялъ на руки своего лакея пальто и безъ доклада вошелъ въ большой кабинетъ, дверь котораго выходила въ переднюю. Онъ молча опустился въ кресло рядомъ съ письменнымъ столомъ и какъ бы застылъ.

Лакей оставшійся въ передней, видѣлъ какъ братъ Быстрова торопливо прошелъ мимо двери, слышалъ какъ осторожно гдѣ то закрыли дверь и въ полголоса о чемъ то совѣтовались. Минутъ черезъ пять Василій Илларіоновичъ, менѣе видный и красивый, но все же очень схожій съ братомъ, озабоченно сдвинувъ брови, вошелъ въ кабинетъ.

— Здравствуй, Миша. Что, какова катострофа?.. Я слышалъ, у тебя въ домѣ уже форменный погромъ...— онъ подошелъ къ брату, протянулъ ему руку и, продолжая стоять, остановился противъ него.

— Да... вотъ я пришелъ къ тебѣ... если можно, то...—Быстровъ, продолжая сидѣть, поднялъ на брата безучастные потухшіе глаза.

— Послушай, Миша, но вѣдь это же крайне неосторожно,—стараясь не встрѣтиться взглядомъ, перебилъ его Василій Ларіоновичъ.—У дворника уже справлялись не являлся ли ты сюда. Каждую минуту могутъ ворваться и учинить обыскъ... Не только тебя, но и насъ съ женой арестуютъ. Ты пожалуйста не

подумай... но, видишь ли, вѣдь это рискъ... опасный рискъ... Лучше всего было бы уѣхать куда нибудь. Ты бы могъ переодѣться ну хоть въ мой охотничій костюмъ...

Быстровъ какъ бы съ усиліемъ всталъ:

— Конечно ты правъ... могутъ явится сюда... ну, тогда прощай...—онъ шагнулъ къ двери.

— Постой. Здѣсь полчаса тому назадъ звонила Марія Аполлоновна. Оставила номеръ телефона, такъ какъ она не у себя дома: у нея тоже былъ обыскъ. Можетъ быть ты позвонишь?.. Узнай гдѣ она и спроси нельзя ли туда поѣхать или... право я и самъ не знаю, что тебѣ въ данномъ случаѣ посовѣтовать... Ты все-таки позвони ей.

— Нѣтъ, не надо. Это безполезно. Туда я не поѣду, что бы ихъ не подвести, а уѣхать некуда: на Финляндскомъ вокзалѣ конечно уже за мной установлена слѣжка.

— Такъ куда же ты пойдешь?—слегка смущаясь, спросилъ Василій Илларіоновичъ.

— Не знаю... прощай.

Быстровъ, не подавая брату руки и неглядя на него, вышелъ въ переднюю и молча одѣлся.

— Имъ бы покушать чего нибудь... съ утра еще ничего не ѣли съ... кофе такъ и остался нетронутымъ...—вполголоса, наклоняясь къ уху Василія Илларіоновича, участливо, съ оттѣнкомъ укоризны, проговорилъ лакей.

— Да, да... конечно...—сконфуженно засуетился Василій Илларіоновичъ.—Пожалуйста, Миша, зайди

въ столовую, я сейчасъ распоряжусь. Отчего же ты не сказалъ мнѣ сразу?..

— Не надо, благодарю...—Быстровъ слабо махнулъ рукой и, такъ же не глядя на брата, вышелъ изъ двери, которую передъ нимъ раскрылъ Тихонъ.

Они спустились внизъ. Швейцара не было.

— Ну, ужъ не ожидалъ я такого отъ вашего братца Василія Илларіоновича,—негодующе заговорилъ Тихонъ.—Въ этакую то минуту и, какъ бы сказать, отрѣшиться отъ брата. Не по господски изволили поступить.

— Послушай, Тихонъ,—остановился Быстровъ, не отвѣчая на замѣчанія лакея и очевидно даже не слыша его.—Ты больше со мной не ходи. Оставь меня. Если меня узнаютъ, то толпа можетъ и съ тобой расправиться. Я пойду одинъ.

— Ваше высокопревосходительство, нешто я могу васъ оставить? Къ тому же и темнѣетъ, авось не доглядять...

— Нѣтъ, Тихонъ, спасибо тебѣ очень, но ужь ты лучше уходи: я буду спокойнѣе. Не знаю, что со мной будетъ, а потому, прошу тебя, возьми эти три кольца, спрячь ихъ и передай Вѣрѣ Илларіоновнѣ, когда увидишь ее. Кольца эти фамильныя.

Быстровъ снялъ съ руки три кольца громадной цѣнности и передалъ ихъ Тихону.

— Вотъ тебѣ, Тихонъ,—онъ досталъ изъ бумажника сторублевую бумажку.—Если въ туалетномъ шкапу уцѣлѣла шкатулочка, то передай ее Маріи Аполлоновнѣ. Ну, прощай, братецъ, не поминай лихомъ.—Быстровъ распахнулъ массивную дверь подъ-

ѣзда и, не слушая возраженій лакея, надвинувъ на глаза барашковую шапку, вышелъ на улицу и, пройдя нѣсколько шаговъ, скрылся, завернувъ за уголъ.

Онъ не испытывалъ ни страха передъ толпой, ни тревоги за каждую минуту своей жизни, не чувствовалъ голода, хотя съ утра ничего не имѣлъ во рту. Все въ немъ отупѣло, и всѣ чувства были парализованы. Однако мысли не унимались и все съ той же стремительностью, какъ бурная волна, набѣгали, разсыпаясь неуловимой пѣной какихъ то обломковъ воспоминаній пройденнаго пути и плановъ на уже неосуществимое будущее. Съ яркой отчетливостью онъ вспомнилъ вечеръ наканунѣ въ Царскомъ Селѣ, подписанный премьеръ-министромъ указъ о роспускѣ Думы... вспомнилъ нахлынувшее на него въ тѣ минуты сознаніе торжества и силы... вспомнилъ, какой щедрой рукой онъ раздавалъ на лѣво и на право подачки придворнымъ слугамъ, привыкшимъ къ его безпечной щедрости. Съ особенной ясностью онъ припомнилъ досадливое чувство къ секретарю, дожидавшему его пріѣзда, чтобы доложить, что были телефоны изъ градоначальства съ докладомъ о неспокойномъ настроеніи на улицахъ. Тогда онъ счелъ это пустякомъ и былъ недоволенъ на секретаря, нарушившаго на короткое мгновеніе его радостное, легкое настроеніе. Вспомнилъ ранній пріѣздъ Мэри, ея взволнованное лицо, небрежную прическу и бросившуюся ему тогда подробность— неровно подведенную чернымъ карандашомъ лѣвую бровь. Теперь, вспоминая эту несимметричную черную линію, онъ углубился въ размышленіе о томъ, что,

очевидно, она всегда подводила брови, чего онъ и не подозрѣвалъ.

— Навѣрное она и румянится и рѣсницы подводитъ, а я искренно любовался ея цвѣтомъ лица... Свадьба навѣрное не состоится... — Быстровъ силился удержаться на этой послѣдней мысли о бракѣ съ Маріей Аполлоновной, ища разрѣшенія вопроса въ возможностяхъ будушаго, но будущаго онъ не видѣлъ. Оно казалось ему темно и мертво.

Онъ очнулся отъ того, что со всѣхъ сторонъ его толкали, заграждавшіе ему путь люди. Онъ оглянулся и узналъ Невскій проспектъ подлѣ Большой Морской. Громадная толпа манифестантовъ, съ красными флагами и какими то на нихъ надписями, густымъ потокомъ двигалась вдоль улицы. Неслось нестройное пѣнье марсельезы, съ непонятными, никогда не слыханными имъ словами.

Гдѣ то совсѣмъ близко раздались ружейные залпы. Толпа не дрогнула.

— Это громятъ домъ графа Фредерикса, — пояснилъ кто то. — Говорятъ, что все разнесли и подожгли домъ.

— Такъ ему и надо. А самаго то арестовали?

— Какъ же, сидитъ уже въ Таврическомъ Дворцѣ.

— А еще кто арестованъ?

— Щегловитовъ, Хабаловъ, Питиримъ. . .

— А самый, то есть главный: Быстровъ или какъ его тамъ?

— Удралъ, говорятъ, въ Финляндію или неизвѣстно гдѣ скрывается.

— Ишь ты ловкачъ какой! . .

— Ничего, всѣхъ переловимъ...

Быстровъ слушалъ эти разговоры съ безразличнымъ и тупымъ видомъ. Когда прошла манифестація, онъ опять двинулся впередъ. Темнѣло. На Невскомъ не зажигались фонари, и патрули не пропускали больше публики. Онъ свернулъ на Садовую, оттуда пошелъ по Гороховой и, самъ не зная какъ, очутился на Измайловскомъ. На секунду онъ остановился и вдругъ почувствовалъ страшную усталость, слабость въ ногахъ и знобъ во всемъ тѣлѣ. Хотѣлось куда нибудь забиться въ теплый уголъ, закрыть глаза и забыть все, всю свою жизнь, весь блескъ и власть, казавшіеся теперь такими далекими, такими ничтожными, мишурными обманами... Онъ вздрогнулъ: его мозгъ пронизала страшная, леденящая душу мысль: у него нѣтъ дома... ему некуда идти... онъ выброшенъ на улицу... Въ этой мысли было что то до того страшное, что только въ данный моментъ со всей силой и яркостью проснулось сознаніе ужаса передъ грознымъ, неумолимо-желѣзнымъ, нѣмымъ рокомъ, опустившимъ на его плечи безпощадно-тяжелую руку. Первый разъ въ жизни онъ понялъ, постигъ всѣми глубинами мозга и души, что всесильный блестящій министръ, другъ царя и царицы, осыпанный чинами и орденами, окруженный роскошью и почетомъ для жизни, для судьбы остается все тотъ же слабый человѣкъ, котораго она въ силу какихъ то таинственныхъ законовъ логики или же въ силу слѣпого случая, бросаетъ сверху внизъ, топчетъ, унижаетъ и сравниваетъ однимъ взмахомъ его долю съ долей послѣдняго бездомнаго, иззябшаго и голоднаго бродяги. Короны царей, блескъ мундировъ,

орденовъ и звѣздъ, торжество и запой власти, пышные дворцы, могущество богатства и высокаго положенія— все это сонъ, все это сны жизни, могущіе въ одно мгновеніе разсыпаться, разлетѣться и потухнуть, какъ яркія, вздутыя вѣтромъ искры пламени. Остается одна голая душа человѣка, съ ея накопленными богатствами, дающими ей знаніе тщеты утеряннаго, покорность и силу въ сознаніи своего духовнаго я; или же—смятенная, растерянная душа, потерявшая блескъ своей внѣшней оболочки, безнадежно тонетъ и гибнетъ въ окутавшемъ ее мракѣ, не зная тѣхъ простыхъ словъ великой вѣры, передъ которыми смиряется человѣческая гордыня и величайшія горя: Да будетъ воля Твоя...

— Мнѣ холодно... я усталъ... я голоденъ...—прошепталъ Быстровъ, прислушиваясь съ недоумѣніемъ къ этимъ страннымъ, несообразнымъ съ его личностью, со всей его жизнью,—словамъ. И въ то же время онъ, съ непонятнымъ ему самому чувствомъ, настойчиво вникалъ въ ихъ значеніе, заставляя себя признать, что эти слова относятся именно къ нему, къ вчерашнему всесильному министру, утопавшему въ роскоши и въ сознаніи своего величія.

— Да, я голоденъ, и я не смѣю зайти въ ресторанъ, ни даже въ трактиръ, потому что меня могутъ замѣтить и схватить... Мнѣ холодно, я продрогъ и адски усталъ... прилечь бы, закутаться хорошенько и забыться... но мнѣ некуда идти... у меня нѣтъ больше дома... Впервые чувство холодной тоски заполнило сердце Быстрова, и дѣйствительность, съ ея роковымъ завтрашнимъ днемъ, стала выплывать передъ нимъ какъ жуткій призракъ.

— Неужели такъ идти безъ конца?! Нѣтъ, я долженъ отдохнуть, но гдѣ... гдѣ?

Въ его воображеніи начали мелькать лица знакомыхъ и друзей, у которыхъ еще вчера онъ былъ бы желаннымъ и почетнымъ гостемъ, но сегодня, сейчасъ онъ зналъ, что его появленіе вызвало бы тревогу и даже страхъ. Между тѣмъ мысль объ отдыхѣ и тепломъ углѣ всецѣло завладѣла имъ. Желаніе хотя бы только сѣсть и, закрывъ глаза, смирно сидѣть, было такъ сильно, что онъ рѣшилъ пройти къ смутно виднѣвшемуся вдали собору и тамъ сѣсть на ступеньки. Неожиданно онъ вспомнилъ, что недалеко отъ собора былъ небольшой магазинъ башмачника, брата его лакея Тихона, которому онъ помогъ стать на ноги и въ свое время ссудилъ нѣкоторую сумму денегъ для открытія собственной мастерской. Онъ заказывалъ ему ботинки, послѣ того, какъ тотъ изъ мастера крупной фирмы сдѣлался самостоятельнымъ сапожникомъ. Однажды онъ заѣзжалъ къ нему для примѣрки ботинокъ и помнилъ, что квартиру сапожникъ имѣлъ тамъ же гдѣ и магазинъ. Быстровъ рѣшилъ пойти къ нему. Отъ усталости и голода у него начали подкашиваться ноги. Улица, погруженная во мракъ, была почти пустынна. Фонари не были зажжены. Доносились выстрѣлы изъ ружей и иногда трескъ пулеметовъ. Быстровъ зналъ, что это дѣйствовали пулеметы, разставленные по его приказанію... Онъ такъ былъ увѣренъ въ непогрѣшимости свѣдѣній департамента полиціи и охраннаго отдѣленія, такъ былъ увѣренъ въ несокрушимости своей власти! И вотъ все, все исчезло, рушилось въ нѣсколько часовъ, и онъ, голодный и холодный

идетъ искать ночлега у сапожника, который съ почтеніемъ пробирался въ его домъ черезъ черный ходъ и часами ждалъ въ людской, чтобы примѣрить ему ботинки.

Быстровъ черезъ калитку прошелъ подъ ворота и потянулъ облѣзлую ручку простого висячаго звонка, задребезжавшаго отрывистымъ рѣзкимъ звукомъ. Сейчасъ же послышались за дверью шаги.

— Кто тамъ? что надо?—Быстровъ узналъ голосъ сапожника.

— Отвори Яковъ... отъ брата Тихона порученіе есть,—отвѣтилъ онъ.

Стукнулъ тяжелый болтъ, щелкнулъ двумя поворотами замокъ, и низкая дверь, обитая по краямъ вѣтхой, ободранной клеенкой,—открылась. Свѣтъ отъ маленькой керосиновой лампочки, висѣвшей сбоку на стѣнѣ, слабо освѣщая крошечную переднюю, оставлялъ въ тѣни стоявшаго у порога Быстрова.

— Что надо?—повторилъ еще разъ сапожникъ, не узнавъ его.

— Яковъ впусти меня... ты узнаешь меня?..

— Да неужели это вы, ваше высоко...

— Тише, тише... молчи. Если не боишься, то впусти поскорѣе...

— Пожалуйте... извольте... Осторожно, тутъ ступенька — не споткнитесь. — Сапожникъ посторонился, суетливо отодвигая въ сторону грязный табуретъ.— Позвольте я дверь прикрою покрѣпче, оно спокойнѣе будетъ. Прошу зайти вотъ сюда... у меня безпорядокъ, ужъ не взыщите. Только что вотъ чай пить собрался, ситнаго раздобылъ...

Яковъ былъ большого роста, неуклюжій паренъ, съ добродушнымъ блѣднымъ лицомъ, одѣтый въ потертый пиджакъ, поверхъ грязноватой синей ситцевой косоворотки. Отъ сапожнаго мастерства руки у него были всегда замазаны чѣмъ то чернымъ.

— Ты, Яковъ, одинъ или кто нибудь тутъ еще есть?—тихо спросилъ Быстровъ, войдя въ небольшую, сравнительно чистую комнату, съ низкимъ потолкомъ, желѣзной кроватью, покрытой ватнымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ ситцу, съ маленькими, выходящими на дворъ оконцами, кривымъ комодомъ, деревяннымъ у стѣнки столомъ, покрытымъ грязноватой скатертью, на которомъ шипѣлъ мѣдный, нечищенный самоваръ, горѣла лампа съ лопнувшимъ стекломъ, стоялъ только что налитый стаканъ чая, тарелка съ большимъ ломтемъ ситнаго хлѣба, грубаго стекла вазочка съ сахаромъ и на бумагѣ кусокъ колбасы.

— Какъ есть никого, окромя старухи—стряпухи на кухнѣ, да вотъ еще мальчишка подмастерье. Этотъ спать ужъ завалился на кухнѣ, а старухѣ ни къ чему. Не извольте безпокоиться, никто не прійдетъ, да я и не впущу: скажу, что голову ломитъ.

— Ты бы вотъ окна завѣсилъ, Яковъ...

— Можно и завѣсить, только вѣдь тутъ глухая стѣна передъ окнами, такъ некому и смотрѣть.

— Лучше завѣсь.

— Извольте, извольте...

Быстровъ снялъ пальто и шапку, которые Яковъ бережно положилъ на кроватъ.

— Вотъ извольте присѣсть сюда; я сейчасъ все облажу...—суетился сапожникъ, придвигая Быстрову плетеный вѣнскій стулъ и смахивая со скатерти крошки.

— Разрѣшите вамъ чайку налить, ваше высокопревосходительство.

— Пожалуйста налей; я еще ничего не ѣлъ сегодня... нельзя ли чего нибудь поѣсть достать?...— устало облокачиваясь о столъ, попросилъ Быстровъ.

— Коли не побрезгаете, есть щи отъ обѣда и каша, да вотъ ситный съ колбасой.

— Вотъ и хорошо. Ничего больше не надо. Только, Яковъ, я долженъ тебя предупредить, что меня ищутъ... не вышло бы тебѣ непріятности изъ за меня,—вяло проговорилъ Быстровъ, кладя усталую и ослабѣвшую голову на ладонь руки.

— Это намъ въ высокой степени наплевать-съ,— рѣшительно проговорилъ Яковъ, тряхнувъ головой, съ всегда всклокоченными непослушными, во всѣ стороны торчащими свѣтлыми волосами.— Съ меня взятки — гладки. Я не жандармъ и не фараонъ, занимаюсь честнымъ трудомъ, а ежели вы, мой благодѣтель, явились ко мнѣ, то мерзавецъ я буду, ежели дверь передъ вами закрою. Не извольте сумлеваться. Коли никто васъ не выслѣдилъ, то спокойно можете пребывать здѣсь. Вотъ я сейчасъ вамъ щей и кашицы принесу. Самоваръ кипитъ, можно и чайкомъ обогрѣться.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ Быстровымъ стояли тарелка теплыхъ щей и горшокъ съ остатками гречневой каши. Несмотря на подавленное состояніе,

онъ съ удовольствіемъ началъ утолять голодъ Ему было неудобно ѣсть изъ круглой деревянной ложки, онъ мочилъ усы и поминутно вытиралъ ихъ своимъ свѣжимъ надушеннымъ носовымъ платкомъ.

— Садись, Яковъ, будемъ вмѣстѣ чай пить,— обратился онъ къ сапожнику, замѣтивъ, что тотъ стѣснялся сѣсть. Яковъ сѣлъ подлѣ самовара, налилъ стаканъ чаю и подалъ его Быстрову, который, протягивая подъ столомъ усталыя ноги, поморщился отъ боли.

— Я цѣлый день на ногахъ... часа четыре ходилъ по улицамъ. Очень усталъ; вѣдь у меня ноги больныя... Да, Яковъ, вотъ какъ судьба сложилась!.. Думалъ ли я сегодня утромъ, что къ ночи буду безъ крова и прійду къ тебѣ искать ночлега...

— На все воля Божья, ваше высокопревосходительство,—сочувственно проговорилъ Яковъ. Если бы Быстровъ взглянулъ на него, то прочелъ бы въ его голубыхъ глазахъ жалость къ себѣ. Но онъ сидѣлъ понуривъ голову и полузакрывъ глаза. Страшная усталость—физическая и моральная овладѣла имъ настолько, что ему трудно было даже говорить.

— А что же братъ-то Тихонъ? Не слѣдъ ему было васъ покидать... Не хвалю его за это.

— Я самъ его отправилъ. Онъ не хотѣлъ. Было очень опасно на улицѣ. Я и самъ не зналъ, что къ тебѣ зайду.

Выпивъ два стакана горячаго чаю, Быстровъ вспомнилъ, что за весь день онъ, привыкшій очень много курить, не выкурилъ ни одной папиросы. Онъ досталъ

прекрасный золотой портъ-сигаръ, закурилъ папиросу, но бросилъ недокуривъ.

— Знаешь что, Яковъ? Я смертельно усталъ. Дай мнѣ лечь.

— Съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ. Я сейчасъ настелю вамъ другую простынку, а вотъ насчетъ одѣяльца, ужъ я и не знаю...

— Да ты не хлопочи: я укроюсь своимъ пальто. А гдѣ же ты самъ ляжешь?

— А рядомъ въ мастерской на лавкѣ. Тамъ преотлично-съ. Къ тому-же на работу завтра никто не прійдетъ. Можно спать хоть до полудня.

Яковъ настелилъ на твердый матрасъ вынутую изъ комода свѣжую простыню, надѣлъ на подушку ситцевую пеструю наволочку, убралъ самоварь, пожелалъ Быстрову спокойной ночи и вышелъ изъ комнаты, прикрывъ за собой дверь. Быстровъ раздѣлся на половину, потушилъ лампу и легъ, натянувъ на себя теплое пальто. Такъ велико было его переутомленіе физическое и моральное, что иззябшему, усталому тѣлу, привыкшему къ мягкой постели со свѣжимъ тонкимъ полотнянымъ бѣльемъ, показалось хорошо и спокойно на жосткой койкѣ, съ сомнительной чистоты простыней. Безконечное теченіе мыслей, долбившихъ весь день какъ молотомъ его голову, вдругъ сразу пріостановилось, и онъ, довольный, что ему больше не холодно, что не надо идти безъ конца по улицѣ, что можно, все забывъ, заснуть, уйти отъ жизни, окунуться въ небытіе,—сталъ такъ же какъ и наканунѣ погружаться въ теплую и темную мглу дремоты, но, пока окончательно заснулъ, весь вздрагивалъ и, на мгновеніе широко

открывъ глаза, вдругъ вспомнивъ весь ужасъ совершившагося, къ чему то прислушивался съ трепетно бьющимся сердцемъ.

На другое утро онъ проснулся отъ задребезжавшаго у входной двери звонка. Этотъ новый, непривычный для его слуха звукъ и внутренность убогой комнаты, освѣщенной бѣлесоватымъ свѣтомъ, проникавшемъ со двора сквозь грязноватыя занавѣси, сразу вернули его къ дѣйствительности. До него доносился сдержанный голосъ сапожника, съ кѣмъ то переговаривавшагося. Ему пришло въ голову, что не о немъ ли идетъ рѣчь? Эта мысль не вызвала въ немъ чувства страха. Такъ же какъ и наканунѣ всякая энергія къ противудѣйствію въ немъ вымерла, и глубокая апатія ко всему, что могло его постичь, всецѣло завладѣла имъ. У него болѣла голова отъ душнаго спертаго воздуха. Онъ почувствовалъ, что почти совсѣмъ не отдохнулъ, хотя спалъ крѣпко, и что ноги у него болѣли. Однако онъ всталъ и, пріоткрывъ дверь, тихо позвалъ Якова. Тотъ сейчасъ же явился на зовъ, принесъ ему глиняную чашку съ водой для умыванія, кусокъ простого желтаго мыла и неглаженное жесткое полотенце съ вышитой красной каймой.

— Кто это къ тебѣ звонилъ, Яковъ?—спросилъ Быстровъ, приглаживая карманной щеточкой намоченные волоса.

— Я и то собирался предупредить васъ, ваше высокопревосходительство,—не глядя на Быстрова, понизивъ голосъ, заговорилъ Яковъ.—Боюсь, какъ бы не пронюхали черти. Ишь, дворникъ приходилъ. Кто, молъ, ночуетъ у тебя? Я ему говорю, что изъ минис-

терскаго дома знакомый курьеръ, потому, значитъ, квартеру разграбили, и всѣ разбѣжались. А онъ мнѣ на это: берегись, молъ, какъ бы курьера твово ни запопали да въ Таврическій ни сволокли бы... Одно могу сказать, что пронюхали черти. Да вы не извольте сокрушаться, выпейте чайку, и я васъ сведу къ знакомой банщицѣ. У нея завсегда гости ночуютъ, такъ вамъ совершенно безопасно будетъ у нея денекъ—другой сокрыться, а дворникъ тамъ ейный братъ родной. Онъ задушевный человѣкъ, ни за что не выдастъ, ей-Богу.

— Спасибо, Яковъ, что хочешь помочь мнѣ, но это не надо. Я сейчасъ выпью у тебя чаю и уйду. Можетъ быть удасться къ Финляндскому вокзалу пробраться, а если нѣтъ, то отъ судьбы все равно не убѣжишь.

— Такъ то это такъ, а все же не слѣдъ самому на рожна лѣзть. Лучше бы вамъ денекъ-другой схорониться вотъ хоть у банщицы.

— Не надо, Яковъ, не хлопочи.

Быстровъ, выпивъ чай, надѣлъ пальто и шапку, вынулъ изъ бумажника двѣ двадцатипятирублевыхъ, положилъ ихъ на столъ, поблагодарилъ Якова за гостепріимство и, никѣмъ не замѣченный, вышелъ изъ подъ воротъ, а оттуда на улицу.

День былъ тусклый, безъ солнца. Слегка морозило. Быстровъ, самъ не зная для чего, вышелъ на Забалканскій и повернулъ на Загородный. Улицы имѣли тотъ же видъ, что и наканунѣ, хотя въ суетливомъ движеніи толпы чувствовалась большая увѣренность. Чѣмъ онъ больше приближался къ Невскому, тѣмъ многочисленнѣе была толпа, кишѣвшая на панеляхъ и на мостовыхъ. Больше всего было солдатъ. Защитный цвѣтъ пре-

обладалъ, давая всей этой движущейся массѣ однотонный унылый колоритъ. Много было рабочаго класса и всего меньше интеллигенціи. Автомобили и грузовики, сильно вооруженные винтовками и шашками, суетливо мчались въ сторону къ Литейному проспекту и оттуда. Всюду были развѣшаны красные флаги; медленно продвигались въ толпѣ красно-крестные автомобили.

Съ обычной безпечностью къ опасности, Быстровъ, шагъ за шагомъ, сливаясь съ толпой, вышелъ на Литейный проспектъ. Промчавшіеся два автомобиля разсыпали печатные листки. На одномъ изъ перекрестковъ улицъ матросъ читалъ вслухъ содержаніе листка, окружившей его толпѣ. Быстровъ приблизился и сталъ вслушиваться. Это было воззваніе къ народу о томъ, чтобы силы не ослабѣвали, потому что «гидра» будетъ дѣлать попытки захвата власти, что нужна организованная борьба до конца или же смерть, что будетъ введенъ восьмичасовой трудъ, что земли будутъ отобраны въ пользу народа, что будетъ утверждена республика.

Онъ слушалъ эти побѣдные лозунги революціи и ему казалось почти невѣроятнымъ, что еще тридцать шесть часовъ тому назадъ существовала иная Россія, иная власть, иные принципы... Послѣ окончанія чтенія, солдатъ Литовскаго полка, жестикулируя и бахвалясь, разсказывалъ, какъ ихъ командиръ былъ насквозь проткнутъ штыкомъ.

Отойдя отъ этой группы, Быстровъ услышалъ разговоръ о томъ, что арестованъ градоначальникъ и командующій петроградскимъ гарнизономъ.

— Всѣхъ сыщимъ... всѣхъ судить будемъ...— говорили въ толпѣ.

— Изъ Кіева и Пскова къ намъ полки идутъ,— заявлялъ солдатъ проходившимъ мимо рабочимъ.

— А почему Николаевскій вокзалъ горитъ?

— Жандармовъ арестовали тамъ, они и подожгли.

Со стороны Бассейной неслась ружейная пальба. Говорили, что это изъ оконъ какого то дома стрѣляетъ засѣвшая тамъ полиція. Возлѣ Пантелеймоновской улицы толпа шарахнулась всторону, такъ какъ стрѣляли съ колокольни собора Спаса Преображенія. Всѣ сбились кучами по угламъ, громко выражая раздраженіе. Солдаты отправились на развѣдки, но стрѣльба продолжалась.

— Это полиція жаритъ... Снимаютъ ихъ, а все еще много осталось. Всѣхъ ихъ перестрѣлять надо— негодовала толпа.

...Уррраа... уррра!—неслось вдоль улицы отъ приближающейся густой толпы, образующей вначалѣ живую цѣпь вокругъ распяленнаго на двухъ древкахъ краснаго знамени. «Да здравствуетъ свобода» гласили большія бѣлыя буквы, четко выдѣляясь на красномъ фонѣ кумача. Нестройное пѣнье марсельезы не выражало ликующаго восторга, который геніальный творецъ влилъ въ эти побѣдоносные звуки.

— Что же теперь будетъ съ Россіей?—думалъ Быстровъ, недоумѣвая передъ совершающимися событіями.—Въ чемъ же будетъ ея мощь? Вѣдь у порога стоитъ врагъ... Распадъ силъ въ такую страшную минуту!.. Какъ случились, что мы не удержали Россію отъ этого страшнаго шага?! Она погибнетъ... Народъ теменъ и дикъ... Боже мой, какъ же мы допустили до этого?!—спрашивалъ себя Быстровъ, охваченный тоской и отчаяніемъ.—Но что же надо было дѣлать?

Какъ и когда?..—Неожиданно для самаго себя Быстровъ вдругъ понялъ, что въ ходѣ историческихъ событій отдѣльныя единицы не властны управлять законами движенія міровъ, народовъ и государствъ. Имъ, какъ отдѣльнымъ частицамъ гигантскаго механизма, удѣлены свои скромныя и слѣпыя роли, выполняя которыя они, сами того не вѣдая, двигаютъ механизмъ по пути его законной эволюціи.

— Чтожъ, погибнетъ Россія, но погибнетъ ли народъ? Погибнетъ ея мощь, чтобы, быть можетъ, воскреснуть вновь на пеплѣ сожженнаго величія... Такъ гибли государства, народы... кто знаетъ?! всему свой конецъ... А при чемъ тутъ я и моя мнимая власть?!. Вотъ одинъ порывъ, одинъ взмахъ рокового колеса судьбы народной, и я низвергнутъ, я—ничто... Что моя жизнь и мои стремленія для славы Россіи, для славы царя?! Гдѣ царь? пріѣдетъ ли сюда или ждетъ тамъ—въ ставкѣ?..

Быстровъ очнулся отъ своихъ мыслей въ концѣ Литейной. Со стороны Захарьевской черный густой дымъ валилъ изъ оконъ Окружного Суда. Зданіе, съ обгорѣлыми, зіяющими окнами, сквозь которыя виднѣлось пламя, съ провалившейся крышей, имѣло жуткій видъ. Напротивъ него бездѣйствовалъ артиллерійскій заводъ, съ выбитыми окнами, съ соломой и кипами рваныхъ бумагъ подлѣ зданія.

Въ густой толпѣ передъ горящимъ зданіемъ суда-стоя на вооруженномъ автомобилѣ, что то выкрики, валъ истерично - срывающимся голосомъ, солдатъ. Быстровъ прошелъ мимо и свернулъ на Шпалерную, гдѣ толпа была еще гуще.

— Везутъ!.. везутъ!..—раздались крики подъ грохотъ подъѣзжавшаго грузовика. Быстровъ поднялъ голову. Среди вооруженной толпы солдатъ, густо насѣвшей въ грузовикѣ, нельзя было различить лица арестованнаго.

— Военнаго министра везутъ... Шуваева... такъ и надо!.. Всѣхъ ихъ... Воронье гнѣздо!.. Много чести везти: пусть бы пѣшкомъ волокли, ноги бы промять не мѣшало, — слышались со всѣхъ сторонъ недружелюбные возгласы.

— А главнаго-то арестовали: Быстрова?

— Вчера арестовали. Сидѣлъ запрятавшись въ какихъ то складахъ.

— Врешь. На Финляндскомъ вокзалѣ поймали...

— Быстровъ скрылся. Его нигдѣ не могутъ найти.

— Изловятъ!..

Быстровъ слышалъ всѣ эти разговоры, и въ его омертвѣвшемъ сердцѣ не дрожала ни одна струна, такъ же какъ и въ лицѣ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Прошлая жизнь исчезла вся и безслѣдно, а впереди онъ видѣлъ мракъ и смерть, передъ которыми онъ стоялъ уже безразличный, полумертвый.

На площади передъ Таврическимъ дворцомъ кишѣлъ настоящій муравейникъ. Солдаты и люди въ различныхъ формахъ, съ красными перевязями на рукавахъ или съ бантами на груди, сновали, шумѣли, отдавали распоряженія. Автобусы и грузовики пыхтѣли и шипѣли, раздвигая толпу. Брацало оружіе, сверкали штыки, разлетались по вѣтру, бросаемые сверху чугунной ограды, печатные листки, слышались отдаленные выстрѣлы, сливались въ общемъ хаосѣ напряженные

призывы къ порядку, къ планомѣрному выполненію предписаній.

— Зарянко выходилъ говорить?.. что онъ говорилъ?— спрашивали въ толпѣ, окружавшей плотной стѣной чугунную рѣшотку Таврическаго дворца.

Быстровъ прошелъ за ограду, не ускоряя шага поднялся по каменнымъ ступенямъ и вошелъ вмѣстѣ съ толкающими его, быстро входившими и выходившими людьми въ среднюю большую дверь. Онъ подошелъ къ стоявшему, очевидно, на дежурствѣ, вооруженному солдату:

— Проведите меня къ Зарянкѣ.

— Пройдите вотъ туда. Тамъ вамъ скажутъ,— указалъ солдатъ на верхъ.

Быстровъ, безъ мыслей, безъ воли, безъ желаній, какъ автоматъ поднялся по загрязненной слѣдами сотенъ ногъ — лѣстницѣ и обратился къ стоящему на площадкѣ у небольшого стола студенту. Онъ повторилъ ему свою просьбу.

— Зарянко только что выѣхалъ.

— Въ такомъ случаѣ арестуйте меня: я—Быстровъ,—проговорилъ онъ безстрастнымъ голосомъ, глядя безучастнымъ потухшимъ взглядомъ куда то въ одну точку мимо лица студента.

— Вы — Быстровъ? — какъ бы не вѣря глазамъ, переспросилъ студентъ.

— Да... арестуйте меня, — повторилъ Быстровъ и, опустивъ глаза, устало понурилъ голову.

Конецъ первой части.

Типографія Отто Древицъ, Berlin SW 61, Gitschinerstr. 106.